

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 50

УДК81
ББК 81
Я410

Р е д к о л л е г и я :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук М.Л. Ковшова,
доктор филол. наук В.В. Красных, канд. филол. наук И.В. Зыкова, И.В. Захаренко

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Мнения членов редколлегии могут не совпадать с мнениями авторов статей

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2014. –
Вып. 50. – 370 с.

ISBN 978-5-317-04681-1

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы комму-
никации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном
аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое
внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в осо-
бенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия
художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей,
научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 50 / Barkhudarova, E.L., Bub-
nova, I.A., Izotov, A.I., Kovshova, I.A., Krasnykh, V.V., Zyкова, I.V., Zak-
harenko, I.V. (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2014. - 370 p.

The present issue includes articles which consider the most important prob-
lems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics
and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguis-
tics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04681-1

© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Ковшиова М.Л.</i> Вместо предисловия	8
<i>Артемова О.А.</i> Вербализация метрических характеристик в белорусской и английской фразеологии = <i>Artiomova, O.A.</i> The Verbalization of Metric Characteristics in Belarusian and English Phraseology	23
<i>Баранов А.Н., Добровольский Д.О.</i> Речевые формулы в языке Достоевского: семантические и прагматические факторы = <i>Baranov A.N., Dobvol'skij D.O.</i> Speech Formulae in Dostoevskij's Language: Semantics and Pragmatics	32
<i>Берестнев Г.И.</i> Культурные концепты в метаописании семантики сновидений = <i>Berestnev G.I.</i> Cultural Concepts in Metadescription of Meaning of Dreams	38
<i>Величко А.В.</i> Культурологический анализ фразеологизированных предложений русского языка = <i>Velichko A.V.</i> Culturalogical Analysis of Phrazeologized Sentences in Russian Language	40
<i>Верецагин Е.М.</i> Трансплантация иной культуры и реакция воспринимающего языка = <i>Vereščagin E.M.</i> Transplantation of a Foreign Culture and Reaction of the Recipient Language	48
<i>Вознесенская М.М.</i> Мокрая курица vs. wet hen (о зооморфном коде культуры в русской и английской фразеологии) = <i>Voznesenskaya M.M. Mokraya Kuritsa vs. Wet Hen (On Zoomorphical Code in Russian and English Phraseology)</i>	56
<i>Добросклонская Т.Г.</i> Лингвокультурная глобализация и способы передачи культурозначимой информации в медиатекстах = <i>Dobrosklonskaya T.G.</i> Linguoculturological Globalization and Representation of Culture-Specific Information in Media Texts	64
<i>Дорошенко А.В.</i> Лингвокультурологический феномен интертекстуальности = <i>Doroshenko A.V.</i> Linguocultural Phenomenon of Intertextuality	71
<i>Дронов П.С.</i> Почивать на лаврах: варьирование и оттенки значений в русском, английском и испанском языках = <i>Dronov P.S. Počivat' na Lavrah (To Rest on One's Laurels):</i>	

Variation and Nuances of Meanings in Russian, English and Spanish.....	78
<i>Желтухина М.Р.</i> Социокультурная специфика комического на примере русских и турецких анекдотов = <i>Zheltukhina M.R.</i> Sociocultural Specifics of the Comic on the Material of the Russian and Turkish Jokes	82
<i>Жуков А.В.</i> К вопросу о мотивировке и выводимости идиом = <i>Zhukov, Anatoliy V.</i> On Idioms Motivation and Deducibility.....	93
<i>Заботкина В.И.</i> О взаимосвязи картины мира и культурноносных смыслов в слове = <i>Zabotkina V.I.</i> Towards Interrelation between the Worldview and Cultural Components of Word Meaning	101
<i>Зыкова И.В.</i> О типах культурной информации во фразеологическом знаке = <i>Zykova I.V.</i> On Types of Cultural Information in Phraseological Signs	108
<i>Калёнова Н.А.</i> Фразеологическая единица как транслятор культурной информации в эпистолярном дискурсе = <i>Kalyonova N.A.</i> Phraseological Unit as Translator of Cultural Information in the Epistolary Discourse	117
<i>Карпенко Е.И.</i> Юдифь: народная героиня или <i>femme fatale</i> ? (о культурной семантике немецких библеизмов) = <i>Karpenko E.I.</i> Judith: Folk Hero or <i>Femme Fatale</i> ? (On Cultural Semantics of German Bibleisms).....	126
<i>Катермина В.В.</i> Национальный язык и национальная культура как объект изучения лингвокультурологии = <i>Katermina V.V.</i> National Language and National Culture as an Object of Study of Linguoculturology	134
<i>Кацюба Л.Б.</i> Паремии концептосферы <i>пьянство</i> в современном русском языковом сознании = <i>Katsyuba L.B.</i> Proverbs Containing Concepts of <i>Binge Drinking</i> in the Modern Russian Language Consciousness	138
<i>Киосе М.И.</i> Аспекты языковой категоризации непрямых текстовых номинаций = <i>Kiose M.I.</i> Aspects of Language Categorization in Indirect Textual Nominals	145
<i>Ковалёва О.Н.</i> Лингвокультурологический анализ английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности = <i>Kovaleva O.N.</i>	

Linguoculturological Analysis of English and Russian Phraseological Units Containing Evaluation of Professional Activity	152
<i>Ковшова М.Л., Хоанг Тхи Фьонг Ха</i> Эмоция «удивление» и способы ее концептуализации в русской и вьетнамской фразеологии = <i>Kovshova M.L., Phuong Ha</i> The Emotion of <i>Surprise</i> and the Ways of its Conceptualization in Russian and Vietnamese Phraseology	159
<i>Красных В.В.</i> Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) = <i>Krasnykh V.V.</i> Some Basic Concepts of Psycho-Linguo-Cultural Studies (in the Development of V.N. Teliya's Ideas)	167
<i>Лазуткина Е.М.</i> Дейктические параметры и грамматика фразеологизмов = <i>Lazutkina E.M.</i> Indicative Parameters and the Grammar of Idioms	176
<i>Левицкий А.Э.</i> Прагматические идиомы как маркеры общения в современной английской лингвокультуре = <i>Levitsky A.E.</i> Pragmatic Idioms as Communication Indicators in Present-Day English Speaking Culture	184
<i>Масленникова Е.М.</i> Временная осложнённость культурно- маркированных фразеологизмов в художественном тексте = <i>Maslennikova E.M.</i> Temporary Complications of Culturally Marked Idioms in Fiction	192
<i>Маслова В.А.</i> Концепция экспрессивности В.Н. Телия: пути развития = <i>Maslova V.A.</i> V.N. Teliya's Conception of Expressiveness: Ways of Development	200
<i>Маюк Е.П.</i> Функционально-семантические характеристики неопределенно большого количества в белорусских и английских паремиях = <i>Mayuk E.P.</i> Functional Semantic Features of Indefinitely Great Quantity in Belarusian and English Proverbs	208
<i>Мед Н.Г.</i> Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом = <i>Med</i> <i>N.G.</i> National-Cultural Specifics of Spanish Phraseological Units with a Gastronomic Component	216
<i>Мещерякова О.А.</i> О дискурсивных факторах формирования культурной семантики светообозначений = <i>Meshcheryakova</i>	

<i>O.A.</i> Discourse Factors in Building Cultural Semantics of Light Denotations	223
<i>Михайлова Т.В., Михайлов А.В.</i> «Вера и правда», «гроза»: культурно-исторические смыслы политических текстов Древней Руси = «Faith and Truth», «Groza»: Cultural and Historical Senses of Political Texts of Ancient Russia	230
<i>Никитина С.Е.</i> О взаимодействии веры, культуры и языка в конфессиональных сообществах = <i>Nikitina S.E.</i> The Interaction of Faith, Culture and Language in Religious Groups	237
<i>Ничипорчик Е.В.</i> О методах декодирования культурноносных смыслов паремиологических единиц = <i>Nichyporchyk E.V.</i> About the Methods of Decoding Culturally-Significant Senses of Paremiological Units.....	245
<i>Пикалова В.В.</i> К вопросу о концепте <i>нормы речевого поведения</i> в паремиях русской и английской лингвокультур = <i>Pikalova V.V.</i> <i>Verbal Behavior Norms</i> in English and Russian Paremiological Units.....	253
<i>Постовалова В.И.</i> Гипотеза лингвистической относительности в современном гуманитарном познании = <i>Postovalova V.I.</i> The Linguistic Relativity Hypothesis in the Modern Humanities.....	260
<i>Радбиль Т.Б.</i> Национально-культурный компонент в когнитивной модели ситуации = <i>Radbil T.B.</i> The National-Cultural Component in Cognitive Model of Situation	272
<i>Саакян Л.Н.</i> Эвфемистический потенциал фразеологических единиц (на примере фразеологизма <i>места не столь отдаленные</i>) = <i>Saakian L.N.</i> Euphemistic Potential of Phrasemes' and Idioms (Analysis of the Phraseme "Not So Far Away" – "Up the River").....	280
<i>Северская О.И.</i> Поэтические трансформации общезыковой фразеологии (национальное и интернациональное) = <i>Severskaya O.I.</i> Poetic Transformation of Phraseological Units (National and International).....	288
<i>Семенова С.Ю.</i> О некоторых тенденциях в русской языковой игре последних лет = <i>Semenova S.Ju.</i> Some Trends of the Last Years Russian Linguistic Game.....	297
<i>Склярская Г.Н.</i> Сердце как орган познавательной и мыслительной способности человека: к вопросу о	

семантической структуре слова <i>сердце</i> в Священном писании = <i>Sklyarevskaya G.N. Heart as the Organ of Cognitive and Intellectual Ability of Man: On the Question of Semantic Structure of the Word Heart in The Holy Scripture</i>	303
<i>Смирнова В.Г.</i> Природа метафоры А. Платонова = <i>Smirnova V.G. The Nature of A. Platonov's Metaphor</i>	313
<i>Сурикова О.Д.</i> Идеографическое своеобразие лексики с приставкой <i>без-</i> в русской языковой традиции = <i>Surikova O.D. Ideographic Specifics of Words with Prefix Bez- in Russian Linguistic Tradition</i>	323
<i>Токарев Г.В.</i> Лингвокультурный уровень: безденотатные единицы = <i>Tokarev G.V. Linguocultural Level: Entities Without Denotation</i>	332
<i>Фалчари С.М.</i> Рождественский рассказ конца XX века: Виктория Токарева = <i>Falchari S.M. Features Christmas Story of the Late 20th Century: Victoria Tokareva</i>	336
<i>Чалей О.В.</i> К вопросу о соотношении концепта и лексического значения слова = <i>Chaley O.V. Revisited Correlation between Concept and Lexical Meaning of the Word</i>	344
<i>Эмирова А.М.</i> Гендерная оппозиция в крымскотатарской фразеологии = <i>Emirova A.M. The Gender Opposition in the Crimean-Tatar Phraseology</i>	352
Труды Вероники Николаевны Телия	357
Авторы выпуска / Authors	366

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Пусть вместо предисловия прозвучит голос Вероники Николаевны Телия – доктора филологических наук, профессора, известнейшего теоретика языка, фразеолога и лексикографа с мировым именем, создателя новой, лингвокультурологической, парадигмы во фразеологии.

Это – цитаты из работ В.Н. Телия, освобожденные от кавычек и сносок. Её идеи, её мысли, обращенные к коллегам, ученикам, единомышленникам. Пусть они прозвучат не из прошлого, а из настоящего – так пишет наш постоянный собеседник, в диалоге с которым ученые различных направлений ведут исследовательский поиск на пути к научной истине.

Фразеологизмы – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов.

В каждом языке существуют единицы, образующие его номинативный инвентарь и правила комбинации этих единиц в сочетания. Этой языковой универсалии противостоит столь же универсальный феномен «обратного порядка»: в каждом языке существуют синтаксические структуры, в чем-то отклоняющиеся от общих и регулярных правил комбинации номинативных единиц и представляющие... лексико-синтаксические «аномалии», узаконенные в данном языке узусом употребления, жестко фиксируемыми нормами.

Косвенная номинация – это способ именованя, при котором связь между действительностью и названием всегда опосредуется другим отношением именованя, воздействие которого на формирование косвенного наименования осуществляется в самом процессе семиозиса.

Национально-культурная специфика актов номинации, рассчитанных на эмотивно-аксиологический эффект, является сердцевинной иерархии структур, образующих экспрессивно окрашенное наименование.

Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях.

...идиомы как знаки в своем основном большинстве не приспособлены к функции обозначения объектов из мира «Действительное», поэтому их денотация диффузна, в ней часто пересекаются признаки разных классов... идиомы, пройдя через метафорический фрейм, «обречены» на бифуркацию денотативного аспекта значения.

...типичное представление – итог категоризации двух фреймов, создает его *диффузность*, так как здесь важны не классообразующие признаки объекта обозначения и его четкие границы, а скорее указание на принадлежность к специфическим членам класса.

...денотация «вбирает» в себя все объективное содержание, соотносимое с классом обозначаемых... а коннотация – содержание субъективное, непосредственно соотносимое с «человеческим фактором» в его когнитивно-психологическом проявлении.

Коннотация... семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект.

...большинство фразеологизмов-идиом выполняет функцию знакового замещения не только самого объекта обозначения, но и отношения к этому объекту со стороны субъекта... знаковая функция основного массива идиом-фразеологизмов... состоит в «замещении» чувств-отношения говорящего к обозначаемому (где номинативный план – само обозначаемое «перекрыто» этим чувством отношением, занимающим «верхинную» позицию в отображении действительности)...

...само образное содержание фразеологизмов может служить «подсказкой» для культурно-национальной интерпретации.

...можно сформулировать еще одну важную для лингвокультурологического анализа гипотезу: эмотивность, или эмотивная коннотация, – это не только след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения, который сам по себе также вызывает психологическое напряжение, но еще и результат интерпретации образного основания в категориальном пространстве установок культуры и ее «идеалов»: гармония с этими установками выражается в спектре положительных чувств-отношений в диапазоне одобрения, а дисгармония – в диапазоне неодобрения (презрения, осуждения, пренебрежения, унижения и т. п.)

Формирование и употребление идиом протекает в более широком контексте, чем внутренние законы развития языка, а именно – в контексте антропологической парадигмы, рассматривающей, в частности, включенность языковой личности в культуру как ее субъекта.

Языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в резуль-

тате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. Сама метафора «языковая картина мира» говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последняя входит в их содержание в форме различного рода более или менее устойчивых коннотаций, указывающих на языковой источник формирования гносеологического образа, «привязывая» его тем самым к данному языку.

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. ... проблема языковой картины мира теснейшим образом связана с проблемой метафоры как одним из способов ее создания... выбор того или иного образа-мотива метафоры связан не просто с субъективной интенцией творца метафоры, но еще и с тем или иным его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его картине мира.

Культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Культурные ценности – это смыслы ее собственных категорий и установок, которые могут быть представлены в виде ментальных моделей.

Ценность определяется субъектом оценки и реципиентом с позиций их ценностно ориентированной шкалы норм и стандартов (или стереотипов), что соответствует ценностной картине мира данной «языковой личности» (отсюда – возможность разной оценки именно обозначаемого...). Вообще же оценка, будучи ориентированной на субъекта ценностной картины мира, – фактор всегда субъективный, даже при общепринятых канонах.

Языковая память не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры...

Но культура – это прежде всего процесс и продукт самопознания, нацеленного на установление факта идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в этих процессах и продуктах как мерило собственно человеческого в деятельности, т. е. как ценности её ценности: культурные ценности – это смыслы ее собственных категорий, установок, стереотипов, эталонов и т. п. Языковое сознание также сопричастно мировоззрению, которое фиксируется в языке в виде ментальных моделей «наивной», или обыденной картины мира... Факты культуры как «элементы» моделей мира внедряются в языковое сознание в процессах номинации, создающей языковую картину мира или же его образ (когда номинация производит образно мотивированные языковые сущности).

Под культурой мы понимаем способность человека к ориентации в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе знания эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т. п. как своего рода образцов-прототипов категорий культуры, образующих ее язык.

Культура – это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта – трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий.

...культура есть один из внеязыковых миров, концептуализируемых языком и обретающих в его формах свое знаковое бытие.

Взаимодействие языка и культуры проявляется в способности языка воплощать выделенные в культуре и облеченные в характерные для нее знаковые формы категории, образующие концептосферу культуры, теми средствами и способами, которые характерны для языка как особой, отличной от культуры знаковой системы, с одной стороны, а с другой – в способности концептов культуры или концептообразующих их признаков воплощаться в знаковые средства естественного языка.

...именно культурная память образа, мотивирующего значение фразеологизма, служит той «нишей», в которой культура живет во фразеологизмах как языковых знаках, создавая предпосылки для непрерывного взаимодействия в них двух разных знаковых систем – языка и культуры, между которыми, как уже отмечалось выше, нет прямой корреспонденции.

Проблема непереводимости в языке – это прежде всего проблема несводимости культурных идиом, а не онтических картин мира.

Предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры... ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке.

Под культурной референцией понимается соотнесение знаковых фрагментов текстов естественного языка с «языком» культуры; степень владения «опознавания» в языковых сущностях культурно значимых установок характеризует культурно-языковую компетенцию субъекта речи, что предопределяет способность к культурной референции, а также ту или иную глубину когнитивной по своему характеру процедуры культурной интерпретации языковых сущностей.

...культурно-языковая компетенция мыслится нами как владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифи-

цируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации.

Субъект культурно-языковой компетенции – это полифонический носитель языка, находящийся как бы «внутри» используемых им когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной (в смысле Б.А. Серебренникова) обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощенной в формы языковых знаков

Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Овладение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция, которая усваивается вместе с овладением языка, а через него – с текстами культуры... это лежит в основе релятивизации языковых значений к фактам культуры.

Степень владения субъектами культуры и языка интертекстуального «опознавания» в языковых сущностях культурно-значимых для них установок... характеризует «уровень» культурно-языковой компетенции.

...единицы симболария культуры... совокупность знаков, означающими которых служат (или изначально служили) таксоны того или иного ее кода, а означаемые обладают культурной семантикой, в которую входят: 1) культурные семы, т. е. культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика, социально маркированные реалии), которые являются предметом рассмотрения лингвострановедения; 2) культурные концепты, значения которых – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей; 3) культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе; 4) культурные коннотации – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры.

...культура оставляет свой «след» в коннотации языковых знаков...

...лингвокультурологические исследования, посвященные культурно-национальному аспекту языковых сущностей, должны включать в себя и сведения о характерологических чертах менталитета, содержание которых проявляется в культурной коннотации.

Содержание культурной коннотации видится в ценностно осмысленных установках культуры, т. е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека...

Культурная коннотация понимается как результат интерпретативно-концептуализирующего соотнесения естественно-языковой семантики с

различными слоями области констант культуры: с культурными концептами, символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т. п., воплощенными в форму содержания и/или форму выражения двусторонних языковых сущностей.

Тезаурус культуры – это таксономическое представление концептуального содержания текста.

Текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет (или имела) место культурно маркированная деятельность.

Соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом... составляет... содержание культурно-национальной коннотации, которая и придает культурно значимую маркированность не только значениям фразеологизмов или слов, но и смыслу целых текстов.

Код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений. Напр., вещный или акциональный код ритуальных форм поведения, космологический или зоологический, в частности звериный, код мифа, код христианства, код «идеологем» романтизма или соцреализма и т. д. Кумулятивно-преемственная природа сознания хранит в своей окультуренной коллективной памяти эти коды и смысл образующих их таксонов.

Обращение к кодам культуры имеет своей целью выявить и описать тот «строительный материал», который соответствует культурному смыслу образной структуры фразеологизмов, соотносимой в языке с метафорой, метонимией, синекдохой, гиперболой и под.

...необходимо выявить все способы проявления культурно маркированных сигналов в составе фразеологических знаков и установить их соотношение с тем или иным кодом культуры и его «языком»...

В отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно «замещает» некоторую идею.

...стереотип как категория симболярия культуры оставляет в них след в виде устойчиво воспроизводимой по смыслу и форме рефлексивно-интерпретирующей связи с установками культуры и тем самым придает этим выражениям культурно-смысловую емкость...

Воспроизводимость – это следствие инкорпорации в формах естественного языка сущностей, коннотативно-знаковый смысл которых принадлежит культуре и ее «языку»... Именно благодаря инкорпорации создается феномен устойчивости такого рода языковых сущностей и характерные для организации текста дискурсивных практик способы, а также их известность носителям языка и те интертекстуальные ассоциации, или линии «смысловых связей» (по Р. Барту), которые отображают культурный смысл этих языковых структур – социальный и духовный, восходящий к архетипическим, мифологическим и т. п. слоям такого рода смыслов или к другим пластам-эпохам культуры...

Фразеологизмы – наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные выполнять роль знаков «языка» культуры... отображают «окультуренное» мирозерцание природы, межличностных и социально-групповых отношений, а также осознание своего «Я» как личности, эмоционально переживающей все, что имеет место или происходит в мире, воспринимающей его не только разумом, но и духовно – как нравственные установки.

...фразеологизмы являются самым ярким культуросносным слоем языковых единиц.

Фразеологизмы ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и... в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

Благодаря живодействующей ассоциации между образом, лежащим в основе фразеологизма, и языковым его значением, с одной стороны, а с другой – с его «культурной семантикой»... фразеологизмы способны выступать в роли материально-идеальной «оболочки» для знаков «языка» культуры.

...«язык» культуры – это «разноуровневая» знаковая система, образуемая ее текстами, их тезаурусами, кодами и симболярием.

Благодаря всегда образному основанию фразеологизмов, отображающему мировидение народа – носителя языка, запечатленному во внутренней форме или в форме содержания «буквального» их значения, которое просвечивает через материальную (звуковую или графическую) оболочку фразеологизмов и служит для них обозначающим знаком, языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры.

Необходимо... выявить во фразеологизмах как языковых знаках репертуар воплощенных в их форму и содержание культурных смыслов, выделить те средства и способы, на основе которых возможна интерпретация фразеологизмов в контексте культуры, и на этой основе определить их роль как знаков «языка» культуры.

Для решения методологических проблем исследования фразеологического состава языка в контексте культуры необходимо решить в первую очередь следующие задачи: (1) выявить все *способы проявления культурно маркированных сигналов* в составе фразеологических знаков и установить *их соотношение с тем или иным кодом культуры и его «языком»*; (2) уточнить на этой основе понятие *культурной коннотации*, содержанием которой является результат интерпретации в соответствии с *культурно-языковой компетенцией* носителей языка тех или иных составляющих знаков языка со знаками «языка» культуры; (3) разработать *типологию культурных коннотаций* по крайней мере по трем основаниям: (а) по лексико-синтаксическим способам ее выражения в означающем знака, (б) по данным концептуального содержания языкового знака – денотативного и сигнификативного аспектов его означаемого, в том числе – содержания имплицитного, косвенно проявляющегося в процессах употребления знака, (в) по когнитивному характеру той интерпретации, которая соотносит в процессах культурной референции значение языкового знака с кодом культуры

Выявление способов и средств взаимодействия языка и культуры впервые осуществлено на основе разработанного и уточненного при участии авторов словаря лингвокультурологического анализа фразеологизмов...

...словарная статья – это своего рода лингвокультурологический «портрет» фразеологизма.

Словарь не возник, как Афродита из пены... «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» – плод поиска принципиально новых приемов лексикографического описания значения и употребления фразеологизмов как знаков естественного языка, а также выявления в них культурных слоев и роли фразеологизмов как знаков «языка» культуры.

В качестве исходного, рабочего, определения такое базовое понятие, как культура, рассматривается в рабочем порядке как результат (и бесконечный процесс) самопознания и самосознания человека, осознающего себя как личность в макро- и микрокосме, в социальной и духовной сферах личностного и надличностного бытия. В ходе этих рефлексий над материальным, социальным и духовным бытием человек выступает как творец совокупности создаваемых им окультуренных представлений, дополняющих собственно природно-биологическое его бытие.

Мотивация этих представлений в сфере социального бытия человека имеет ценностно-установочный характер – прескрипции культуры, не исключаящие предпочтений личности в выборе ценностных для нее ориентиров, которые зависят от самоосознания своего «Я» по отноше-

нию к «Ты-Он» и к «возделанному» человеком его социальным мироустройством. Для носителя культуры эти ориентиры имеют характер моральных установок по преимуществу и сближаются с понятием нормы, обычно размытой действием предпочтений в выборе ценностей.

По отношению к духовным ценностям эти ориентиры имеют характер нравственных установок, размытость которых имеет своим следствием не нормативную, а личностную или надличностно-групповую абитуализацию, межпоколенно воспроизводимую по традиции.

Культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Э. Кассиреру), заимствующая для презентации своих ментальных структур знаковые «тела» в природе, а также в артефактах и ментефактах других семиотических систем, и в естественном языке как одном из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания.

Собственно концептосфера культуры, также являющаяся достоянием человеческого интеллекта, – это особый, отличный от естественного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих, наряду с функционально-«вещным» их бытием надличностный культурный смысл, из плодов социального и духовного самоосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе «коллективных представлений» (по К. Леви-Брюлю).

Начало окультуренного самопознания, по свидетельству исторической антропологии, восходит к Ориньякскому (т. е. наиболее раннему) периоду палеолита, когда биологические факторы освоения мира стали обретать социальную и духовную мотивацию и интерпретацию в формах архетипических моделей мира, анимизма, фетишизма, ритуала, магии, мифологических представлений об устройстве мира и ролей человека в нем. Вместе с этими процессами в концептосфере культуры складывался и «язык» этой интерпретации – «символярий» культуры (по В.Н. Топорову) – все надфизические, функционально значимые для окультуренного бытия «вещей» и (мы бы добавили – непредметных) сущностей, извлеченных из «вещей» и реальных свойств человека. Последовательность возникновения этих форм культуры, равно как и ее символярия, имела, скорее всего, параллельный характер (Э. Тайлор; К. Леви-Брюль).

Естественный язык, как уже отмечалось выше, один из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания «языка» концептосферы культуры. Когда он выступает в этой функции,

в «глубинных», чаще всего имплицитных, внутренних формах его содержания, сохраняется мотив выбора языкового знака для выполнения этой роли, ибо субъект языка – это всегда и субъект культуры. Эта мотивация и является основой культурной коннотации языковых знаков.

Предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры.

Лингвокультурология нацелена на изучение действия «языка в человеке» и, тесно сближаясь с когнитивистикой, выходит за пределы традиционной для лингвистики цели – исследование мыслительно-отражательных «следов» человека в языке на всем «пространстве» форм вербально-коммуникативного содержания и выражения языка в сферу взаимодействия языка и культуры. Она изучает «новую реальность» в русле формирующейся, новой же для лингвистики, антропологической парадигмы (Постовалова 1999¹), рассматривающей языковые процессы как антропометричные – соответствующие языковой и культурной компетенции носителей языка как акторов речемыслительных процедур.

Лингвокультурология с неизбежностью вписывается в антропологически ориентированную парадигму. Базисные методологические установки этой парадигмы были намечены В. фон Гумбольдтом, который... писал, что «язык исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, все же воплощается в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления...», что изучение языка «...не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985: 383²).

Методологической базой лингвокультурологического анализа служат идеи, «родословная» которых восходит к трудам Гердера–Гумбольдта, Вайсгербера, Сепира, а также – к современным нам трудам Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой.

Главными проблемами для нас являются: построение такого конструктора объекта исследования в рамках частной эпистемологии лингвокультурологии, в котором содержались бы ответы на вопросы: какие

---

¹ Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–33.

² Гумбольдт В. фон. О двойственном числе // Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 382–402.

существуют способы и средства, используемые для воплощения культуры в языковые сущности; в чем состоит суть «природы» культурной коннотации, и какова ее роль как «посредника», который обеспечивает референцию языковых структур к симболарию и концептам «языка» культуры, отводя языковым структурам роль культурно маркированных знаков, и способствует воспроизведению языковых структур как знаков «языка» культуры (Фрумкина 1995³).

Задачи лингвокультурологии во многих аспектах, особенно в пристальном внимании к кумулятивной функции языка, к живым процессам коммуникации, к культурным и социальным «кулисам» речевой деятельности, тесно смыкается с лингвострановедением. Но последнее, исследуя преимущественно национальное своеобразие взаимоотношения языка и культуры, имеет конечной целью обучение иностранному языку и аккультурацию обучающихся, уделяя особое внимание лингводидактике (Верещагин, Костомаров 1983: 49⁴).

В связи со сказанным нельзя не упомянуть конструктивно четкое определение в рамках лингвострановедения языкового знака как «культуремы», сформулированное В.Г. Гаком, в котором предельно четко показана роль языка как формы выражения и формы содержания культурного «подлежащего»: языковой знак является культуремой, если его содержание и форма выступают как обозначающее, а реалия культуры – как обозначаемое.

Итак, рассматривается способность нести сигналы, сообщающие о референции языковых знаков к предметной области культуры – «инаковой» по отношению к естественному языку семиотической концептосфере, отображающей результаты и непрерывные процессы самоосознания человеком своего личного, межличностного и надличностного бытия в мире – как в микрокосме, так и в макрокосмической Вселенной.

Содержание культурной коннотации, в отличие от собственно языкового спектра – рационально-оценочного, эмоционального, функционально-стилистического, вычерпывается из референции к предметной области культуры. В культурной коннотации языковые сущности играют роль символов, эталонов, мифологем и других видов знаков симболария (в смысле В.Н. Топорова) «языка» культуры. Поэтому их интер-

---

³ Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 74–117.

⁴ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1983. – 20 с.

претация должна осуществляться в пространстве концептосферы культуры.

С позиций антропологической парадигмы язык, равно как и взаимодействующая с ним культура, рассматриваются не «в самих себе и для себя», а в тесной связи с бытием человека – с его самопознанием и осознанием мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности – моральных и нравственных устоев его бытия в «Я-Ты-Он» взаимоотношениях.

Если в языковых знаках присутствуют знаки «языка» культуры, они, при условии сохранения ими смысла, присущего концептосфере культуры, оказывают непосредственное воздействие на ограничения свободы комбинаторно-лексического выбора, характерного для семантико-синтаксических «правил» естественного языка. И это проявляется, как общее правило, в «несвободной» – и мы бы добавили, в *культурной связанности*, воспроизводимости фразеологизированных выражений.

Возвращаясь к проблемам культурной коннотации, отметим, что это результат процедуры интерпретации языковых выражений, принадлежащих семиотической системе языка как средства коммуникации, в пространстве другой семиотической системы. Эта когнитивная процедура заключается не только и не столько в выявлении ассоциативно-мотивированного для субъекта языка и культуры выбора языкового знака для выражения некоторого слоя культурного концепта (чем обычно и ограничивается описание «культурной семантики» языковых знаков в школе Н.И. и С.М. Толстых). Суть этой процедуры – установить на основе такого рода корреляции «вершинного» для языковых знаков, выступающих в роли знаков «языка» культуры модуса: «достойно/недостойно человека» моральное или нравственное мироосознание.

Пути к интерпретации языковых сущностей в контексте культуры мы усматриваем в нескольких этапах преодоления этого пути:

- соотнесение языковых структур с базисными пластами культуры;
- установление корреляции с кодами культуры, теми источниками окультуренного мировидения (живыми существами, артефактами, ментефактами), которые явились предметами культурного их осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственными культурными знаками, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа;
- соотнесение с тропами и интерпретация фразеологизированных структур в контексте культуры, т. е. на ее «языке»;

– расшифровка собственно языкового образа в целом как знака «языка» культуры или роли его компонентов этого образа как элементов символика культуры.

К *базисным пластам культуры* относятся:

а) *Архетипические* (от греч. прообраз, первоначало; образец), т. е. наиболее древнейшие формы коллективно-родового (надличностного) осознания и моделирования мира-хаоса; архетипы – результат схематизированного преобразования хаоса в порядок, основанный на типизированно-системных оппозициях (верх/низ, короткий/длинный, чистый/грязный, свой/чужой и т. п.). Архетипы лежат в истоках универсального или этнического окультуренного формирования, констант мира духовного и представляют собой спонтанно действующие (как в диахронии, так и в синхронии) интуитивно постигаемые когнитивные структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Напр., *во всю ширь* восходит к архетипическому противопоставлению «широкий – узкий»; ср. также англ. *so far, as far as someone is concerned*; *на носу* в целом восходит – к «близкий – далекий»; ср. также англ. *a close call, on hand, a far cry from something*; *свой парень*, *Ну как не попадет родному человечку* – к «свой – чужой»; ср. также англ. *you can never see into another heart; self-made man*; ср. также проходящее по всему роману «Война и мир» подразделение на «свой/чужой, опасный».

б) Древнейшие *мифологические* представления об окультуренном мироустройстве, преобразующем в сознании человека хаос в антропоморфный космос, воспринимаемый «на веру» как объективный миропорядок, в том числе и «вещный». К такого рода представлениям относится *анимизм*, т. е. одушевление и часто – символизация частей тела (соматизмов), особенно «орудийных», объектов «предметного» мира и мира зооморфного; *фетишизм*, т. е. почитание «вещей» как магически-божественных сущностей; *табу* и т. п.) (напр., *в глубине души; полон рот забот, родиться в рубашке*, см. вода и огонь как очищающая сила и под; ср. также англ. *deep in one's heart, blood ties <bonds>; the soul <life> of the party*).

в) *Ритуал*, т. е. исторически сложившаяся форма предсказуемого, социально канонизированного упорядоченного поведения (в том числе – обряд, обряд, обычай), изначально преследующего цели сакрально-символического – магического или религиозного воздействия на некоего адресата (напр., *перемывать косточки, не выносить сор из избы, от ворот поворот; накормить, напоить, спать уложить* и под.; ср. также англ. *to draw the line, to keep one's fingers crossed*).

г) *Мифы*, т. е. зафиксированные тексты и аллюзии к ним, соответствующие мифопоэтическому восприятию мира (с древнегреческими и т. п. мифами, напр., *разрубить гордиев узел*), персонажи низшей мифо-

логии (русалка, домовой, кикимора и др.), персонажи волшебных сказок (Баба Яга, Кощей Бессмертный); ср. также англ. *Pandora's box, werewolf, the Holy Grail* и т. п.

Ритуал и миф – две формы коллективного окультуренного восприятия мира, ни одна из которых не является первичной по отношению к другой.

д) *Библейские слои культуры* – книги Ветхого и Нового Завета, а также связанные с апокрифической литературой (ср., напр., *лента вдовицы; козел отпущения; голос крови; якорь спасения* и т. п.; ср. также англ. *let bygones be bygones; Balaam's ass (has begun to speak); Sodom and Gomorrah*).

е) *Фольклор*, представляющий собой неисчерпаемый запас народно-традиционных прескрипций.

ж) *Художественно-литературные тексты* разных исторических периодов и жанров, представляющие собой «образцы» направлений в искусстве (...барокко, романтизм...), или известных писателей (напр., *дым отечества, пустая бочка громче гремит*; ср. также англ. *to be or not to be; to read between the lines*).

з) *Публицистические тексты и другие средства массовой культуры* (напр., *сесть на иглу; залезать в окопы*; ср. также англ. *coach potato, know-how, brain drain, think tank*).

Возможны и другие источники, которые, так или иначе, указывают на связь образа фразеологизированной структуры с формами мировидения и/или миропонимания (напр., *Мамаево побоище; заткнуть за пояс; шапками закидать*; ср. также англ. *once in a blue moon, it goes without saying, to turn over a new leaf*).

Коды культуры представляют собой многообразный реестр «строительного материала» для тропа. Помимо уже упомянутых выше: домо-строительный (напр., *строить замки на песке, танцевать от печки*; ср. также англ. *to bring it home to someone*), гастрономический (напр., *заварить кашу, хлеб-соль*; ср. также англ. *pot boiling, fast food*), природно-ландшафтный (напр., *пуп земли; как с луны <с неба> свалился*; ср. также англ. *to vanish into thin air, out of the clear blue sky*), духовно и/или религиозно-антропоморфный код (напр., *совесть зазрела; Бог его знает; черт ногу сломит; у черта на рогах*; ср. также англ. *God forbid, God bless you*); временной и пространственный коды (напр., *час пробил, на край света; медвежий угол*; ср. также англ. *for the time being, just as soon, to be on the safe side, to meet someone halfway*). Полного списка кодов, насколько нам известно, еще не существует.

...лингвокультурология стала своего рода «общим именем», объединяющим самые различные подходы к взаимодействию языка и культуры...

Лингвокультурология ищет ответ на вопросы: как культура панхронически действует в речи современных носителей языка, как даже самые архаичные ее пласты живут в сознании субъектов языка и культуры?

*Составила М.Л. Ковшова
на основе опубликованных трудов
В.Н. Телия (см. с. 357-365)*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В БЕЛОРУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

О.А. Артемова

THE VERBALIZATION OF METRIC CHARACTERISTICS IN BELARUSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY

О.А. Artiomova

ABSTRACT:

The article is devoted to the comparative analysis of the Belarusian and English idioms with metric semantics. The common characteristic are the representation of non-standards qualities of objects and gender stereotypes. National specific features are manifested in the mismatch of the objects for measurement, core components associated with ethno-cultural realities and metric prototypes. All these divergences are predetermined by historical and geographical conditions of the Belarusians and the British.

Key words: metric, gender stereotype, phraseological unit, phraseosystem, realia

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу белорусских и английских фразеологизмов с метрической семантикой. Общей характеристикой фразеологической репрезентации метрических характеристик в исследуемых фразеосистемах выступает отражение не эталонных качеств объектов и гендерных стереотипов. Национально-специфические черты репрезентации параметрических характеристик проявляются в несовпадении: объектов для измерения, стержневых компонентов, связанных с национально-культурными реалиями, и метрических прототипов, обусловленных культурно-историческими и географическими условиями проживания белорусов и англичан.

Ключевые слова: метрика, гендерный стереотип, фразеологическая единица, фразеосистема, реалия

Метричность связана с восприятием пространства человеком как конечной и дискретной: объекты, которые его наполняют, соотносятся друг с другом и поддаются сравнению по своим физическим параметрам. Они имеют длину, ширину и высоту и концептуализируются как трехмерные геометрические сущности. А. Пуанкаре полагает, что истоки трехмерности коренятся в особенностях перцептивной системы человека: он лучше приспособлен к существованию в трехмерном, а не

двухмерном или четырехмерном пространстве [Пуанкаре 1983]. Этот тематический сегмент представлен в белорусской и английской фразеосистемах следующими группами: *размер, длина, глубина и непрерывность*.

Размер. Как показал анализ белорусского и английского фактографического материала, объекты могут быть большими, маленькими, а также одинакового размера. Большим может быть:

а) человек (*белорус. вярста каломенская* ‘человек очень высокого роста’ [Лепешаў 2008], *англ. a long / big drink of water* [Spears 2011]): *Зверху раздаўся глухаваты голас: – Гэй, вярста каломенская, прыгніся, калі кацялок табе дарагі* (І. Новікаў); *Tim is sure a big drink of water* [Spears 2011];

б) деревья и растения (*белорус. гамоніць / гаворыць з небам* [Лепешаў 2008], *англ. high as the sky* [Spears 2011] со значением ‘очень высокий; о лесе, деревьях, растениях’: *Колісь быў у нас тутака лес – з небам гаварыў* (В. Палтаран); *The tree grew as high as a kite* [Spears 2011]).

Вместе с семей ‘большой’ актуализируются следующие дополнительные семы:

а) ‘сильный, с неограниченными физическими возможностями’ (*белорус. хоць у плуг запрагай* [Лепешаў 2008], *англ. built like a tank* ‘сильный’ [Cambridge Idioms Dictionary 2010]): – *Доктар, я здаровы, як бык... – Што яго глядзець?! Гэтага буйвала хоць у плуг запрагай* («Крыніца»); *Mr. Bundy, a jobbing gardener, was about five feet in height but built like a tank...* (А. Maidment);

б) ‘гордый’ (*белорус. не бачыць ног за пузам* ‘про полного, гордого человека’ [Аксамітаў 1993], *англ. a fat cat* ‘толстопузый, богатый, гордый’ [Spears 2011]): *I выступаюць [паны] такім тузам, ідуць, не бачыць ног за пузам* (Я. Колас); *I like to watch the fat cats go by in their BMWs* [Spears 2011].

Маленький размер объектов представлен 15 белорусскими и 8 английскими фразеологическими единицами (ФЕ). Анализ образных составляющих белорусских и английских фразеологизмов этой подгруппы показал, что для репрезентации данной метрической характеристики используется чаще зооморфная метафора. В качестве прототипа маленького размера, под которым мы понимаем центральный член категории с максимально значимыми свойствами, в белорусской и английской фразеосистемах выступают насекомые (*белорус. з камароў / камарыны нос* ‘небольшой по количеству и размеру’ [Лепешаў 2008], *англ. knee-high to a mosquito* ‘очень низкого роста, очень маленький’ [Мюллер 1995]), земноводные (*белорус. жабе па калена* ‘очень низкого роста, очень маленький’ [Лепешаў 2008]), птицы (*белорус. з вераб’іны нос*

‘небольшой по количеству и размеру’, *варона ў дзюбе панесці можа* [Лепешаў 2008], *англ. knee-high to a duck* ‘очень низкого роста, очень маленький’ [Мюллер 1995]), млекопитающие (*англ. knee-high to a jackrabbit* ‘очень низкого роста’ [Spears 2011]).

Белорусские и английские ФЕ со значением ‘большой’ или ‘маленький’ вызывают у говорящего иронию по причине отклонения метрических характеристик объекта от общепринятых параметров и во фразеологических словарях сопровождаются пометой *ироничное (ironical)* или *шутливое (humorous)*.

Одинаковый размер в нашей выборке представлен пятью белорусскими и одним английским фразеологизмами: *белорус. адзін пад адзін / адна пад адну / адно пад адно* [Лепешаў 2008], *адзін у адзін* [Там же], *лоб у лоб* [Там же], *як адзін* [Там же], *як на падбор* [Там же], *англ. two / three etc of a kind* [Spears 2011] – ‘почти или совсем одинаковые по силе, росту’: *A ix жа [сыноў] трое, адзін пад адзін* (М. Гроднеў); *In one way, he and Dolly were two of a kind* (M.J. Staples).

Объекты, одинаковые по размеру, воспринимаются наблюдателем как зеркально симметричные, если объект при операции отражения переходит в себя. Симметрия – это гармония, правильное физическое и духовное развитие, что соответствует определенным физиологическим и социокультурным нормам определенной языковой общности. По этой причине белорусские и английские ФЕ со значением ‘одинаковый по размеру’ имеют дополнительную сему ‘отборные, подобранные по величине и качеству’, получают положительную коннотацию и подаются в словарях с пометкой *одобрительно: Здравовыя, ружатварыя, адзін у адзін, гвардзейцы выглядалі спакойнымі, нават жыццярадаснымі* (Ц. Гартны); *Andrus and he are two of a kind* (M. Pears).

Глубина есть расстояние от поверхности до дна объекта. Эта метрическая характеристика представлена только одной белорусской и одной английской ФЕ: *белорус. вераб’ю па калена* ‘очень мелко, неглубоко (в реке, ручье и т. д.)’ [Лепешаў 2008] и *англ. up to one’s knees* [Spears 2011].

Длина – линейный размер предмета в горизонтальном направлении. Эта характеристика представлена одной белорусской ФЕ *на жабін скок* и одной английской ФЕ *no distance at all* [Мюллер 1995] со значением ‘короткий’ [Лепешаў 2008]. В английском фразеологизме значение ‘короткий’ манифестируется через отрицание: *Oh, it’s no distance at all up by the path, only a few moments... yes... (D. Pearson) = ‘Ой, это совсем недалеко по тропе, только несколько минут...’* В белорусской ФЕ подобная семантика создается посредством сравнения с прыжком лягушки – земноводным с относительно короткими конечностями, которое не может прыгнуть на большую дистанцию: *Пазнасціў снапы, мой ты*

добры муж, з нашай постаці – што на жабін скок, змалацілі мы іх у два цапы (Я. Сіпакоў).

Незначительное количество ФЕ со значением **длины** (горизонталь) по сравнению с количеством ФЕ со значением **высоты** (вертикаль) позволяет сделать вывод о приоритете вертикальных пространственных измерений над горизонтальными в жизни белорусского и английского языковых сообществ.

Вместе с метрической семантикой белорусские и английские фразеологизмы отражают гендерные стереотипы, под которыми мы понимаем обобщенные представления определенной языковой общности о нормативном поведении мужчин и женщин, их внешнем виде – своеобразные эталоны мужественности / женственности. Анализ белорусского и английского фразеологического материала показал, что эталонами мужественности являются сильное телосложение, широкие плечи, высокий рост. Это показатели большой физической силы и выносливости, которые позволяют не только делать сложную и тяжелую работу, но и пользоваться успехом у противоположного пола, что значительно повышает шансы передачи собственных генов своим потомкам: *Марыя Міхайлаўна ўважліва аглядзела рослага правадніка. Касы сажань у плячах. Волат* (У. Мязэвіч); *Look at that guy's muscles – he's built like a brick shithouse* = 'Посмотрите на мышцы того парня – **косая сажень в плечах**' [Spears 2011]. Высмеиваются отвислый живот, лишний вес: *I сам ён тоўценькі як кадзь, I нізкі, і кругленькі* (Я. Колас); *He ate till he was as big around as a molasses barrel* [Там же] = 'Он ел, пока не стал толстым как кадушка'.

Национально-специфические черты восприятия и репрезентации метрических характеристик в белорусской и английской фразеосистемах проявляются в несовпадении:

1) объектов для измерения. Например, белорусские ФЕ *Бог семярым нёс ды аднаму дастаўся / удзяліў* [Лепешаў 2008] и *на дваіх рос, аднаму дастаўся* [Там же] имеют значение 'очень большой' и используются для описания носа: *А ў яго нос, які бог семярым нёс, ды аднаму Мамулі ўдзяліў: вялікі, доўгі і скрыўлены ўбок* (І. Сяркоў); *На гэты твар было нават страшнавата глядзець: на ім сіне-чырвонай дуляй сядзеў агромністы нос. Пра такі нос звычайна гавораць: для траіх рос, аднаму дастаўся* (І. Навуменка). В английской фразеосистеме акцентируется внимание на большом объеме ягодиц (англ. *broad in the beam* 'толстозадый' [Long 1978]): *She is getting very broad in the beam* [Там же] = 'Она становится очень **толстозадой**';

2) стержневых компонентов, связанных с национально-культурными реалиями. Например, английская ФЕ *as fat as an alderman* 'толстый, полный, с животом' [Апресян 1994] имеет в своем составе лексему

alderman со значением ‘член совета района’. Предполагается, что этот человек занимает высокую должность, имеет много денег, хорошо питается и поэтому может быть толще других. Очевидно, что социальный статус объекта как образной основы ФЕ существенно влияет на восприятие его метрических свойств: чем выше социальный статус объекта, тем более значимым становится его размер. В белорусских ФЕ *як кадзь / кадушка* ‘полный, толстый, сытый’ [Аксамітаў 1993] и *як плаха* ‘большой по размеру’ [Там же] опорные компоненты отражают реалии жизни белорусского народа: *кадушка* – большая деревянная посуда с клепок, стянутых обручами для заквашивания капусты [Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы], *плаха* – кусок расколотого вдоль бревна [Там же];

3) метрических прототипов. В английской фразеосистеме прототипами маленького размера выступают фольклорные герои: *англ. Tom Thumb* ‘мальчик с пальчик’ [Мюллер 1995] – герой английской народной сказки «История Мальчика-с-Пальчик» [Оріе 1980], *Jack Sprat* – маленький ростом герой английского стихотворения для детей [Оріе 1997]. В белорусской фразеосистеме – это национально-специфические единицы измерения длины *аршын* 0,7112 м (*белорус. аршын з шапкай* ‘низкорослый’ [Аксамітаў 1993]) и *паўвярышка* 2,22 см (*белорус. ад гаршка паўвярышка* ‘низкорослый’ [Лепешаў 2008]).

Наблюдаются отличия и в выборе метрических прототипов среди представителей фауны. У белорусов – это *варона* (*варона ў дзюбе панесці можа* [Там же]), *вєрабей* (*з вєраб’іны нос* ‘невялікі па колькасці і памерах і пад.’ [Там же]), *жаба* (*жабе па калена* ‘вельмі нізкага росту, вельмі малы’ [Там же]), *сабака* (*хоць ты сабак вешай* ‘вельмі высокі, вялікага росту’ [Там же]), у носителей английского языка – *duck* ‘утка’ (*knee-high to a duck* ‘низкорослый’ [Там же]), *grasshopper* ‘кузнечик’ (*knee-high to a grasshopper* ‘очень маленький’ [Мюллер 1995]), *jackrabbit* ‘заяц’ (*knee-high to a jackrabbit* [Spears 2011] ‘очень низкого роста’).

На основе анализа фактографического материала можно сделать вывод об отражении в белорусской и английской фразеосистемах не симметричных качеств объекта, а тех характеристик, которые стремятся к своему максимуму или минимуму. Они воспринимаются как отклонения от нормативных показателей и сопровождаются неодобрительной или иронической коннотацией. Национально-специфические черты проявляются в выборе объектов, получающих метрическую характеристику, связанных с национально-культурными реалиями стержневых компонентов, а также метрических прототипов, что обусловлено культурно-историческими и географическими условиями проживания белорусов и англичан.

Континуальность. Одним из типов метрических свойств объектов выступает их протяженность или ограниченность в пространстве. Образной основой белорусских и английских фразеологизмов группы *континуальность* является способность наблюдателя оценивать и измерять участок пространства зрительным анализатором: **Наколькі хапала вока, зямля была ў сіняватай смуге** (У. Паўлаў); *The road stretched into the distance as far as the eye could see* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary] = 'Дороги тянулись вдаль, насколько хватало глаз'. Несмотря на отсутствие в белорусском предложении глагола зрительной перцепции *бачыць*, он легко восстанавливается контекстом, как и в русском языке [Сабурова 2003]: **Наколькі хапала вока**, ('было бачна, што') *зямля была ў сіняватай смуге* (У. Паўлаў).

Признак безграничности изначально связан с типом ландшафта, на котором проживает та или иная этническая группа. Как правило, характеристики продолжительности получают континуальные ландшафтные объекты *лес, поле, стэп, луг, мора, дол, даліна, акіян* і пад.: *Непрывецен дол халодны, без канца без краю* (Я. Колас); *By midnight the blazing trees along the slopes of Richmond Park and the glare of Kingston Hill threw their light upon a network of black smoke, blotting out the whole valley of the Thames and extending as far as the eye could reach* (H.G. Wells).

Преобладающий тип природного ландшафта территории, на которой проживает определенная языковая общность, определяет доминантную пространственную характеристику. Для русского человека – это безграничность и необъятность пространства [Шмелев 2002], что обусловлено географическими особенностями русского пейзажа и локализации значительной части России на Восточно-Европейской равнине, одной из самых крупных равнин на нашей планете, где на всем пространстве преобладает полого-равнинный рельеф. Пространство в языковом сознании немцев, наоборот, представляется более определенным и закрытым, чем в русской языковой картине мира [Шамне 2000] вследствие наличия природных горных границ – Юго-Западного Германского Среднегорья, Южно-Германского Предальпийского плоскогорья и Баварских Альп.

Исследователи М.И. Конюшкевич [Конюшкевич 2005], Л.М. Чумак [Чумак 1997] полагают, что белорусскому менталитету не свойственна пространственность мышления, объемность, высота, бесконечность в такой степени, как для русского человека [Шмелев 2002], поскольку «ментальность белорусов стремится к явлениям и понятиям, которые находятся рядом, поблизости» [Чумак 1997], а сам «белорус – сторонник локализации своего места, сакрализации своей малой родины». Вместе с тем проведенный нами анализ белорусских и английских ФЕ со значением 'безграничное пространство' показал, что белорусам и

англичанам также в значительной степени свойственно тяга к открытому, ничем не ограниченному пространству – «это когда легко дышится, ничто не давит, не смущает, если можно пойти куда угодно, если есть где разгуляться на воле, где человек чувствует себя свободно и хорошо» [Шмелев 2002]. Безграничное пространство ассоциируется со свободой и оценивается наблюдателем положительно: – *Ото разгон і шырыня! – З сабою дзядзька разважае: Зірнеш – не згледзіш канца-краю* (Я. Колас); *I could see no end to it* [forrest], *either to the right or the left* (H.G. Wells) = ‘*Этому лесу – не увидишь конца-края*’.

Закрытое пространство с границами, наоборот, представляется опасным, часто связано с отсутствием возможности вести активную социальную жизнь и сопровождается негативной оценкой говорящего (белорус. *у чатырох сценах* [Лепешаў 2008], англ. *within four walls* [Апресян 1993] со значением ‘не выходить из дома, помещения’): *У горадзе сядзіш у чатырох сценах, нібы звярок у норцы* (Л. Ялоўчык); *Yet the thought of being cooped up within four walls all day and every day until Leo went back to Australia was unthinkable* (E. Richmond) = ‘*Тем не менее, мысль о нахождении в четырех стенах двадцать четыре в сутки каждый день, пока Лео не вернулся в Австралию, была неимоверной*’.

В белорусском сознании ограниченность пространства связана с нехваткой земельных ресурсов (белорус. *як старой бабе сесці* ‘очень мало; обычно про землю’ [Лепешаў 2008]): *Колькі там таго логу, як старой бабе сесці. Крокаў пяць. Колькі там яго!* (К. Чорны); *Дзівяцца людзі, як размяшчае Самабыль сваю жывёлу ў такім маленькім хлевушку. Хлеў яго называюць Ноевым каўчэгам* (Я. Колас). В английской фразеосистеме пространственная ограниченность связана с понятием личностного пространства. Английские ФЕ *ride / sit / travel bodkin* ‘сидеть стиснутым между двумя пассажирами’ [Апресян 1993] и *sit on the thin edge of nothing* ‘с трудом уместаться’ [Кунин 2005] отражают важность сохранения личностной дистанции в англоязычной культуре и выражают негативное отношение говорящего к тому, кто ее нарушает: – *I’m afraid it’s awful squash. This car is built only for three, so six is a little bit difficult. Can you move up a little more? – I don’t know what I can. I’m sitting on the thin edge of nothing as it is* [Кунин 2005] = ‘– Боюсь, что будет уже тесно. Машина рассчитана на троих. Шестеро, пожалуй, многовато. Может, вы немного подвинетесь? – Некуда. Мне и самому места нет’.

Однако в белорусской ФЕ *свет цесны* [Лепешаў 2008] и ее англоязычном эквиваленте *it’s a small world* [Cambridge Idioms Dictionary] со значением ‘в любом месте можно неожиданно встретиться со знакомым’ пространственная ограниченность выполняет важную функ-

цию. Она помогает людям встретиться, чего бы они никогда не могли сделать, если бы окружающий мир был бесконечен: *Ну, што, бывай, тонкая-звонкая. Свет цесны, сустрэнемся...* (Л. Філімонава); *He told me his father drowned while trying to rescue a Swedish woman who committed suicide by opening the windows of her Volvo and driving it off a dock and into the Ruhr River at Essen, home, as it happens, of that premier manufacturer of crematoria, A.J. Topfund Sohn. Small World. Now Harley III said to me, You know anything about this excrement hole?* (К. Vonnegut) = ‘– Он рассказал, что его отец утонул, пытаясь спасти шведку, которая решила покончить с собой, открыв окно своей «Вольво» и пустив ее с пристани прямо в реку Рур в городе Эссене. Кстати, это был родной город основателей первой компании по производству крематориев «А.И. Топф и Сын». **Мир тесен!**’

Подводя итоги, отметим, что континуальность пространства в белорусской и английской фразеосистемах определяется возможностями наблюдателя охватить пределы протяженного объекта зрительным анализатором и типом доминантного природного ландшафта. Протяженность ассоциируется со свободой и получает положительную коннотацию в отличие от пространственной ограниченности, которая воспринимается негативно и характеризуется отрицательной оценкой в белорусской и английской лингвокультурах. Национальная специфика проявляется в несовпадениях из-за ограниченности пространства: у белорусов это нехватка земельных ресурсов для хозяйства, для носителей английского языка ограниченность пространства определяется пределами личного пространства наблюдателя.

Литература / References

1. *Аксамітаў А.С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
2. *Канюшкевіч М.І.* Моўная карціна свету беларуса: на матэрыяле мастацкіх параўнанняў // Славянские народы и их культура в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. / Мозыр. гос. пед. ин-т [и др.]; редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. Гомель, 1996. С. 76–80.
3. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. М.: Рус. яз., 2005. – 1224 с.
4. *Лепешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Мінск : БелЭн, 2008.
5. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. М.: Рус. яз., 1995.
6. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary: в 3 т. [Электронный ресурс] / ред. Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова. М.: Рус. яз., 1993–1994. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Аpresyan-term-10511.html>. – Дата доступа: 10.09.2011.
7. *Пуанкаре А.* Почему пространство имеет три измерения // О науке : сборник : пер. с фр. / А. Пуанкаре. М.: Наука, 1983. С. 430–438.
8. *Сабурова Н.А.* Категория пространства в русской фразеологии. Дис ... канд. филол. наук. М., 2003.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад. рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск : Бел. энцыкл., 1996.
10. *Чумак Л.Н.* Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1997.
11. *Шамне Н.Л.* Сопоставительное освещение семантики немецких и русских глаголов движения в аспекте интерпретации категории пространства. Автореф. ... дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2000.
12. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Яз. славян. культуры, 2002.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. 2012. – Mode of access: <http://www.cambridge.org/dictionary/british>. – Date of access: 05.05.2010.
14. Cambridge Idioms Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access: 12.04.2010.
15. *Spears R.* McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [Electronic resource]. 2011. – Mode of access: <http://www.idioms.thefreedictionary.com>. – Date of access: 03.03.2012.
16. *Long Th.H.* Longman Dictionary of English Idioms. London: Longman, 1987.
17. *Opie I.A.* The Classic Fairy Tales. New York: Oxford Univ. Press, 1980.
18. *Opie I.A.* The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford New York: Oxford Univ. Press, 1997.

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ В ЯЗЫКЕ ДОСТОЕВСКОГО: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

*А.Н. Баранов
Д.О. Добровольский*

SPEECH FORMULAE IN DOSTOEVSKIJ'S LANGUAGE: SEMANTICS AND PRAGMATICS

*A.N. Baranov
D.O. Dobrovol'skij*

ABSTRACT:

Speech formulae in works of Dostoevskij are considered to be an open system, which is connected with others spheres of the lexicon. The paper discusses semantic groups of speech formulae that are specific for Dostoevskij's individual style. Furthermore, possible ways of linguistic description of the author's idiom use are under discussion.

Key words: author's individual idioms, Dostoevskij's language, speech formulae, individual style

Речевые формулы в произведениях Достоевского представляют собой не замкнутую систему, а открытую область, связанную с другими сферами лексики. В статье обсуждаются семантические группы речевых формул, специфичных для стиля Достоевского, а также особенности их функционирования. Указываются основные сложности описания авторской идиоматики.

Ключевые слова: авторская фразеология, язык Достоевского, речевые формулы, авторский стиль

*Работа выполнена при финансовой поддержке грантов
РГНФ 12-04-12054 и 12-34-10413.*

В современной фразеологии под речевыми формулами принято понимать особый разряд идиом со структурой предложения, в семантике которых содержится непосредственная отсылка к ситуации общения [Баранов, Добровольский 2013: 70–72]. Так, к речевым формулам относятся, например, такие формы, как *поезд ушел; шутка сказать, дурак или родом так?, поживем – увидим; как только так сразу; где уж нам, дуракам, чай пить!* Цель данной работы заключается в том, чтобы ис-

следовать состав речевых формул в художественных текстах Ф.М. Достоевского и выявить особенности их употребления.

Изучение словника идиом Достоевского, полученного в рамках выполнения проекта по созданию словаря фразеологизмов этого автора, позволяет выделить около ста единиц, которые можно отнести к речевым формулам. Охарактеризуем кратко состав этих единиц по семантическим параметрам.

Самый общий семантический анализ показывает, что выделяются следующие группы речевых формул:

благопожелания (*господь с тобой – **господь с тобой**, маленький человек, расти на счастье, младенчик!* (Ф.М. Достоевский. Подросток); *бог в помочь, да поможет вам бог, бог поможет, да благославит вас бог / благослови вас бог, господь благослови, господь храни, да хранит бог, да вознаградит вас бог, бог награди вас, бог воздаст, бог вознаградит*);

снятие с себя ответственности (*бог тебе судья*);

укор-увещевание (*бога не боитесь; господь с тобой – Нет, говорит моя старушонка, **господь с тобой**, кавалер, на что мне рейтузы, носить, что ли, стать?* (Ф.М. Достоевский. Честный вор));

запрет (*бог не велит*);

благодарность (*бог награди вас, бог воздаст, бог вознаградит*);

констатация-смирение – иногда в сочетании с идеей смерти (*бог дал, бог взял, бог прибрал, бог прислал*);

оберег (*убереги бог, бог миловал*);

опасение (*далеко ль до греха*);

выражение удивления – часто с негативным оттенком (*разрази господи, разрази меня, разрази меня бог, бог мой*);

недовольство (*черт побери, черт побрал, черт подери, прах возьми, прах побери, черта еще недоставало*);

незнание (*только богу известно, господь ведает, господь знает, бог ведает, черт ногу переломит, бог ведает*);

просьба о прощении (*господь прости*);

бедность (*богат Ерошка, есть собака да кошка; что честь, когда нечего есть*);

отказ (*бог подаст, черта лысого, черта с два*);

проклятье (*собаке собачья смерть*);

признание-извинение (*бог попутал, бес попутал*).

Хорошо видно, что выделенные семантические группы неоднородны, с одной стороны, и весьма произвольны – с другой. Это особенно хорошо видно при сравнении с «Тезаурусом современной русской идиоматики» [Тезаурус 2007]. Неоднородность и относительная произвольность выбора таксонов связана с первую очередь с тем, что идио-

мы, будучи неоднословными аналогами слов, образуют с ними единую лексическую систему. Впрочем, речевые формулы в этом отношении ближе стоят к предложениям, что опять-таки влияет на фрагментарность и произвольность выделенных групп идиом (таксонов). Действительно, предложения не являются словарным материалом, они описываются не в словаре, а в грамматике – с помощью регулярных (и часто продуктивных) правил. Таким образом, фрагментарность и произвольность выделенных таксонов двоякая: это отражение фрагментарности идиоматики как части лексической системы и отражение синтаксических характеристик речевых формул, идентичных предложению или пропозициональным формам (предложениям с переменными вместо некоторых констант).

Если говорить о внутренней форме речевых формул из текстов Достоевского, то бросается в глаза, что большая их часть содержит компонент *бог, господь*. Семантическое представление внутренней формы речевых формул с компонентом *бог* требует осмысления этой формы как части мировоззрения автора и шире – мировоззрения носителей русского языка XIX в. В целом идиомы с компонентом *бог* типа *столько бог пошлет, к богу в рай, бог в помощь* предполагают такую семантическую экспликацию, в которой этот компонент передается как ‘сверхъестественные силы’:

бог подаст = ‘Отказ в просьбе получения некоторого ресурса как одолжения или милости, *выраженный в косвенной форме переадресации просьбы сверхъестественным силам, якобы, оказующим требуемую помощь*’.

Однако отражение специфики мирозерцания Достоевского и правильное понимание семантики этих идиом в рамках конкретного фиксированного корпуса текстов может привести к тому, что этот компонент будет отображаться как ‘сверхъестественное существо, несущее всеобщую милость и сострадание в христианской традиции’. То есть рассматриваемая идиома будет иметь следующую экспликацию:

‘Отказ в просьбе получения некоторого ресурса как одолжения или милости, *выраженный в косвенной форме переадресации просьбы сверхъестественному существу, несущему всеобщую милость и сострадание в христианской традиции и, якобы, оказующему требуемую помощь*’.

В несколько меньшей степени представлены речевые формулы с компонентом *черт*: *черт ногу переломит, черт возьми, черт побери, черта лысого, черта с два, черта в чемодане не строй* (– *Отпущай его, Микитка! – Ему, знать, черта в чемодане не строй. Ему волю подавай, запроваскую волю-волюшку* (Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома)).

Некоторые из речевых формул широко использовались в русской классической литературе XIX в. Так, идиома *черт ногу переломит* встречается не только у Достоевского (ср. *Андроников сам в этом деле путался, так именно говорит Марья Ивановна. Этого дела, кажется, никто не может распутать. Тут черт ногу переломит! Я же знаю, что вы тогда сами были в Эмсе... – Я всего не застал, но что знаю, пожалуй, расскажу охотно; только удовлетворю ли вас?* (Ф.М. Достоевский. Подросток)), но и других авторов той эпохи:

Как, по вашему мнению, следует ли считать жену покойного собственницей завещанного имения? – Кажется, что следовало бы... а впрочем... – Чего «впрочем»! Просто черт ногу переломит – и всё тут! – Вот видите, вы сомневаетесь сами (М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи).

Фон Верден (кашляя). *Нет еще, высокоблагородный каспадин полковник! Князь Вадбольский. В этих высокоблагородиях да высокородиях черт ногу переломит* (И.И. Лажечников. Последний Новик).

Но обыкновенно люди этого не любят и, как нарочно, выбирают такие дела, в которых черт ногу переломит, потому что, хотя толку от этого бывает мало, зато на каждом шагу можно удивляться, радоваться и ужасаться (В.А. Слепцов. Трудное время).

Некоторые другие речевые формулы уникальны и, видимо, относятся к авторским. Таковы, например, идиомы *Богат Ерошка, есть собака да кошка* и *черта в чемодане не строй*, которые не обнаруживаются в существующих корпусах текстов XIX в. Такие единицы представляют собой ярко выделяющиеся на общем фоне средства речевой характеристики персонажей, их социальной принадлежности, а с точки зрения современного узуса – и особенностей языка эпохи. Ср.: – *Значит, ты богатый, коли сложа руки сидеть хочешь? – Богат Ерошка, есть собака да кошка. – А и вправду, братцы, чего сидеть! Значит, полно ихним дурачествам подражать* (Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома).

Иногда значение речевых формул такого типа легко выводимо из их лексического состава и/или контекста. В некоторых случаях, однако, для адекватного понимания текста с устаревшими или собственно авторскими идиомами необходимы дополнительные пояснения. Ср.: *Идеи-то, пожалуй, и бродят, – обратился он к Петру Петровичу, – и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а*

деловитости все-таки нет! Деловитость в сапогах ходит (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Словарное представление таких речевых формул должно содержать толкование их значения. В последнем случае мы, возможно, имеем дело с идиомой (*что-л.*) *в сапогах ходит*, субъектная валентность которой может заполняться разными существительными. Ср.: «*Скажите, люди божии, чем лучше жить: правдою или кривдою?*» Только кого ни пытаются, все в одно слово говорят: «*Нашли о чем спрашивать! Кривде везде лучше, кривда в сапогах ходит*» (А.Н. Афанасьев. Народные русские сказки).

Когда речевые формулы используются в несобственно прямой речи или во внутреннем монологе, они являются средствами создания полифонии текста (это понятие связано прежде всего с известной работой М.М. Бахтина [1972]). Ср.: *Сидит, слушает меня понуря голову мой Емельянушка. Чего, сударь! Уж до того дошел, что язык пропил, слова путного сказать не умеет. Начнешь ему про огурцы, а он тебе на бобах откликается!* слушает меня, долго слушает, а потом и вздохнет (Ф.М. Достоевский. Честный вор). Особенно это очевидно в случае устаревших единиц, воспринимаемых сегодня как нестандартные особенности речи персонажа, которые выделяют его «голос».

Встречаются контексты автономного употребления подобных речевых формул. Ср.: «*Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры*». – «*Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом*». *Всё это говорилось часто, и в виде нравоучения и в виде обыкновенных поговорок и присловий, но никогда серьезно. Всё это были только слова* (Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома). Такие употребления показывают, что соответствующие речевые формулы воспринимались как отмеченные средства языка уже в эпоху Достоевского.

В заключение напомним высказывавшиеся ранее – например, в [Баранов, Добровольский 2008: 495–504] – положения об особенностях авторской фразеологии. К авторской фразеологии следует относить не только уникальные для данного автора фразеологические единицы, но и все те специфические особенности использования фразеологизмов, которые присущи данному писателю и выделяют его среди других носителей языка. Так, к авторской фразеологии относятся различные модификации идиом, характерные для индивидуального авторского стиля. При выявлении и описании подобных преобразований в произведениях Достоевского (как и любого автора XIX века) исследователь сталкивается с рядом трудностей, поскольку для оптимального решения этой задачи необходимо знание нормы того времени, т. е. знание того, какие способы употребления каждого из рассматриваемых фразеологизмов

воспринимались как узуально доустимые, а какие – как нестандартные. Применительно к языку писателей XIX века выполнение этих условий весьма затруднительно, поскольку судить о литературной норме тех лет мы можем лишь очень приблизительно и практически не имеем данных о различных речевых жанрах той эпохи.

Еще одна проблема, которую следует иметь в виду при исследовании фразеологии в произведениях русской классической литературы, связана с диахроническими изменениями в семантике и прагматике фразеологизмов. В первую очередь это касается той части плана содержания описываемых единиц, которая связана с их внутренней формой. Многие идиомы со стертой внутренней формой могли восприниматься в то время как хорошо мотивированные, что отражалось на их употреблении. Степень живости внутренней формы, яркость лежащего в основе образа является фактором, воздействующим как на актуальное значение соответствующей единицы, так и на прагматические эффекты.

Литература / References

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. – 656 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Основы фразеологии*. М.: Флинта: Наука, 2013. – 312 с.
3. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
4. Тезаурус – Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В МЕТАОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ СНОВИДЕНИЙ

Г.И. Берестнев

CULTURAL CONCEPTS IN METADESCRIPTION OF MEANING OF DREAMS

G.I. Berestnev

ABSTRACT:

It has been argued that dreams can be viewed as a current object of investigation in cognitive and cultural linguistics. Principle regularities in the functioning of cultural concepts in linguistic metadescription of dreams were revealed. They include: metaphoricity, semantic re-analysis from concrete to abstract, multiplicity of imaginal representation of a given concept.

Key words: culture, metalanguage, metaphor, symbol, dream

Дано обоснование взгляда на сновидения как на современный объект когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Показаны основные закономерности в функционировании культурных концептов в языковом метаописании сновидений. Таковыми являются: метафоричность, семантическое переосмысление от конкретного к абстрактному, множественность образных репрезентаций того или иного концепта.

Ключевые слова: культура, метаязык, концепт, метафора, символ, сновидение

*Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант № 13-04-00029
«Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы
сновидений»*

Сновидения – явление из области неосознанной психической деятельности человека, которое может быть продуктивно рассмотрено с языковой точки зрения. Такое их рассмотрение опирается на несколько базовых теоретических положений. Во-первых, положение о том, что сновидение и семиотические коды культуры (миф, религия, ритуал, искусство, язык и т. д.) составляют реализации единых знаний человека о мире. В основе каждого из этих семиотических кодов лежат одни и те же содержательные образования – универсальные культурные концепты.

В сновидениях культурные концепты функционируют особым образом – выступают областями-источниками для дальнейшего метафориче-

ского переосмысления. При этом они часто становятся культурными символами. Важная закономерность в этих условиях – переосмысление исходного концепта осуществляется в направлении от более конкретного к более абстрактному. Кроме того, основаниями метафорического переосмысления могут выступать разные признаки в структуре концепта. Например, в одних случаях СОБАКА может выражать идею «дружественности» (определенное значение имеет в этом случае и культурная формула *Собака – друг человека*), а в других – идею «злобности» (ср. системные языковые примеры типа *злой как собака, собачиться / лаяться* ‘ругаться’, ‘грызть’, ‘ссора’). Эти семантические преобразования исходных культурных концептов дополнительно поддерживаются их контекстным окружением в сновидении.

Что же касается движения от конкретного к абстрактному в сновидениях, то конкретные их концепты могут связываться с такими предельно абстрактными и оценочными идеями, как *удача / неудача, добро / зло, благополучие / неблагоприятие, благоприятность / неблагоприятность, болезнь, ссора, скандал, встреча, удивляющая неожиданность* и т. п.

Вторая яркая особенность функционирования образов в сновидениях – их вариативность по отношению к выражаемому культурному концепту. Так, признак «протяженность» может репрезентироваться такими разными областями-источниками, как *косы, волосы, змея*, а область-цель, отвечающая этому признаку, одна – ДОРОГА (как ПУТЬ). Образы-репрезентанты культурного концепта также обретают характер символа.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.В. Величко

CULTURALOGICAL ANALYSIS OF PHRAZEOLOGIZED SENTENCES IN RUSSIAN LANGUAGE

A.V. Velichko

ABSTRACT:

Article is devoted to a striking and specific phenomenon of the Russian syntax – phraseologized sentences. Analyzes the structural, semantic and communicative peculiarities of such sentences.

Key words: phraseologized sentences, Russian syntax, structural, semantic, communicative

Статья посвящена яркому и специфическому явлению русского синтаксиса – фразеологизированным предложениям. Рассматриваются структурные, семантические и коммуникативные особенности таких предложений.

Ключевые слова: фразеологизированные предложения, русский синтаксис, структурный, семантический, коммуникативный

Фразеологичность – системное явление языка, проявляющееся на всех языковых уровнях. Глубоко изучены и изучаются фразеологические образования в лексике. Однако не менее интересны и разнообразны синтаксические фразеологизированные единицы, изученные пока крайне недостаточно.

В работах, посвященных исследованию несвободных (фразеологических) образований синтаксиса, рассматриваются построения, очень разнотипные с точки зрения их грамматической характеристики и семантики: синтаксические идиомы типа *положить зубы на полку, ничтоже сумняшеся; гулять так гулять* [Кайгородова 1999], восклицательные эмотивные высказывания: *Это в 18-то веке!; Что вы говорите!; А еще инженер!* [Пиотровская 1994], фраземы с вопросительным словом типа *какой угодно, мало кто* [Иомдин 2007], фразеологически связанные сочетания, эквивалентные одному наречному, служебному или модальному слову: *так сказать, еще раз, без малого, будто бы* [Рогожникова 1991], предложения-штампы: *Как дела?; Что нового?; Доброго здоровья!; С Новым годом!* [Лекант 2004], «коммуникемы»

типа *А как же!*; *И разговора быть не может!*; *Вот тебе раз!* *Ишь ты* [Матевосян 2005].

Объединяет все эти работы то, что объектом анализа в них являются несвободные синтаксические конструкции и обороты, которые характеризуются полной воспроизводимостью и не являются предложениями. Между тем особый интерес представляет исследование проявления фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении. В русском языке выделяются собственно фразеологизированные предложения, или фразеологизированные структуры (ФС), которые обладают основными сущностными признаками предложения и в то же время характеризуются фразеологичностью: *Чем не помощница!*; *День как день!*; *Нет бы мне рассказать тебе об этом*; *Шутки шуткам рознь*; *Закон есть закон*; *Вот это помогли так помогли*; *Не огорчаться же из-за этого*.

ФС представляют собой специфический класс русских предложений как с точки зрения их структурно-грамматической организации, так и с точки зрения их семантики. ФС как специфические синтаксические структуры имеют свое особое предназначение в языке и в речи. ФС являются коммуникативным типом предложений. Значение ФС определяется как выражение того или иного конкретного значения субъективной модальности.

Субъективная модальность отражает сложное взаимодействие между участниками ситуации общения и ее компонентами: говорящим, адресатом, содержанием сообщения и действительностью: «В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять “я” и “не-я” (концептуальное начало нейтрально-информационному фону) в рамках высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 303]. Это способ для говорящего по-своему представить реальную действительность через собственное отношение, через его оценку, определенным образом интерпретировать ее. ФС связаны с ментальной, интеллектуальной, эмоциональной сферой жизни человека.

ФС, в отличие от лексических фразеологизмов, содержащих конкретную мысль, характеризующее утверждение, используемое в готовом виде, не являются готовой мыслью, они отражают результат обобщения работы сознания, мыслительных операций. Это особые, национально специфические формы мышления, формулы мысли, которые отражают национальную специфику русского языкового сознания и специфику мышления носителей русского языка. Поэтому представляет интерес исследование ФС в культурологическом аспекте, который прослеживает отношения «язык – культура», «человек – язык», «язык – внутренний мир человека». «Духовный мир человека отливается в язы-

ке» [Арутюнова 1988: 3]. Это означает, что, признавая справедливость известной формулы «Язык – это дом бытия», нельзя забывать, что язык это еще и зеркало внутреннего мира человека.

Рассмотрение синтаксических фразеологизированных структур в культурологическом аспекте выявляет их двойную природу. С одной стороны, ФС в своей семантике отражают универсальные свойства человеческой личности, обусловленные самим человеческим мышлением. С другой стороны, ФС в семантическом отношении представляют собой специфически русские построения, так как они отражают особенности русского национального менталитета, характер осознания реального мира именно русским человеком, отношение к миру именно русского человека. Опираясь на концепцию В.Н. Телия, ФС можно рассматривать как культурные концепты, передающие «идиоэтнические концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [Телия 1994]. Проиллюстрируем некоторыми примерами первый и второй тезис.

Семантическая структура ФС отражает связь со структурой человеческого мышления. Разные стороны мыслительной деятельности человека находят разнообразное (многоплановое) отражение и закрепление в языке, в его средствах, формах, структурах. ФС представляют языковое выражение тех мыслительных фрагментов («шаблонов мысли», по У. Сепиру), которые типичны для коммуникации людей независимо от их национальной и этнической принадлежности, и, следовательно, часто востребованы ими в процессе речевого общения. Так, семантическая классификация ФС, предлагаемая в [Величко 1996; Книга о грамматике 2009: 38–54] выделяет следующие самые общие, универсальные закреплённые в них смыслы: 1. оценка, 2. принятие-отрицание, 3. модальные характеристики, 4. единственность – множественность, 5. акцентирование, 6. обусловленность.

Так, по данной классификации, выделяется довольно обширная группа ФС, выражающих оценку: *Ай да Саша!*; *Всем городам город*; *Тожже мне город!*; *Город как горд*; *Вот так спортсмен!*; *Что за цветы!*; *Ну и концерт* и др. И действительно, особенностью человеческого мышления является стремление оценивать окружающие объекты и явления с точки зрения их качества, соотнося их с нормативными, эталонными, идеальными.

У человека возникает потребность представить действия, ситуации, с которыми он встречается, с точки зрения их необходимости, целесообразности, невозможности. Так в русском языке сложилась группа фразеологизированных построений с модальным значением: *Как было не помочь!*; *Нет бы тебе самой с ней поговорить*; *Не сидеть же здесь до вечера!*; *Куда мне все это запомнить* и др. В таких построениях на пропозициональную (дескриптивную) сторону высказывания как бы

накладывается модальная рамка и меняет его логико-смысловое содержание.

В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах. Так, в процессе жизнедеятельности человек нередко сравнивает, сопоставляет один объект с другими. В результате такого осмысления он, например, акцентирует определенные его свойства, выделяет его на фоне других, однотипных, и для выражения такого интенционального значения, использует структуры: *Где как не в горах можно хорошо отдохнуть!; Я слушал пение этого артиста не где-нибудь, а в Большом театре; Кто-кто, а Евгений прекрасный пианист.* В результате наблюдения и сопоставления фактов, объектов человек может прийти к выводу и об их единичности, уникальности, или, напротив, разнообразия и множественности, и такая мысль передается ФС типа: *Здесь что ни дом, то своя неповторимая архитектура; У него только и радость, что его работа; Бывают встречи и встречи; Традиции традициям рознь.*

В реальной действительности человеку нередко приходится уяснять складывающуюся ситуацию, устанавливая взаимосвязь, взаимообусловленность явлений, фактов, действий. Так в русском языке сформировался ряд структур со значением обусловленности, например: *Работа работой, а на экскурсию мы все равно поедим; Купить-то словарь я купил, но он оказался не очень хорошим; Добро бы фильм был интересный, а то обычная мелодрама.*

В процессе совместной трудовой, интеллектуальной, общественной деятельности, при решении проблем различного характера, в быту члены социума вступают в контакт для организации совместной деятельности, для согласования действий, распределения обязанностей или поручения определенных дел партнерам. Потребности человека как участника общения закрепились в языке определенное количество ФС, передающих реакцию говорящего на полученную информацию, на тот или иной посыл – согласие, принятие или, напротив, несогласие, отрицание. Ср.: *Заниматься так заниматься; А почему бы и не съездить; Это ли не радость!; Какой там прочитал; До разговоров ли мне и др.*

Теперь рассмотрим второй аспект обозначенной нами проблемы, т. е. проследим взаимосвязь «фразеологизированные структуры – русский национальный характер». Другими словами, постараемся определить, каким предстает русский человек – создатель и пользователь фразеологизированных построений, как закрепились в них свойства, качества русского человека. Они складывались постепенно, долго формировались, в них не только закрепились национальное восприятие и познание мира, но и отражены разные стороны самой личности носителей

данного языка – ее ментальной, эмоциональной, культурно-эстетической сфер, а также характер отношений между членами социума.

Представляется, что наличие некоторых смысловых компонентов, образующих общий смысл и определяющих условия функционирования тех или иных ФС, а также само существование в языке некоторых из них обусловлены именно спецификой русского менталитета, особенностями отношения русских к реальной действительности, характером взаимоотношений между коммуникантами, спецификой речевого общения русских.

Мы уже говорили о ФС, предназначенных для выражения оценки, и связывали их наличие с универсальными качествами языковой личности. Однако следует отметить характерную для русского языка большую детализацию этого общего значения оценки, представленную большим количеством оценочных ФС (нами выделено 14 структур этой семантики), выражающих тонкие нюансы ценностной характеристики объекта, например, радостное, восторженное одобрение только что увиденного, воспринимаемого или ощущаемого (*Ай да молодец!*; *Ай да пирог!*; *Ай да новость!*), высшую оценку объекта по сравнению с другими объектами того же ряда (*Всем пирогам пирог*; *Всем праздникам праздник!*), высокую оценку с целью убедить адресата, склонить к тому же мнению (*Чем не помощь!*; *Чем не праздник!*); негативную оценку (*Тоже мне пирог!*; *Тоже мне выступил!*); длительное или повторяющееся проявление объектом негативных действий, признаков (*Ох уж эти мне дожди!*; *Ох уж этот мне экзамен!*; *Ох уж эти мне соседи*), оценку как соответствие норме (*Пирог как пирог*; *Неделя как неделя*), равнодушно восприятие объекта как рядового, не вызывающего интереса (*Лес и лес!*; *Приехал и приехал!*) и т. д., и т. д. «В общении русские постоянно “раздают оценки” – ситуациям, событиям, лицам и даже своим непосредственным собеседникам. Эти оценки очень частотны и в равной мере позитивны и негативны» [Прохоров, Стернин 2006: 216].

Интересно отметить также, что в группе оценочных ФС выделяется несколько структур, которые могут передавать как положительную, так и негативную оценку в зависимости от языкового (лексического) их воплощения или коммуникативных условий употребления, например: *Ну и театр!*; *Что за сестра!*; *Вот так концерт*; *Какой это город*. Ср.: *Какой это город! Красивый, зеленый, прекрасная архитектура, и люди такие приветливые*; *Какой это город! Даже театра нет*. Коммуникативная значимость таких структур в том, что они позволяют говорящему, манипулируя вербальными и невербальными средствами, тонко варьировать нюанс оценки, при желании передавать некоторую неопределенность своего восприятия, побуждая адресат к активному самостоя-

тельному восприятию сообщения и его интерпретации. Тем самым говорящий реализует свои коммуникативные интенции и проявляет уважение к собеседнику. Такая детализация одного значения оформилась в языке, очевидно, в результате особенностей интеллектуального и эмоционального восприятия мира и социальных отношений между носителями русского языка. Человек может повлиять на язык, подстроить его под свои коммуникативные потребности. Русским людям свойственны простота, прямота суждений и отношений, может быть, некоторая недипломатичность. Поэтому они, не ограничиваясь оценками «хорошо» и «плохо», не боятся оценивать объекты с нужной им степенью точности и откровенности.

Другой пример. ФС «*хоть + импер.*» (*Хоть переезжай в другой город!; Хоть не выходи на улицу!; Хоть вообще не разговаривай с ней!*) называет целесообразное действие, логично вытекающее из сложившейся ситуации, разумное для данного положения дел, но воспринимаемое самим говорящим как самая решительная, крайняя мера, которая далеко не всегда выполняется или может быть выполнена.

Мотивом, побуждающим использовать высказывания этой ФС, является привычное для русского человека желание обрисовать негативную, неблагоприятную ситуацию, чтобы вызвать сочувствие, т. е. просто «выговориться и облегчить душу», даже не планируя изменить ситуацию, путем исполнения целесообразного действия. Русские относятся к общению, к речевому взаимодействию не только как к деловому акту, необходимому в любом обществе, но и как к важной стороне жизни.

Для русского человека общение – это не только необходимое условие осуществления совместной деятельности, но и потребность духовного, душевного, психологического контакта, возможность получить понимание, сочувствие, поддержку, а то и утешение. С этим связана и склонность, желание русских поговорить, рассказать о том, что волнует или пожаловаться. «Видимо, соприкоснуться душой, чтобы выслушали и поняли, при этом не столько разумом, сколько сердцем – неотъемлемое свойство человека, особенно русского» [Формановская 2012: 174]. При этом человек не боится показаться слабым, обиженным или вызвать усмешку. Он надеется на понимание и поддержку.

В приведенной выше ФС «*хоть + импер.*» как раз и закрепилось свойственное русским желание получать облегчение в общении, сочувствие от собеседника. С таким отношением к общению у русских связана также откровенность, искренность, «небоязнь» рассказать о чем-то сокровенном или наболевшем. Отношение к общению как к возможности получить поддержку и сочувствие получило отражение в лексическом составе русского языка, ср., например, глаголы, устойчивые соче-

тания: *поделиться, поговорить по душам, открыть душу, излить душу (наболевшее), выговориться, облегчить душу* и т. д.

Еще одна черта, характеризующая русских, – это критическое отношение к себе: они не привыкли хвалить себя, говорить о своих способностях, успехах. Даже похвалу других в свой адрес стараются приуменьшить, поставить под сомнение. Отсюда и существование таких ФС, как «*куда/где кому + инф./сущ.*» (*Куда / Где мне победить! Где мне с ним спорить! Куда мне в консерваторию!*), а также «*мне ли + инф.*» (*Мне ли мечтать об университете; Мне ли думать о повышении в должности*).

Следующее наблюдение связано с ФС «*Нет бы + кому + инф.*». (*Нет бы заранее купить билет!; Нет бы ему сразу обратиться к врачу; Нет бы мне серьезнее относиться к этой проблеме*). Высказывания, реализующие эту структуру, называют правильное, разумное, но не совершенное, не выполненное говорящим (или другим лицом), действие и выражают сожаление по поводу того, что осознание правильного, разумного действия пришло слишком поздно, после совершения ошибочного действия, ставшего причиной неудачи.

Эта ФС отражает, как представляется, еще одну особенность русского менталитета. Русским иногда не хватает деловитости, практичности, умения заранее планировать свои действия, предвидеть возможные последствия. Иногда человек сначала делает что-либо, а получив нежелательный результат, начинает анализировать и думать о том, как следовало бы действовать. «Русский мужик задним умом крепок», гласит народная мудрость. Именно эту грань характера русских фиксирует приведенная ФС.

Некоторые ФС связаны со сложившейся у русских спецификой общения, ведения диалога, беседы. Исследователи выделяют два типа диалога как два типа речевого поведения: диалог сотрудничества и диалог соперничества – и обращают внимание на преимущественное преобладание того или иного типа у представителей той или иной нации. У русских распространен диалог соперничества, при котором интересы говорящего и слушающего могут вступить в конфликт; говорящий может быть заинтересован в самовыражении даже в ущерб интересам собеседника и согласованности общения. Цель говорящего – поиск истины, и в такой ситуации поддержание гармоничных отношений отходит на второй план [Прохоров, Стернин 2006].

Русские рассматривают общение не как формальный акт, поэтому допускают, что собеседника можно не только эмоционально похвалить (для этого класс ФС располагает большими возможностями, ср. *Ай да молодец!; Вот это Саша!* и другие ФС положительной оценки), но и покритиковать, пожуричь. Для этого, в частности, могут использоваться

предложения фразеологизированных структур, например: *Куда тебе в университет!; Тебе ли мечтать об этой девушке!; Ему ли думать об аспирантуре*, которые подвергают сомнению способности, возможности адресата или третьего лица, или *Ох уж эти мне твои фокусы и капризы! Тебе бы только спать да развлекаться!*, передающие негативное отношение к поведению собеседника.

Говорящий может постараться склонить собеседника на свою сторону. Компонент «убеждение» проявляется в ряде структур, осложняя их основное значение, например: *Чем не праздник!; Чем не помощь!* (оценка + убеждение), *Тебе ли не написать эту работу!* (утверждение и убеждение), *Мало ли почему она не пришла; Мало ли какая будет погода!* (возможность разных вариантов + стремление убедить в осуществимости не того, что предполагает собеседник).

Таким образом, ФС, будучи связанными с интеллектуальной и эмоциональной сферами человека, отражают особенности национального характера русских, их менталитета, а также национальные традиции, в том числе их отношение к общению и традиции общения.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
3. Иомдин Л.Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАП-РЯЛ. Т. 1. Sofia, 2007.
4. Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань, 1999.
5. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. 3-е изд. М., 2009.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 3-е изд. М., 2004.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 2002.
8. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. Москва–Ереван, 2005.
9. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистических исследований. СПб., 1994.
10. Прохоров Ю.Е., Стернин И.Е. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.
11. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М., 1991.
12. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976.
13. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. в 2 ч. Ч 1. Минск, 1994.
14. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт. М., 2012.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ИНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕАКЦИЯ ВОСПРИНИМАЮЩЕГО ЯЗЫКА

Е.М. Верецагин

TRANSPLANTATION OF A FOREIGN CULTURE AND REACTION OF THE RECIPIENT LANGUAGE

E.M. Vereščagin

ABSTRACT:

The subsequent study is dedicated to the 1150th anniversary (863-2013) of the common (Church) Slavonic literary language which arose as a result of the translation activity of the Slavic “Equal-to-Apostles” Cyril and Methodius. One of the first translated (from Greek into Slavonic) liturgical books was the Gospel in the fragmented and disjointed form of *aprakos*. The Christian Greek Gospel was a diverse mental world to the then pagan Slavic people. Therefore the investigator tries to explore efforts of the Slavic “First-Teachers and Enlighteners” to establish a Slavonic literary language fit to reflect the new culture. Special attention is given to the “resistance” of the culture-receiving language.

Keywords: transplantation of a foreign culture, reaction of the recipient language, translation activity of the Slavic “Equal-to-Apostles” Cyril and Methodius, Gospel in the form of *aprakos*

Статья посвящена 1150-летию (863-2013) начала книжной деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Одной из первых переведенных (с греческого на церковнославянский) литургических книг явилось Евангелие в форме *апракоса*. Греч. Евангелие своим содержанием отнюдь не совпадало с ментальным миром язычников, поэтому первопереводчики были принуждены перво-наперво приступить к созданию слав. книжного языка, способного выражать новую культуру. Преобразуемый язык «сопротивлялся», и соответственно в статье изучен феномен резистенции традиционного языка, который подвергался воздействию иной культуры.

Ключевые слова: трансплантация иной культуры, резистенция воспринимающего языка, переводческая деятельность слав. равноапостолов Кирилла и Мефодия, Евангелие в форме *апракоса*.

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
грант № 11-04-00171а «Древнейшая славяно-русская Служебная миня за январь: основные вопросы исследования и издания переводных гимнографических источников»*

Посвящается 1150-летию
начала книжной деятельности
свв. Кирилла и Мефодия (863 – 2013)

Терминологическая пара «язык и культура», которой обозначается обширное поле междисциплинарного анализа, привычно вошла в сознание специалистов. Между тем если применить к ней динамической критерий первичности/вторичности (причины и следствия), то отношения должны быть перевернуты.

Хотя и нельзя отрицать определенного (даже существенного) влияния языка на культуру, все же именно культура определяет магистраль языкового развития: перемены в культуре влекут за собой перемены в языке. Бывают периоды радикальной и быстрой смены национальной культуры, и тогда особенно заметны идущие за ней революции в языке. Такой период был открыт 1150 лет назад языкотворческой деятельностью Кирилла и Мефодия.

Выступать против сложившейся традиции – дело бесперспективное, но тем не менее, обозначая лингвокультурологическую проблематику, следовало бы говорить о «культуре и языке».

* * *

Когда Кирилл и Мефодий выполнили первые переводы книг с греческого на славянский, они, конечно, столкнулись с неготовностью языческой идиомы адекватно отражать христианское Свщ. Писание, богословствование, богослужение, агиографию, проповедь и другие сферы культуры, которую надлежало трансплантировать в славянский мир. Изменить, даже заменить культуру – прежде всего значит реформировать язык. Надлежало радикально перестроить язык славянства, подняв его на книжно-письменную ступень.

Согласно славистической традиции, этот преобразованный язык называется *церковнославянским*.

Первые переведенные на славянский книги – Псалтырь и Евангелие – стали текстами-образцами, на которые ориентировалась последующая книжность.

Это верно, что стихийный устный диалект не терпит нормализаторского вмешательства, но книжно-письменный язык по своей природе может быть продуктом формирующей деятельности группы книжников и даже одного авторитетного лица. Такими языкотворцами и стали Кирилл и Мефодий, затем их ближайшие ученики, затем ученики учеников. Цепочка преемственности позволила на века закрепить – практикой, отчасти и теорией – установки и вкусы первоучителей.

Если применить апофтегму А.С. Пушкина о русском языке, – «перемчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам», – то

частные диалекты присолунских славян¹, преобразуемые в общеславянский книжно-письменный язык, оказались переимчивыми в своих отношениях к византийско-греческому языку. С другой стороны, они оказывали и сопротивление.

Собственно, выполняя переводы, первоучители не всегда сталкивались с дефицитом средств выражения в слав. диалекте.

Некоторые области греческой и славянской бытовой культуры совпадали: греки и славяне были земледельцами, строителями, охотниками, рыбаками; те и другие пекли хлеб и пищу готовили на огне; пасли скот; были знакомы с денежным обращением; нанимали работников; имели брачные и пиршественные обычаи; считались между собой родством; воспитывали детей; погребали покойников; вели войны; строили крепости и т. д.

Поэтому когда в Евангелии излагается, например, притча² о сеятеле (Мф 13:3-8; Мр 4:3-8; Лк 8:5-8), то земледельческие славянские тематические слова были наготове, и осуществлялся обычный перевод (а языкотворчества не требовались). Наготове был весь фонд лексики, который по традиции называется *праславянским*.

Итак, хотя дефицит средств выражения и не был повсеместным, все же в тех сферах Свщ. Писания и богослужения, в которых излагалось христианское богословствование, этот дефицит мог показаться непреодолимым.

Первоучители восполняли его, во-первых, посредством подчинения образуемого языка греч. образцам и, во-вторых, как ни покажется парадоксальным, путем противостояния и сохранения славянской идиоматики. Случаев сопротивления славянского книжно-письменного языка чужеродной колодке оказалось немало.

В свете сказанного сначала рассмотрим позитивную реакцию воспринимающего языка, а затем негативную. Первая половина нижеследующей статьи, хотя и содержит новые наблюдения, все же представляет собой обзор и систематизацию более или менее известной проблематики. Вторая половина содержит нетривиальный фактический материал, подвергнутый к тому же контрастивному анализу, похожему на лингвистический эксперимент. Под конец в ней изложены и теоретические инновации.

---

¹ Не забудем, что IX в. – это эпоха, когда все слав. племена (от *полабов* на западе до *вятичей* на востоке, от *ильменских словен* на севере до *милингов* и *езерцев* на юге) еще понимали друг друга. Кроме того, согласно «Повести временных лет», для славян было характерно надплеменное сознание. Стало быть, Кирилл Философ мог без труда объясниться с мораванами, обитавшими за две тысячи верст от Византии. Его языкотворчество никак не было ограничено рамками одного слав. племени или группы племен.

² В Евангелии вообще весьма распространен жанр притчи, сюжеты которой черпаются из обиходно-бытовой культуры.

* * *

Преодолевая дефицит слав. средств выражения, Кирилл и Мефодий, во-первых, прибегали к обильным *заимствованиям* из греческого (причем через греч. посредство были введены и гебраизмы). Ср., например: авва, амнь, ангель, архисѣнагогъ, вельзѣволъ, власфнмна, газофнаакна, геона, евангеліе, елен, ефнмерна, ехнда, нюден, нѣрен, катапетазма, кенъ-тоурнонъ, краинѣвъ, легеонъ, лепта, мамона, мѣро, мѣрънъ, паракантъ, параскеѣгн, пасха, раввн, сканъдаллъ, скнннн, скннопнгна, сотона, спнра, стра-тнгъ, сѣкамна, сѣкомарна, талантъ, фарсен, хламѣда, ѣпокрнтъ, ѣсопъ и т.д.

Во-вторых, первопереводчики практиковали обильное *морфологическое калькирование* (словосложение и словопроизводство).

Так, византийско-греческий язык позволяет незатрудненно образовывать богословские лексемы с отрицательными приставками (апофатические термины). Сложилась даже отдельная область т. н. апофатического богословия. В славянской же обиходной речи для них не было и не могло быть даже отдаленных соответствий.

Поэтому Кирилл и Мефодий, создавая слав. эквиваленты, воспроизводили внутреннюю структуру слов греч. источника. Если греч. апофатический термин имеет структуру *ἀν-αρχ-ος* или *ἀ-τελεῦτητ-ος*, то первоучители точь-в-точь переводили все элементы этой структуры, т.е. каждую морфему (приставку, лексическую основу, суффикс, флексию); так были получены: без-начал-ьнъ или бес-конеч-ьнъ.

Ср. далее: невнднмъ, неодръжнмъ, нензмьнъ, безврѣменьнъ, нензвѣдомъ, нерастѣпнъ, непрѣложнъ, несмѣсьнъ, непорочнъ, нескѣднъ, несмысльнъ, неспровръжнъ, нескъврнъ, неопнсанъ, нензречнъ, нензглаголанъ, нечнстъ, нечестнъ, неразмѣсьнъ, непрѣложнъ, бе-с-змрътьнъ, безглавьнъ, безнмьнъ, а также нерожденне, неравенство, нераздѣленне, нестѣнне, безвожне и т. д.

Наряду с дериватами, широко вводились и применялись слова-композиции. Новые слав. лексемы возникали путем сложения двух или даже трех самостоятельных лексических основ. Ср.: благовѣстнтн, благотворнтн, благоволенне, благочестнне, домооустронтн, жестосръднне, законооучитель, зълодѣн, зълотворнтн, лнхонмьствнне, лъжеапостолъ, лъжепророкъ, лъжебратна, лъжесъвѣдѣнне, маловѣръ, нерѣкотворнъ, самогндьць, чловѣкоубннца и т. д.

Наконец, в-третьих, восполняя дефицит, первоучители последовательно прибегали к языкотворческому приему, называемому *транспозицией* (или *семантическим калькированием*).

Уже первая переведенная евангельская фраза (Искони бј слово и т.д.), в которой говорится о Второй Ипостаси христианского Бога-Троицы, входит в сверхсложный богословский Прѳолог Евангелия от Иоанна (Ин 1:1-18), а в нем все слова, кажущиеся обиходными, отчуждены от исходных значений³.

Ср. избранный список подобных лексем-транспозитов: нстнна, (по)знатн, слава, жнвотъ, нсповѣдѣти, власть, мнрѣ, свѣдѣтельствовати, нноуады, вѣра, плъть, тьма, свѣтъ, просвѣщати, благодѣть, вещь, внна, снаа, родъ, свѣтъ, смысль, чать, благо, блжннн и т. д.

Отличительной чертой транспозитов является то, что греч. исходное слово и слав. перевод нередко образуют нерасторжимую (спаянную) пару-*конъюнкт*, причем в книжно-письменном языке за слав. словом контекстно закрепляются, отчуждаясь от языческих славянских ассоциаций, именно христианские (греческие) смыслы: a`marti, a = грѣхъ; avnatolh, = вѣстокъ; gh/ = земля; du, sij = запады; Qeo, j = богъ; ma, kar = блаженнн; porfu, ra = баграница; o` и h` ma, rtuj = мочуеннкъ и мочуенница; mh, n = мѣсць; no, moj = законъ; nu, mfh = невѣста; o; noma = нма; ouvrano, j = небо; path, r = отьць; potamo, j = рѣка; ste, foj = вѣныць; strathla, thj = роководъ; cara, = радость; cei, r = рѣка; cruso, j = злато и т. д.

* * *

Новообразованный книжно-письменный язык, если уподобить его живому существу (и прибегнуть к антропоморфизмам), допускал все вышеперечисленные способы и в целом реагировал положительно. Правда, временами, под влиянием диалектной основы, реакция бывала и отрицательной. Эти оценочные суждения – относительны и даже амбивалентны, поскольку переимчивость вела к утрате идиоматичности, а отвержение, напротив, ее сохраняло.

Так, ряд первоначальных заимствований, понятных в двуязычной среде константинопольских слав. книжников, по мере перемещения рукописей и их бытования в одноязычной общности (например, в Моравии) постепенно был заменен на автохтонные лексемы. Наряду с параклантъ, сканъдалъ, ѱпокрнтъ появились оутѣшнтель (и ходатан) , съблазнъ,

---

³ См. подробнее: [Верещагин 2012].

лнцѣмъꙗ. Они и лексемъ, подобные им, какое-то время употреблялись параллельно, а затем гречизмы были вытеснены.

Сейчас мы рассмотрим еще одну группу однородных примеров, которые, по нашему мнению, также свидетельствуют об отрицательной реакции на греч. половецъе.

В стихе Мф 9:12 Иисус говорит, что он пришел в мир, чтобы спасти грешников, а не праведников. Эта мысль у него выражена через уподобление собственной проповеди деятельности врача-целителя (лечащего больных, а не здоровых): Οὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ἰσχυρόντες ἰατροῦ ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες. Если перевести по пословному принципу на современный русский, то получится: «Не имеют нужды крепкие во враче, а плохо имущие». Достаточно сопоставить фрагменты, в обоих текстах выделенные курсивом, чтобы убедиться: в греч. источнике два раза читается по два слова, и в переводе на тех же местах оба раза употреблены также по два слова.

Реальность выполненного нами гипотетического (экспериментального) перевода может быть подтверждена. В последней трети XVII в. в Москве под руководством иеромонаха Чудова монастыря Епифанія Славинецкаго (*нач. XVII в. – †1675) действовала дружина книжников, которые пересматривали имевшийся слав. Новый Завет с установкой на максимальное его приближения к греч. оригиналу (даже посредством насилия над слав. языком).

В кружке Епифанія был осуществлен строго пословный перевод стиха Мф 9:12: не *требы имѣ* крѣпоствѣющіи врача, но *ялѣ имѣщій* [Новый Завет 2004: 25]⁴. Нечто подобное наблюдается в вышеприведенном переводе на русский: у Епифанія интересующие нас слав. словосочетания состоят, как и греческие, из двух лексем.

Между тем в древнейшем слав. кириллическом Евангелии (Саввиной книге [Сав]; переписана, возможно, в конце X в.) читается иначе: не *требовѣтъ съдѣавнн врача, нѣ болацнн*. У греков χρεῖαν ἔχουσιν, а здесь *требовѣтъ*; у греков κακῶς ἔχοντες, а здесь *болацннѣ*.

Первопереводчик, действуя в духе слав. языка, – а славяне были знакомы и с нуждой в помощи и с врачеванием, – поставил в соответствие двусловным греч. описательным оборотам по одной лексеме. Этим он отступил от пословного принципа (чего никогда не делал Епифаній и

---

⁴ Выписки из Нового Завета Епифанія приводим приближенным к полууставу шрифтом Eliz.

⁵ Кстати заметим, что греч. οἱ ἰσχυρόντες в [Сав] передано без сохранения внутренней формы (οἱ ἰσχύς – это «сила, крепость»), а путем перевода по денотату (съдѣавнн).

иже с ним). Зато первопереводчик не пошел против сопротивлявшейся слав. идиомы.

Бывают случаи, когда на месте одного греч. слова стоят не только два, но и три слав. слова. Например, в стихе Мф 17:15, взятом из эпизода исцеления бесноватого отрока, говорится о сомнабулизме. Отец отрока сказал о болезни, употребив одно слово: *σεληνιάζεται*.

Справщики Епифаниева круга также оставили одно слово, для чего пришлось создать неологизм *лѣньствѣса*, которому они приписали значение «страдает лунатизмом».

Кирилл, предполагаемый первопереводчик, однако, дал другую версию (из трех слов): *на новъ мць бѣснтъ са*.

Члены московского кружка пошли на насилие над языком, тогда как первопереводчик не стал преодолевать сопротивление, а, напротив, последовал за подсказкой языка.

Аналогичный случай наблюдаем в Лк 14:2: здесь говорится о другой болезни и упоминается *ἄνθρωπος τις ὑδροπικός* («человек, страдающий водянкой»). Название болезни («водянка») в оригинале передано одним словом, тогда как в слав. переводе употреблены три: *члкъ ѿдннъ нмзи водьны трдъ*. (У Епифания, конечно, одно слово: водозанужный).

Далее коллекция аналогичного однородного материала приводится без комментариев.

Проблемные слав. фрагменты выделяем подчеркиванием; их греч. соответствия заключаем в круглые скобки; решения московского кружка показываем прямыми скобками.

Для того, чтобы выявить и продемонстрировать преемственное бытование слав. Евангелия от Кирилла и Мефодия до наших дней, теперь выписки приводим не по [Сав], а по современной синодальной версии, ср.:

Мф 2:22: вѣсть же пріёмъ (*χηματιθεῖς*) [отвѣтованъ] во снѣ
ѡнде въ предѣлы галілейскіа.

Мф :31: Рѣчено же вѣсть, *ἵακω ἵже ἄще πῶститъ женѣ своѣ*,
да дастъ ей книгъ распѣтнѣю (*αλοστάσιον*) [отступное].

Мф 19:20: всѣ сѣа сохранихъ ѡ юности моеа: что ѣсмь еще не
докончалъ (*ὕστερῶ*) [лишаю са].

Мф 24:19: Горе же непразднымъ (*ἐν γαστρὶ ἐχούσαις*) [во чревъ
имушьмъ].

Мф 27:29, *passim*: на колѣноу прѣклоньшеса (*γονυλεῖσαντες*) [колѣно-
падше].

Мф 8:14: И пришѣдъ иисъ въ дѡмъ петрѡвъ, видѣ теѣцѣ ...
ѡгнѣмъ жегѡмъ (*πυρέσσουσαν*) [огневичествуемъ].

Мф 26:67: **Тогда ... пѣкѣсти ѣмѣ дѣлахѣ** (ἐκολάφισαν) [пѣствоваху], **ѡвн же за ланитѣ ѡгдариша** (ἐράπισαν) [ланитствоваху].

Мк 12:4: **каменіемъ бивше** (λιθοβολήσαντες) [каменовавше], **проевіша главѣ** (ἐκεφαλαίωσαν) ѣмѣ [оглавиша].

Ин 16:2: **Ѡ сонмищѣ ѡжденѣтъ вы** (ἀποσυναγωγούς ποιήσουσιν) [отсонмищствованы сотворятъ].

Кирилло-Мефодиевские переводы выполнены в согласии с узусом языка: первоучители не преодолевали его сопротивления. Между тем, напротив, все глаголы, изобретенные книжниками XVII в. – огневи-чествовати, пѣствовати, ланитствовати, каменовати, огла-вити, отсонмищствовати, – будучи морфологическими кальками, явно не узуальны. В то же время они показывают, какой вид мог бы принять слав. книжно-письменный язык, если бы первоучители всякий раз преодолевали его сопротивление и неукоснительно держались по-словного принципа перевода.

Они не добились бы полной внятности текста самой важной христианской книги⁶. Многовековая будущность церковнославянского языка не была бы обеспечена.

Литература / References

1. *Верещагин Е.М.* Иоаннитский Пролог по версии Остромирова евангелия и его загадка // Верещагин Е.М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. М., 2012. С. 106–169.
2. Новый Завет 2004 – Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.). Факсимиле. Подготовка текста Т.А. Исаченко. Paderborn etc., 2004.
3. Сав – Саввина книга. Древнеслав. рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование. Издание подготовили О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М., 1999.

---

⁶ Не по этой ли причине (невнятности) полностью готовый к печати Новый Завет Епифания не был одобрен священноначалием и остался под спудом?

МОКРАЯ КУРИЦА VS. WET HEN (О ЗООМОРФНОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

М.М. Вознесенская

МОКРАЯ КУРИЦА VS. WET HEN (ON ZOOMORPHICAL CODE IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY)

М.М. Voznesenskaya

ABSTRACT:

The paper is concerned with contrastive-comparative description of the idioms with zoomorphical components *hen, chicken* in Russian and English Phraseology. The Inner Forms, lexical-syntactical structure and actual meaning of the idioms are compared, and possible interlingual relation between them (identity, partial identity and distinction) are discussed.

Keywords: linguoculturology, Russian and English Phraseology, zoomorphical code, contrastive-comparative description, hen, chicken

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному описанию фрагмента зооморфного кода в русской и английской фразеологии, представленного фразеологическими единицами с компонентами *курица, цыпленок, hen, chicken*. Рассматриваются межъязыковые отношения тождества, неполного тождества и различия в образной основе, лексико-синтаксической структуре и актуальном значении анализируемых идиом.

Ключевые слова: лингвокультурология, русская и английская фразеология, зооморфный код, сравнительно-сопоставительное описание, курица, цыпленок, hen, chicken

Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты 12-34-10413, 12-04-12054, 12-04-12055, и Министерства образования и науки РФ, заявка 2012-1.1-12-000-3004-052 (Разработка интерактивной системы «Корпус текстов по русской фразеологии»).

В основе лингвокультурологического метода во фразеологии [Телия 1996; Красных 2002; Ковшова 2012] лежит понятие культурных кодов, под которыми понимают «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в целом в картине мира, в мировоззрении данного социума» [Ковшова 2012: 170]. Иссле-

дователями выделяются такие базовые коды культуры, как природный, растительный, зооморфный, телесный, пищевой и др. Сравнение способов репрезентации культурных кодов во фразеологии разных языков позволяет определить как универсальные, так и специфические культурные составляющие в национальных фразеологических и, шире, языковых картинах мира.

Задача настоящей статьи – сравнительно-сопоставительное описание фрагмента зооморфного кода в русской и английской фразеологии, представленного фразеологическими единицами (ФЕ) с компонентами *курица, цыпленок, hen, chicken*¹, являющимися наиболее частотными наименованиями домашних птиц во фразеологии обоих языков. Известно, что при межъязыковых сопоставлениях обнаруживается три основных вида отношений – «тождества, неполного тождества и различия» [Райхштайн 1980: 24]. В случае ФЕ эти межъязыковые соотношения могут затрагивать три стороны фразеологического знака – его образную основу, компонентный (лексический и структурно-синтаксический) состав и актуальное значение. Таким образом, при сопоставлении русских и английских устойчивых выражений учитывались следующие факторы: тождество / сходство / различие образных основ ФЕ, их компонентного состава и актуального значения. Сравнительное описание русских и английских фразеологизмов дается по степени нарастания отличий, по направлению от полного тождества до полного различия в образной основе, лексическом составе и актуальном значении.

В русской и английской фразеологии представлены выражения, являющиеся полными эквивалентами – в них совпадает образная основа, лексический состав и значение. Так, английское выражение *go to bed with the chickens* и русское *с курами ложиться* имеют одно и то же значение ‘рано ложиться спать’, основанное на особенностях поведения этих домашних птиц, засыпающих с заходом солнца.

Идиомы *как курица лапой* и *chicken tracks* (букв. ‘куриные следы’) и в русском и в английском языках обозначают ‘плохой, неразборчивый почерк’, который сравнивается со следами, оставляемыми на земле куриными лапами. Видно, что оба выражения отсылают к одной и той же образной ситуации, которая получает различное наименование в каждом из языков – через «орудие» в русском и через «результат» в английском. Интересно, что в русском языке есть устаревшее просторечное выражение с тем же значением *как куры набродили*, где та же образная основа именуется через «действие». Предполагают, что эти обороты восходят к латинскому *gallina scripsit* (букв. ‘курица написала’),

---

¹ Выборка фразеологических единиц проводилась из словарей, список которых приведен в конце статьи.

встречающемуся в комедии Плавта «Pseudolus» («Мошенник») [Бирх, Мокиенко, Степанова 2007: 367].

Русский фразеологизм [*носитя*] как курица с яйцом и английский оборот *like a hen with one chicken* (букв. 'как курица с единственным цыпленком'), хотя и имеют некоторые различия в лексическом составе, но базируются на одном образе – поведении курицы, заботящейся о своем потомстве, переосмысляемом как 'уделять излишнее внимание тому, что этого внимания не заслуживает'. Этот же образ лежит в основе английской идиомы *mother hen* (букв. 'мать-курица'), при помощи которой именуется человек, 'излишне назойливо и суетливо заботящийся об окружающих'. В русском языке нет тождественного фразеологического выражения, тот же смысл может передаваться употребленным в переносном значении словом *наседка*, прямое значение которого ('курица, которая высидела или высидела цыплят') отсылает к тому же образу «курицы-матери».

Английским выражением *a chicken and egg situation* (букв. 'ситуация курицы и яйца'), восходящим к вопросу *Which came first – the chicken or the egg?* (русс. *Что было раньше – яйцо или курица?*), обозначается 'такое положение дел, когда неизвестно, какое из двух связанных событий является причиной другого'. Видно, что и образная основа, и лексический состав, и актуальное значение английской идиомы присутствуют в русском языке, но не во фразеологизированном виде, а только в виде вопроса, волновавшего еще античных философов.

В ряде русских и английских идиом совпадает значение и образная основа, за тем только исключением, что носителем определенного признака, качества, свойства являются разные домашние птицы. Так, русскому выражению *резать курицу, которая несет золотые яйца* соответствует английское *to kill the goose that lays the golden egg/eggs* (букв. 'убить гусыню, кладущую золотые яйца'). Обе идиомы используются для обозначения глупого, непредусмотрительного поведения кого-либо, кто сам разрушает свое благополучие, лишает себя источника дохода и т. п. Образ, лежащий в основе выражений, относится к известной басне Эзопа, в которой рассказывалось о том, как крестьянин, у которого была гусыня, несущая золотые яйца, решил убить ее, чтобы сразу получить все яйца. Таким образом, английская фразеология ближе к «оригиналу».

Межъязыковая «путаница» между *курицей* и *гусем* представлена и в таких выражениях, как *hen flesh* (букв. 'куриное мясо', 'куриная плоть'), *hen skin* ('куриная кожа') и *гусиная кожа*, основывающихся на особенностях внешнего вида кожи ощипанных домашних птиц и обозначающих 'кожу, покрывшуюся мелкими пупырышками от холода, страха, волнения', т. е. физическое проявление различных физических и психических состояний человека. Также встречаются случаи, когда один и тот

же признак характеризует весьма далеких животных, например, русскому выражению *курам на смех* соответствует английское *it would make a cat laugh*, которые имеют одно и то же актуальное значение ('о чем-либо абсурдном, бессмысленном, абсолютно неприемлемом') и одинаковую модель внутренней формы («животное, совершающее не свойственное ему действие»).

Выражения *count one's chickens before they hatch* (букв. 'считать цыплят прежде, чем они вылупились') и *цыплят по осени считают* обычно рассматриваются как полные эквиваленты. Представляется, что это не совсем верно. Действительно, образная основа этих выражений почти идентична – речь идет о цыплятах, или еще не появившихся на свет (английское выражение), или недавно родившихся (русское выражение). Но это небольшое отличие, несущественное в случае рассмотренных выше ФЕ как *кураца с яйцом* и *like a hen with one chicken*, где фокус внимания находится на материнском инстинкте курицы, приобретает большое значение, по-разному переосмысливаясь в актуальном значении фразеологизмов *count one's chickens before they hatch* и *цыплят по осени считают*. Английский устойчивый оборот имеет значение 'строить планы о том, как использовать благоприятные результаты чего-либо, что еще не осуществилось', 'преждевременно надеяться на успех и планировать, как его использовать', т. е. в пресуппозиции находится уверенность в успехе. Это значение близко по смыслу русскому выражению *делить шкуру неубитого медведя*. Русская же поговорка *цыплят по осени считают* значит, что 'о чем-либо судят лишь по конечным итогам' и 'говорится тому, кто преждевременно судит о результатах чего-л.' [Жуков 1993: 347], при этом преждевременное суждение может содержать как уверенность в осуществлении чего-либо хорошего, так и негативные ожидания. (Ср. возможность употребления в качестве ответной реплики *Цыплят по осени считают* в двух противоположных случаях: *Боюсь, что в финале наша команда проиграет* и *Уверен, что в финале наша команда выиграет*). Таким образом, русское и английское выражения лишь частично совпадают в образной основе и в актуальном значении, обозначая или преждевременные планы (англ. яз.), или преждевременные выводы, подведение итогов (русск. яз)

Идиомы *мокрая курица* и *as mad as a wet hen* (букв. 'бешеный как мокрая курица') отсылают к одному и тому же образу, но имеют разные значения в результате профилирования в исходной образной ситуации различных признаков. Русская фразеология фокусируется на непрезентабельном внешнем виде курицы, выражение *мокрая курица* имеет в русском языке два значения, описывая или физически непривлекательного человека, или безвольного, бесхарактерного человека. Значение английского выражения – 'рассерженный, сердитый, злой' основывает-

ся на поведении «мокрой курицы», ее «реакции». Можно сказать, что значение английской идиомы и второе значение русского выражения находятся в отношении межъязыковой энантиосемии, обозначая частично противоположные понятия.

Таким образом, между некоторыми русскими и английскими выражениями с компонентами *курица*, *цыпленок*, *hen*, *chicken* наблюдается совпадение или частичное тождество, сходство по таким параметрам, как образная основа, лексический состав и актуальное значение. Вместе с тем, в русском и английском языках представлено большое количество ФЕ, которые различаются по всем вышеназванным параметрам. Рассмотрим некоторые из них.

Идиома *no spring chicken* (букв. 'не весенняя (т. е. молодая) курочка / петушок') значит, что кто-либо уже не молод, и аналогично русскому выражению *не первой молодости*.

Оборот *the chicken come home to roost* (букв. 'курочки / цыплята возвращаются на насест') употребляется, когда хотят сказать, что кто-либо имеет дело с последствиями своих прошлых неблагоприятных действий. В русском языке сходным значением обладают выражения *как аукнется, так и откликнется*, *что посеешь, то и пожнешь*. Идиома является сокращенной цитатой из поэмы английского поэта-романтика «озерной школы» Роберта Саути (Robert Southey) «Проклятие Кехамы» («The Curse of Kehama»): *Curses are like young chickens, they always come home to roost* (букв. 'проклятия, как молодые курочки/цыплята, всегда возвращаются домой на насест') [Collins 2011: 310].

Курица (*hen*) и цыпленок (*chicken*) в английском языке являются символами трусости, что находит выражение в переносных значениях этих слов ('трус', 'трусливый'), в их различных дериватах и устойчивых сочетаниях. Так, прилагательные *hen-hearted* и *chicken-hearted* (букв. 'с куриным сердцем' и 'с цыплячьим сердцем'), *hen-livered* (букв. 'с куриной / цыплячьей печенкой') обозначают трусливого, малодушного, боязливого человека, *chicken button* (букв. 'куриная / цыплячья кнопка') – название кнопки сигнала тревоги, аварийной кнопки. Глагольное сочетание *chicken out (of smth / of doing smth)*, образованное от существительного, значит 'отказываться делать что-л. от страха или трусости'.

Трусость, пожалуй, один из немногих недостатков, не свойственный «русской курице», которой в русской фразеологии приписываются разнообразнейшие отрицательные качества – она неумна (*куриные мозги*), у нее плохая память (*куриная память*) и неважное зрение (*слепая курица*; *куриная слепота* – 'временное ослабление зрения в темное время суток' и народное название некоторых растений, например, лютика едкого), она пассивна и безынициативна (*вареная курица*). Уподобление различным частям тела курицы подчеркивает непривлекательность описывае-

мых объектов. Так, *избушкой на курьих ножках* в русских сказках называется жилище Бабы-Яги, некрасивой и злобной старухи, поедаящей людей, а в современном русском языке любое некрасивое и ветхое строение. *Куриная грудь* – это название ‘сдавленной с боков и сильно выдающейся грудной клетки’, выражение *куриная гузка* используется для обозначения рта некрасивой формы.

Английскую фразеологию привлекают другие «части тела» курицы. Идиома *run around like a chicken with its head cut off* (букв. ‘носиться как курица с отрубленной головой’); *run around like a headless chicken* (букв. ‘носиться как курица без головы’) обозначает хаотичную, лихорадочную, бессмысленную или плохо организованную деятельность кого-либо. В основе выражения лежит реальная способность домашних птиц еще какое-то время совершать движения после того, как у них отрубают голову.

Устарелое английское выражение *rare / scarce as hen's teeth* (букв. ‘редкий как куриные зубы’) обозначает что-либо чрезвычайно редко встречающееся или несуществующее. Внутренняя форма идиомы представляет собой достаточно распространенную во фразеологии модель сравнения с чем-либо несуществующим, в данном случае – с зубами курицы.

В русском и английском языках присутствуют выражения, образы которых отсылают к различным особенностям питания кур. Пословица *курица / курочка по зернышку клюет, да сыта бывает* означает, что ‘можно (или нужно) довольствоваться малым, из малого постепенно складывается что-л. большое, значительное’ [Жуков 1993: 156]. Фразеологизм *куры не клюют* обычно употребляется со словами *денег, золота* и значит ‘очень много, большое количество’. Существует несколько объяснений образа, лежащего в основе фразеологизма [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 368]. Скорее всего, значение оборота связано с представлением о чрезмерной прожорливости кур, остановить которую может только какое-то небывалое количество корма.

Английское выражение *chicken feed* (букв. ‘куриный корм’) тоже имеет отношение к деньгам, но обозначает их крайне небольшое количество. В словаре [Collins 2011: 64] у идиомы выделяется второе значение – ‘неважность, незначительность какого-л. события или человека’. По всей видимости, значение фразеологизма ‘мелкие деньги’, ‘незначительные суммы’ основывается на уподоблении куриного корма, в основном состоящего из зерна, мелким монетам.

В заключение остановимся еще на одном важном различии между русской и английской фразеологией. И в русском, и в английском материале курица символизирует женское начало, но оценочность единиц, отношение к женщине значительно отличается.

Представленное в русском языке пренебрежительное отношение к курице как к птице соотносится с таким же отношением к женщине, что наиболее ярко проявляется в известной поговорке: *Курица не птица, баба не человек*. Подобная корреляция приводит к тому, что «отрицательные коннотации, связанные с курицей, с одной стороны, и с женщиной – с другой, как бы удваиваются, проецируясь друг на друга» [Вознесенская 2012: 121].

В английском же языке «женский пол» курицы не обладает никакой отрицательной оценочностью. Так, слова *hen* и *chicken* имеют переносные значения ‘женщина’ или ‘молодая девушка’ соответственно; *hen* обозначает самок некоторых животных – лобстера, краба, лосося. Также, возможно использование *hen* и *chicken* в качестве ласковых обращений, адресованных женщине. Идиомой *hen party* (букв. ‘вечеринка кур’) называют вечеринку, на которой присутствуют одни женщины, порусски этот же смысл точнее всего передается словом *девичник*. Близкое выражение *hen night* обозначает девичник, который девушка устраивает накануне своей свадьбы. Идиома *chick flick* (букв. ‘куриное кино’) имеет значение ‘фильм, предназначенный специально для женщин’; *chick lit* (букв. ‘куриная литература’) – ‘романы, предназначенные специально для женщин’. В английском языке есть интересный глагол *to henpeck*, состоящий из двух слов *hen* (‘курица’) и *peck* (‘клевать’) и обозначающий поведение женщины, постоянно критикующей своего мужа, придирающейся к нему. Образованное от этого прилагательное входит в устойчивое сочетание *henpecked husband* (букв. ‘заклеванная курицей муж’), значение которого не надо объяснять. В русском языке тот же смысл передается не менее образным словом *подкаблучник*.

Таким образом, анализ русских и английских ФЕ с зооморфными компонентами *курица* / *куриный* / *цыпленок* и *hen* / *chicken* позволил показать, какой видит курицу русский и английский языки, какие признаки и свойства этой домашней птицы попадают в фокус внимания и как они переосмысляются в каждом из этих языков. Тем самым выявились как универсальные, общие для двух языков, характеристики зооморфного кода, так и его национально-специфические особенности, что дает важную лингвокультурологическую информацию, помогающую лучше представить и понять мировидение народов, говорящих на этих языках.

Литература / References

1. Вознесенская М.М. «Птичий двор» в русской фразеологии // Русская речь. 2012. №5, С. 116-122.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.

3. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: «Высшая школа», 1980. – 143 с.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Словари / Dictionaries

1. *Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М.: «Эксмо», 2009. – 704 с.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926, [2] с.
3. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Под общ. рук. И.Р. Гальперина. М.: «Русский язык», 1979. Т. 1 – 824 с. Т. 2 – 864 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
5. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. – 537 с.
6. *Лубенская С.И.* Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 1056 с.
7. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. Под редакцией А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135, [1] с.
8. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524, [4] с.
9. Collins COBUILD Idioms Dictionary. Second Edition. Harper Collins Publishers, 2011. – 511 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Seventh Edition. Oxford, 2009. – 1922 p.
11. Oxford dictionaries. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com>
12. Oxford Idioms. Dictionary for learners of English. Oxford University Press, 2006. – 470 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРОЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ

Т.Г. Добросклонская

LINGUOCULTUROLOGICAL GLOBALIZATION AND REPRESENTATION OF CULTURE-SPECIFIC INFORMATION IN MEDIA TEXTS

T.G. Dobrosklonskaya

ABSTRACT:

Linguocultural globalization is one of the key factors, influencing on the contemporary language situation and development of national languages. Major manifestations of linguocultural globalization are powerful waves of English borrowings in national languages, emergence and spread of hybrid languages, production and distribution of mass media content aimed at global nationally undifferentiated audience. In these circumstances a thorough analysis of the national salience of the information picture of the world and its verbal representation acquires particular importance.

Keywords: linguocultural globalization, hybrid languages, culture specific information picture of the world, verbal representation

Одним из важнейших факторов, влияющих на современное состояние языков и культур, является лингвокультурная глобализация, к ключевым характеристикам которой относятся такие значимые процессы, как мощная волна англоязычных заимствований в национальных языках, становление и развитие языков-гибридов, распространение универсальной продукции массовой культуры, предназначенной для глобальной национально не дифференцированной аудитории. В этих условиях огромное значение приобретает понимание национально-культурной специфики информационной картины мира и способов её вербальной репрезентации.

Ключевые слова: лингвокультурная глобализация, языки-гибриды, национально-культурная специфика информационной картины мира, вербальная репрезентация

Одним из важнейших факторов, влияющих на современное состояние языков и культур, является несомненно лингвокультурная глобализация, которая стала естественным продолжением глобализационных процессов в мировой экономике, образовании, коммуникационных тех-

нологиях и масс-медиа. К ключевым характеристикам лингвокультурной глобализации относятся такие важнейшие её проявления, как мощная волна англоязычных заимствований в национальных языках, становление и развитие языков-гибридов типа *RunGLISH*, *Spanglish*, *Française* и т. п., распространение универсальной продукции массовой культуры в виде популярной музыки, телевизионных программ и компьютерных игр, предназначенной для глобальной национально не дифференцированной аудитории.

В подобных условиях огромное значение приобретает понимание национально-культурной специфики информационной картины мира, которая подобно языковой картине мира отражает национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений. Можно сказать, что в текстах массовой информации происходит интереснейшее наложение языковой и информационной картин мира. Это, в частности, выражается в лингвокультурных особенностях организации мирового информационного пространства. Так, глобализация мирового информационного потока тесно связана с процессом взаимодействия и взаимодействия культур, при этом удельный вес того или иного лингвокультурного компонента зависит от целого ряда факторов экономического, политического и социокультурного характера. Например, общий объем медиатекстов на английском языке заметно превышает объем текстов массовой информации на других языках, что подтверждает известный тезис о «глобальной роли английского в современном мире» [Crystall 1998].

С начала 90-х годов XX века в связи со значительными социально-экономическими изменениями англоязычные СМИ получают все большее распространение и в России. В середине 90-х годов зарубежными журналистами, работающими в Москве, создается компания “Independent Media”, которая успешно работает на российском рынке, постепенно расширяя сферу своей деятельности от выпуска газет “The Moscow Times” и “The St.Petersburg Times” до издания русскоязычных вариантов таких известных журналов, как “Cosmopolitan”, “Men’s Health” и “Good House-Keeping”.

В конце XX – начале XXI века рост национальных СМИ на английском языке наблюдается во многих странах, что обусловлено пониманием того, что борьба языков и культур всё более активно ведется в виртуальном или медийном пространстве. Для максимального охвата аудитории Франция, арабские страны, Германия, Китай, Россия запускают круглосуточное новостное вещание на английском языке, провозглашая при этом своей целью распространение национальных и культурных ценностей. Все это свидетельствует о дальнейшей интеграции междуна-

родных информационных систем, что в свою очередь отражается на общей структуре мирового информационного пространства.

Культуроспецифичность информационной картины мира проявляется также в национально-культурных особенностях организации новостного потока, которые зависят от многих факторов, в том числе от преобладания того или иного типа культуры в данном языковом ареале. В рамках культурологии определение доминирующего типа культуры осуществляется на основе нескольких параметров, таких, как, например, ориентированность культуры на индивида или на коллектив, наличие или отсутствие мощного культурного контекста (высококонтекстные и низкоконтекстные культуры), высокая или низкая степень этноцентризма или культурной самодостаточности. Сравнение различных культур с точки зрения данных параметров показывает, что, например, английская и американская культуры характеризуются гораздо более высокой степенью этноцентризма, чем культура русская и испанская. Такая «культурная доминанта» обязательно проявляется и в текстах массовой информации, например, при сравнении тематической структуры английских, американских и русских новостных текстов. Так, при почти полном совпадении базового новостного формата – новости в стране, новости из-за рубежа, экономика и бизнес, комментарий и аналитика, образование, культура, спорт, погода – реальные наполнения тематических ячеек «новости в стране» и «новости из-за рубежа» заметно различаются. Как показывает анализ материала, английские и в особенности американские СМИ уделяют гораздо меньше внимания освещению событий за рубежом, чем СМИ в России. Конечно, речь идет не о каналах CNN и BBC World, специально ориентированных на международную аудиторию, и не о качественных изданиях аналитического характера типа журналов “Time” или “News Week”, в которых события международной жизни освещаются самым подробным образом. Речь идет о продукции СМИ, предназначенной для внутренней аудитории, для среднего английского и американского зрителя, которого, оказывается, не всегда волнует то, что происходит за пределами страны. Такая особенность соотношения содержательных категорий “home news” и “foreign news” в англоязычных СМИ, в частности, в американских, отмечается и самими западными журналистами. Так, корреспондент журнала “Time” анализируя причины недостаточного интереса американских СМИ к освещению событий за рубежом, обращается к факторам экономического, политического и культурологического характера: «Диспропорция между внутренним и внешним новостным вещанием основывается как на политических, так и на экономических факторах. Вряд ли здесь присутствует морально-этический фактор. Скорее такой дисбаланс в освещении событий в стране и за рубежом отражает стремление редакторов соот-

ветствовать интересам и ценностям самих потребителей информации. Действительно, какое американцам дело до пожаров и катастроф где-то далеко за пределами их страны?».

Национально-культурная специфика организации информационного пространства проявляется не только в виде различных способов структуризации информационного потока, иначе говоря, на уровне медиаформата, но и на уровне содержания. Сравнительный анализ содержательной стороны текстов массовой информации показывает, что при всей схожести общего тематического рисунка, основанного на освещении таких тем-универсалий, как политическая жизнь в стране и за рубежом, бизнес, новости, культура, спорт и т. п., в СМИ разных стран можно выделить темы, специфичные именно для данной культуры. Речь идет о наиболее часто повторяемых, постоянно присутствующих в СМИ той или иной страны тематических составляющих, или “buzz-topics”. Термин “buzz-topic” употребляется здесь по аналогии со словосочетанием “buzz-word”, что означает слово, которое у всех на слуху: “a word or expression that has become fashionable by being used a lot, especially on television and in the newspapers”. Так, английские СМИ всегда проявляли повышенный интерес к частной жизни высокопоставленных политиков и лиц королевской семьи, поэтому на страницах британской прессы всегда можно найти скандальные истории, связанные с именем того или иного политического деятеля или представителя королевской фамилии.

Повышенный интерес к подобного рода темам характерен также и для американских средств массовой информации: стоит, например, вспомнить, какое огромное внимание уделяли американские средства массовой информации скандалу вокруг президента Клинтона и Моника Левински.

Языковое обеспечение информационной картины мира тесно связано с понятием идеологии. Применение идеологической концепции к изучению вопросов языка и культуры чаще всего основывается на традиционном определении идеологии как совокупности идей, взглядов, системы ценностей и социальных отношений, присущих тому или иному обществу или общественной группе. Данное определение подчеркивает значимость идеологии для изучения когнитивного аспекта текстов массовой информации, пересекаясь с такими важными с точки зрения когнитивного подхода понятиями, как концептуализация и категоризация, оценка, интерпретация, социально-обусловленная реконструкция событий (social representation).

Способы передачи культурозначимой информации в медиатекстах

Для изучения культуроносного слоя текстов массовой информации чрезвычайно важна мысль о том, что текст – это вербально-знаковая

символизация культуры. Для обозначения совокупности всей культурозначимой информации, содержащейся в тексте как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, в рамках медиалингвистики используется термин «культурологический контекст». Предпочтение слову «культурологический», а не «культурный» обусловлено тем, что прилагательное «культурный» в сочетании с понятием контекст воспринимается скорее как 'имеющий отношение к определенной культуре', в то время как сочетание с прилагательным «культурологический» подчеркивает оформленность культуроспецифического знания. Таким образом, культурологический контекст может быть определен как структурированная по уровням совокупность всех содержащихся в тексте культурозначимых сведений.

Концепция культурологического контекста предполагает выделение следующих уровней: 1) *денотативного*, когда культурозначимые сведения выражены в прямой эксплицитной форме; 2) *коннотативного*, на котором культуроспецифичная информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях; 3) *ассоциативного*, когда культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических и фразеологических единиц, и 4) *метафорического*, который объединяет культуроспецифичные сведения, отраженные в метафорах, сравнениях, образах, присущих тому или иному языковому коллективу [Добросклонская 2005].

Денотативный культурологический контекст представлен словами и словосочетаниями, обозначающими реалии, свойственные той или иной культуре. Это могут быть имена собственные, например, имена известных людей, названия политических партий, улиц, исторических мест, памятников архитектуры и т. п., а также слова, обозначающие то или иное культуроспецифичное явление или артефакт, например: *back-bencher, fish-and-chips, kilt, car-boot sale*. Как правило, значение культуроспецифичных единиц, относящихся к денотативному уровню, разъясняется в страноведческих словарях, составляя основу базового *знания* о жизни того или иного народа. Насыщенность культуроспецифичными единицами такого рода является существенным признаком текстов массовой информации, которые в силу своей отражательной способности непосредственно соотносятся с событиями текущей жизни. Рассказ о том, что происходит в стране и за рубежом, анализ, комментарий, освещение событий в материалах группы *features*, реклама – все это естественно «произрастает» на определенной культурной почве, отражая реалии и конкретные факты из жизни того или иного языкового коллектива.

Уровень коннотативного контекста предполагает, что культуроспецифичный компонент содержится не в денотативном, а в коннотатив-

ном значении слова. Культуроспецифичные единицы коннотативного уровня часто обозначают общие для различных культур предметы и понятия, например *village*, *continent*, *бабушка* и потому не зарегистрированы в страноведческих словарях. Однако несовпадение семантических границ понятия, наличие культуроспецифичных коннотаций мгновенно обнаруживаются при переводе на другой язык. Например, известное английское выражение “*global village*”, введенное в обиход канадским исследователем СМИ М. Маклюэном для описания единого информационного пространства, при переводе на русский язык лексически эквивалентным словосочетанием «*глобальная деревня*» получает иное звучание, обусловленное негативными культуроспецифичными коннотациями русского слова «деревня»: деревня – это низкий уровень жизни, отсутствие комфорта и благ цивилизации.

Ассоциативный уровень культурологического контекста отражает устойчивые ассоциативные связи, присущие лексическим единицам, обозначающим реалии того или иного языкового коллектива. Культуроспецифичные единицы, ассоциирующиеся с определенным стилем, образом и т. п., часто используются в информационно-аналитических текстах и материалах группы *features* для выражения оценки, описания, сравнения. Например, образ Би-Би-Си (*British Broadcasting Corporation*) всегда ассоциировался у британцев с высокопрофессиональным независимым стилем вещания.

Особый интерес представляют культуроспецифичные единицы, обусловленные особенностями национального самовосприятия. Устойчивые ассоциативные связи слов, обозначающих ключевые для данной культуры понятия, отражают черты того автостереотипа, который складывался в национальном самосознании на протяжении многих лет. Например, анализ ассоциативного контекста, связанного с такими важными для английской культуры понятиями, как *Englishness* и *being English*, позволяет раскрыть некоторые особенности представлений англичан о самих себе.

Метафорический контекст объединяет культуроспецифичные единицы, заимствованные из текстов, ставших неотъемлемой частью национальной культуры. К ним относятся: цитаты из литературных произведений, фильмов, высказывания известных людей, крылатые фразы, аллюзии, пословицы, поговорки, слова из песен, рекламные слоганы и т. п., иначе говоря, все то, что составляет текстовое выражение национальной культуры. Естественно, что тексты массовой информации содержат огромное число культуроспецифичных единиц такого рода. Способность культуроспецифичных единиц метафорического уровня передавать основную идею, главный смысл в яркой запоминающейся форме, особенно в случае парафраза хорошо известного текста, часто

используется в газетных заголовках. Например, заголовок статьи об экранизации знаменитой «Лолиты» Набокова “*The obscenity is in the eye of the beholder*” является парафразом известного выражения “*The beauty is in the eye of the beholder*”. И если для понимания денотативного контекста достаточно сведений исторического и социокультурного характера, содержащихся в лингвострановедческих словарях, то адекватное понимание метафорического контекста требует специального фонового знания, а именно знания текстов, являющихся важнейшей составной частью национальной культуры.

В современных СМИ тематический блок «культура» представлен большим количеством самых разнообразных в функционально-жанровом отношении текстов. Во-первых, это материалы, размещенные в тематических разделах и рубриках, посвящённых культуре, театральные и кинорецензии, интервью с деятелями культуры, теле и радиопрограммы, рассказывающие о событиях культурной жизни. Во-вторых, это целый ряд текстов, которые хотя и относятся к другим тематическим блокам – политика, бизнес, международные новости, – тем не менее, вопросы культуры так или иначе затрагивают.

Расширение границ понятия культура, характерное для академических исследований последнего времени, нашло свое отражение и в текстах массовой информации. В российских и зарубежных СМИ регулярно появляются материалы, в которых высказывается негативное отношение к неоправданному объединению образцов высокого искусства и массовой культуры в рамках одного понятия. Взгляд на культуру как на отрасль, которая должна приносить прибыль, превращение культуры в очередной продукт потребительского общества, уравнивание статуса высокого искусства и массовой культуры, постепенная утрата национального компонента в условиях глобализации мирового информационного пространства – вот те вопросы, которые наиболее часто обсуждаются в связи с понятием «культура» сегодня.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов. М., Изд-во УРСС, 2005. – 286 с.
2. *Crystal D.* The Global English. Oxford university press, 1998. – 243 с.
3. *Barker Chris.* Cultural Studies. London, Sage, 2008. – 523 с.
4. *Samovar L.A., Porter R.E.* Communication Between Cultures. Wadsworth PC, 1995. – 314 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А.В. Дорошенко

LINGUOCULTURAL PHENOMENON OF INTERTEXTUALITY

A.V. Doroshenko

ABSTRACT:

The article considers intertextuality as a linguocultural phenomenon, enabling the perception of various cultural layers accumulated in linguistic knowledge from the perspective of the recipient text. Levels and functions of intertextual elements are determined and investigated.

Keywords: linguoculturology, intertextuality, phraseology, secondary / indirect denomination, text, microtext, cultural meaning, culture-specific linguistic entities, mental representations

В статье рассматривается интертекстуальность как лингвокультурологический феномен, позволяющий из пространства принимающего текста воспринимать различные пласты культуры, зафиксированные в языковом знании. Выделяются и исследуются уровни и функции интертекстуальных элементов.

Ключевые слова: лингвокультурология, интертекстуальность, фразеология, вторичная / косвенная номинация, текст, микротекст, культурный смысл, культурно-опосредованные единицы языка, ментальные репрезентации

Объектом лингвокультурологических исследований преимущественно выступает фразеологический состав языков. Именно изучение материала фразеологии и вторичных номинаций привело В.Н. Телия к обоснованию лингвокультурологии как нового ракурса видения материала языка через призму культуры. Однако В.Н. Телия рассматривала возможности приложения методологии лингвокультурологического анализа шире, но, к сожалению, не успела провести соответствующие исследования. Одной из идей, выдвинутых ею, но так и не получивших развитие в ее работах, был феномен интертекстуальности [Телия, Дорошенко 2010]. В этой статье в память о В.Н. Телия мы постараемся определить природу этого явления и обозначить пути его возможного изучения.

Понятие интертекстуальности

Самое простое понимание интертекстуальности (внутритекстуальности, межтекстуальности, или кросс-текстуальности) сводится к тому, что любой текст представляет собой ткань, в которую вплетены фрагменты других текстов, причем, как правило, такие вкрапления заряжены культурными смыслами, выступают как своеобразные отсылки к культурному опыту реципиента текста и насыщают и обогащают текст когнитивными, семантическими и стилистическими «опорами». Такие вкрапления в принимающий текст расширяют его границы, создают дополнительную глубину содержания и объясняют ряд эффектов восприятия текста: когнитивного, стилистического, прагматического и коннотативного.

Наиболее явными примерами интертекстуальности выступают эпиграф, цитата и несобственная речь. Например, один из двух эпиграфов к части первой романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: *И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...*, – вызывает в восприятии трагичность и обреченность судьбе, а аллюзия к Библии затрагивает культурный ассоциативный уровень восприятия человеческого бытия, подчиненного Божественному провидению. Интересно вспомнить, что сама Вероника Николаевна, перед ответом на вопросы оппонентов на защите кандидатской диссертации произнесла: *Carthaginem esse delendam* (И все-таки Карфаген должен быть разрушен), обозначив свою решимость и готовность отстаивать позиции до конца, а также продемонстрировав веру в победу. Естественно, данное римское речение вызывает в сознании целый пласт картин и связанных с ними (для данного примера) целеустановок, убеждений и ценностей. Таким образом, эпиграф взаимодействует с принимающим его текстом как когнитивный и культурный сигнал, который соотносится с главной мыслью всего произведения автора.

Цитата выполняет функцию усиления мысли автора, выступая «опорой» в аргументации какого-либо положения за счет привлечения авторитетного мнения или признанного всем сообществом положения дел. Например:

Он (дом) подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, этот текст не канонизирован, но сейчас... «И являлся мне дом, живой и движущийся, и совершал непристойные движения, а внутри через окна я видел в нем людей...» Я не ручаюсь за точность цитирования, но это очень близко к тексту... (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный).

Несобственная (косвенная) речь не всегда, но также может привносить в текст некоторый культурный компонент, воздействуя на восприятие содержания текста.

Лингвокультурологический взгляд на интертекстуальность

Существуют и менее очевидные внутритекстовые вкрапления, которые, тем не менее, выполняют сходные с эпиграфом, цитатой и несобственной речью функции, а именно: служат своеобразными «порталами» из пространства принимающего текста в различные пласты и области культуры. А осуществляется это средствами языка. Лингвокультурологический анализ таких элементов, обоснованный В.Н. Телия в книге [Телия 1996], заключается в том, что в «теле» языкового знака проникают коды культуры, которые и служат в принимающем тексте средством воссоздания коллективной памяти носителей языка об отраженном культурном менталитете народа. Эти текстовые вкрапления представляют собой элементы разнородной природы. Это могут быть притчи, мифы, легенды, крылатые речения, пословицы и поговорки, афоризмы, вторичные и косвенные номинации и, конечно, идиомы и разноструктурные фразеологические сочетания – все то, что С.И. Ожегов считал «фразеологией в широком смысле» [Ожегов 1957]. Например:

Его Величество пожал плечами: – Знаешь, если топор не рубит дерево, а лишь мочалит и отбивает руки, то это не означает, что дерево будет легче срубить перочинным ножиком. Просто надо либо наточить старый топор, либо взять новый. А в случае с наемной армией мы как раз и пытаемся ограничиться перочинным ножиком (В. Злотников. Армагеддон).

В этом примере притча образно вбирает в себя культурный опыт и сжато выражает определенный жизненный принцип (мы полагаем, что притча использует сходный с метафорой способ осмысления мира), который позволяет подвести описываемое в тексте конкретное явление, а именно: использование наемной армии – под некоторое бытовое рассуждение, основанное на здравом смысле и, видимо, неопровержимое в концептосфере народа.

Приведем пример включения мифа в принимающий текст:

В том положении, в котором он находился, дать ему денег в долг могли только уж полные лохи, а у лохов денег не бывает, поскольку если даже у лоха откуда-то и появляются деньги, то они очень быстро кончаются, и исключение из этого правила так же маловероятно, как наличие леших и джиннов или существование бессмертных Дунканов Маклаудов. Лох, он оттого и лох, что в конце концов всегда оказывается без денег. Но Пруссов

был в том положении, когда утопающий готов схватиться за соломинку... (В. Злотников. Виват, Император).

В этом примере мифологическое представление о вымышленных/несуществующих существах призвано доказать идею автора о невозможности описанного положения дел, усиливая и остроя аргументацию.

Интересно отметить, что В.Н. Телия считала подавляющее большинство фразеологизмов микротекстами, которые, соответственно, способны «вживляться» в ткань другого текста. Большинство фразеологизмов действительно представляют собой свернутые предикаты, приспособленные к выполнению сигнификативной (характеризующей) функции. Так, даже если фразеологизм имеет формально глагольную, адвербиальную или номинативную структуру, он легко трансформируется в пропозицию. Например, «*взять быка за рога*» – X (действующий субъект) приступает сразу к сути дела; «*авось (пронесет)*» – X думает, что сможет избежать чего-то нежелательного, например: *Пруссов ... маялся неприятными предчувствиями, смягчаемыми только надеждой на русское авось... тем более что это авось уже пронесило беду мимо* (Р. Злотников. Виват, Император); «*без роду, без племени*» – X является человеком неблагородного происхождения, например: *Тем более что он был свой, из низов, простой наемник без роду, без племени, а подишь ты, утер нос всяким там знатным, кичащимся древностью рода и чистотой крови* (Р. Злотников. Арвендейл). Если исходить из гипотезы В.Н. Телия, что фразеологизм является микротекстом, входящим во фразеологический состав лексики, то можно выдвинуть вытекающую из этого допущения гипотезу: интертекстуальные элементы имеют разнородную природу и формально по-разному, с разной степенью когерентности входят в принимающий их текст, что приводит к различным эффектам интертекстуальности.

Уровни интертекстуальности

Мы не настаиваем на метафоре, позволяющей представить все разнообразие интертекстовых вкраплений в виде уровней. Можно говорить об их разной природе, строении, оформленности и т. п. Однако исходя из того, что в принимающий текст попадает чужеродный элемент, который возник в языке до создания текста, выбирается автором из своеобразного инвентаря языковых средств, несущих в себе коды культуры, структурная законченность таких элементов как текстов представляется важной.

Итак, какие уровни интертекстуальности можно выявить?

Во-первых, это так называемые реалии (culture-specific objects), т. е. наименования уникальных для той или иной культуры топонимов

(Кремль, Карпаты, lake Ontario), зоонимов (какаду, панда, коала, кенгуру) и подобных им существующих или вымышленных объектов и явлений (таких, как самовар, лапти, гусли, пельмени, Снегурочка, Баба-Яга, scones, Halloween, Thanksgiving, Westminster Abby, Big Ben, werewolf, mermaid и т. п.). В принимающем тексте они создают культурный контекст протекания действия или развертывания ситуации. Например:

Нерасположение к искоженным тропам и местам... уводит его (иностранца) к великому старинному... городу, ... не тронутому монгольским влиянием и лишь в незначительной степени впитавшему культуру, заимствованную в Византии (Саки. Старинный город Псков).

Читатель для адекватного восприятия образа описанного города вынужден использовать такие культурные «опоры», как монгольское влияние и культура Византии. Доказательством выполнения реалиями интертекстовой функции могут служить примеры из литературы жанров фэнтези и сайенс фикшн, где вымышленные реалии создают, тем не менее, вполне убедительный фон протекания действия и совершенно конкретные культурные аллюзии. Например, названия народностей у Толкиена – *эльфы, гномы, орки, хоббиты*; названия планет и их обитателей у писателей-фантастов – *Элио, Аракс, логриане, хараммины, инсекты, дельфоны* в мирах Андрея Ливадного. Конечно, такие элементы не являются микротекстами, однако они определенно выполняют интертекстуальную функцию.

Во-вторых, это вторичные номинации типа *козел, осел, деревня, жердь, бред* и т. п., номинации типа *белиберда, чушь, придурок*, к которым примыкают номинативные идиомы и фразеологизмы: *олух царя небесного, nitwit, hillbilly, стреляный воробей, слуга двух господ, a bee in the bonnet* и пр. Например: *Трой едва успевал кланяться и бормотать: «Весьма польщен», «Счастлив зреть» и другую подобную белиберду* (Р. Злотников. Герцог Арвендейл). Их можно приравнять к микротексту по той причине, что все они имеют характеризующую семантику и легко разворачиваются в пропозицию (*белиберда* – X говорит что-то, не имеющее смысла). Однако в самом принимающем тексте они присутствуют в «свернутом» виде, так как такая форма не препятствует передаче тех культурных смыслов, которые содержит их внутренняя форма. Степень когерентности этих элементов с принимающим текстом самая прочная. (Возможно, именно поэтому они никогда ранее не воспринимались как привнесенные в текст элементы.) Например: *Земля не оставит в беде братьев по разуму* (А. и Б. Стругацкие. Девятая планета Тайи).

В-третьих, это глагольные, адвербиальные и атрибутивные идиомы и фразеологизмы. Их связь с принимающим текстом также очень прочная,

однако интертекстуальность реализуется в их способности осознаваться носителями языка отдельно от конкретного текста, в качестве свернутого текста, несущего определенный культурный смысл, т. е. иносказательно, с аллюзией к культурному (а часто и этнически окрашенному) образу в языке народа, способному передавать информацию, отображающую некоторый фрагмент мира или опыта народа. Например:

Узнав, что ... его противником ... будет... простолюдин, ... Грондиг решил, что поймал удачу за хвост (Р. Злотников. Герцог Арвендейл); *Они с побратимами решили, что негожа сразу же выкладывать на стол все свои козыри* (Р. Злотников. Герцог Арвендейл).

В-четвертых, уровень интертекстуальности образуют пословицы, поговорки, речения и прочие поговорки. Не останавливаясь подробно на их разнообразии, отметим, что они явно осознаются носителями языка как сторонние вкрапления в принимающий текст. Например:

Он уже успел проникнуться уважением к утверждению о том, что и у стен бывают уши (Р. Злотников. Герцог Арвендейл); *Так что ты ему, как ни крути, прямой конкурент* (Р. Злотников. Герцог Арвендейл); *Все попытки регулярных армий ... задавить террористов до сих пор были лишь живой иллюстрацией русской поговорки: «Из пушки по воробьям»* (Р. Злотников. Герцог Арвендейл).

И в-пятых, самый выделенный уровень интертекстуальности – это цитации, чужая речь, эпиграфы, притчи, мифы, о которых шла речь в начале статьи, а также структурные сочетания разных текстов в пределах одного текста, например, роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», роман Т. Гофмана «Житейские приключения кота Мурра», роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и пр.

Функции интертекстуальных элементов

Интертекстуальные вкрапления в принимающий текст выполняют целый ряд лингвокультурологических функций. Прежде всего, это функция референции к объекту или положению дел, имеющих культурный смысл или культурную значимость для носителя языка. Такая отсылка к пласту культуры расширяет границы текстового пространства, создает так называемый «культурный слой» текста, актуализирует в сознании реципиента ментальные репрезентации ранее воспринятых или усвоенных когнитивных структур. Далее, интертекстуальные элементы, как правило, несут в себе либо метафору, либо коннотацию, что способствует приданию тексту стилистической, экспрессивной или эмотивной окраски. Кроме того, такие встроенные тексты прагматиче-

ски маркированы: они рассчитаны на определенный фактор адресата, ситуацию общения, пресуппозиции, фоновые знания, принадлежность к определенной культуре или определенному этносу (или на знание о таковых). Очевидно, это лишь неполный перечень выполняемых ими функций.

Подводя итог, хочется сказать, что глубокое проникновение в сущность языка, его знаковую заместительную природу и, в частности, в его образные пласты, фразеологизмы, идиомы, культурно-опосредованные единицы позволило В.Н. Телия увидеть то, что, по Оскару Уайльду, следует искать между строк. Феномен интертекстуальности позволяет по-новому увидеть, как проявляется дух народа, выразившийся в текстах (и чем в этом отношении отличаются переводы с других языков), а также чем объясняется, что все тексты, принадлежащие одной культуре, по сути дела неотделимы от нее и служат ее коллективным воплощением.

Литература / References

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Изд-во «Флинта». Изд-во «Наука». М., 2013. С. 50–51.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. URSS. Книжный дом «ЛИБРОКОМ». М., 2012.
3. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957. С. 38–41.
4. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Телия В.Н. Языковая номинация (Виды наименований). Изд-во «Наука». М., 1977. С. 129–167.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Школа «Языки русской культуры», М., 1996.
6. Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология в системе научного знания: методология, принципы, гипотезы. // Живодействующая связь языка и культуры. Том 1. Язык. Ментальность. Культура. Москва-Тула, 2010. С. 5.

ПОЧИВАТЬ НА ЛАВРАХ: ВАРЬИРОВАНИЕ И ОТТЕНКИ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

П.С. Дронов

POČIVAT' NA LAVRAH (TO REST ON ONE'S LAURELS): VARIATION AND NUANCES OF MEANINGS IN RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH

P.S. Dronov

ABSTRACT:

This paper deals with modifications of *to rest on one's laurels*, an international phraseological unit/common figurative unit (terms coined by A. Rajhštejn and E. Piirainen, respectively) in English, Russian (*počivat' na lavrah*), and Spanish (*dormirse en los laureles*), focusing on their properties of modification, similarities and differences thereof, and shades of figurative meaning in specific contexts.

Keywords: common figurative units/international phraseological units, idiom modifications, figurative meaning

Данная работа посвящена варьированию формы фразеологического интернационализма (в терминологии А.Д. Райхштейна), или общей фразеологической единицы (по Э. Пириайнен) в русском (*почивать на лаврах*), английском (*to rest on one's laurels*) и испанском (*dormirse en los laureles*) языках. Рассматриваются сходства и различия в модификациях, особенности актуального значения в контексте.

Ключевые слова: фразеологические интернационализмы, модификации идиом, актуальное значение

Исследователи давно занимаются национально-культурной спецификой идиом, с одной стороны (см. [Телия 1996; Добровольский 1997, 1998]), и идиомами, совпадающими по компонентному составу и актуальному значению, – с другой [Райхштейн 1980; Солодухо 2008; Dobrovol'skij 1988]. А.Д. Райхштейн [1980: 43] называет их фразеологическими интернационализмами, а Э. Пириайнен именует их *common figurative units* – ‘общие фразеологические единицы’ (см., например, [Piirainen 2012]). Фразеологические интернационализмы, как правило, близки по компонентному составу, однако могут иметь различия во внутренней форме, актуальном значении, сочетаемости – ср. *рус. золотые слова* ‘выражение согласия с уместной (и иногда запоздалой) репликой собеседника’ и *нем. die goldenen Worte* ‘напутствие в дороге’, *рус.*

седника' и нем. *die goldenen Worte* 'напутствие в дорогу', рус. *насыпать* (кому-л.) *соли на хвост* 'сделать неприятность, досадить кому-л.' и англ. *to lay/put/cast salt on smb's tail* 'поймать, схватить кого-л.'.

В данной статье рассмотрено варьирование формы идиомы *почивать на лаврах* и ее аналогов в русском, английском и испанском¹ языках с целью выделения сходств и различий в модификациях данных идиом, почти полностью совпадающих по своей структуре и внутренней форме.

Сравним словарные определения этих идиом.

Почивать на лаврах, почить на лаврах **экспрес.** – вполне удовлетворившись достигнутым, сделанным, успокаиваться на этом, не продолжая дальше заниматься чем-либо [ФСРЛЯ].

To rest on one's laurels – to stop trying because one is satisfied with one's past achievements 'прекратить стремиться к чему-л. из-за удовлетворения прошлыми достижениями' [Idioms – Free Dictionary].

Dormirse en los laureles – cesar el esfuerzo por excesiva confianza en el éxito logrado 'переставать стараться по причине излишней уверенности в достигнутом успехе' [Seco, Andrés Ramos 2005] (букв. 'засыпать на лаврах').

Видны определенные отличия в значении испанской идиомы (не «удовлетворение достигнутым» или «прошлыми достижениями», а «уверенность в достигнутом успехе»). Можно предположить, что в каких-либо контекстах употребления *dormirse en los laurels* может обнаруживать иные свойства сочетаемости и варьирования.

Насколько можно судить, единственный механизм варьирования, который является общим для данной идиомы в трех языках, является лексико-синтаксическое варьирование, представленное вводом определения, которое может быть выражено или прилагательным (причастием, причастным оборотом), или генитивной конструкцией (и ее аналогами – предложными дополнениями с *of, de*):

1. *Мне хотелось бы задать вопрос многим нашим талантливым молодым певцам, которые, вступив в состав оперных театров, почтили на лаврах первых успехов: почему они не выступили на конкурсе?* (В.В. Барсова. Пути вокального мастерства).

2 *Gish, the Chicago foursome's debut, is a whirlpool of feedback, psychedelia and distorted energy. But while the stunning first effort has earned a flood of critical acclaim and major-label interest, the band is afraid to rest on its now-established laurels* (1991; MAG; RollingStone; COCA); *Chicago can never have enough steakhouses,*

---

¹ Автор благодарит С.Ю. Бочавер за предоставленные и проанализированные материалы на испанском языке.

*as far as I'm concerned. I reason that some of the venerable steakhouses tend to get smug and self-satisfied, and in more than a few cases those steakhouses are resting on their medium-rare laurels (2010; NEWS; Chicago; COCA); But it is becoming clear that Mr. Aristide, inaugurated Feb. 7 after winning an overwhelming election victory last December, **can not rest on his laurels of popular support for too long**. Pressures are mounting to find at least short-term solutions for Haiti's economic and social problems (1991; NEWS; CSMonitor; COCA).*

3. *Tanta belleza, y el posible viaje a USA, usted podrá tenerlo ante sus incrédulos ojos, vía información, en la Comisión Fulbright, República de Chile 388-4° piso y no es cosa de dormirse en sus laureles, porque la información sólo se dará hasta el día 4 de mayo* ('Такая красота и возможное путешествие в США, все это будет перед Вашими недоверчивыми глазами, информацию можно получить в комиссии Фулбрайт по адресу ул. Республика де Чиле, д. 388, 4 этаж, "но не следует засыпать на Ваших лаврах", потому что информация будет предоставляться только до 4 мая') (Expreso, 1989; CREA); *Pero el Gobierno no puede **dormirse en estos laureles, desteñidos por la tasa de abstención***. ('Но правительство не может "заснуть на этих лаврах, побледневших от количества воздержавшихся" [от голосования]') (El País, 2001; CREA).

Большая часть подобных модификаций является контекстно-зависимой, т. е. указывает на контекст высказывания, ср.: *those steakhouses are resting on their medium-rare laurels* (букв. 'эти стейк-хаусы покоятся на своих лаврах слабой прожарки') – перифраз утверждения *some of the venerable steakhouses tend to get smug and self-satisfied* 'у некоторых известных, почитаемых стейк-хаусов [мясных ресторанов] есть тенденция к чопорности и самодовольству'.

Прочие модификации имеют специфику, связанную с грамматикой каждого языка: в русском материале обнаруживаются морфологические модификации глагольного компонента (форма совершенного вида со значением инхоативности), в испанском возможна замена возвратного *dormirse* 'засыпать' на *dormir*, приводящее к каузации ('усыпить на лаврах').

Кроме того, актуальное значение испанской идиомы в первом приведенном выше контексте оказывается несколько отличным от словарного: это не 'перестать действовать или стараться из-за уверенности в достигнутом успехе', а 'медлить, бездействовать'. К сожалению, небольшой объем примеров в испанском корпусе пока не позволяет опре-

делить, является ли это одним из значений или же это трансформация исходного значения в единственном контексте.

Литература / References

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
2. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
3. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания, № 4, 2011. С. 20–45.
4. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания, № 6, 1997. С. 37–48.
5. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания, № 6, 1998. С. 48–57.
6. Добровольский Д.О. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // Вопросы языкознания, № 5. М., 2007. С. 39–61.
7. Дронов П.С. Ввод адъективного определения в структуру идиомы: о семантической обусловленности лексико-синтаксических модификаций идиом (на материале русского, английского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М, 1996.
9. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
10. Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. Изд. 2-е, доп. М., 2008.
11. Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. Berlin: Peter Lang, 2012.

Источники / Sources

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
2. ФСРЛЯ – Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2005.
3. BNC – BYU-BNC: The British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
4. COCA – Davies M. (ed). Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
5. CREA – Corpus de referencia del español actual. URL: <http://corpus.rae.es/creanet.html>.
6. Idioms – Free Dictionary – The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://www idioms.thefreedictionary.com>.
7. Seco M., Andrés O., Ramos C. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Madrid: Aguilar lexicografía, 2005.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОМИЧЕСКОГО НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ АНЕКДОТОВ

М.Р. Желтухина

SOCIOCULTURAL SPECIFICS OF THE COMIC ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND TURKISH JOKES

M.R. Zheltukhina

ABSTRACT:

This article reveals the sociocultural specifics of the comic on the example of Russian and Turkish jokes, which consists in attributing of human shortcomings, qualities and properties to ethnic and social groups. The Russian and Turkish jokes emphasize the sociocultural similarities and differences (manner of speaking, behaviour and value system). In the article thematic, linguoculturological types of jokes are considered, the frame violations demanding background knowledge and closed for representatives of other culture are described.

Keywords: the comic, anecdote / joke, linguoculture, connotation, frame violations

В данной статье выявляется социокультурная специфика комического на примере русских и турецких анекдотов, которая состоит в приписывании человеческих недостатков, качеств и свойств этническим и социальным группам. Русские и турецкие анекдоты подчеркивают социокультурные сходства и различия (манера говорить, поведение и система ценностей). В статье рассматриваются тематические, лингвокультурологические виды анекдотов, описываются фреймовые нарушения, требующие фоновых знаний и закрытые для представителей иной культуры.

Ключевые слова: комическое, анекдот, лингвокультура, коннотация, фреймовые нарушения

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания №2014/411 (код проекта: 1417).

Анекдот (франц. anecdote – рассказик, забавная история) как краткий смешной рассказ о какой-либо ситуации, поведении и чертах характера

лидера или представителя какой-либо группы отличается намеренной гипертрофией черт и ситуаций, вплоть до абсурдизации, способствующей выразительному запоминанию и выявлению определенных сторон политической жизни. Для их формулирования используются общеизвестные персонажи. Анекдот является острым средством борьбы, в т. ч. политической [Желтухина 2000; 2003]. Его задачи – дискредитация противников, формирование симпатий к сторонникам, прежде всего, к своим лидерам, любимцам и т. п.

Часто анекдоты складываются спонтанно в массовом обыденном сознании, отражая соответствующее восприятие общественно-политической ситуации населением, и являются плодом коллективного творчества, частью городского, сельского и иного фольклора. Анекдоты могут конструироваться, распространяться специально для выполнения определенных социально-политических функций. В настоящее время оперативным и масштабным по охвату аудитории средством распространения анекдотов является Интернет [Ольшанский 2001: 430–469].

Социокультурная специфика анекдота проявляется в коннотации. В тексте анекдота коннотация представляет собой подтекст, формирующий значение слова на основе экспликации прагматически значимой субъективно-оценочной и стилистически маркированной информации [Телия 1986: 134–135]. Речь идет о речевой информации, не связанной с актом коммуникации, и связанной с ее условиями и участниками (характеристика говорящего, его эмоциональное отношение и оценка предмета речи, ситуации общения, партнеров по коммуникации) [Желтухина 2003]. Обычно среди слоев населения со значительным разрывом в уровне образования, культуры, а также в позициях в политической жизни, стихийно функционируют и укореняются разные типы анекдотов, отличающиеся заметным разбросом (и даже конфронтацией) оценок. Будучи подлинно социальным явлением, анекдот контролирует поведение представителей той или иной социальной группы, соответствие их социальному статусу (если смешно, то есть отклонение от нормы социального поведения), оказывает воздействие на сознание адресата. При этом анекдот служит важным средством осознания человеком своей принадлежности к определенной социальной группе, т. е. его самоидентификации в обществе [Желтухина, Омельченко 2008б]. В этой связи А. Зейдвервельд замечает, что корректнее говорить не о смехе белых над черными, а о смехе, в котором проявляется самосознание и гордость за принадлежность к конкретной этнической группе [Zijderveld 1983].

По мнению социологов и политологов, анекдот, порождающий социально-политическое комическое, как маркер границ класса, социального слоя (профессиональные шутки, сельский фольклор) является

средством социальной / этнической интеграции и дифференциации [Желтухина, Омельченко 2008а]. Так, комическое объединяет по возрасту людей, принимающих шутки сексуальной направленности, и отделяет от этой группы пожилых и детей, которые их не воспринимают. Одним из критериев групповой идентификации является понимание того, *над чем смеется* и *что* считает смешным круг, к которому хочешь принадлежать. В определении места группы в социуме анекдот способствует демаркации и нивелированию. Демаркационное комическое выявляет статусные различия в зависимости от особенностей сознания и поведения членов социальной / этнической группы. Роль нивелирующего комического состоит в «проникновении» культурных образцов «сверху вниз», а также «снизу вверх» внутри групп и территориально-государственных образований. Представители одной социальной / этнической группы используют комическое, характерное для той группы, в которую они хотят войти. В другом социокультурном контексте политический анекдот будет приобретать новую специфику, изменяя свое содержание и направленность благодаря новым реалиям, смыслам, интонациям, ударениям, жестам. Это будет уже другое комическое, нетождественное исходному.

В социальном конфликте анекдот выступает инструментом регуляции внутригруппового поведения, усиливает позиции группы и, в то же время, стремится ослабить тех, против кого он направлен. Вызываемый анекдотом смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны социальных норм, и способствует разрешению общественно-политического конфликта. При самоосмеянии происходит самопреодоление, очищение и возрождение посредством комического [Желтухина 2000]. Кроме того, самоосмеяние маскирует агрессию, так как, симулируя слабость, посмеиваясь над собой, можно победить оппонента. В многочисленных исследованиях, посвященных стереотипности этнического комического, отмечается его участие в социодиагностике и самопознании [Arte 1987; Davies 1990; Dorinson, Boskin 1978].

Социологами комическое объясняется и в терминах символического воздействия. Человек рассматривается в контексте коммуникативного социального поведения. Люди обмениваются не столько жестами, сколько смысловыми (символическими) действиями, в том числе и смехом [Mead 1934]. Комическое в любом обществе является способом выражения эмоций, стимулом для воображения и средством установления и развития человеческих контактов. Изучение тематики вербальных и невербальных средств порождения комического при раскрытии различий в представлении себя и других способствует пониманию как собственной, так и чужой культуры. Культурологическое сравнение выявляет в национальном комическом самосознании, национальную

гордость и другие черты национального характера. Анекдот, будучи одним из устных видов словесности, строится по законам фольклорного жанра. Основными функциями анекдота являются агональная, гармонизирующая, волонтеристическая и характеризующая [Желтухина 2000]. Анекдот соотносит фатическое общение и постоянно меняющуюся общественно-политическую действительность. Социальную жизнь анекдота разделяется на *активную* и *пассивную*. *Активная жизнь*, к сожалению, очень недолгая – в рамках одного поколения или даже меньше. *Пассивная жизнь* занимает все остальное временное пространство. Нарушить устоявшийся порядок может только лингвист, филолог, поднимающий пласты языка, а также истории и культуры его носителей с исследовательской целью.

Важнейшими характеристиками жанра анекдота являются комическая тональность общения, политическая направленность, фольклорное основание, фатика, двуплановость, ключевой компонент (предметный или понятийный), моделируемость, динамичность, языковая игра (на всех уровнях языка). Все анекдоты, отобранные в различных видах российских и турецких СМИ (Интернет, пресса, радио, телевидение), можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками выступают их тематика и источник. Среди русских анекдотов выделяются бытовые, медицинские, армейские, этнические, религиозные, амурные, алкогольные, политические анекдоты и др. В Турции наиболее частотными являются Karadeniz Fıkraları – черноморские анекдоты (о лазах), Genel Fıkralar – общие анекдоты; Deli Fıkraları / Gerzek (gerizekali) Fıkralar – анекдоты о сумасшедших и придурках; Sarhoş Fıkraları – анекдоты о пьяницах; Avcı Fıkraları – анекдоты об охотниках; Cimri Fıkraları – анекдоты о скупцах; Gelin – Kaynana Fıkraları – анекдоты о невестках и тещках; Tarihi-Politik Fıkralar – историко-политические анекдоты; Doktor Fıkraları – анекдоты о врачах; Öğrenci Fıkraları – анекдоты об учениках. В России распространены анекдоты о чукчах, американцах, французах, англичанах, Сталине, Рабиновиче, Чапаеве, Петьке, Брежнев, Штирлице, Ельцине, Клинтоне, Путине, Буше и др., а в Турции – анекдоты о Ходже Насреддине, лазах, Темеле, Дурсуне, Джемале и др. Анекдоты можно дифференцировать также по лингвокультурологическому критерию. Используя параметры классификации анекдотов Г.Г. Слышкина [Слышкин 2002], мы выделяем такие виды анекдотов, как сопоставительно-агональные, этнически адаптационные, лингвозаимствованные анекдоты.

1. *Сопоставительно-агональные*: представители различных культур, оказавшись в некоторой ситуации (часто экстремальной), по-разному реагируют на нее. На материале этой группы текстов могут

быть смоделированы этнокультурные стереотипы, существующие в сознании носителей русского и турецкого языков. Например:

Русский и турок идут рядом и разговаривают. Турок, чтобы поддеть русского, говорит: – У вас в России, что ни Иван, то турак. – Правильно. У нас таких турками зовут.

2. *Этнически адаптационные*: представители одной культуры адаптируются в национально-этническом социуме другой культуры. В подобных текстах делается попытка взглянуть со стороны на собственные обычаи и традиции. Например:

Турция. Землетрясение: 5000 погибших. США высылает Турции 3 млн долларов. Россия высылает Турции 3 самолета с гуманитарной помощью. Германия высылает Турции 5000 турков.

3. *Лингвозаимствованные*: в анекдотах используются иноязычные вкрапления. Анализ этих анекдотов позволяет выяснить степень владения иностранным языком, ожидаемую от среднего носителя лингвокультуры. Иллюстрацией сказанного является игра слов *too* (тоже, также) / *two* (два), реализуемая на основе омофонии. Например:

Американский, русский и турецкий президенты встречаются на очередном саммите великих держав. При обсуждении важного вопроса американский президент говорит: «I think so». Русский президент: «I think so too». Турецкий президент: «I think so, three».

На основании таких критериев, как степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологическая мотивировка речевого действия, В.Г. Раскин выделяет следующие типы юмористических высказываний [Raskin 1985], легко проецируемых на классификацию анекдотов:

1. Намеренное высмеивание. Например:

1) *Atletizim sampiyonasina katilan Temel, doping yapmasina ragmen sonuncu olmus. Neden? Doping yaptigi anlasilmasin diye.* = Темель на соревнованиях по легкой атлетике, несмотря на то, что принял допинг, все равно пришел последним. Почему? Чтобы никто не догадался, что он принимал допинг.

2) *На днях президенты Турции и Египта встретились с губернатором Санкт-Петербурга – Наташей Ивановной Матвиенко.*

2. Мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена. Например:

1) *Kız erkek arkadaşını arayıp akşam yemeğe davet etmiş. Hem ailesiyle tanıştıracak, hem de ailesi dışarı çıktıktan sonra erkek arkadaşıyla birlikte olacakmış. Çocuk kız arkadaşının evine gitmeden önce bir eczaneye uğrar. Eczacıya: – “Bana prezervatif verir misiniz?”, der; eczacı da ne yapacağını sorar. Çocuk da kız arkadaşının evine gideceğini, kızın ailesi gittikten sonra birlikte olacaklarını söyler. Akşam yemek yemek için masaya otururlar. Yemekten önce dua edilir herkes yemeğe başlar ama çocuk hala dua ediyordur. Kız çocuğa, “ben senin bu kadar dindar olduğunu bilmiyordum”, der. Çocuk da kıza: – “Ben de senin babanın eczacı olduğunu bilmiyordum!!!” = Девушка позвонила своему другу и пригласила на ужин. И со своей семьей познакомиться, и чтобы с ним вместе остаться, после того как ее семья уйдет из дома. Парень, перед тем как пойти в дом девушки, зашел в аптеку. Аптекарью: – Дайте мне презерватив, – говорит. Аптекарь у него спрашивает, что он будет делать. Парень рассказывает, что пойдет к подруге домой, а после того, как ее семья уйдет, они будут вдвоем. Чтобы поужинать, все сели за стол. Перед едой помолившись, все принялись за еду, но парень продолжает молиться. Девушка парню: – Я не знала что ты такой верующий. А парень ей отвечает: – Я тоже не знал, что у тебя отец аптекарь!!!*

2) – *Все хорошее быстро кончается. – Наша любовь будет вечной.*

3. Смех над самим собой. Например:

1) *Vesikalık. Temel bir gün Dursun'a gidip: Dursun, senin makinen var bana 12 tane vesikalık gerekiyor çeker misin? demiş. Dursun da: Çekerim ama benim makine boydan çeker vesikalık nasıl olacak? demiş ve başlamışlar düşünmeye... Sonunda Dursun'un aklına bir şey gelmiş ve: Temel, sen sahile git kumu kaz içine gir omuzlarından aşağısı görünmesin böylece vesikalık olur. “Tamam” demiş Temel, Dursun makineyi almak için eve giderken o da sahile gitmiş, 12 tane çukur kazmış. Dursun gelmiş ve: Salak niye 12 tane çukur kazdın? Ben 12 tane makine getirmişt看, der. = Фото на документы. Приходит как-то Темель к Дурсуну и говорит: – Дурсун, у тебя есть фотоаппарат. Мне нужно 12 фотографий на документы. Снимешь меня? Дурсун отвечает: – Могу, конечно, но у меня аппарат снимает только в полный рост – не получится фото на документы. Чего делать? Давай они думать. В конце концов, Дурсун предлагает: – Темель, ты пойди на берег, выкопай в песке яму по пояс – туда станешь, и я тебя сниму. Темель согласился. Дурсун пошел домой за фотоаппаратом, а Темель пошел на берег и выкопал 12 ям. Приходит Дурсун и говорит: – Ну, ты чайник! Ты зачем выкопал 12 ям?! Я принес 12 фотоаппаратов...*

2) *Встречаются два бизнесмена на улице.*

– *У тебя есть с собой 3 тысячи долларов взаймы?*

- *Нет.*
- *А дома?*
- *Спасибо, дома всё хорошо...*

4. Пренебрежительный смех над собой. Например:

- Laz Ördék. Bir gün laz ördeğin biri bara gitmiş. Barmene:*
 – *Ekmek var mı? – diye sormuş.*
Barmen: – Yok, demiş.
Ördék: – Ekmek var mı?
 – *Yok.*
 – *Ekmek var mı?*
 – *Yok!*
Barmen: – Eğer bir daha sorarsan seni kulaklarından çiviyle tavana asarım, demiş.
Ördék: – Çivi var mı?
 – *Yok!*
 – *Ekmek var mı?*
 = Лаз (Чукча как аналог в русских анекдотах) в баре. Заходит как-то Лаз в бар и спрашивает бармена: – Хлеб есть?
 Бармен говорит: – Нет.
 Лаз: – Хлеб есть?
 – Нет!
 – Хлеб есть?
 – Нет!
 Бармен: – Слушай, еще раз меня об этом спросишь, я тебя за уши к потолку гвоздями прибью!
 Лаз: – Гвозди есть?
 – Нет!
 – Хлеб есть?

5. Загадка, задачка. Например:

- Peki Damat? İlk defa bir düğün törenine katılan küçük kız annesine fısıltıyla sorar: “Neden gelinler beyaz gelinlik giyer?”*
 – *Çünkü, yavrucum, beyaz mutlulugun rengidir, bugün de onun en mutlu günü ... diyerek anne kızının sorusunu cevaplandırmaya çalışır.*
Küçük kız biraz düşünür ve ikinci sorusunu sorar. “O zaman damat neden siyah giyiniyor?”
 = Хорошо – а жених...? Маленькая девочка первый раз на свадьбе и спрашивает маму:
 – А почему невесты надевают белое?
 – Потому что, дочурка моя, белое – это цвет счастья, а сегодня ее самый счастливый день... – отвечает мама дочери.
 Маленькая девочка, немного подумав, снова спрашивает:
 – ОК, а почему тогда жених черное надевает?

6. Головоломка с каламбуром. Например:

Звонит Буш по телефону: – Алло, а куда я попал?– А куда целились?

7. Чистый каламбур. Например:

Путин: – Москвичи! Я вам обещаю, что скоро превращу Москву в рай... райцентр Ленинградской области...

8. Юмор как сублимация протеста. Например:

Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз – 25 лет в колонии строгого режима.

В основе семиотической классификации В.И. Карасика находится семантическая дуплановость анекдота, которая проявляется в денотативном и сигнификативном измерениях [Карасик 1997]. Как правило, семантические сдвиги требуют фоновых знаний и закрыты для представителей иной культуры. Отмечаются следующие фреймовые нарушения:

1. Нарушение семантики образов – карикатурное изображение предметов. Например:

Kazım Hıyar. Adamin biri ismini degistirmek için mahkemeye basvurmus... Hakim Sormus: Adın ne?

Adam Cevap vermiş: Hasan Hıyar, efendim...

Hakim: İsim degisikligi istemekte haklisin evladım... Peki yerine ne istiyorsun?

Adam: Kazım Hıyar...

= Казым Болван. Пришел как-то один человек в суд, чтобы поменять свое имя. Судья спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Хасан Болван, эфендим...

Судья:

– Ну вообще-то ты прав, сынок, что хочешь имя поменять... Хорошо, а какое же имя ты хочешь?

– Казым Болван...

2. Нарушение пространственно-временных координат – высмеивание привычных фактов. Например:

Temel her yemekten sonra cebine bir kasik koyuyormus. Niçin?

Doktoru yemeklerden sonra bir kasik almasını söylediği için. = Темель после еды всегда кладет в карман одну ложку. Зачем? Доктор сказал брать (принимать) одну ложку после еды.

3. Нарушение взаимных позиций – конфликт представлений, когда высмеивается непонимание партнера из-за столкновения диаметрально противоположных пресуппозиций коммуникантов. Например:

1) *İyi Tanımıyorum*

Eyde kadın kocasını haslıyor: "Hiç olmazsa su yan komsularimizi örnek al... Kaç yıllık evliler ama birbirlerine hala balayında gibi davranıyorlar... Adam karısını arabada, kapının önünde, her yerde öpüyor... Yazıklar olsun! Sen neden aynı şeyi yapamıyorsun?"

– Yaparım yapmasına ama, ben kadını iyi tanımiyorum ki :)

= Не очень хорошо знаю... Дома жена мужа укоряет: – Ну ты хоть возьми за пример соседей наших... Сколько лет уже женаты, а все еще ведут себя друг с другом как во время медового месяца... Он ее и в машину первой сажает и вперед всегда пропускает, целует ее везде.... Как не стыдно тебе! Ты почему так же не делаешь?!

– Да я-то могу так же, но я ведь не знаю так близко его жену. :)

2) *В сумасшедшем доме выступает агитатор и расхваливает советскую действительность. Аплодируют все, кроме одного, стоящего в стороне.*

– А Вы почему не аплодируете? – интересуется агитатор.

– А я не сумасшедший, я санитар.

4. Нарушение границ ключевого понятия – неопределенность, двусмысленность интерпретации ключевого понятия. Например:

Öğretmen derste Ali'ye sorar: İngiltere nerededir?

Ali: Bilmiyorum, öğretmenim.

Öğretmen: Git evdekilere sor, yarın tekrar soracağım.

Ali eve gelir ve babasına sorar.

Babası: Tam olarak bende bilmiyorum nerde diye, ama çok uzakta olamaz, çünkü bizim şirkette bir tane İngiliz çalışıyor, işe yürüyerek geliyor.

= Учитель на уроке спрашивает Али: Где находится Англия?

Али: Я не знаю, учитель.

Учитель: Иди, спроси у родителей, завтра я снова тебя спрошу.

Али приходит домой и спрашивает отца.

Отец: Я тоже точно не знаю где, но не очень далеко, потому что в нашей фирме один англичанин работает, на работу пешком ходит.

a) *расширение либо сужение понятия.* Например:

Temel saçını islatmadan sampuanliyormuş. Niçin? Sampuanın etiketinde "kuru saçlar içindir" diye yazdığı için. = Темель наносит шампунь на волосы, предварительно не смочив их. Почему? Потому что на упаковке написано «для сухих волос».

б) идиоматическое переосмысление ключевого понятия (часто сопровождается фонетическими и семантико-морфологическими трансформациями). Например:

- *Merhaba, saat var mı?*
- *Ne?*
- *Saat diyorum.*
- *Eee?*
- *Kaç olmuş acaba?*
- *Ne oldu randevun mu var?*
- *Yoo.*
- *O halde niye soruyorsun?*
- *Merak ettim de.*
- *Bi git be!! =*
- Здравствуй, часы есть?
- Что?
- Часы, говорю.
- Чтооооо?
- Интересно, сколько времени?
- Что случилось, у тебя свидание?
- Неее.
- Тогда чего спрашиваешь?
- Да просто интересуюсь.
- А ну-ка иди aaa!!

На основании перечисленных видов анекдотов может быть осуществлено моделирование межкультурной концептосферы современного национального анекдота. Социокультурная специфика анекдотов состоит в приписывании человеческих недостатков, качеств и свойств этническим и социальным группам. Русские и турецкие анекдоты подчеркивают различия лингвокультур, манеры говорить, поведения и системы ценностей, но их можно рассказывать и понимать только потому, что в основе лежит нечто общее – высмеивается глупость, провинциальность, поведение и другие негативные качества человека и групп людей, тем самым осуществляется воздействие на сознание адресата.

Литература / References

1. *Желтухина М.Р.* Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. Монография / М.Р. Желтухина. Москва: Ин-т языкознания; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. – 264 с.
2. *Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография / М.Р. Желтухина. М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

3. Желтухина М.Р., Омельченко А.В. Коммуникативные технологии в XXI веке / М.Р. Желтухина, А.В. Омельченко. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008а. – 100 с.
4. Желтухина М.Р., Омельченко А.В. Психология массовых коммуникаций / М.Р. Желтухина, А.В. Омельченко. Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008б. – 84 с.
5. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В.И. Карасик // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 144–153.
6. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
7. Слышкин Г.Г. Межкультурная коммуникация в карнавальном отражении / Г.Г. Слышкин // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы международной конференции. Уфа: Изд-во БГПУ, 2002. – 176 с.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
9. Apte M.L. Ethnic Humor Versus "Sense of Humor" / M.L. Apte // American Behavioral Scientist. – 1987. № 30. P. 24–41.
10. Davies Ch. Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis / Ch. Davies. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – 404 p.
11. Dorinson J., Boskin J. Racial and Ethnic Humor / J. Dorinson, J. Boskin // Humor in America: A Research Guide to Genres and Topics. N.Y.: Greenwood, 1978. P. 163–193.
12. Mead G.H. Mind, Self and Society / G.H. Mead. Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 401 p.
13. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor / V. Raskin. Dordrecht: Reidel, 1985. – 284 p.
14. Zijderfeld A.C. The Sociology of Humor and Laughter / A.C. Zijderfeld // Current Sociology. 1983. Vol. 31. № 3. – P. 51.

К ВОПРОСУ О МОТИВИРОВКЕ И ВЫВОДИМОСТИ ИДИОМ

А.В. Жуков

ON IDIOMS MOTIVATION AND DEDUCIBILITY

Anatoliy V. Zhukov

ABSTRACT:

The article covers the meaning of the terms deducibility and motivation in the narrow sense of phraseology.

Keywords: idiom, motivation, deducibility, inner form, semantic residuality, idiomaticity

Целью настоящей статьи является уточнение понятий «мотивировка» и «выводимость» применительно к фразеологизмам, к которым мы относим фразеологические сращения и единства (по В.В. Виноградову).

Ключевые слова: фразеологизм, мотивировка, выводимость, внутренняя форма, семантическая остаточность, идиоматичность

Слово «выводимость» пока не приобрело терминологической чёткости, хотя и употребляется достаточно давно, начиная с классических трудов по фразеологии В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, Н.Н. Амосовой, Д.Н. Шмелева и др. Так, например, Г.Л. Пермяков, анализируя сложные языковые знаки (от собственно фразеологизмов до басен и сказок) предельно сближает понятия мотивировки и выводимости: «Другим существенным общетекстовым признаком, – пишет он, – следует считать наличие или отсутствие мотивировки, т. е. выводимость или невыводимость общего смысла текста из смысла составляющих данный текст слов... Само отнесение текста к тому или иному паремиологическому типу зависит от характера его мотивировки» [Пермяков 1988: 36, 37].

Пожалуй, впервые в качестве термина слово *выводимость* закрепилось в работах В.П. Жукова. Свойством выводимости, с его точки зрения, наделены в первую очередь фразеологизмы со смысловым центром, т. е. содержащие в своем составе смыслообразующие компоненты (типа *на дружеской ноге, под весёлую руку*). См., например: [Жуков 1986: 12, 92–94, 110].

Однако значительно чаще этому потенциальному термину приписывается более широкое значение, нацеливающее исследователя на поиск

признаков семантической преемственности, связывающих исходное словосочетание с собственно фразеологизмом. Поскольку переход от первоначального (буквального) содержания к конечному (переносному) не всегда самоочевиден, то феномен выводимости с большой долей вероятности замыкается на понятии мотивировки, т. е. объяснении того, как мог протекать сам процесс такого перехода, какие внутренние пружины способствовали подобному семантическому перерождению. Попутно в исследовательский аппарат вводится целый ряд взаимосвязанных терминов: переосмысление, метафоризация, преобразование, фразеологизация, десемантизация, деактуализация и др.

Рассуждая о своеобразии семантической природы фразеологических сращений и единств, В.В. Виноградов отмечал следующее: «Основным признаком *фразеологического сращения* является его семантическая неделимость, абсолютная *невыводимость* значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [Виноградов 1977: 124]. И далее: «От фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого целостного значения, но в которых это целостное значение *мотивировано*, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов. Этого рода фразеологические целые можно назвать *фразеологическими единствами*» [Виноградов 1977: 131] (разрядка наша. – А.Ж.).

Показательна достаточно критическая реакция на приведенное высказывание В.В. Виноградова со стороны Н.Н. Амосовой. «Демотивация фразеологизма фактически приравнивается в рассуждениях В.В. Виноградова к невыводимости его общего значения из значений его компонентов. Если под выводимостью подразумевается возможность понимания значения фразеологизма на основе осмысления его мотивировки, то такая “выводимость” в большинстве случаев есть чистейшая иллюзия» [Амосова 1963: 8]. Таким образом, Н.Н. Амосова склонна считать, что связь между мотивировкой (внутренней формой, мотивирующим образом) и выводимостью носит маловероятный, непредсказуемый характер. Точку зрения Н.Н. Амосовой с некоторыми оговорками и уточнениями разделяет и А.Г. Назарян [Назарян 1987: 45–50].

Следует заметить, что сам В.В. Виноградов в уже цитируемой статье подчеркивал динамическую условность связи словосочетания-прототипа и в той или иной мере исторически мотивированного им через сопутствующий образ фразеологического оборота: «Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, обычно не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа. Например: *держат в черном теле; вывести на чистую воду; отвести душу; за пояс заткнуть; поставить крест* на чем-нибудь или даже над чем-нибудь... Внутренняя форма, лежащая в основе фразеологического единства может быть полузабыта, почти утрачена. Но она всегда может быть вызвана к жизни. Часто происходит подстановка новой внутренней формы» [Виноградов 1977: 129].

Суждение Н.Н. Амосовой в том или ином виде реанимируется в работах некоторых современных исследователей (см., например [Василенко 2010: 21]).

Следует, однако, особо подчеркнуть, что сам мотивирующий образ создается именно на базе исходного словосочетания и, тем самым, в той или иной мере зависит от семантики слов-компонентов. Так, именно относительное семантическое тождество варьируемых слов-компонентов обеспечивает образное единство оборота и в конечном счете мотивирующий и экспрессивно-оценочный эффект (ср. *стреляный / старый воробей, бродить / блуждать в потёмках, звонить / ударять во все колокола, душа / сердце не на месте* у кого, *на широкую / большую / барскую ногу [жить]* и под.).

Кроме того, в свете рассматриваемой проблематики существенно следующее уточнение В.П. Жукова: «Между словосочетанием, лежащим в основе внутренней формы фразеологизма, и соответствующим свободным словосочетанием обнаруживаются черты сходства и различия... Словосочетание, образующее внутреннюю форму, может видоизменяться в строго определенных пределах: такое видоизменение не должно нарушать тождество образа. Можно, например, сказать *лежат на боку, лежат на печи* при невозможности сказать *лежат на земле*... Семантическая деактуализация слов происходит не в свободном словосочетании, а в словосочетании, которое формирует образную основу фразеологизма» [Жуков 2011а: 303].

Своего рода скептицизм в отношении прогнозирующей силы словосочетания-этимона породил в свою очередь попытки отдельных фразеологов искать семантические истоки идиом не столько в самом исходном

словосочетании и словах-компонентах, сколько в соответствующем культурно-историческом окружении, предполагающем учет и углублённый анализ фоновых знаний. Появляются словари нового поколения, в которых «прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нём археологией культуры, а также современные установки культуры» [Телия 2006: 4].

Полезность подобных исследований, имеющих уже давнюю отечественную традицию, не вызывает сомнений. Вместе с тем достаточно очевидно, что научные штудии, исходящие из понимания идиомы как «микротекста», а её происхождение и актуальное содержание в большой мере ставящие в зависимость от лингвистического и культурологического анализа «текстового» пространства в целом, не могут не учитывать при этом и самого «контекстуального минимума», т. е. семантики базового словосочетания и его компонентов.

Справедливость сказанного доказывается объективными фактами знаковости компонентов, в силу своего рода семантической инерции сохраняющими во фразеологическом значении следы и элементы генетического содержания – предметно-понятийного, символического, стилистического, словообразовательного, категориального и т. п. [Жуков 1975].

Системный характер взаимоотношений словосочетаний-прототипов и слов-компонентов, этимологического и актуального значений фразеологизма на более широком языковом фоне обнаруживается в типологии компонентов, построенной с учетом меры их семантической остаточности (маркированности) и, соответственно, степени выводимости и идиоматичности фразеологических единиц. В свою очередь опыт «Лексико-фразеологического словаря русского языка» наглядно демонстрирует случаи реального семантического соприкосновения, пересечения и производности исходного словосочетания и фразеологизма. Наиболее убедительно это проявляется в многочисленных фактах лексико-фразеологической синонимии, доказывающих, что фразеологизм в целом и особенно отдельные его компоненты, как с пуповиной, связаны с исходным словосочетанием. Ср., например: *откладывать в долгий ящик* что – *откладывать* что ‘отсрочивать’, *склонять во всех надеждах* кого – *склонять* кого ‘постоянно осуждать, критиковать’, *вертеться (крутиться) как белка в колесе* – *вертеться (крутиться)* ‘быть в постоянных хлопотах’ [Жуков 2010].

В свете обсуждаемой проблемы немаловажным аргументом в пользу идеи семантической преемственности словосочетания-прототипа и фразеологизма следует признать глубоко обоснованный на широком рус-

ском и славянском материале опыт структурно-семантического моделирования фразеологизмов [Мокиенко 1989: 52–90]. В исходной структурно-семантической модели, как правило, уже заложены основы мотивировки, которая впоследствии уточняется, конкретизируется применительно к отдельным фразеологическим единицам.

Конечно, не следует доводить идею выводимости до крайности, превращать в семантическую фикцию. Напомним в этой связи верное и тонкое суждение В.П. Жукова: «Фразеологизмы в языке появляются вовсе не потому, что, например, у слова *вешать* неожиданно появилось специфическое значение ‘приходить в состояние’, а у слова *нос* – единичное значение ‘уныние’. Все эти значения присваиваются компонентам уже после того, как сформировалась фразеологическая единица... “Докопаться” до собственного значения этих компонентов по существу невозможно. Тем более трудно сделать допущение, что подобные единицы сформировались на столь зыбкой семантической основе» [Жуков 2011б: 288].

Вернемся к уже цитированной вначале монографии Н.Н. Амосовой. «Если не знать значения фразеологизмов *выносить сор из избы* или *стреляный воробей*, которые, по В.В. Виноградову, являются “единствами”, то, в условиях их изоляции от речи, мы можем, отталкиваясь от одного и того же мотивирующего образа, с одинаковым основанием расшифровать первый из них как ‘наводить порядок’ или ‘облегчить душу тяжелым признанием’, или ‘отделаться от чего-либо лишнего, ненужного’ и т. п., а второй – как ‘запуганный’ или, может быть, ‘много претерпевший человек’. Их расшифровка, соответственно, как ‘разглашать внутренние дразги’ и ‘опытный человек’, вовсе не является единственно возможной. Если в условиях речи или определенной речевой ситуации можно понять смысл неизвестного ранее идиоматического сочетания, то действующей силой тут является не столько прозрачность его мотивировки, сколько внешние указания, идущие от контекста или ситуации» [Амосова 1963: 8].

То, о чем говорит Н.Н. Амосова, конечно же, справедливо, но верно также и то, что из всех возможных вариантов в акте фразеобразования предпочтение было отдано *только одному* и, думается, не случайно. Именно в суммарном смысловом содержании исходного словосочетания, а также в семантике самих слов-компонентов объективно присутствуют такие элементы значения, которые могут послужить основой для метафорического или иного переосмысления и преобразования.

Таким образом, исходя из определения выводимости, данного в трудах В.П. Жукова, этому термину можно придать более широкое значе-

ние, связав с типологией семантической остаточности компонентов фразеологических единиц.

В свою очередь под мотивировкой следует понимать семантическое основание, элемент значения (сему или несколько сем – ядерных или периферийных, актуальных или потенциальных) в содержании исходного словосочетания (выступающего в качестве внутренней формы), на базе которого в той или иной мере формируется реальное фразеологическое значение. Мотивировка предполагает установление семантической связи (причинно-следственной, ассоциативной и проч.) между этимологическим и актуальным значением фразеологизма, осознаваемой в той или иной тропеической форме (как метафора, метонимия, литота, гипербола, алогизм и т. п.). Ср. в этой связи также: [Назарян 1987: 47–49].

Несмотря на то, что феномены мотивировки и выводимости носят универсальный характер, их проявление на разных языковых уровнях и в единицах разной структурной и семантической природы отличается своеобразием. Более того, в пределах отдельных идиоматических групп характер и мера мотивировки и выводимости могут существенно различаться. Ср., например, в этой связи фразеологические сочетания *чреватый последствиями* и *закадычный друг*, поговорки *Что имеем, не храним, потерявши, плачем* и *Бедному жениться и ночь коротка* (устар.), пословицы *Кашу (каши) маслом не испортишь* и *Далеко кулику до Петрова дня*, пословично-поговорочные выражения *В тихом омуте (болоте) черти водятся* и *В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят* (устар.) и под. Особенно показательны в этом отношении пословично-поговорочные выражения, которые, подобно фразеологизмам со смысловым центром, характеризуются явно выраженной мотивировкой и выводимостью своего смыслового содержания.

Есть основания предполагать, что чем более сложной по своей структурной организации (многокомпонентной) является идиоматическое образование, тем более органично взаимодействуют в его содержании мотивировка и выводимость, и наоборот (ср. слово, словосочетание, фразеологическое сочетание, фразеологизм, поговорка, пословица, пословично-поговорочное выражение, крылатое выражение, афоризм, примета, загадка, басня и т. д.).

В заключение приведем таблицу, в которой семантическая классификация фразеологизмов дана в свете четырех взаимосвязанных признаков – налагаемости, мотивированности, выводимости и идиоматичности. Более подробно см. в статье [Жуков, Жуков 2006].

Таблица. Семантическая классификация фразеологизмов

п/п	Примеры фразеологизмов	Налагаемые	Мотивированные	Выводимые	Мера идиоматичности	Тип фразеологизма
1	<i>Турусы на колёсах, приказать долго жить, очертя голову</i>	–	–	–	Сильно идиоматичные	Сращения
2	<i>Собаку съест, втирать очки, перемывать косточки, подложить свинью, крапивное семя</i>	+	–	–		
3	<i>Ломиться в открытую дверь, гранить мостовую, переливать из пустого в порожнее, белые мухи, на рыбьем меху</i>	–	+	–	Средне идиоматичные	Единства
4	<i>Обрасти мохом, выжатый лимон, зайти в тупик, тяжёлая артиллерия, носить на руках, белая ворона</i>	+	+	–		
5	<i>По пьяной лавочке, чудеса в решете</i>	–	–	+		
6	<i>Ветряная мельница, на дружеской ноге, другой коленкор, валять дурака</i>	+	–	+		
7	<i>Морской волк, на скорую руку, на краю гibelи, язык хорошо подвешен</i>	–	+	+	Слабо идиоматичные	
8	<i>Месить грязь, первая ласточка, играть в молчанку, ставить знак равенства, обратная сторона медали, плыть против течения</i>	+	+	+		

Литература / References

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
2. Василенко А.П. Аспекты изучения внутренней формы идиом (на примерах русского и французского языков) // Современная филология: теория и практика. Материалы I международной научно-практической конференции 25-30 мая 2010 г. М., 2010. С. 21–24.

3. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Избранные труды. Лексикология и лексикография.* М.: Наука, 1977. С. 140–161.
4. *Жуков В.П.* О знаковости компонентов фразеологизма // *Вопросы языкознания*, 1975, № 6. С. 36–45.
5. *Жуков В.П.* Идиоматичность фразеологизма в сопоставлении с идиоматичностью слова // *Избранные работы по русскому языку / Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятое Жуковские чтения. Т. 2. Материалы Международного симпозиума 4-6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А.В. Жуков. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011а. С. 297–307.*
6. *Жуков В.П.* Предисловие // *Избранные работы по русскому языку / Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятое Жуковские чтения. Т. 2. Материалы Международного симпозиума 4-6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А.В. Жуков. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011б. С. 287–288.*
7. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
8. *Жуков А.В.* Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2010. – 704 с.
9. *Жуков А.В., Жуков К.А.* К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизмов // *Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого, серия «Гуманитарные науки»*, 2006, № 36. С. 55–58.
10. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. Изд-е второе, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
11. *Назарян А.Г.* Фразеология современного французского языка. Изд-е второе, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
12. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. – 236 с.
13. *Телия В.Н.* От авторов // *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 4–5.

О ВЗАИМОСВЯЗИ КАРТИНЫ МИРА И КУЛЬТУРОНОСНЫХ СМЫСЛОВ В СЛОВЕ

В.И. Заботкина

TOWARDS INTERRELATION BETWEEN THE WORLDVIEW AND CULTURAL COMPONENTS OF WORD MEANING

V.I. Zabotkina

ABSTRACT:

The article addresses the problem of interrelation between the worldview and the cultural components in the word meaning. Special attention is paid to the ontology of cultural components, their semantic status in word meaning. The article sheds some light on the interconnection between universal and culture-specific aspects of word meaning as well as on the dynamics of the cultural components of meaning.

Keywords: cultural components, worldview, conceptual dynamic semantics, universal vs. culture-specific, word meaning

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия между картиной мира и культуросносными смыслами в значении слова. Уделяется внимание онтологической сущности культуросносных смыслов словозначения, их семантическому статусу, соотношению универсального и культурно-специфического в структуре словозначения, динамике культуросносных смыслов в соотнесенности с картиной мира.

Ключевые слова: культуросносные смыслы, картина мира, концептуальная динамическая семантика, универсальное vs. культурно-специфическое, словозначение

Процесс коммуникации будет успешным лишь в том случае, когда между собеседниками существует понимание, основывающееся на существовании широкого контекста, определяемого культурой. Иными словами, культуру можно рассматривать как общие фоновые знания о мире участников коммуникации. Данные знания могут проявляться на уровне общих поведенческих и коммуникативных конвенций, они также могут быть закодированы на уровне лексикона [Givon 1989: 324]. В свою очередь, рассмотрение культурологического аспекта слова предполагает обращение к картине мира.

Общепринятым стало положение о слове как о «памятнике культуры», «зеркале жизни нации» [Верещагин, Костомаров 1983:7]. Данное положение восходит к постулату В. Гумбольдта о том, что характер

народа разного мировосприятия отражается в значении слова [Гумбольдт 1984: 181]. Как известно, значения составляют фундамент языковой картины мира, которая, в свою очередь, существует как часть общей (глобальной) концептуальной картины мира [Кубрякова 1988:143].

Один из важных моментов бытия общей картины мира заключается в ее культурной трансляции и введении в сознание индивидов [Телия 1988: 51]. Строго говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи имеется своя собственная картина мира. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из научного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картин мира на базе интуиции о мире, которые пробуждаются в человеке под влиянием культуры или актов жизнедеятельности. При этом, однако, образ мира отдельного человека отличается от образа мира, запечатленного в общей картине мира его времени лишь нюансами [Телия 1988: 58].

В настоящей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы, освещающие взаимосвязь между культурологическим аспектом концептуальной картины мира и культурноносными смыслами в значении слова:

1. Какова онтология культурноносного компонента в значении слова?
2. Каков семантический статус данного компонента в структуре словозначения?
3. Как соотносятся понятия «культурно-универсальное» и «культурно-специфическое» в структуре словозначения?
4. Какова динамика культурного компонента в концептуальной картине мира и в системно-структурном аспекте языкового значения?

Для адекватного ответа на вопрос о сущности культурного компонента обратимся к понятию «культура». В классическом понимании термин «культура» синонимичен «цивилизации» и по контрасту противопоставляется варварству. Возрожденная в эпоху Ренессанса классическая концепция культуры была развита просветителями и ассоциировалась с их взглядом на человеческую историю как на прогресс и саморазвитие.

Этот взгляд был оспорен Гердером, который заявил о том, что нет ничего более ошибочного, чем употребление слова «культура» по отношению ко всем временам и народам. Он предложил антропологическое понимание культуры, в соответствии с которым каждое общество имеет свою собственную культуру и различные подгруппы общества могут иметь свою собственную культуру [Herder 1887].

Это означало, что национальный язык и культура являются манифестацией особого национального духа и менталитета. Данная точка зрения разделялась многими немецкими романтиками и широко известна

благодаря работам В. фон Гумбольдта о языке как особом мировидении нации [Гумбольдт 1984: 3]. Позже эти идеи были развиты в теории Уорфа и Сэпира [Whorf 1956; Sapir 1947]. Таким образом, основной проблемой понятия «культура» является вопрос о соотношении универсального и специфического. Данный вопрос уходит корнями в проблему соотношения сознания и языка, впервые поставленную Аристотелем, который рассуждал об универсальности отношений между миром и сознанием и отсутствием универсальности в отношении между сознанием и языком [Aristotle 1963: 70].

В более поздние времена сторонники феноменологического подхода говорили об универсальности содержания, скрытом в любой частной культуре, исходя либо из утверждения об универсальности структур сознания (Гуссерль), либо из постулата о психологическом единстве человечества (Юнг), либо из уверенности в наличии некоего фундаментального основания, осевой «изначальности» культуры, по отношению к которым все ее разновидности – лишь частности или шифры (Хайдеггер, Ясперс) [БСЭ 1978:152].

Нам представляется, что вопрос о соотношении универсального и специфического в культуре необходимо рассматривать как проявление диалектического закона об общем и частном. Напомним в этой связи постулат В. фон Гумбольдта об индивидуальности как единстве различий. «Она (индивидуальность – В.З.) заметна только тогда, когда в той части, в которой один язык отличается от всех остальных, удается усмотреть обусловленное и одновременно обуславливающее единообразие» [Гумбольдт 1974: 370]. Это, в свою очередь, связано с рассмотрением культуры в двух измерениях: на синхронной оси речь идет о ситуации плюрализма культур в мире, на диахронной оси культура рассматривается как процесс генезиса человечества [Роль человеческого фактора в языке 1988: 18].

Культуроносный смысл значения слова кодирует концепты, понятия, явления культуры нации. Традиционно, когда говорят о культурно-специфическом в языке, имеют в виду национальную специфику. Однако, по-видимому, речь должна идти о целом комплексе параметров, определяющих специфику культуры определенного общества. Речь идет о таких факторах, как территориальный, этнический, социальный, профессиональный, возрастной, гендерный, региональный и т. д.

Именно эти параметры определяют систему ценностных ориентаций традиционных норм, стереотипов, стандартов и идеалов определенной субкультуры. Анализ картины мира англоязычного общества (преимущественно американского) последних десятилетий свидетельствует о появлении новых и расширении традиционных субкультур. При этом, как правило, специфика субкультуры определяется не одним, а сразу

несколькими параметрами. Так, по этническому параметру, сопровождаемому социальным, выделяется культура чернокожих (Black Culture). Соответственно, можно привести примеры слов с культурным компонентом, специфичным для данной субкультуры. Это такие лексические единицы, как *woofing*, *signifying*, *dozen* (обмен оскорблениями в адрес родственников, особенно матерей), *bad* (в значении 'good'), *whittle*, *paddy*, *honky* (пренебрежительные обозначения белого человека).

По профессиональному параметру выделяется культура джазовых музыкантов. В данном случае профессиональный параметр сопровождается этническим: как правило, основная масса джазистов – это афроамериканцы. В настоящее время наблюдается «диффузия» субкультур джазовых музыкантов. Многие слова, маркированные данной культурой, перешли в общепотребительный стандарт. Например: *nitty-gritty* (практические детали), *cool* (самоконтроль), особенно в выражениях *to get down to nitty-gritty*, *to loose one's cool*, *to blow one's cool*.

По социальному параметру наряду с традиционным делением на культуры высшего, среднего и рабочего класса, появляются новые субкультуры, такие, как *yuppie* (молодые, преуспевающие служащие среднего класса с четкой установкой на достижение успеха в карьере).

По параметру гендера выделяется феминистская культура со своим лексиконом (*lib* – освобождение от дискриминации, *libber*, *libbie* – участник движения женщин за свои права).

По параметру возраста выделяется молодежная субкультура, которая появилась в 60-е годы как контркультура.

Все приведенные выше примеры несут в себе культуруносные смыслы, отражающие специфику картины мира современного американского общества. Однако при всем разнообразии субкультур существует некая культура нации и шире – культура определенной социальной системы, определенной цивилизации. Ибо, как известно, каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым восприятием мира [Гуревич 1971: 17], своей картиной мира.

Таким образом, онтология культуруносного смысла слова определяется, с одной стороны, спецификой картины мира конкретной эпохи, конкретной социальной системы, конкретной национальной культуры и конкретной субкультуры, а с другой стороны, универсальностью общечеловеческих ценностей.

Каков же лингвистический статус культуруносного смысла? С каким аспектом словозначения он соотносится? Лингвистический статус культуруносного смысла слова определяется тем, какой аспект культуры фиксирует слово – непосредственные понятия, категории и объекты культуры или культурные ассоциации, связанные с означаемым, то есть фоновые знания. В первом случае культуруносный смысл соотносится с

ядром значения, с его денотативным и сигнификативным аспектами. Во втором случае он коррелирует с созначением, с его коннотациями (импликационалом и эмоционалом).

Важным представляется также рассмотрение вопроса о том, с каким аспектом словозначения соотносятся понятия «культурно-универсальное» и «культурно-специфическое». Ядро значения (интенционал) большинства слов является носителем универсального, ибо, как правило, интенционал отражает концепты, общие для всех наций определенной исторической эпохи. Именно благодаря тому, что интенционалы слов разных языков соотносятся с одним и тем же фрагментом в концептуальной картине мира, возможен адекватный перевод с одного языка на другой. Однако во всех языках существуют слова, интенционалы которых являются чисто национальными. Речь идет о словах, называющих реалии, понятия, отсутствующие в других национальных культурах. Например, в русском не существует эквивалентов английских *privacy*, *efficiency* (ср. в этой связи ксенизмы – заимствования, отражающие экзотические явления и объекты, существующие в стране-источнике и отсутствующие в принимающем языке).

Особого внимания в аспекте соотношения универсального и специфического в культуросносном компоненте словозначения заслуживает импликационал значения. Как правило, данный аспект значения является национально-специфическим, ибо несет в себе культурные ассоциации, связанные с денотатом в каждой конкретной национальной культуре. Так, в странах Латинской Америки так же, как и в Древнем Египте, кошка является сакральным животным. В китайской и германской культурах кошка имеет отрицательный импликационал (ср. *old cat*, *a whipping cat*, *to whip the cats* и т. д.). В русской культуре импликационал данного слова скорее нейтрален. Однако импликационалы некоторых слов несут ассоциации, являющиеся универсальными, стереотипными для всех наций определенной эпохи. Это, как правило, относится к словам ушедших эпох: историзмам, библеизмам, различным эвфемизмам.

Наконец, культуросносный компонент может входить в эмоционал значения, то есть в ту часть значения, которая разными лингвистами – в разные времена назывались *feeling*, *tone*, *emotive valeur*. Речь идет прежде всего об экспрессивно окрашенных и эмоционально-оценочных значениях слов, формированию оценочной семантики которых предшествует национально-культурная стереотипизация того, «что такое хорошо и что такое плохо» [Телия 1988: 26–51]. Национально-культурный компонент эмоционала является результатом актуализации, ословливания ассоциаций импликационала. Если импликационал несет ассоциации, связанные с денотатом, то эмоционал несет эмоции, закрепленные за

словом. Однако во всех языках выделяется группа эмоционально-окрашенных слов, эмоционалы которых имеют одинаковую оценку. Это связано с тем, что ценностные картины мира различных наций могут совпадать в определенных секторах или точках.

Таким образом, семантический статус культурного компонента не является жестко закрепленным за одним конкретным аспектом слово-значения. Культурный компонент может соотноситься с любым из аспектов значения слова. Иногда он может входить одновременно и в ядро значения, и в сознание.

Последний вопрос, поставленный в данной статье, касается динамики культурноносного смысла значения слова. Культурноносные компоненты ядра значения подвержены изменениям вместе с расширением концептуальной картины мира. Динамика же культурных компонентов коннотативного аспекта отражает изменения в аксиологической картине мира. Одно и то же слово в разные эпохи исторического развития может нести отрицательную или положительную оценку в зависимости от национально-социально-культурно-профессиональной стереотипизации. В процессе исторического развития человечества растет число номинаций, называющих новые понятия и направления культуры. Так, процесс экспериментирования, охвативший западное искусство в 60-е годы нашего столетия, вызвал появление новых видов и направлений, сосуществующих с традиционным искусством: *minimal art*, *minimalism* (искусство, упрощающее, разлагающее на элементарные части форму и цвет); *soft art* (вид искусства, использующий мягкие материалы). В 70-е годы появляются *conceptual art*, *process art*. В 80-е годы появилось *computer art*.

Однако на протяжении всей истории английского языка слова, называющие явления культуры, значительно уступали в количественном отношении словам, нагруженным определенными культурными ассоциациями. При этом важно рассмотреть, каким образом культурноносный компонент значения данного типа фиксирует «просвечивающий в языке характер, создающий особое мировидение» [Гумбольдт 1984: 170].

Можно говорить о динамике культурноносного смысла не только в плане его соотношенности с изменениями в картине мира, но и в системно-структурном плане. При этом необходимо дифференцировать различные уровни анализа. На уровне отдельного лексико-семантического варианта (ЛСВ) может происходить движение данного смысла из одного аспекта значения в другой. На уровне всей лексемы динамика может проявиться в появлении нового ЛСВ, на уровне лексико-семантической группы (ЛСГ) – появление нового члена группы. На уровне всей лексической системы определенного синхронного среза – появление новых

ЛСГ, новых синонимических рядов и расширение традиционных. Таким образом, культуроносный смысл в значении слова подвержен изменениям как по линии его соотносительности с картиной мира, так и по линии внутрисистемных параметров.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что между картиной мира, культурой и словом существует сложная диалектическая взаимосвязь. Концептуальная картина мира формируется под влиянием культуры, она отражает конкретную культуру конкретной эпохи. Слово, с одной стороны, является частью культуры, с другой стороны, оно фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код, декодирование которого происходит в процессе коммуникации.

Литература / References

1. БСЭ 1978 – Большая Советская Энциклопедия в 30 томах. Т.13. М., 1978.
2. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1983.
3. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
4. *Гуревич А.Я.* Представление о времени в Средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 20–58.
5. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М., 1988. – 212 с.
7. *Телия В.Н.* Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–51.
8. *Aristotle.* De Interpretatione // Ackrill, J (tr. & ed.). Aristotle's Categories and De Interpretatione. Oxford, 1963. P. 63–95, 78–150.
9. *Givon T.* Mind, code and context. Essays in Pragmatics. Hillsdale, New Jersey, London, 1989.
10. *Herder J.G. von.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Sämtliche Werke (in 33 Bänden), vols. 13, 14. Berlin, 1887.
11. *Sapir E.* Selected Writings in Language, Culture and Personality. Berkeley & Los Angeles, 1947.
12. *Whorf B.* Language, Thought & Reality. Collected writings. Cambridge, 1956.

О ТИПАХ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАКЕ

И.В. Зыкова

ON TYPES OF CULTURAL INFORMATION IN PHRASEOLOGICAL SIGNS

I.V. Zyкова

ABSTRACT:

The issue about the kinds of cultural information that may form the contents of any phraseological sign is in focus in the present paper. This issue is studied within the framework of the theory of phraseological meaning elaborated in the given research. In accordance with this theory, phraseological meaning is viewed as the result of the intersemiotic transposition. Basic types of cultural information are specified; and their interconnection is discussed. The assumption that cultural information is stored and accumulated in the deeper stratum of phraseological meaning has been made and substantiated. Due to the research findings, the deeper stratum is a rather complex conceptual construction that may be determined as a macro-metaphorical conceptual model.

Keywords: cultural information, phraseological image, conceptual model, intersemiotic transposition

Статья посвящена вопросу о том, какого рода культурная информация может составлять содержание любого фразеологического знака. Данный вопрос рассматривается в рамках разрабатываемой в настоящем исследовании концепции фразеологического значения, согласно которой оно представляет собой результат межсемиотической транспозиции. Определяются основные типы культурной информации и отмечается их взаимосвязь. Выдвигается и теоретически обосновывается предположение о том, что культурная информация хранится и накапливается в глубинном основании образа фразеологического знака – сложном концептуальном образовании, представляющем собой макрометафорическую концептуальную модель.

Ключевые слова: культурная информация, фразеологический образ, концептуальная модель, межсемиотическая транспозиция

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков) и в рамках гранта «Языковые параметры современной цивилизации», соглашение 8009.

Вероника Николаевна Телия одной из первых обратилась к разработке теоретических оснований и методологических приемов (или принципов) изучения фразеологического знака с позиции наличия в его содержании различных слоев/пластов культуры – от «древнейших форм осознания мира человеком» до современных его форм, запечатленных в различного рода текстах [Телия 2006а: 12]. В.Н. Телия подчеркивает, что «культура – это особая знаковая система, которая является продуктом многовековой, многослойной, непрестанно развивающей и меняющей свою конфигурацию деятельности в зависимости от форм осознания человеком мира» [Телия 2006: 776]. В соответствии с определенной формой осознания мира (архетипической, мифологической, религиозной и др.), а также других возможных источников культурного содержания, автором выделяются следующие базисные пласты или слои культуры, оставившие свой след в виде соответствующих культурных смыслов или культурной информации в образном содержании фразеологизмов: 1) архетипический слой; 2) мифологический слой (в том числе ритуал); 3) библейский слой; 4) фольклорный слой; 5) этнографические источники и исторические памятники; 6) литературно-публицистический слой (во многом оказывающийся вторичным по отношению ко всем перечисленным ранее слоям культуры); 7) символярий культуры [Там же: 781]. Такой лингвокультурологический подход к изучению и описанию культурного содержания фразеологического знака (или культурной коннотации) был успешно реализован в рамках фразеографической практики, в создании коллективом авторов под научным руководством В.Н. Телия «Большого фразеологического словаря русского языка (Значение. Употребление. Культурологический комментарий)» [БФСРЯ 2006].

Однако, по замечанию самой В.Н. Телия, вопрос о том, какая культурная информация может передаваться во фразеологическом знаке, а также вопрос о том, насколько фразеологический знак, будучи культурно-языковым знаком, способен вместить в себя культурную информацию, требуют дальнейшего изучения. Об актуальности этого вопроса и возможности выявления новых типов культурной информации свидетельствует исследование М.Л. Ковшовой. В работе [Ковшова 2012] автором выделяются три сферы сознания: «мифологическая», «научно-познавательная» и «наивная» (или «наивно-культурная»). В соответствии с этими сферами сознания определяются три основных составляю-

щих культурной коннотации – дополнительного, культурного, содержания фразеологизма: «мифологическая» составляющая, «научно-познавательная» составляющая, «наивная» (или «наивно-культурная») составляющая (о структуре культурной коннотации см. подробнее в [Ковшова 2012: 146–159]).

В настоящем исследовании изучение того, *какого рода культурная информация становится неотъемлемой частью содержания любого фразеологического знака, осуществляется в рамках разрабатываемой нами концепции фразеологического значения*. В своем понимании фразеологического значения мы базируемся на понятии *межсемиотической транспозиции*, впервые введенного Р. Якобсоном для описания процесса перевода содержания вербальных знаков в невербальные знаковые системы [Якобсон 1978]. Используя данное понятие в отношении обратного перевода, т. е. перевода содержания невербальных знаков культуры в знаковое пространство языка, мы рассматриваем межсемиотическую транспозицию как процесс, в результате которого происходит формирование фразеологического значения как культуруобусловленной сущности – носителя культурной информации. Согласно одному из ключевых положений нашего исследования, всевозможная культурная информация содержится, хранится, передается и накапливается в *глубинном основании образа* фразеологического знака. Исходя из двух фундаментальных идей, интенсивно развиваемых в современном языкознании – идеи стратификации семантики и идеи моделируемости содержания фразеологизмов, фразеологическое значение рассматривается нами как моделируемое двухуровневое образование, в котором выделяются поверхностный, или собственно семантический уровень, и глубинный, или концептуальный уровень [Беляевская 2009]. Семантический (поверхностный) уровень может быть описан как совокупность сем (или, по В.Н. Телия, семантически предельных составляющих, семантических «примитивов», образующих макрокомпоненты фразеологического значения [Телия 1988]). Концептуальный (глубинный) уровень рассматривается нами как уровень основания фразеологического образа, которое возникает и формируется в результате межсемиотической транспозиции.

Согласно полученным данным, глубинное основание образа фразеологического знака представляет собой сложное концептуальное образо-

вание, которое можно определить как *макрометафорическую концептуальную модель*. Проведенное исследование показало, что макрометафорическая концептуальная модель является, в сущности, тем идеальным «субстратом», благодаря которому происходит закрепление, сохранение и приращение со временем ценностной культурной информации во фразеологическом знаке. Для изучения того, какая это культурная информация, вслед за В.Н. Телия, мы обратились к рассмотрению различных форм осмысления мира. В работе [Зыкова 2011] были выделены в качестве наиболее значимых (с точки зрения их как универсальности, так и фундаментальности) следующие формы осмысления мира: 1) архетипическое осмысление; 2) мифологическое осмысление; 3) религиозное осмысление; 4) философское осмысление; 5) научное осмысление. Кроме того, была выявлена особая роль определенных форм переживания мира в процессе формирования значения фразеологизмов. Согласно проведенному исследованию, это такие формы переживания мира, как: 1) эмоционально-чувственное переживание; 2) душевное переживание; 3) эстетическое переживание. Таким образом, в соответствии с данными формами осмысления и переживания макрометафорическая концептуальная модель как глубинное основание образа фразеологизма сохраняет, передает, накапливает и актуализирует следующие *основные типы культурной информации*: архетипическую, мифологическую, религиозную, философскую и научную информацию; эмоционально-чувственную, этическую и эстетическую информацию. Более того, важным представляется и выявленный в исследовании факт того, что рассматриваемые формы переживания и осмысления мира не только являются источниками соответствующих типов культурной информации. Они определяют ее организацию в макрометафорической концептуальной модели и, следовательно, в порождаемом ею образе фразеологического знака, создавая соответствующие *информационные слои*. Другими словами, культурная информация, сохраняемая во фразеологическом знаке, имеет *упорядоченную организацию*, проявляющуюся в определенной взаимосвязанности всех типов культурной информации друг с другом. Разрабатываемая в настоящей работе концепция фразеологического значения с учетом содержащихся в нем типов культурной информации представлена в схеме 1.

Схема 1. Фразеологическое значение и основные типы содержащейся во фразеологическом знаке культурной информации

В качестве демонстрации проведем выборочное описание таких типов культурной информации, как мифологическая, этическая и эстетическая информация, передаваемых в английском фразеологизме *to raise/lift the curtain* (букв. ‘поднимать занавес’) – ‘to make something public, disclose’ [АНДИ] (рус. ‘обнародовать, предавать гласности секретную или новую информацию’), глубинное основание образа которого представляет собой макрометафорическую концептуальную модель VERBAL COMMUNICATION IS PLAY (ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ИГРА) в такой своей разновидности, как THEATRICAL PLAY (ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА).

Мифологическая информация, сохраняемая макрометафорической концептуальной моделью образа данного английского фразеологизма, касается в первую очередь древнейших магических практик, фетишистских и анимистических воззрений, в рамках которых неодушевленные объекты наделяются магическими свойствами и происходит одухотворение объектов мира, соответственно. В качестве таких объектов в образе английского фразеологизма непосредственно выступает *curtain* (занавес) и опосредовано – *stage* (сцена).

Особые – магические – свойства *curtain* усматриваются в выполнении им, прежде всего, функции обособления некоего замкнутого пространства (сцены) от внешнего окружения. Причем, это отграничение является не только пространственным, но и временным. Функция хронотопического обособления, осуществляемая занавесом в ходе театральной игры, несет в себе целый ряд архаичных сакральных смыслов, восходящих к древнейшим культам, обрядам и ритуалам (см. тж. [Хёйзинга 1997]). Прежде всего, это культы языческих германоскандинавских богов плодородия и древнейшие ритуалы жертвоприношения как сакрального мимезиса акта творения мира. Сакрализация предметов, выполняющих функцию, аналогичную той, что выполняет занавес, сопровождается наделением их определенной символикой. Они символизируют скрытое знание, тайну, иллюзию материального мира. Однако, то, что скрывает, может и раскрывать [СС 2013; DS 1996]. В связи с этим можно говорить о том, что, по всей вероятности, высшим – символическим – смыслом *curtain* (занавеса), нашедшим отражение в глубинном основании образа данного английского фразеологизма, является его восприятие как предмета, определяющего своего рода грань между видимостью и сутью. В рамках рассматриваемого фразеологического образа *curtain* выступает и как символ защиты, а также как символ временных и пространственных пределов ценностного действия (вербальной коммуникации как игры, в частности).

Кроме того, определенными сакральными смыслами, берущими начало в архаической культуре, обладает и само отделяемое занавесом место – *stage* (сцена). *Stage* (сцена) как отгороженное (игровое) пространство в рамках мифологического осмысления воспринимается как одухотворенное и освященное место. В своем глубинном архаичном толковании это место сакрального действия, (изначально) синкретичный характер которого позволял его участникам не только объединять жизнь природы (или космоса) со своей жизнью, но и выражать через себя ее (или его) высшие силы. Отсюда сцена – это место, где совершается таинство (происходит «слияние» с «иной» реальностью) и где реализуется (глобальная) установка на всеобщность его (т. е. этого таинства) постижения. Ее открытость, обеспечиваемая поднятием занавеса – *to raise/lift the curtain*, предоставляет доступ к «сокровенному», приобщает к нему, делает его всеобщим достоянием (см. значение фразеологизма – ‘обнародовать, предавать гласности секретную или новую информацию’).

Этическая и эстетическая информация, передаваемая в образе английского фразеологизма *to raise/lift the curtain*, благодаря макрометафорической концептуальной модели VERBAL COMMUNICATION IS THEATRICAL PLAY (ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА), представ-

ляет собой результаты душевного и эстетического переживания изучаемого феномена, соответственно.

Этическая информация и эстетическая информация отражают итог двух высших форм чувственного восприятия вербального действия как действия игрового, состоящих из чувств наивысшего порядка – нравственных и эстетических чувств, соответственно. Нравственные и эстетические чувства – это особое «мерило» объектов мира. Благодаря этим чувствам происходит не только оценивание вербального общения как театрального действия в таких нравственных и эстетических пределах как добро и зло (хорошее и плохое), прекрасное и безобразное (возвышенное и низменное), но и формирование представления о «должном» (или представления о том, «что и как должно быть»). В своей сущности этическая и эстетическая информация – это *вершинный модус формируемой общекультурной модальности* восприятия вербальной коммуникации как игрового процесса, определяющего рамки достойного и недостойного, выражающийся в таком обобщенном аксиологическом отношении, как ‘одобрение – неодобрение (осуждение)’, и фактически обуславливающий выбор того или иного фразеологизма в речи.

Следует отметить, что это аксиологическое отношение имеет специфическое проявление в образе английского фразеологизма *to raise/lift the curtain* (букв. ‘поднимать занавес’) – ‘обнародовать, предавать гласности секретную или новую информацию’. Внезапный показ того, что было сокрыто, может вызывать разные (или противоположные) по своему оценочному заряду нравственные и эстетические чувства, раскрывающие его восприятие и как хорошего, возвышенного, и как плохого, низменного. Соответственно, вершинным модусом оценки этого процесса/действия, который формируется в рамках данного конкретного образа, может являться как одобрение, так и неодобрение (осуждение). Сравним два дискурсивных использования исследуемого английского фразеологизма:

(1) *Scotland's culture minister has raised the curtain on a £20m-a-year drive to revitalise the arts industry.* (BBC News, 19 January 2006) = Министр культуры Шотландии обнародовала до того неизвестные планы на проведение кампании по реформированию (или возрождению) культурного сектора страны, на которое будет ежегодно выделяться 20 миллионов фунтов.

(2) *James raises the curtain on his tragi-comedy of social relations in the middle of a conversation – in fact, in the middle of a rather uncomfortable interview between two strangers.* (BNC, EWA: 1104) = Джеймс раскрывает свою трагикомедию социальных отношений

в середине разговора – фактически, в середине довольно неприятной беседы двух незнакомцев.

Из приведенных дискурсивных употреблений следует, что описываемое рассматриваемым английским фразеологизмом (неожиданное) открытие новых (или неизвестных, скрытых) фактов – планируемой реформы (пример 1) и сложных межличностных отношений (пример 2) вызывает разные по своему оценочному заряду нравственные и эстетические чувства. Данные нравственные и эстетические чувства «суммарно» выражаются в отношении одобрения (пример 1) и в отношении неодобрения (пример 2), которые представляют собой вершинный модус общекультурной модальности описываемых вербальных явлений. Делаясь известным намерение возродить пришедшую в упадок важнейшую сферу жизнедеятельности общества, улучшить ее состояние вызывает одобрение, базирующееся на его этическо-эстетическом восприятии как хорошего (доброго) и «красивого» поступка и в целом определяется как достойное. Делаясь же известными сложные социальные отношения – это плохие и далекие от совершенства (т. е. несовершенные) отношения, которые вызывают неодобрение; в целом они воспринимаются или определяются как недостойные.

В целом, проведенное исследование данного и многих других английских фразеологизмов (более 2,5 тыс. единиц) позволяет заключить, что в любом фразеологическом знаке благодаря лежащей в основе его образа макророметифической концептуальной модели содержится значительный объем дифференцированной культурной информации, а именно: архетипическая, мифологическая, религиозная, философская и научная информация; эмоционально-чувственная, этическая и эстетическая информация. Следует отметить, что данные типы культурной информации не являются обособленными. Вместе они представляют собой такой вид (иерархической) упорядоченности, при котором каждый тип культурной информации характеризуется многомерной взаимосвязанностью и взаимообусловленностью со всеми остальными типами. Более того, в сознании носителей английского языка они присутствуют, по видимому, глобально и, по всей вероятности, нерасчлененно. Следует также отметить, что «сердцевинной» всей информационной организации макророметифической концептуальной модели и продуцируемого ею фразеологического знака является этическая и эстетическая информация, которой определяется вершинный модус общекультурной модальности восприятия постигаемого объекта (вербальной коммуникации в данном случае). Эти два типа информации можно было бы охарактеризовать как «ядро» культурной коннотации (по В.Н. Телия). Как представляется, именно они обуславливают выбор того или иного фразеологизма в речи.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. Вып. 1: Концептуальный анализ языка. М.-Тамбов, 2009. С. 60–68.
2. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М. 2006.
3. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М., 2011.
4. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М., 2012.
5. СС – Словарь символов. URL: <http://enc-dic.com>
6. *Телия В.Н.* Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. М., 1988. С. 18–35.
7. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006а. С. 6–14.
8. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776–782.
9. *Хёйзинга Й.* Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
10. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
11. AHDI – The American Heritage Dictionary of Idioms. US: Houghton Mifflin Harcourt, 2003.
12. BNC – British National Corpus – XML edition. Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. Oxford, 2007.
13. DS – Dictionary of Symbols. UK: Penguin Books, 1996.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Калёнова

PHRASEOLOGICAL UNIT AS TRANSLATOR OF CULTURAL INFORMATION IN THE EPISTOLARY DISCOURSE

N.A. Kalyonova

ABSTRACT:

Epistolary discourse (private letter) translates information about a culture by the complex of language units. Phraseological unit is the special means of objectivation of cultural information, that it is stopped up in their wild. In the article the features of translation of cultural information are considered in epistolary discourse.

Keywords: linguoculturology, phraseological unit, epistolary discourse

Эпистолярный дискурс (частное письмо) транслирует информацию о культуре комплексом языковых единиц. Фразеологическая единица является особым средством объективации культурной информации, что заложено в самой их природе. В статье рассмотрены особенности трансляции культурной информации в эпистолярном дискурсе.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологическая единица, эпистолярный дискурс

Проблема отражения культуры народа в языке имеет глубокие корни, начиная своё существование в научных поисках о природе Слова, совершенно справедливо продолжая быть актуальной и в современной лингвистике. Сформулированные Вероникой Николаевной Телия идеи о фразеологической единице (ФЕ) как о знаке, объективирующем культурноспецифическую информацию, дают жизнь всё новым и новым исследовательским вопросам. Отправной точкой наших рассуждений явился тезис о механизмах воплощения, трансляции культурной информации языковыми единицами: «если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, то есть служить своего рода “звенном”, соединяющим в единую цепь “тело знака” (а для знаков вторичной номинации – это и “буквальное значение” самого означающего)?, с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны,

символы, мифологемы и т. п. знаки национальной и – шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 1996: 215].

Исходя из постулатов когнитивно-прагматической субпарадигмы фразеологии [Алефиренко 2011 и др.], мы рассматриваем фразеологическую единицу (ФЕ) в её функционировании в эпистолярном дискурсе (ЭД), а сам ЭД – как событие, действие. Акт эпистолярной коммуникации, результатом которого становится частное письмо, представляет собой процесс кодирования информации, когда ментальная структура приобретает определённое «тело» вербального знака. Какая информация подлежит кодированию, определяет автор письма, адресант ЭД. В том, что выбрано для передачи адресату, уже проявляются особенности языковой личности адресанта.

Сравним, например, два фрагмента:

(1) *Если ты хочешь знать Московские новости, скажу тебе, что соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов¹. Соллогуб родила сына². Вот неделя как я не видала Вяземского. И муж и жена³ оба больны. На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день⁴.*

(2) *В Москве себя чувствую отвратительно. Безлюдье полное. Рогачевские и Сакулины⁵ больше ценят линию поведения, чем искусство, и хоть они ко мне хорошо относятся, но одно осознание, что видишь перед собой алжирского бея с шишкой под носом, заставляет горько смеяться и идти лучше в кабак от сих праведников. Нравы у них миргородские, того и гляди, вбежит свинья и какой-нибудь важный документ съест со стола души⁶.*

Оба фрагмента объективируют информацию о новостях из Москвы. Как видим, из всего, что произошло в мире объективной реальности,

---

¹ Соковнина Софья Васильевна (урожд. кн. Хованская) умерла 22 мая 1812 г. на 24 году жизни [Афанасьева 2007: 568].

² У графини Софьи Ивановны Соллогуб (урожд. кн. Хованской), жены графа А.И. Соллогуба, 18 мая 1812 г. родился сын Лев, который был на год старше своего брата, известного писателя В.А. Соллогуба (1813 – 1882) [Там же].

³ Вяземская Вера Федоровна (урожд. кн. Гагарина) (1790 – 1886), жена П.А. Вяземского с 18 октября 1811 г. [Там же].

⁴ Письмо М.А. Волковой В.И. Ланской, 18 мая 1812 г., Москва [Афанасьева 2007: 559].

⁵ Употребление имен В.Л. Львова-Рогачевского и П.Н. Сакулина – ведущих литературных критиков-марксистов тех лет – в собирательном смысле [Есенин 1999: 133].

⁶ Письмо С.А. Есенина Иванову-Разумнику, 6 марта 1922 г., Москва [Есенин 1999: 130].

кодированию в письме подвергается отобранная сознанием адресанта информация. Отбор информации регулируется структурой и содержанием концептосферы адресанта. Есть ли различия в основных принципах структурирования концептосферы языковой личности, обусловленные уровнем развития общества? Иначе говоря, есть ли различия в принципах формирования, структурирования концептосферы (не в её содержании, а в том, как она формируется, функционирует), в механизмах познания и объективации у языковой личности, например, XIX века и языковой личности XX века? К слову сказать, письма М.А. Волковой (1) и С.А. Есенина (2) разделяет почти 100 лет. Мысль В.Н. Телия о том, что «культурная интерпретация языковых знаков меняется в зависимости от установок ментальности» [Телия 1996: 216–217], выводит нас на совершенно иной уровень осмысления результатов декодирования. Результат декодирования сообщения отражает свойства кодируемой информации, но и в то же время обнаруживает те «установки ментальности», которые направляют векторы интерпретационных механизмов.

Отбор информации для кодирования в письме проходит, как минимум, в два этапа: не все события и явления окружающей действительности находят отражение в сознании адресанта, кроме того, из всей актуальной для него информации выбирается та, которая, по мнению адресанта, может быть актуальной и для адресата. Кодированию подвергается, таким образом, некий объём информации, который был вычленен адресантом из его концептосферы для передачи в концептосферу адресата.

Теперь обратимся к способам передачи информации в ЭД, иначе говоря, к тому, *как*, какими средствами информация транслируется в концептосферу адресата. Вербальные знаки, составляющие текст частного письма, выступают в ЭД как единая система трансляции закодированной информации. Отдельно взятая единица, и это важно помнить, — часть сложной когнитивно-семантической системы. Информация кодируется наиболее подходящими, по мнению адресанта, единицами языка.

Фразеологическая единица (ФЕ) для носителя языка оказывается таким объёмным (если представлять образно этот знак как вместилище смыслов) средством трансляции информации. Из концептосферы адресанта вычленяется некоторый объём информации, подлежащий кодированию. Далее, на уровне смысла текста, формулируются смысловые, когнитивные структуры, которые планируется кодировать, а затем подбираются средства (вербальные и невербальные) для кодирования этих когнитивных структур, в том числе и ФЕ. Дело в том, что использование ФЕ позволяет при минимальных усилиях объективировать, пере-

дать больший объём информации, к тому же не только рациональной, но и эмоционально-оценочной. Знание значения ФЕ адресатом, то есть наличие той же информации о значении ФЕ, что у адресанта, обеспечивает успешное декодирование сообщения. Адресанту нет необходимости дополнительных средств вербализации этой информации.

Например, ФЕ *голодный как волк* в значении ‘сильно, очень (голодный)’ имеет компонент формальной структуры – зооним *волк*. Мощные потоки ассоциативно-образных смыслов, которые традиционно связаны у носителей русского языка с представлениями о волке, уже являются частью концептосферы адресата. Поэтому декодирование сообщения, содержащего данную ФЕ, опирается на соответствующий фрагмент концептосферы. Ср.:

(3) *Дорогой Михаил Васильевич! Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом всё подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно*⁷.

Анализируя этнокультурную функцию зоонимов, учёные приближаются к познанию способов усвоения этнокультурного знания. Языковая личность осваивает образ животного с раннего детства: сказка или, например, колыбельная песня транслируют закодированную в ней информацию. Так, например, «у скандинавов преступник часто представлялся волком» [Бедненко: ЭР]. Впрочем, как отмечает Г. Бедненко, «образ волка связан с определенным символическим рядом ассоциаций, неизменно повторяющимся в разные времена и у разных народов, в том числе и не имеющих общей праистории» [Там же]. Существование эквивалентов данной ФЕ в других языках, например, *hungry as a wolf* и др., свидетельствует об универсальности концепта и способов его объективации в данных лингвокультурах.

Другая ФЕ в (3), *каши просят* (*прост.*, *шутл.*) в значении ‘износились, в дырах, требуют починки (об обуви)’ имеет омонимичную ФЕ *есть просят*. Ситуация, когда порвалась или вот-вот порвётся обувь, отражена в модели ситуации, объективируемой ФЕ *каши просят* или *есть просят*. В английском языке подобную когнитивную структуру объективирует ФЕ *boots are gaping at the toes, boots are agape*, не являющаяся калькой русской ФЕ. В когнитивно-семантической структуре английской ФЕ отражено другое основание образного сравнения.

---

⁷ Письмо С.А. Есенина 8, или 18, или 28 декабря 1916 г., Царское село [Есенин 1999: 90].

Когнитивное основание ФЕ *как зеркало* (от ФЕ *как стёклышко* в значении 'трезвый') восходит к русской традиции употребления спиртных напитков⁸. Лексема *зеркало* объективирует концепт, обладающий глубокими символическими связями, имеющий характер универсальных или уникальных культурных кодов. Так, например, «почти повсюду зеркала связаны с магией и особенно с предсказаниями, так как считалось, что они могут отражать прошлое и будущее так же, как и настоящее» [Тресиддер 1999: 112], при этом зеркало выступает как символ самопознания в азиатской культуре, особенно в японской [Тресиддер 1999: 111]. Компонент ФЕ, таким образом, транслирует культурную информацию. В случае коммуникации между её участниками, принадлежащими одной лингвокультуре, трансляция культурной информации опирается на уже имеющиеся когнитивные образования. Происходит, образно говоря, наложение, или дублирование поступающей информации на имеющиеся когнитивные структуры.

Вообще говоря, декодирование сообщения в ЭД опирается на тот объём информации в концептосфере адресата, который уже сформирован к моменту декодирования. Допуская ситуацию, в которой письмо читает третье лицо, не принадлежащее к русской лингвокультуре, можно предположить, что для декодирования сообщения ему пришлось бы восстанавливать недостающий «пазл» в его концептосфере, а именно знания и о зеркале как символе культуры, и о значении ФЕ в целом, и о русской традиции употребления спиртных напитков. Тем более что во фрагменте (3) ФЕ *как зеркало* используется без лексемы *трезвый / трезв*, которая семантически тесно с ней связана, часто употребляется вместе с ФЕ и «подсказывает» основные смысловые компоненты фразеологического значения. Это обусловлено тем, что «фразеологизмы возникают <...> на основе такого образного представления действительности, которое отражает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива» [Телия 1981: 13].

Попытку сформировать недостающие «пазлы» в концептосфере адресата можно наблюдать, например, в письмах из-за границы. В одном из писем И.А. Ильфа объективируется концепт, который невозможно номинировать одной лексемой:

---

⁸ В эфире 17 мая 2010 года программы «Тем временем» (телеканал «Культура») её участники, зав. отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова Алексей Шмелев, депутат ГД РФ, публицист Владимир Мединский, режиссер Алексей Ханюгин, художник Андрей Бильжо, дискутируют о роли алкоголя в русской культуре [<http://old.tvkultura.ru/video.html?id=165704>].

(4) *Американская автомобильная дорога* – это замечательно. Все время я смотрел только на нее, хотя сейчас удивительно красивый красный осенний пейзаж. В Вашингтоне я пробуду два дня – и назад в Нью-Йорк. Особенно интересно было ехать вечером, катиться, как на карусели и все двести пятьдесят миль дороги, это почти четыреста километров, кругом, и позади, и спереди, и навстречу катят автомобили. Какие-то старухи управляют машинами, девочки, все словно сорвались и едут, едут изо всех сил...⁹.

Когнитивное образование *ДОРОГА* включает результаты осмысления представлений о дороге, которая предназначена для проезда автомобилей, ассоциативно-образный слой, который отражает результаты эмоционального переживания, связанного с опытом освоения этой реалии действительности. Адресант, носитель русской лингвокультуры, сам имел соответствующее когнитивное образование в концептосфере. Когда он оказался в Америке, он получил опыт осмысления такой реалии действительности, как дорога, предназначенная для проезда автомобилей. В его концептосфере есть уже концепт *ДОРОГА*, однако эти результаты освоения реалии окружающей действительности не дублируют уже имеющееся когнитивное образование. Формируется другой концепт – *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА*. В ЭД (4) объективируются и рациональная информация (*почти четыреста километров*), и эмоционально-оценочная (*замечательно*).

Очевидно, что вербализации подверглись не все признаки концепта *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА*, а лишь те, которые адресант считает релевантными для данного концепта. Важно также, что формирование концепта *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА* в концептосфере адресанта происходит на базе концепта *ДОРОГА*, являющимся важным культурным концептом русской концептосферы [Ипполитов 2003]. Базовый слой концепта *ДОРОГА* составляют признаки 'полоса поверхности, используемая для передвижения', 'место для прохода/проезда', 'процесс перемещения по дороге', 'направление, маршрут следования по дороге' [Ипполитов 2003]. Как видим, базовый слой концепта *ДОРОГА* является основой для концепта *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА*. Адресант как языковая личность владеет концептом *ДОРОГА*, поэтому адресант объективирует те признаки, которые отличают новый концепт от имеющегося.

---

⁹ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 13 октября 1935 г., Вашингтон [Ильф: ЭР].

В путешествии по Америке И. Ильф замечает национальные особенности реалий действительности, а также такие реалии действительности, которых в русской культуре нет:

(5) Вчера утром надо было идти завтракать в литературный клуб. Называется он «Немецкое угощение». Это значит, что каждый сам за себя платит. Собираются там по вторникам для шуточного завтрака. Наши издатели Феррар и Рейнгардт требовали, чтобы я произнес на завтраке речь по-русски, а Женя, чтоб прочел эту же речь по-английски. Там принято говорить смешные речи, в этом клубе¹⁰.

Формирование когнитивной структуры, которую адресант называет *завтрак в литературном клубе «Немецкое угощение»*, строится на объективации признаков ‘люди приходят, собираются’, ‘по вторникам’, ‘там завтракают’ ‘каждый сам за себя платит’, ‘следует произносить смешные речи’. Это когнитивное образование новое для концептосфер участников ЭД (5). Поэтому объективируются все релевантные признаки структуры, несмотря на то, что концепт *КЛУБ*, имеющий в базовом слое признаки ‘место, где собираются вместе’, является когнитивной основой нового концепта.

Единицы *американская автомобильная дорога* и *немецкое угощение* не являются языковыми ФЕ, но обладают фразеологическим значением, характеризуются несоответствием плана выражения и плана содержания. Данные единицы объективируют инокультурные концепты. Концепт *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА* актуален, что подтверждают материалы различных русскоязычных форумов, блогов и т. д. в современном Интернет-пространстве, где американская дорога рассматривается как ‘воплощённая американская мечта’¹¹, а ‘дух американской свободы и американская дорога – синонимы и очень чёткая ассоциация в умах многих людей’¹². Впрочем, есть мнение, что сохранность дорожного покрытия в Америке обусловлена благоприятными погодными условиями¹³, поэтому феномен американской дороги вовсе не стоит превозносить. Таким образом, культурный концепт *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА* оказался устойчивым когнитивным образованием, сохранив основные когнитивные признаки в своей структуре. ФЕ *американская автомобильная дорога* транслирует культурную информацию, объективирует инокультурный концепт. В последующих письмах адресант ЭД (5) ко-

¹⁰ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 29 октября 1935 г., Нью-Йорк [Ильф].

¹¹ <http://uadream.com/tourism/America/USA/element.php?ID=36374>

¹² <http://www.kuda.ua/lenta/2948>.

¹³ <http://turist-v-amerike.ru/dorogi-v-ssha.html>

дирует отдельные признаки объективируемого концепта, дополняющие его когнитивную структуру в сознании адресата, так, например, «дорога не утомляет»¹⁴, хорошо продумана, «установлена газолиновыми (бензо-заправочными – К.Н.) станциями. Это организовано так, что лучшего нельзя желать. Станции есть всюду. Едете ли вы через пустыню или мимо хлопковых плантаций на юге»¹⁵, дороги «бетонные, белые, ни пыли, ни грязи на них нет»¹⁶, замечательная, широкая, «как двуспальная кровать», и гладкая, «как танцевальная площадка»¹⁷, и т. д. Кроме того, концепт *АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА* объективируется в другом дискурсе И. Ильфа, выступающего уже в соавторстве с Е. Петровым:

Но вот вечер застал нас в пути, а мы не только не остановились, как этого требовал мистер Адамс, но зажгли фары и продолжили нестись по длиннейшему штату Нью-Йорк. Мы приближались к мировому центру электрической промышленности – к городу Скенектеди. Страшно мчаться вечером по большой американской дороге. Справа и слева – тьма. Но в лицо молниями бьют прожекторы встречных автомобилей. Они летят один за другим, маленькие ураганы света, с коротким и злым кошачьим фырканьем (И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка).

Итак, ФЕ *американская дорога* объективирует культурный концепт в комплексе с другими единицами, когнитивные признаки концепта вербализуются постепенно, в ЭД всей цепочки писем.

Культурный концепт *КЛУБ «НЕМЕЦКОЕ УГОЩЕНИЕ»*, условно говоря, окказиональный концепт, сформированный в концептосфере адресанта, транслируется в концептосферу адресата. Можно сказать, что концепт неустойчив в ЭД И. Ильфа. Иначе говоря, попытка объективировать культурный концепт предпринимается один раз, далее в ЭД номинируемая реалья не упоминается. Это может быть связано с тем, что объективируемый концепт не актуален, у адресанта не было повторного опыта освоения данного концепта, либо повторный опыт не оставил особого эмоционального отклика.

Итак, ФЕ является средством трансляции культурных смыслов в ЭД. ФЕ функционирует в комплексе с другими вербальными единицами, а текст в целом взаимодействует с невербальными компонентами, транслируя информацию. Культурная информация транслируется в ЭД по-

¹⁴ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 11 ноября 1935 г., Толидо [Ильф: ЭР].

¹⁵ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 21 ноября 1935 г., Амарилло [Там же].

¹⁶ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 21 ноября 1935 г., Амарилло [Там же].

¹⁷ Письмо И.А. Ильф М.Н. Ильф, 10 декабря 1935 г., Холливуд, Лос-Анжелос [Там же].

средством когнитивно-семантических компонентов значения ФЕ, также ФЕ способна объективировать культурные концепты.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М., 2011. С. 16–27.
2. *Бедненко Г.* Образ волка у индоевропейцев. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://mythodrama.indeep.ru/theory/wolf.html> (Дата обращения 22.07.2013).
3. *Ипполитов О.О.* Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
6. *Тресиджер Дж.* Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999.

И с т о ч н и к и / S o u r c e s

1. *Афанасьева А.К.* Из писем М.А. Волковой В.И. Ланской, 1812–1818 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. С. 558–569.
2. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Письма. М., 1999.
3. *Ильф И.А.* Письма из Америки. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.ilfipetrov.ru/ssoc1.htm> (Дата обращения 1.08.2013).

ЮДИФЬ: НАРОДНАЯ ГЕРОИНЯ ИЛИ FEMME FATALE? (О КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ НЕМЕЦКИХ БИБЛЕИЗМОВ)

Е.И. Карпенко

JUDITH: FOLK HERO OR FEMME FATALE? (ON CULTURAL SEMANTICS OF GERMAN BIBLEISMS)

E.I. Karpenko

ABSTRACT:

The paper focuses on cognitive approach in linguoculturological study of precedent names and describes contextual changes in the frame-structure of the German bibleism «Judith» which induce new connotations in the «old» name. For the analysis the author uses the German text of the Bible and the modern drama «Judith» by Rolf Hochhuth.

Keywords: diffusive precedent name, frame-structure, connotation, linguoculturological analysis

В статье представлен когнитивный ракурс функционирования культурных языковых знаков. На примере библейского прецедентного имени Judith / Юдифь показано, изменение каких элементов концептуальной фрейм-структуры имени приводит к появлению новых коннотаций в восприятии «старого» образа. Анализ проводится на материале немецкоязычного текста Библии и современной немецкой драмы «Юдифь» Рольфа Хоххута.

Ключевые слова: диффузное прецедентное имя, фрейм-структура, коннотация, лингвокультурологический анализ

В данной статье на примере библейских прецедентных имен рассмотрим следующий вопрос: каким образом концептуальная структура, лежащая в основе этих языковых знаков, позволяет функционировать их культурной семантике, приспосабливаться к различным контекстам и коммуникативным ситуациям, обеспечивать прецедентным именам статус средств трансляции культуры? Для ответа на него используются методы когнитивного моделирования семантики прецедентных имен (фреймовый анализ) и метод лингвокультурологического анализа прецедентных имен в тексте.

Большинство библейских прецедентных имен следует отнести к ряду диффузных, т. е. включающих в себя набор противоречивых характеристик; при коннотативном употреблении диффузных прецедент-

ных имен (ПИ) актуализируется не весь комплекс характеристик феномена, а лишь его часть. Употребление диффузных ПИ часто обусловлено ситуацией общения и контекстом [Гудков 2004: 256].

ПИ способны выступать в качестве номинативного знака определенной прецедентной ситуации и отсылать к определенному прецедентному тексту (в отношении библейских ПИ это очевидно) [Попадинец 2010: 18–19]. Для данной статьи важно то, что семантика многих библейских ПИ фактически описывается соответствующими прецедентными ситуациями (*Каин* – это тот, кто *убил Авеля*; *Иуда* – *предал Христа*). Следовательно, семантика ПИ (как и семантика идиом) представляет собой «свернутый текст» и основывается на концептуальной схеме, состоящей из ряда фреймов (об этом далее) [Беляевская 2009: 22].

Любое ПИ отличает степень прецедентности, которая в разные времена может быть сильнее или слабее. Например, Н.М. Орлова, анализируя прецедентное имя *Руфь* в русской языковой картине мира, говорит, что лишь традиции мировой классики не позволили свести его прецедентность к нулю (цит. по: [Голубева 2009: 38]). Кроме того, по-разному проявляется значимость ПИ в различных дискурсах.

В немецкоязычной художественной литературе самые разнообразные библейские сюжеты остаются востребованными и сегодня [Frenzel 2005; Восіан 2004]. Как справедливо отмечают исследователи, библейские прецедентные имена и ситуации искажаются, модифицируются или приобретают иные акценты либо в результате современного прочтения матричного текста, либо в результате того, что в художественной литературе они пропускаются через исторические события той или иной эпохи [Голубева 2009: 39].

Несмотря на угрозу забвения и искажения, в нужный момент библейские ПИ способны снова включаться в коммуникацию, иллюстрируя релевантные для данной эпохи и данного лингвокультурного сообщества ценности, являясь на протяжении столетий средствами трансляции культуры, обеспечивающими её стабильность и преемственность. Представляется, что столь фундаментальная способность должна поддерживаться концептуальной структурой семантики данных языковых знаков.

Мы исходим из того, что семантика ПИ (как «свернутого текста») основывается на концептуальной структуре, состоящей из группы взаимосвязанных концептов (мини-фреймов). Причем во фразеологизмах такая структура будет обладать фиксированной фокусировкой, не изменяющейся в зависимости от контекста реализации [Беляевская 2009: 24–25]. А в диффузных библейских прецедентных именах, по-видимому, возможна потенциальная вариативность фокусировки, характерная для концептуального основания смысловой структуры целого текста [Беляевская 2009: 25]. Мы попробуем показать это на примере библейского

ПИ *Юдифь* / *Judith*, семантику которого представим в виде пропозициональной фрейм-структуры.

При моделировании концептуальной структуры библейских ПИ исходными для нас являлись следующие положения когнитивной семантики.

(1) Фрейм, как средство реконструкции знаний носителя языка о концепте, имеет пропозициональную структуру, обязательными элементами которой являются субъект, предикат и объект. Информационная наполняемость фрейма расширяется за счет внутренних связей между выделенными компонентами. В структуру фрейма могут встраиваться факультативные компоненты (причина, обстоятельства протекания, результат воздействия) [Сорокина 2012: 15].

(2) Во внутренней структуре фрейма ключевым является соотношение слотов (slot) и их «наполнителей» (filler). Слоты представляют собой открытые (как бы пустые) позиции, нуждающиеся в «заполнении» соответствующими знаниями. Каждый слот задает диапазон (область) знаний, в котором происходит спецификация «наполнителей». Этот диапазон (предметно-чувственная область) постоянен, переменными являются конкретные знания, используемые для заполнения слотов (именно поэтому фреймы вариативны лишь относительно) [Busse 2012: 555].

(3) Одним из основных свойств фрейма является его рекурсивность: каждый слот фрейма может быть в свою очередь дифференцирован на суб-слоты, элементы более глубоких уровней, поэтому процесс выделения (суб-)слотов в том или ином фрейме практически бесконечен. Однако различные цели коммуникации (виды дискурса, типы культур и т. п.) способствуют тому, что при активизации фреймов одни слоты находятся в фокусе внимания коммуникантов, другие уходят на второй план (фокусировка фрейма) [Busse 2012: 611].

Согласно специализированным справочным изданиям имя *Judith* ассоциируется в немецкой культуре с красивой смелой женщиной, которая ради спасения родного города от осады и верной гибели убивает вражеского военачальника [Frenzel 2005: 461; Wocian 2004: 289]. Для решения вопроса о том, какие признаки имени являются прецедентными сегодня, потребовался бы ассоциативный эксперимент. Не исключено, что инвариант этого имени присутствует в сознании относительно небольшого числа немцев. Однако оно действительно в *достаточной степени* известно широкому кругу носителей языка, так как является в Германии современным женским именем (пусть и не очень распространенным среди молодого поколения).

Мы проанализировали 110 комментариев в интернет-блоге, посвященном имени «Judith». Его современные обладательницы подчеркивают, что их библейская «тёзка»: *смелая, мужественная / mutig, tapfer,*

сильная личность, женщина-боец / *eine der stärksten Frauen, starke Persönlichkeit, Kämpferin* (<http://www.vorname.com/name,Judith.html>). Умная / *intelligent* – еще одна популярная характеристика образа, по данным того же сайта.

Распространённый предикат к этому имени «спасла свой народ / *rettete, errettete ihr Volk*». Лишь в одном комментарии (в одобрительном тоне!) упоминается, что для этого Юдифь соблазнила и собственноручно убила Олоферна, отрубив ему голову: *...welche ihr Volk damals mutig und selbstlos aus der Belagerung errettete, indem sie den Heerführer "be-circte" und ihm im Schlaf den Kopf abtrennte. Heftig, aber konsequent* (<http://www.vorname.com/name,Judith.html>)

Прецедентной можно считать и красоту Юдифь, – возможно, её главное оружие. На неё делается акцент в Библии, в многочисленных литературных произведениях, в основу которых положен соответствующий сюжет, но, прежде всего, на живописных полотнах Караваджо, Вазари, Джорджоне, Климта и др.

Итак, пропозициональная фрейм-структура ПИ Юдифь может быть представлена так:

При художественной обработке библейского сюжета фрейм сфокусирован на факт убийства молодой женщиной вражеского военачальника. Например, на большинстве средневековых и современных полотен Юдифь запечатлена либо в момент убийства, либо уже с отрубленной головой Олоферна (меч и голова Олоферна являются атрибутами Юдифи в искусстве). При этом положительное восприятие образа (мужественная, умная) обеспечивает облигаторный в данном случае подслот «цель»: для спасения соотечественников.

Сопоставим эту пропозициональную схему с концептуальной структурой библейского текста. Немаловажным для библейского автора являлось то, что Юдифь была не только красивой, но благочестивой и

очень богобоязненной («sehr gottesfürchtig» (Judith 8: 8; 31)) вдовой. Ни сама Юдифь, ни старейшины, провожающие её в лагерь Олоферна, не сомневаются, что она «орудие Божией милости»: *Der Gott unserer Väter mache dich zu einem Werkzeug seiner Gnade und lasse dein Vorhaben gelingen, zum Ruhm Israels* (Judith 10: 8). Отсюда «героические», однозначно положительные, коннотации библейского образа.

Если наложить схему фрейма ПИ на концептуальную структуру современной драмы «Юдифь» (1984) Рольфа Хоххута, в которой две героини перекликаются с библейским образом, то «наполнение» слотов фрейма и коннотации изменятся.

В прологе драмы описано убийство гауляйтера генерального округа Белорутении В. Кубе 22 сентября 1943 года в Минске. Он был убит миной, заложённой под матрац его кровати партизанкой Еленой Мазаник. Героиня красива как ветхозаветный прототип: *Die Russin ist eingetreten. Mitte Zwanzig, höchst anziehend wie ihr alttestamentliches Urbild* (Hochhuth: 23). Безусловной доминантой образа является признак «патриотичность», в то время как признаки «богобоязненность» и «вдовство» здесь не актуализируются.

Наполнение слота «объект» классическое: военачальник армии оккупантов, в данном случае, гауляйтер Белоруссии В. Кубе. В слоте «предикат» изменится подслот образа действия. В соответствии с принципом рекурсивности мы можем продолжить дифференциацию этого подслота и выделить такие признаки как «орудие», «место», «время» убийства. В библейской истории это «меч» и «шатёр» Олоферна, в драме Р. Хоххута это «мина» и «спальня» гауляйтера в его квартире в Минске и т. п.

Вторая «Юдифь» в пьесе Р. Хоххута – это американская журналистка Юдит, которая в 1984 году в Вашингтоне вместе со своим братом готовит покушение на президента Р. Рейгана. Артур – ветеран вьетнамской войны и жертва применения Агент Оранжа, смеси дефолиантов и гербицидов, использовавшихся США во Вьетнаме в качестве химического оружия. Весной 1984 года в Конгресс США поступает запрос правительства о включении в бюджет следующего года 105 миллионов долларов для производства новых типов химического вооружения. Юдит убивает президента его собственным «мечом»: распыляет в непосредственной близости от него смертельный газ. Очевидно, что наполнение слотов (и подслотов) в первой и во второй сюжетных линиях изменяется за счет смены хронотопа.

Значимы здесь наполнение слота «субъект» и подслота «цель». Юдит молода, умна, красива и даже вдова: в этом смысле она «семантически» ближе к библейскому прототипу, чем Елена Мазаник. Впрочем, у Юдит есть жених. Но самое главное – только Юдит мучает проблема

политического убийства: чем оно оправданно, несет ли оно на самом деле желаемое избавление стране и т. д. Чтобы разрешить эти вопросы, американская журналистка отправляется в Минск для встречи с Еленой Мазаник, спустя сорок лет после событий, описанных в прологе.

Если для библейской Юдифи доминантой образа является богобоязненность, для Елены Мазаник – патриотизм, то образ мыслей, чувств и характер мотивов американки определяются именно морально-этическими терзаниями. Ни о каких «героических» коннотациях в произведении Р. Хоххута говорить не приходится. Для самой Юдит её поступок – это *бунт бессильных / Rebellion der sonst Ohnmächtigen* (Hochhuth: 208). Очевидно, причины этих новых коннотаций следует искать в концептуальном основании смысловой структуры драмы. Обратим внимание на подслот «цель».

В Библии Юдифь не просто спасает свой народ, но и имеет на это «разрешение» самого высокого порядка. Повторимся, за своё почитание Бога (пост, молитву, ритуальную чистоту) она получает от Него силу и мужество для совершения своего поступка. Кроме того, Юдифь безоговорочно благословляют старейшины города.

Поступок Елены Мазаник также легитимирован вышестоящей инстанцией. Она говорит американской журналистке: *Wir Partisanen hatten ihn zum Tode verurteilt ... Ich vollstreckte das Urteil meines Volkes und versuche nicht, mich zu rechtfertigen* (Hochhuth: 121–122).

У Юдит такой легитимации нет, фактически она и её брат единолично приговорили президента. В то же время в её сознании есть четкий набор собственных американской культуре аксиом законопослушного (т. е. обязательного для всех, поддерживающегося авторитетом государства или традициями и обычаями) поведения в обществе [Палашевская 2007: 70]. Это и аксиомы ответственности: *не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком* (He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is); *следует соблюдать законы* (We live by law, not by examples). И аксиома реализма: *следует знать о невозможности исправления укоренившихся недостатков и пороков* (The fox may grow gray, but never good) (В.И. Карасик) (цит. по [Палашевская 2007: 71–72]) Эти убеждения озвучивает Джеральд, жених Юдит, в заключительном диалоге драмы, когда по радио сообщают о покушении на президента, и Юдит признается в содеянном: *Was sagst du: daß der Mord – den Mörder verändert? Aber was sonst verändert er? Nichts* (Hochhuth R. Judith: 204). А также: *...du bist nicht Gott der Richter: wer hätte das entscheiden dürfen?* (Hochhuth: 205). Они, на наш взгляд, отражают более глобальную установку культуры (не только американской) о тех «пространствах» социальной жизни, где человеку (не) предоставляется право совершать действия и выражать суждения по собственному усмотрению

[Палашевская 2007: 70]. Таким образом, можно предположить, что наличие положительных или противоречивых (и даже отрицательных) коннотаций в диффузном ПИ *Юдифь* может определяться подслотом «легитимация поступка» в концептуальной структуре текста. При отсутствии таковой подвиг становится убийством, а народная героиня, по образному выражению австрийского искусствоведа Эльфриде Вильтшниг, превращается в *Femme fatale* [http://www.genderstudies.info/magazin/magazin_04_02.php].

Любопытно, что в операх и драмах XIX-го столетия изменяется наполнение подслота «цель»: влюбленная в Олоферна Юдифь убивает его из чувства оскорбленной чести. Отсутствие «высокой» цели и здесь оказывает влияние на восприятие образа. Коннотации данного ПИ являются «логически выводимыми» из знания обозначаемого фрагмента действительности, его концептуальной структуры [Беляевская 2005: 62].

В заключение согласимся с мнением Р.В. Попадинец о том, что ПИ «заякоривает» определенную предметно-чувственную область на основании метафорического переноса характерных свойств объекта [Попадинец 2010: 36]. Именем *Юдифь/Judith* «заякорен» факт убийства красивой женщиной «плохого» мужчины. Это та пропозициональная фрейм-структура, которая остается стабильной на протяжении многих веков. «Детали» этого убийства (мотивы, цели, орудие и т. д.), т. е. наполнение фрейм-структуры, определяется многими факторами: от состояния фонда знаний той или иной эпохи до замысла автора в художественном произведении. Поэтому при использовании библейских ПИ в коммуникации речь идет не об уходящих людях, а о непреходящих проблемах.

Литература / References

1. Беляевская Е.Г. Концептуальная структура семантики идиом и методы концептуализации в сфере фразеологии // Изучение разноструктурных языковых знаков: проблемы и перспективы. Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 572. Сер. Языкознание. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 19–29.
2. Беляевская Е.Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка (Сб. науч. тр.). Тамбов 2005: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина. С. 53–66.
3. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 401 с.
4. Гудков Д.Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 251–259.
5. Палашевская И.В. Закон / Антология концептов (под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина). М.: Гнозис, 2007. С. 69–81.

6. *Понадинец Р.В.* Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования . Курск: Курский государственный технический университет, 2010. – 127 с.
7. *Сорокина Т.С.* Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 27 (660). Сер. Языкознание. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 9 – 21.
8. *Die Bibel. Altes und Neues Testament. Einheitsübersetzung.* – Freiburg: Herder, 2009. – 1459 S.
9. *Bocian M.* Lexikon der biblischen Personen. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2004. – 539 с.
10. *Busse D.* Frame-Semantik. Ein Kompendium. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2012. – 888 S.
11. *Frenzel E.* Stoffe der Weltliteratur. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2005. – 1144 с.
12. *Hochhuth R.* Judith. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1984. – 263 S.

Электронные ресурсы / Internet Sources

1. <http://www.vorname.com/name,Judith.html>
2. http://www.genderstudies.info/magazin/magazin_04_02.php

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В.В. Катермина

NATIONAL LANGUAGE AND NATIONAL CULTURE AS AN OBJECT OF STUDY OF LINGUOCULTUROLOGY

V.V. Katermina

ABSTRACT:

The article considers language as a cultural phenomenon within the framework of an anthropocentric paradigm. It is highlighted that the idea of interconnection between language, culture and a person as the creator and user of the language is obvious and beyond any doubt.

Keywords: national language, national culture, linguoculturology, ethnos, tradition, anthropocentric paradigm

Статья посвящена рассмотрению языка как феномена культуры в рамках антропоцентрической парадигмы. В статье подчеркивается, что взаимозависимость языка, культуры и человека, творца и носителя языка, очевидна и не вызывает сомнений.

Ключевые слова: национальный язык, национальная культура, лингвокультурология, этнос, традиция, антропоцентрическая парадигма

Возникновение интереса к вопросу взаимодействия языка и культуры обосновано современными тенденциями развития науки, развитием межкультурной коммуникации. Исследования проблематики взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, по словам А.С. Мамонтова, «являют собой порой довольно пеструю картину, притом, что ни одно из них никогда не отрицало наличия дихотомии “язык и культура”» [Мамонтов 2000: 3].

На сегодняшний день в лингвистике и лингвокультурологии сложилась следующая, принятая большинством учёных, точка зрения. Язык и культура являются разными семиотическими системами, которые имеют, однако, много общего: 1) культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта; 5) историзм – одно из сущностных

свойств культуры и языка; б) языку и культуре присуща антиномия «динамика – статика» [Телия 1996; Маслова 2001].

Ключевой идеей в современной лингвистике является идея антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. С позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем, в основе данной парадигмы лежит переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке.

Именно формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре. Продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике является наука *лингвокультурология*.

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель национальной ментальности. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языковедение рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то «лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии» [Маслова 2001: 8].

Лингвокультурология позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [Тер-Минасова 2000].

Данный вопрос подробно освещен в работах В.Н. Телия, которая определяет лингвокультурологию как «научную дисциплину, исследующую воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах и их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия 1996: 216].

Язык является составляющей этноса, и связующей нитью между ними является культура. Язык – это «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000: 15]. Важнейшими функциями языка являются именно те, которые «связаны с операциями над информацией, поскольку «язык, выступая своеобразнейшей частью национальной культуры, концептуализирует и отражает все её элементы,

косвенно репрезентируя национальные формы жизни народа и его психологию» [Савельева 2006: 9]. И поскольку язык является важнейшим хранилищем коллективного опыта [Карасик 2001], он не существует абстрагированно от культуры, но является составной частью и самым способом ее существования. Язык связан с внеязыковой реальностью посредством значения, совокупность значений определяет определенную культуру, а языковая картина мира – культурную картину мира.

Историческое развитие и сплетение языка, культуры и норм поведения, проходило в тесной связи. Но во взаимообусловленной системе «язык – культура – нормы» природа языка явилась более жестким ограничивающим фактором, направляющим взаиморазвитие этой системы. Язык – не просто комплекс правил, но большая система, структура которой поддается существенным изменениям довольно медленно, в сравнении с другими областями, где изменения совершаются сравнительно быстро. Отражая массовое мышление, которое мгновенно реагирует на изменения и нововведения, сам язык адаптируется к ним гораздо медленнее [Уорф 1960], поэтому развитие, проходящее параллельно в областях социальных норм, культуры и языка, закрепляется в языковой системе лишь какое-то время спустя.

Язык социален, он «неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения» [Тер-Минасова 2000: 39], потому как «процессы мышления не являются результатом естественной эволюции или проявлением внутренней духовной жизни, а формируются обществом» [Лурия 1982: 47]. Под воздействием социально-культурных влияний происходит социальная дифференциация языка. На язык оказывают влияние элементы социокультурных и социопсихологических систем: социальные нормы, установки, стимулы, мотивации, ориентации, механизмы социального контроля [Швейцер 1982]. Язык не может существовать вне социально и культурно унаследованной системы, отличающей образ жизни и мышления данного общества. Каждый член общества участвует в коллективной и координируемой коммуникативной деятельности, которая формирует само общество.

Прежде в повседневной жизни человек автоматически использовал модель поведения, «продиктованную его языком, этносом, традицией, культурой» [Разлогов 2005: 26]. Процесс глобализации и универсализации бытия человека приводят к «компрессии» существовавших и существующих культур, что в свою очередь обуславливает некоторое размытие границ этнического самосознания и адаптации новых культурных моделей, что также отражается и в языке. Язык обуславливает наше восприятие действительности, социальных процессов и явлений. Таким образом, люди живут в мире не материальном, но социальном, находясь

под влиянием языка, ставшего общественно принятым средством выражения в данном обществе. Язык – это «путеводитель в “социальной действительности” ... Язык – это в первую очередь продукт социального и культурного развития, и воспринимать его следует именно с этой точки зрения» [Сепир 1993: 259–265].

Таким образом, мы видим, что язык – явление социально и культурно обусловленное. Культура воспринимается в широчайшем смысле как система идей, традиций, образ жизни, видение мира, национальный характер, менталитет. Без культурных коннотаций не может существовать практически ни одно слово. Поэтому тесная связь, и взаимозависимость языка, культуры и человека, творца и носителя языка, очевидна и не вызывает сомнений.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск: Перемена, 2001. С. 3–16.
2. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 47–69.
3. *Мамонтов А.С.* Язык и культура Основы сопоставительного лингвострановедения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. – 23с.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
5. *Разлогов К.Э.* Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005.– 624 с
6. *Савельева О.Г.* Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. – 24с.
7. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – 656с.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288с.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. – 624с.
10. *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 169–182.
11. *Швейцер А.Д.* К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания, 1982. № 5. С. 39–48.

ПАРЕМИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПЬЯНСТВО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Л.Б. Кацюба

PROVERBS CONTAINING CONCEPTS OF *BINGE DRINKING* IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

L.B. Katsyuba

ABSTRACT:

The article describes the results of the associative experiment which was based on the study of Russian proverbs pertaining to the conceptual field of *BINGE DRINKING*. This research is one of stages to identify the specifics of ethnolinguistic consciousness of the representatives of Russian culture as reflected in proverbs.

Keywords: proverbs, concept *BINGE DRINKING*, ethno-cultural specificity of language awareness

В статье описаны результаты ассоциативного эксперимента на материале русских паремий концептосферы *ПЬЯНСТВО*. Данное исследование является одним из этапов выявления этнокультурной специфики языкового сознания носителей русской культуры, отраженного в паремиях.

Ключевые слова: паремии, концептосфера *ПЬЯНСТВО*, этнокультурная специфика языкового сознания

Настоящая статья посвящена отдельной проблеме выявления этнокультурной специфики языкового сознания носителей русской культуры, отраженного в паремиях, через опыт описания русских паремий концептосферы *ПЬЯНСТВО* и их представления на основе результатов ассоциативного эксперимента.

В качестве основной методики нами был выбран метод ассоциативного исследования прецедентных феноменов, к которым, вслед за В.В. Красных [Красных 2002: 47–49], мы относим паремии. Применение методов ассоциативного эксперимента (свободного, направленного и др.) в работе с носителями языка позволило выделить ассоциативное поле паремии, составить ассоциативно-вербальную сеть с ядерно-периферийными семами определенного концептуального паремиологического пространства, активировать фрагменты паремиологической базы в языковом сознании носителей русской культуры. В статье мы опирались на понятие «концепт», значение которого – «итог идиоэтни-

ческой концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [Телия 1994: 14]; выявляли его ассоциативные, культурологические, «дефиниционные» характеристики.

В ходе исследования были проведены ассоциативные эксперименты среди студентов российских вузов разных курсов, групп и специальностей в городах: Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Магнитогорск, Иркутск и др. В рамках статьи описан эксперимент, проведенный в Южно-Уральском государственном университете в городе Челябинске. В общей сложности в нем участвовало более 300 информантов, от 60 до 170 человек в работе над описанием паремий данной концептосферы.

Испытуемым предлагалось несколько видов заданий-анкет, направленных на достижение поставленных задач.

В работе по реализации языкового сознания через восстановление концепта из группы однонаправленных (однотематических) паремий и выявление ассоциативного поля паремий концептосферы *ПЬЯНСТВО* информантам было задано кратко (одним или несколькими словами) выразить суть, тему следующих паремий, отобранных методом случайной (компьютерной) выборки из заготовленных ранее разделов, описывающих концептосферы русских паремий. В данное задание вошли паремии: *Где пьют, там и льют; У Фили пили, да Филлю ж и били; Кто празднику рад, тот до свету пьян; Мужик год не пьет и два не пьет, а как черт прорвет, так и все пропьет; Пьяному и море по колено; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.*

Репрезентация концепта в паремиях проведена с помощью дефиниционного анализа на основе ведущих лексикографических изданий, кроме того, в работе использованы лингвокультурологические словари [Кацюба 2010; Русское культурное пространство 2004; Степанов 2004]. Обратимся к результатам эксперимента и соотнесем полученные данные с содержанием словарных статей. Количественные показатели здесь и далее представляют процентное соотношение продуктивности ассоциаций-ответов с общим количеством испытуемых.

Согласно лингвистическому определению, *ПЬЯНСТВО* рассматривается как «постоянное и неумеренное употребление спиртных напитков» [СРЯ 1983: 571; Ожегов, Шведова 2003: 636], где сема постоянства и неумеренности относит такой вид времяпрепровождения к безусловной устойчивой антиценности.

На паремии-стимулы концептосферы *ПЬЯНСТВО* выявлены следующие ассоциации: *пьянство (28 %), (алкоголь 14 %), о пьянстве (12 %), алкоголизм (12 %), русское пьянство, пьянство и его влияние на личность, влияние алкоголя (на человека), о праздном образе жизни, праздность, особенности менталитета, алкоголь и человек, про алкоголизм, алкоголизация населения, проблема алкоголизма, негативное отношение*

к алкоголю, опьянение, «алкоголь, алкоголь, алкоголь...», человеческие слабости, выпивка, пьянь, пьянки, алкоголики, пьянство приносит одну беду, нет худа без добра (2 %), где шипы, там и розы.

По мнению Н.В. Уфимцевой, «личность, проходя социализацию и аккультурацию в рамках определенной этнической культуры, формирует свой образ мира, производный от образа мира этой культуры...» [Уфимцева 2010: 190]. В сознании современных молодых людей, как показало наше исследование, явление пьянства имеет четко выраженную антиценностную ориентацию. Это подтверждено языковыми фактами: *проблема алкоголизма, негативное отношение к алкоголю, алкоголизация населения, человеческие слабости, пьянство приносит одну беду*, «подборкой» сниженной, разговорной лексики с отрицательной коннотацией в реакциях: *выпивка, пьянь, пьянки, алкоголики*. Примечательно, что в ассоциативном ряду большое место занимает реакция *алкоголизм* – лексема, значение которой в лингвистических словарях определено как почти медицинский термин: «тяжелое хроническое заболевание, вызываемое злоупотреблением спиртными напитками». Такое отражение в языковом сознании молодых людей данного явления свидетельствует, на наш взгляд, о взрослом отношении молодых носителей языка к социальным проблемам, стремлении называть вещи своими именами, активно выражать свое отрицательное отношение к вредным явлениям в обществе. Через сложившуюся ассоциативно-вербальную сеть паремиологической концептосферы *ПЬЯНСТВО (особенности менталитета, русское пьянство, о праздном образе жизни, праздности, человеческие слабости, алкоголизация населения, проблема алкоголизма)* можно проследить некоторые точки соприкосновения с концептом *ВОДКА И ПЬЯНСТВО*, описание которого изложено в труде Ю.С. Степанова. Анализируя процесс употребления спиртных напитков на основе многих исторических фактов, автор словаря констант русской культуры как бы раскрывает эволюцию русского «пития» – от потребления «водиц» («водичка», «водонька», «водочка» – по В.И. Далю, перегонное вино, хлебное или из разных плодов [Даль 1994: 218]) и водок разных цветов и видов («водки окрашивались очень красиво, в самые разные цвета, и специальный столик со множеством разноцветных водок ставился при больших обедах с гостями заранее, отдельно» [Степанов 2004: 323]) для массового веселья и удовольствия до коллективных попок, иногда под царским надзором, до «служебного веселья», способствующего укреплению социальных связей и положению в обществе, наконец, до самозабвенного ухода от действительности («в России выпивают не для удовольствия вкуса, не для того, чтобы «отведать» той или иной водки, пьют, чтобы опьянеть, – просто «водку» [Там же: 326]) и, иногда, смертельного исхода.

Представленная на этом этапе работы ассоциативно-вербальная сеть паремий, содержащих концепт *ПЬЯНСТВО*, является не только набором словоформ на заданную тему или средством построения предложения, но и готовой сентенцией в форме предложения (в некоторых случаях – с употреблением фразеологических единиц, крылатых фраз): *Пьянство приносит одну беду, нет худа без добра, где шипы, там и розы* (данная закономерность устойчиво проявилась в работе с другими концептами). Выражение подобного подобным, формальное сходство и уподобление реакции стимулу уже на паремиологическом, а не только лексическом, уровне доказывает устойчивость признаков ассоциативно-вербальной сети, которая «вся пронизана аналогическими отношениями, и основной закон ее организации и функционирования, как и всякой сети, – это закон подобия и сходства ее элементов» [РАС 2002: 755].

Работа по наполнению заданного концепта паремиологическим материалом заключалась в следующем: частотная реакция-ответ *пьянство* на предъявленные испытуемым паремии-стимулы была предложена в качестве темы. В результате обратного ассоциативного эксперимента паремии, которые методом воспоминаний восстанавливались в сознании носителей языка и активизировались в паремиологическом сознании, стали стимулом для данной реакции и явились своеобразным индексом первого эксперимента. Этот вид эксперимента мы назвали работой с обратным концептом, не претендуя на закрепление понятия.

ПЬЯНСТВО: Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке (35 %), Пьяному море по колено (24 %), Пьяному море по колено, горы по плечу, Пьяному море по колено, а лужа – по уши, Река начинается с ручейка, а пьянство – с рюмки (с рюмочки) (5 %), Пить не пьет, а и мимо не льет (4 %), Водка – вину тетка (3 %), Вино с разумом не ладит в ладу живет (3 %), Пьяница-мать – горе (в) семье (2 %), Пьешь водку – береги пилотку! (1 %), Где ни напьется, тут (там) и подерется (1 %), В кабаке родился, в вине крестился (1 %), Пьяная голова глупее трезвой (1 %), Где пьют, там и льют (1 %), Озорника ищи в тюрьме, а пьяницу в кабаке (1 %), Пьяный да умный – человек думный (1 %), Пьян да глуп, так больше бьют (1 %), Вино полюбил – семью разорил, Баба пьяна – вся чужа, Пьян (сам) не свой – сам себе чуж, В воскресенье веселье – в понедельник похмелье, По синей волне спрос вдвойне, Муж пьет, а жена горшки бьет, Бог любит детей, пьяниц и убогих, Полно пить, пора ум кормить, Чего трезвый не скажет, то пьяный развяжет, Не пить, так на свете не жить, Пьет вино, как суслицо, Во сне бога молит, во хмелю кается, Чай да кофе – не по нутру, была бы водка поутру, Пьяница не сам идет, его хмель ведет, В глупую голову и хмель не лезет, Пей, да ума не пропей, Делу – время, потехе – час, Его чарка бьет, Был Иван, а

стал болван, В вине тонет больше людей, чем в море, Человеку вредит алкоголь, как шерсти моль, Кто пьяницу полюбит, тот свою жизнь загубит, Без поливки и капуста сохнет, Вино невинно – пьянство вино-вато, Либо три пей, либо трижды (тридцать) три.

Полученный материал показал, что в процессе речевой и мыслительной активности заданная паремия довольно точно восстанавливается в классической форме, не требуя дополнительных коррелятов и контекстных условий.

Кроме того, в этой работе мы получили паремии-реакции: *Пьянство до добра не доведет, Меньше пей, дольше будешь жить*, выстроенные по принципу формального тождества с паремиями, причем «новые» паремии оказались не менее логичными, актуальными, концептуально наполненными.

В ассоциативном ряду встретилась паремия, на первый взгляд неправильно, случайно отнесенная к данной тематической группе: *Дурная голова ногам покоя не дает*, принадлежащая к концептосфере *УМ/ГЛУПОСТЬ*. Данная «случайность», по нашему мнению, указывает на закономерность семантического пересечения концептов и входящих в концептосферу паремий.

О более широком понимании паремии и отнесении ее в своем сознании к идиоматическим единицам говорит факт активного употребления в ассоциативном ряду фразеологизмов: *лыка не вяжет (10 %)*; *на ногах не стоит (2 %)*; *язык развязался; язык заплетается*; современных афоризмов и цитат: *Водка без пива – деньги на ветер; Пить и курить – здоровью вредить; Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет; Не ради пьянства, а здоровья для; Пьянство не порок (1 %)*; *Алкоголь полезен в малых дозах в любых количествах; Градус повышают, а не понижают; После первой и второй перерывчик небольшой; Садись, третьим будешь!* (переделанное разговорное выражение: «Третьим будешь?») (см. *Живая речь. Словарь разговорных выражений под ред. В.П. Белянина, И.А. Бутенко*); крылатых фраз и выражений: *По усам стекло, да в рот не попало (2 %)* (из русских сказок); *Не пей, козленочком станешь (2 %)* (Русская народная сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»); *Губит людей не пиво, губит людей вода!* (фраза из песни на стихи Л. Дербенева, к/ф Л. Гайдая «Не может быть!»); слоганов антиалкогольных плакатов: *Пьянство – бич обществ., Алкоголь – природы боль*; рекламного слогана: *Жизнь хороша, когда пьешь не спеша*; так называемых неопаремий: *Синька чмо, но пить не брошу!, Что упало – то бухало (1 %)*.

Необходимо отметить, что работа с обратным концептом обнаружила многообразие ответов респондентов, чего не происходило в работе с другими паремиологическими концептосферами (всего в нашем иссле-

довании описано свыше двадцати концептосфер, например, *ДОМ/СЕМЬЯ*, *РОДИНА*, *ТРУД*, *БОГ/ВЕРА*, *ДОБРО/ЗЛО*, *ПРАВДА/ЛОЖЬ*, *ТЕРПЕНИЕ/НАДЕЖДА*, *СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ*, *СЧАСТЬЕ/УДАЧА*, *УМ/ГЛУПОСТЬ* и др.). Этот факт, по нашему мнению, является в большей степени тревожным сигналом, свидетельствующим об актуальности темы пьянства для молодого поколения, устойчивой преемственности поколений в традициях русского застолья, которые несут в себе не только положительное культурологическое начало, например, гостеприимство, открытость, стремление к общению, но и отрицательно влияют на сознание молодых, «воспитывая» толерантное отношение к пьянству (более 18 % единиц в ответах имеют нейтральную, положительную, одобрительную коннотацию, иногда реализуют императивную функцию): *Пьяному море по колено, горы по плечу; Бог любит детей, пьяниц и убоги;*, *Не пить, так на свете не жить; Пьет вино, как суслиц; Чай да кофе – не по нутру, была бы водка поутру; Без поливки и капуста сохнет;*, *Пьешь водку – береги пилотку;*, *Либо три пей, либо трижды (тридцать) три;*, *Алкоголь полезен в малых дозах в любых количества;*, *После первой и второй перерывчик небольшой; Садись, третьим будешь!; Губит людей не пиво, губит людей вода!* и др.

Таким образом, исследование языкового сознания носителей русской культуры, отраженного в паремиях концептосферы *ПЬЯНСТВО*, показало следующее.

1. В работе с паремиями-стимулами по реконструкции концепта *ПЬЯНСТВО* через ассоциации информантов было выявлено ассоциативное поле паремий, его ядерно-периферийные особенности. В сознании современных молодых людей явление пьянства представляет собой устойчивую антиценность, содержание которой не только вписывается в рамки проанализированных словарных статей, но и дополнено новыми важными категориальными признаками, составляющими ядро концептосферы: *пьянство, алкоголизм – болезнь, беда, проблема*, что имеет четко выраженную антиценностную ориентацию.

2. Представленная на первом этапе работы ассоциативно-вербальная сеть паремий, содержащих концепт *ПЬЯНСТВО*, является не только набором словоформ на заданную тему или средством построения предложения, но и готовой синтаксической конструкцией в форме предложения, содержащего фразеологизмы, крылатые фразы.

3. В результате обратного ассоциативного эксперимента паремии в классической форме продуктивно восстанавливаются из недр паремиологического сознания, не требуя дополнительных коррелятов и контекстных условий, что является практическим подтверждением теоретических разысканий о сущностных признаках идиом.

4. В работе по наполнению заданного концепта паремиологическим материалом через активизацию языкового сознания были получены как известные поговорки, представляющие часть корпуса активного паремиологического запаса, так и новые единицы, сохраняющие формальные признаки поговорок и идиоматичность.

5. Употребление в ассоциативном ряду фразеологизмов, крылатых фраз и т. п. говорит о широком понимании поговорок и отнесении ее в русском языковом сознании к идиоматическим единицам, к фразеологическим единицам в широком смысле.

Литература / References

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: ТЕРРА, 1994. – 800 с.
2. *Кацюба Л.Б.* Русские поговорки: лингвокультурологический словарь-справочник. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 116 с.
3. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 с.
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
6. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А.П. Евгеньевой / т. 3. М.: Русский язык, 1983. – 752 с.
8. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
9. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 14–15.
10. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание как перекресток языка и культуры // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы конференции. Москва, 14-15 апреля 2010 г. / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Издательство «Эйдос», 2010. С. 189–190.

АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ НЕПРЯМЫХ ТЕКСТОВЫХ НОМИНАЦИЙ

М.И. Кюсе

ASPECTS OF LANGUAGE CATEGORIZATION IN INDIRECT TEXTUAL NOMINALS

M.I. Kiose

ABSTRACT:

The study is aimed at detecting the role of language categories in forming the referent image of indirect nominal. The results prove that the character of language categorization in nominals is closely connected with the function they fulfill in text (direct or indirect). Particular attention is given to various types of hybrid categories (one-level or different-level categories hybridization) on the basis of nomination category.

Keywords: indirect nominals, language categories, nomination category, hybrid categories

Исследование посвящено выявлению роли языковых категорий в формировании образа референта непрямой номинации. Установлено, что изучение особенностей языковой категоризации образа напрямую связано с функциональными возможностями реализации номинации в тексте. Особое внимание уделено типам совмещения категорий одного уровня и разных уровней на основе категории номинативности.

Ключевые слова: непрякая номинация, языковые категории, категория номинативности, гибридные категории

Словесные знаки, являясь средством хранения «снятой» в них внеязыковой информации, т. е. сведений, знаний, данных о мире, одновременно служат и средством языкового мышления.

В.Н. Телия [Телия 1977 (6): 131]

Вопрос о неязыковой и языковой категоризации номинаций, прямых и непрямых, занимает в работах В.Н. Телия одно из центральных мест. В настоящей работе мы предпримем попытку на основе разработанных Вероникой Николаевной положений о категориальной структуре процесса номинации, рассмотреть особенности языковой категоризации непрямых номинаций с точки зрения реализации ими перехода от прямой к непрякой номинации, перехода во «вторичный мир» [Телия 1988:

180]. Представляется небезынтересным ответить на вопрос: могут ли смена и гибридизация языковых категорий осуществлять такой переход? Если могут, то каковы особенности языковой категоризации при переходе от прямого к непрямому наименованию образа референта?

Концептуальный механизм категоризации, неязыковой и языковой, играет важную роль в создании и трансформации образа референта не прямой номинации. Анализируя особенности репрезентации языковой и концептуальной картин мира, Е.С. Кубрякова указывает на то, что точками их соприкосновения являются «абстракции, сформулированные на основе обобщения <...> свойств знаков и анализа (сознательного и бессознательного) их поведения и функционирования» [Кубрякова 1988: 145]. Эти обобщенные абстракции мы будем понимать как языковые и неязыковые категории, которые носят концептуальный характер. Современные определения концептуальных категорий подчеркивают их соотносительность с репрезентируемым объектом («категория в когнитивной лингвистике понимается как группировка признаков, соотносимых с объектами, принадлежащими к ней» [Искандарова 2011: 18]); структурную организованность («максимальное множество значений, исключая друг друга в одной и той же позиции (семантической или логической)» [Виноградов 2011: 4]); динамичность репрезентации («определенные рубрики опыта освоения мира и различного взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 5]). Аспекты языковой категоризации номинаций рассматриваются во многих отечественных и зарубежных работах (см. напр. работы А.В. Бондарко [Бондарко 1996, 2008], Е.В. Урысон [Урысон 2003], Е.В. Рахилиной [Рахилина 2010]; Д.Л. Болингера [Bolinger 1967], П.М. Фогеля и Б. Комри [Vogel, Comrie (ed.) 2000] и др., а также в когнитивных концепциях Д.А. Круза [Cruse 1992], У. Крофта [Croft 1991], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1986], Р. Лангакера [Langacker 2008], др.).

Категориальная структура не прямых номинаций представляет собой организованную совокупность концептуальных элементов, репрезентирующих неязыковые и языковые категории. Вслед за Р.И. Павиленисом (так, он пишет о концептах, нашедших и не нашедших своей «языковой привязки» [Павиленис 1983: 279]) мы понимаем языковые категории как категории второго порядка, которые на этапе языковой репрезентации не прямой номинации реализуют категории первого порядка.

Языковая концептуально-категоризационная структура образа референта является многоуровневой (репрезентирующей различные уровни системы языка) и полевой (с центральными и периферийными концептуальными субкатегориями репрезентирующую категорию одного уровня).

Основным уровнем, репрезентирующим непрямую номинацию, становится лексический, а языковой категорией, реализующей номинации (и непрямым номинации, в частности) на лексическом уровне – категория номинативности. Сущность данной категории мы вслед за В.Н. Телия понимаем как «отнесенность имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности» [Телия 1981: 110]. Саму структуру категории номинативности мы рассматриваем с опорой на положения, выработанные Вероникой Николаевной в отношении ее составляющих как реализующихся с помощью знаков предметов и не-предметов, знаков-атрибутов (знаки присубстантивные и призначные), знаков действий и процессов [Телия 1977 (а): 58–59].

Категория номинативности предстает как полевая с предметным субкатегориальным центром (о понятии предметности см., в первую очередь, [Пешковский 1956]) и периферийными субкатегориями, такими как событийность, процессуальность, др. (см. напр. [Урысон 2003: 135–137]), которые могут образовывать категориальные объединения сложного характера – гибридные номинации. В этом отношении показательны работы о гибридной категориальной структуре существительных и глаголов [Ирисханова 2004], существительных и прилагательных [Wierzbicka 1986], глаголов и прилагательных [Булыгина 1983], а также общетеоретические положения о лексико-грамматической категоризации, высказанные в работах Е.С. Кубряковой, А.В. Бондарко, Ю.С. Степанова, В.А. Виноградова, Дж. Пустеджовского, Р. Лангакера и др. Так, как отмечает Е.С. Кубрякова, «номинация совмещает в себе предметность и процессуальность, номинацию и предикацию, обладает неопределенно широким диапазоном значения» [Кубрякова 1981: 184].

Непрямая номинация может быть актуализирована в тексте посредством совместной реализации (гибридизации) различных языковых категорий. Например:

(1) *Днем разводили бесконечные **постирушки**...* (Б. Васильев. А зори здесь тихие) – совместная реализация категорий номинативности и предикативности;

(2) *Егор сказал бы той женщине, в окошечке... А вид-то – не подступись! А такой же – **нуль**, только в пилотке* (В. Шукшин. Крепкий мужик. Рассказы) – совместная реализация категорий номинативности и нумеративности;

(3) *Старшина достал топорик, вырубил в сухостое **шесть добрых**. <...> Каждый слегу возьмет и прежде, чем ногу поставить, слегой дрыгну пусть попробует* (Б. Васильев. А зори здесь тихие) – совместная реализация категорий номинативности и качественности.

Для анализа не прямых номинаций существенной оказывается дальнейшая аспектуальная субкатегоризация предметности на субъектность

и объектность (т. к. субъектно-объектные переходы являются одним из наиболее частотных интракатегориальных гибридных образований при конструировании не прямых номинаций). Рассмотрим следующий пример:

(4) *Майор увел не выдержавших искуса зенитчиков, на прощанье еще раз пообещав Васкову, что придет таких, которые от юбок... будут нос воротить* (Б. Васильев. А зори здесь тихие). В данном примере не прямая номинация *юбок*, реализуя трансформацию образа референта *девушек*, выражена с помощью гибридизации субкатегорий предметности и субъектности.

Не прямая номинация часто является результатом гибридизации субкатегории предметности с категориями качественности, количественности, событийности (такие примеры мы продемонстрировали выше).

Проиллюстрируем разные типы гибридных номинативно-качественных отношений языковых категорий в не прямых номинациях. Качественность может быть в свою очередь реализована с помощью дальнейшей субкатегоризации в виде субкатегорий отсубстантивности, атрибутивности, оценочности. Отметим, что именно субкатегориальные репрезентации категорий помогают разграничить такие манифестации номинативной качественности, как оценочные, атрибутивные, отсубстантивные.

(5) *Пришел длинноухий к речке, а вода холодная... Ослику стало стыдно* (Г. Цыферов. Маленькие сказки). Не прямая номинация *длинноухий* является гибридизацией языковых субкатегорий предметности (категория номинативности) и атрибутивности (категория качественности).

(6) – *Котенка с таким именем во дворе ждут одни неприятности. – Если они меня ждут, значит, надо идти, – подумал котенок Гав...* (Г. Остер. Котенок по имени Гав). Данный пример иллюстрирует смену функции номинации с прямой (первичная позиция читателя) на не прямую (позиция котенка, которая становится позицией читателя). Как не прямая номинация *неприятности* является гибридизацией субкатегорий предметности (категория номинативности) и оценочности (категория качественности).

(7) *Епископ с негодованием отмечал «мирское»: пианино, граммофон, под который Распутин любил плясать, мягкие обитые плюшем бордовые кресла, диван, письменный стол* (Э. Радзинский. Распутин. Жизнь и смерть). Не прямая номинация *мирское* представляет собой результат гибридизации субкатегорий предметности (категория номинативности) и отсубстантивности (категория качественности).

Обозначенные три типа субкатегорий, реализующие категорию качественности, при гибридизации с категорией номинативности образуют гибридные языковые категории.

Отметим возможность гибридизации и большего количества категорий в одной номинации. Приведем следующий пример:

(8) *А через год мальчонка его помер, и с той поры Васков улыбнулся-то всего три раза: генералу, что орден ему вручал, хирургу, осколок из плеча вытацившему, да хозяйке своей Марии Никифоровне – за догадливость* (гипотетически прямой номинацией может служить *сожительство*) (Б. Васильев. А зори здесь тихие) – совмещение категорий номинативности, качественности и предикативности.

Анализ эмпирического материала показывает, что гибридные образования языковых категорий одного уровня не конструируют непрямую номинацию без участия неязыковых категорий (напр., *Сейчас взревет тракторы и произойдет нечто **небывалое** в деревне – упадет церковь* (В. Шукшин Крепкий мужик. Рассказы), где номинация *небывалое*, являясь результатом гибридизации категорий номинативности, качественности и предикативности не становится непрямой).

Можно сделать вывод о том, что при реализации не прямых номинаций языковыми категориями одного уровня, переход от прямой к не прямой номинации осуществляется только за счет актуализации категорий первого порядка, а именно, неязыковых. Как же обозначенные языковые категории – негибридные и гибридные – реализуют категории первого порядка – неязыковые категории? Так, языковая категория номинативности служит для репрезентации различных референциальных и модусных категорий, т. е. категорий первого порядка. Обратимся к примерам.

(9) *Промолчали на этот раз: **рыжая** только головой дернула... **Боец Комелькова!*** (Б. Васильев. А зори здесь тихие). В данном примере языковая категория номинативности (гибридизация субкатегорий атрибутивной качественности и номинативности) реализует репрезентацию элементов референциальной и модусной категорий. В фокусе не прямой номинации элементы, реализующие смену уровня референциальной категории (субкатегориальный переход женщина – волосы), и элементы модусной категории цвета.

(10) *Писанину развели* (Б. Васильев. А зори здесь тихие) Гибридная языковая структура (субкатегории предикативности и номинативности) также реализует смену в рамках референциальной категории (*документ – действия по созданию документа*) и актуализирует элементы модусной категории оценки.

Однако в случае репрезентации номинации с помощью гибридизации языковых категорий разного уровня ситуация меняется. Оказывает-

ся, что такой гибридации достаточно, чтобы реализовать переход от прямой к непрямо́й номинации. Рассмотрим возможность конструирования непрямо́й номинации языковыми категориями разного уровня.

(11) *Скажи Жулябьеву, чтоб за девками из нашей группы не ухлестывал. А то сделаем бо-бо* (Ю. Трифонов. Дом на набережной). Гибрида́ция языковых категорий лексического и морфологического уровня актуализирует переход от прямой к непрямо́й номинации.

(12) – *А ты вуалехвост. – А ты первердер. – А ты rrrrrrrr. – А ты zzzzzzz* (Ю. Голявкин. Болтуны) В данном примере непрямо́ую номинацию результирует гибрида́ция категорий лексического, морфологического и фонетико-фонологического уровней.

Как можно заметить, гибрида́ция языковых категорий разного уровня приводит к тому, что номинация образа референта становится непрямо́й.

Таким образом, языковые категории (как и неязыковые) могут реализовывать переход номинации от прямой к непрямо́й. Этому способствует гибрида́ция элементов разных категориальных уровней репрезентации номинации. Номинации, получающие языковую репрезентацию за счет гибрида́ции категорий одного уровня, могут становиться непрямыми только при участии неязыковых категорий. Однако роль языковых категорий состоит в том, чтобы репрезентировать эту трансформацию в языке.

Как отметила Вероника Николаевна Телия, «выполняемая словом номинативная функция <...> обеспечивает и выполнение словом знаковой функции – репрезентации элементов действительности, обозначаемых в высказывании» [Телия 1981: 5]. В данной работе мы показали, что изучение особенностей языковой категоризации непрямо́й номинации играет важную роль в определении знаковой функции номинации – прямой и непрямо́й.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Болдырев Н.Н.* Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып.1. Тамбов, 2011. С. 5–14.
2. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: «Наука», 1996. – 265 с.
3. *Бондарко А.В.* Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики, СПб.: «Наука», 2008. – 471 с.
4. *Булыгина Т. В.* Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков. М., 1983. – С. 20–39.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд., М., 1972. – 616 с.

6. *Виноградов В.А.* Категориальность в языке: когнитивно-грамматический аспект // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е.А.Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 4–8.
7. *Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: Отглагольные имена. М.: ВТИИ, 2004. – 352 с.
8. *Искандарова Г.Р.* О когнитивно-ономасиологическом подходе к словообразованию (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып.2. Тамбов, 2011. С. 18–25.
9. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: «Наука», 1981. – 200 с.
10. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: «Наука», 1988. С. 141–172.
11. *Павленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: «Мысль», 1983. – 286 с.
12. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М.: «Учпедгиз», 1956. – 511 с.
13. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд.2, испр.и доп. М.: «Азбуковник», 2010. – 448 с.
14. *Телия В.Н., Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (общие вопросы). М.: «Наука», 1977 (а). С. 7–98.
15. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М.: «Наука», 1977 (б). С. 129–221.
16. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: «Наука», 1981. – 269 с.
17. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: «Наука», 1988. С. 173–204.
18. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: «Языки славянской культуры», 2003. – 224 с.
19. *Bolinger D.L.* Adjectives in English: Attributes and Predication // *Lingua* 18, 1967. P. 1–34.
20. *Croft W.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 331 p.
21. *Cruse D.A.* Cognitive Linguistics and Word Meaning: Taylor on Linguistic Categorization // *Journal of Linguistics* 28, 1992. P. 165–183.
22. *Langacker R.* Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. – 584 p.
23. *Radden G., Kovecses Z.* Towards a Theory of Metonymy // *Metonymy in Language and Thought* / K-U. Panther and G. Radden (eds.), 1999. P. 17–59.
24. *Vogel P.M., Comrie B. (ed.)* Approaches to the Typology of Word Classes. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 514 p.
25. *Wierzbicka A.* What's in a Noun? (or: How Do Nouns Differ in Meaning from Adjectives?) // *Studies in Language* 10, 1986. P. 353–389.

Источники / Sources

1. *Васильев Б.* А зори здесь тихие. М.: «Эксмо», 2005. – 768 с.
2. *Голявкин В.* Болтуны // Веселые истории про зверят и про ребят. М.: «Стрекоза-пресс», 2006. С. 47–50.
3. *Остер Г.* Котенок по имени Гав. М.: АСТ, «Астрель», 2005. – 64 с.
4. *Радзинский Э.* Распутин. Жизнь и смерть. М.: АСТ, 2007. – 560 с.
5. *Трифонов Ю.* Дом на набережной. М.: АСТ «Астрель», 2008. – 221 с.
6. *Цыферов Г.* Маленькие сказки. М.: АСТ, «Астрель», 2009. – 62 с.
7. *Шукиин В.* Крепкий мужик. Рассказы. М.: «Прозаик», 2009. – 528 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ОЦЕНКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.Н. Ковалёва

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF ENGLISH AND RUS- SIAN PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING EVALUATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY

O.N. Kovaleva

ABSTRACT:

The article deals with the analysis of the national-cultural senses when expressing evaluation revealed through the lexicographic description of the English and Russian phraseological units containing evaluation of professional activity. Defining mechanisms of forming evaluative sense in the viewed phraseological units and also peculiarities of interaction of everyday and professional knowledge makes it possible to reveal differences and similarities in the perception of the world and salient character of this or that professional sphere and criteria of evaluation of professional activity in the English and Russian linguocultures.

Keywords: phraseological unit, evaluative category, salient sense, everyday knowledge, professional knowledge

Статья посвящена анализу выявленных в ходе лексикографического описания английских и русских фразеологизмов, содержащих оценку профессиональной деятельности, национально-культурных смыслов при выражении оценки. Определение механизмов формирования оценочного смысла в рассматриваемых фразеологизмах, а также особенностей взаимодействия быденного и профессионального знания позволяет установить сходства и различия в мировосприятии и салиентности тех или иных сфер профессиональной деятельности и критериев оценки деятельности профессионала в английской и русской лингвокультурах.

Ключевые слова: фразеологизм, оценочная категория, салиентный смысл, быденное знание, профессиональное знание

При составлении «Словаря английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности» предпринята попытка систематизированного описания русских и английских фразеологизмов профессиональной семантики в аспекте соотношения языка,

познания и культуры. Целью создания Словаря является описание механизмов оценочной категоризации профессиональной деятельности средствами английской и русской фразеологии, систематизация и сопоставление оттенков оценочного смысла в английской и русской лингвокультурах.

Включенный в словарную статью историко-этимологический комментарий раскрывает процесс взаимодействия образного содержания фразеологизма с теми или иными пластами культуры, реалиями быденной и профессиональной деятельности русских и англичан, выявляет этапы смены когнитива в ходе исторического развития сфер профессиональной деятельности; привлечение иллюстративного материала за 2000-е гг. способствует уточнению актуальных оттенков оценочного смысла рассматриваемых фразеологизмов.

Словарь содержит 550 словарных статей: 332 фразеологические единицы (далее ФЕ) английского языка и 227 ФЕ русского языка с семантическим компонентом оценки труда, с указанием их контекстуальных вариантов, из них 296 ФЕ (53% от общего объема выборки) с положительной оценкой и 263 ФЕ (47% от общего объема выборки) с отрицательной оценкой.

Число ФЕ, отражающих оценку профессиональной деятельности, с отрицательной оценкой в русском языке больше (62%), чем число ФЕ с положительной оценкой (38%). Преобладание ФЕ с отрицательной оценкой, по-видимому, объясняется тем, что положительная оценка коррелирует с представлением о норме, о должном, а потому в меньшей степени нуждается в вербализации. В ФЕ с негативной оценкой наиболее ярко проявляется воздействующая функция языка.

Однако данное утверждение не распространяется на английские ФЕ, отражающие оценку профессиональной деятельности, где соотношение единиц с отрицательной и положительной оценкой составляет 37% к 63%. Английские ФЕ в большей мере актуализируют внимание на положительных сторонах профессиональной деятельности человека, чем на ее негативных сторонах.

Словник данного Словаря включает 11 разделов, соответствующих 11 оценочным категориям: Радение (ответственность) работника (30% от общего количества словарных статей), Наличие квалификации работника (15%), Результативность (успешность) труда (13%), Сложность труда (11%), Качество труда (10%), Общественная польза труда (7%), Временные затраты на выполнение работы (5%), Финансовое вознаграждение за выполненную работу (3%), Творческий подход к труду (3%), Созидательный характер труда (2%), Отношение к физическому труду (1%). Первые пять категорий относятся к базовому уровню оценочной категоризации, и процентные показатели вполне соответствуют логике

реальной жизни, когда энергичный, целеустремленный, позитивно настроенный квалифицированный (и опытный) профессионал старается выполнить работу качественно, затрачивая адекватное количество времени и сил для достижения желаемого успешного результата. Другие шесть оценочных категорий относятся к субординатному уровню оценочной категоризации, уровню детализации, конкретизации оценки и качества.

Самыми актуальными в сфере косвенно-производной номинации являются такие критерии оценки профессиональной деятельности человека, как радение (ответственность) работника, его квалификация, результативность (успешность) труда, сложность и качество труда. Устойчивые смыслы и представления именно об этих аспектах профессиональной деятельности в рамках английской и русской лингвокультур закреплены наибольшим количеством фразеологизмов, что указывает на когнитивную выделенность соответствующих критериев оценки труда. Однако существуют и некоторые различия в мировосприятии носителей сравниваемых лингвокультур. Например, для англоязычного сознания весьма значимы временные затраты на выполнение работы, творческий подход к труду, финансовое вознаграждение за выполненную работу, что находит свое подтверждение в рассмотренных нами примерах. Для русских людей при оценке профессиональной деятельности человека, судя по фразеологизмам, важна общественная польза труда и его созидательный характер.

Рассмотрим подробнее лингвокультурологические особенности ФЕ, относящихся к оценочной категории Радение (ответственность) работника. Фразеологическая представленность данной базовой категории в английском и русском языках составляет 166 словарных статей, содержащих 107 ФЕ английского языка и 59 ФЕ русского языка с их контекстуальными вариантами (или 30% от общего числа словарных статей Словаря). С положительной оценкой было выявлено 84 ФЕ английского языка и 31 ФЕ русского языка, с отрицательной – 23 и 28 ФЕ соответственно. Значительное преобладание положительно оценочных ФЕ английского языка над отрицательно оценочными в сравнении с примерно одинаковым количеством ФЕ русского языка с положительной и отрицательной оценкой свидетельствует о том, что для англичан очень важно ответственное отношение к работе и они стремятся подчеркнуть это в трудолюбивом, радеющем за дело работнике.

К базовому уровню оценочной категоризации относятся 110 словарных статей (78 – английского языка, 32 – русского). ФЕ данного уровня образованы с привлечением обыденного знания субъекта оценки. Ряд ФЕ содержат обязательные признаки двух и более базовых оценочных категорий: для английского и русского сознания важно стереотипное

знание об ответственном квалифицированном работнике, который эффективно, качественно выполняет сложную работу. Например:

a glutton for work (posit. ev.)

‘Glutton’ в переводе с английского языка означает: 1) обжора, гурман, любитель поесть; 2) страстно увлеченный / ненасытный человек. Когнитивная модель пространства-источника «жадный до / любитель работы» переносится в пространство-цель «ответственно (с радением) относиться к работе, выполнять сложную работу».

...he was now living in LA... Hollywood is looking at my work. The reason is ...my films”. Herzog is a glutton for work, and he was editing a new feature film (Werner Herzog: in search of ‘ecstatic truth’. The Sunday Times. 2009.04.26.).

приложить руки (положит. оц.)

Выражение связано с трудовой символикой руки как орудия действия: прикладывать руки к каким-либо предметам значило обрабатывать их, действовать ими и т. п. [Бирих 2005: 609]. Когнитивная модель пространства-источника «приложить руки» переносится в пространство-цель «ответственно (с радением) относиться к работе, выполнять работу качественно».

Если приложить руки, этот продукт может быть вполне конкурентоспособным (Сергей Новиков. Уголь в обмен на зарплату // Труд-7. 2003.08.20).

Элементы профессионального знания обнаружены в ФЕ субординатного уровня оценочной категоризации, которые представлены в 29 словарных статьях (20 – английского языка, 9 – русского). Здесь обнаружены ФЕ, содержащие признаки рассматриваемой категории и некоторых базовых категорий и категорий субординатного уровня. Знание таких профессиональных сфер, как морское дело и транспорт, присутствует в ФЕ английского и русского языков:

all hands to the pump(s) / on the deck (posit. ev.)

Профессиональное знание (профессиональная сфера: морское дело).

Выражение первоначально использовалось на морском судне при возникновении внештатной ситуации и означало ‘все силы к насосам’, ‘все силы на палубу’. Использование прилагательного *all* (весь, все) усиливает интенсивность действия, лежащего в основе образа фразеологизма, а существительное *hands* (руки) символизирует орудие действия. Когнитивная модель пространства-источника «все руки к насосу (насосам) / палубе» переносится в пространство-цель «ответственно (с радением) относиться к работе, укладываться в норму времени при выполнении работы».

*"...was a massive game," Harry Redknapp, the Portsmouth manager, said. "In the last ten minutes it was **all hands to the pump**, but overall we were the better team" (Portsmouth finally gain their revenge. The Times. 2004.03.22).*

стоять на вахте / встать на вахту (положит. оц.)

Профессиональное знание (профессиональная сфера: морское дело).

Выражение восходит к морским терминам стоять на вахте и отправлять вахту, известным с XVIII в. (напр., в «Уставе морском, о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море», 1720). Слово вахта, входящее в его состав, – заимствование из морской речи, немецкого или голландского происхождения: ср. нем. *wacht* и голл. *wagt* ‘стража, караул’, ‘дежурство, охрана’, связанные этимологически с глаг. *wachen* ‘бодрствовать, бдеть’. Само понятие «вахты» очень древнее: еще вавилоняне и римляне отмеряли время по четырехчасовым «стражам». Это временное понятие сохранилось в морской традиции [Бирих 2005: 82]. Когнитивная модель пространства-источника «стоять на вахте» переносится в пространство-цель «выполнять сложную работу, ответственно (с радением) относиться к работе».

Ведь он – спасатель. И все время на вахте. Но работает без спешки и авралов (Валерий Коновалов. Семь чудес отца Владимира // Труд-7. 2005.01.13).

Однако имеются и различия в мировосприятии и салиентности тех или иных сфер профессиональной деятельности. Так, для англоязычного сознания когнитивно выделенными являются также следующие профессиональные сферы: политика, экономика, машиностроение, инжиниринг, электроника, металлообработка, горное производство, авиастроение, телерадиокommunikация, музыкальное искусство, спорт, сельское хозяйство. Например:

jump the gun (negat. ev.)

Профессиональное знание (профессиональная сфера: спорт).

Выражение восходит к спортивной сфере (легкая атлетика): соревнующиеся, которые пересекли стартовую линию до выстрела сигнального пистолета (совершили фальстарт), дисквалифицируются или должны снова встать на старт. Выражение означает ‘начать что-либо до положенного времени, действовать до того, как дано разрешение или без должной подготовки’. Когнитивная модель пространства-источника «начать движение до выстрела» переносится в пространство-цель «безответственно относиться к работе, опережать норму времени при выполнении работы».

DuPuy said baseball initially decided not to identify the teams targeted for contraction because it was a fluid situation. This was a

*new idea, and nobody wanted to **jump the gun** and cause any more grief and heartbreak than was necessary* (Mark Asher. Baseball's Division by Contraction. Washington Post. 2002.02.10).

В русскоязычных фразеологизмах данной группы салиентны такие сферы профессиональной деятельности, как деревообработка, торговля, цирковое искусство, ювелирное и связное дело. Например:

бить баклуши (отрицат. оц.)

Профессиональное знание (профессиональная сфера: деревообработка).

Выражение народное, связывается с кустарным промыслом, распространенным в бывшей Нижегородской губернии [Бирих 2005: 40]. В кустарном промысле *баклуши* – отколотые от полена чурки, заготовки для изготовления деревянной посуды, которой ели на Руси. Кустари раскалывали, разбивали осиновый или липовый чурбан на баклуши (чурки), т. е. делали заготовки (*били баклуши*) для мастера-ложкаря. Изготовление баклуш считалось в народе легким, не требующим усилий и умения делом, обычно эту пустячную работу выполнял подмастерье, и баклуша сама по себе вещь ничтожная. Эта работа считалась скорее бездельем, чем делом (по сравнению с каторжным крестьянским трудом). Используется для характеристики необременительной, не требующей специальных знаний работы. Когнитивная модель пространства-источника «бить баклуши» переносится в пространство-цель «безответственно относиться к работе, не выполнять работу, приносящую пользу обществу».

– *Кто вам сказал, <...> что это дает вам право манкировать служебными обязанностями и **бить баклуши** на работе?* (Людмила Сергеева. Ты – начальник, я... // Труд-7. 2007.04.13).

Таким образом, предпринятое лексикографическое описание фразеологизмов английского и русского языков, содержащих оценку профессиональной деятельности, позволило выявить национально-культурные смыслы при выражении оценки. Сопоставление материалов английского и русского языков свидетельствует о национально-культурной специфике в осмыслении ряда профессий. Так, преимущественно для англоязычной среды актуальны образы, связанные с машиностроением, музыкальным искусством и спортом. Особенности военного и морского дела отражены во внутренней форме фразеологизмов обоих языков, что обусловлено историей России и Великобритании. Значительная часть русских фразеологизмов апеллирует к профессиональным знаниям в таких областях, как деревообработка и ювелирное дело.

Литература / References

1. *Бирих А.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов // СПбГУ; Межкаф. словарный кааб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., исправл. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. Москва: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
3. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ЭМОЦИЯ «УДИВЛЕНИЕ» И СПОСОБЫ ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*М.Л. Ковшова
Хоанг Тхи Фьонг Ха*

THE EMOTION OF *SURPRISE* AND THE WAYS OF ITS CONCEPTUALIZATION IN RUSSIAN AND VIETNAMESE PHRASEOLOGY

*Kovshova M.L.
Phuong Ha*

ABSTRACT:

The conceptualization of the human emotion of surprise by means of phraseologisms is in focus in the present paper. The cross-linguistic research on the Russian and Vietnamese phraseologisms has shown that the relation between linguistic and cultural categories can be studied through the semantics.

Keywords: emotion, surprise, conceptualization, Russian and Vietnamese phraseological units, images, etalon, cultural semantics

Изучение эмоций и того, как об этих эмоциях «говорит» язык, позволяет определить роль языка в концептуализации эмоций. В статье обосновывается тезис о том, что фразеологические единицы, согласно знаковым возможностям, способствуют полной и точной концептуализации феномена удивления и выявляют его образы в русской и вьетнамской лингвокультурах.

Ключевые слова: эмоция, удивление, концептуализация, русские и вьетнамские фразеологические единицы, образ, эталон, культурная семантика

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект «Образы языка» 2014-2015 (рук. В.З. Демьянков).

В гуманитарных науках удивление относят к основным специфическим эмоциям человека и указывают на ее интеллектуализацию; см.: [Изард 1980]; изучению того, как представлены эмоции в языке, посвящены работы: [Арутюнова 1998; Вольф 1989; Шаховский 2012]. Удивление – это внимание, возбужденное внезапно и сильно; внешней при-

чиной для удивления служит неожиданное событие; удивление – кратковременная эмоция, которая мгновенно наступает и быстро проходит.

В лексическом «портрете» русского удивления основными чертами являются инактивность субъекта эмоции; неконтролируемость эмоции; ее каузированность. Об удивлении говорится, в основном, уже в фазе его осмысления; семантическая модификация лексем осуществляется в области интеллектуальной (*добиться удивительных результатов; удивительная мысль; изумительное решение* и т. п.) и эстетической оценки (*удивительный цветок; удивительная музыка; изумительная игра актеров* и т. п.)¹.

Русская фразеология, обладая разнообразием структурно-семантических единиц – от идиом и устойчивых сочетаний до синтаксических фразеологизмов, с одной стороны, и будучи сжатым текстом культуры, с другой [Телия 1996], способна не только подтвердить основные признаки удивления, выявленные в лексике. В настоящей статье обосновывается тезис о том, что фразеологические единицы, согласно своим знаковым возможностям, способствуют верному и глубокому описанию эмоции и, тем самым, концептуализации понятия во всей полноте его содержания и границ.

Несмотря на все языковые различия, русские и вьетнамские фразеологизмы четко выстраивают описание удивления по трем фазам протекания эмоции – это 1) аффект, удивление-ощущение, 2) чувствовосостояние и 3) чувство-отношение. Тем самым, в русских и вьетнамских фразеологизмах сходным образом концептуализируется интенционал и экстенционал данного понятия; фразеология отражает общую для русской и вьетнамской ментальности основную концептуальную схему в осмыслении удивления. Это видно потому, прежде всего, что русский и вьетнамский материал обнаруживает удивительное соответствие в организации фразеосемантических полей – их можно описать как одно русско-вьетнамское поле, включающее три группы единиц.

Первую группу – «удивление-ощущение» – составляют русские и вьетнамские грамматические фразеологизмы, выступающие в функции частиц и междометий. Их можно назвать *реактивами*, поскольку они описывают спонтанную реакцию субъекта; ср.:

– русс. *ой, мамочки мои; мама дорогая; мать моя; мать честная; батюшки [мои]; батюшки-светы; батюшки святы; бог*

---

¹ Исследование особенностей концептуализации удивления в лексике, фразеологии и пословицном фонде русского языка осуществлено в статье М.Л. Ковшовой «Языковой “портрет” русского удивления: лексические, фразеологические и пословичные способы описания» // Фразеология и паремнология. Шестые Жуковские чтения. Великий Новгород (в печати).

бог мой; боже мой; господи боже мой; силы небесные; черт возьми; что за чудо; вон [оно] как; вон [оно] что; вот так вот; вот тебе <те>[u] на; вот тебе [u] раз; вот [так] история; вот так номер; вот так штука; вот так предмет; вот так клюква; вот так пироги [с котятами]; скажи пожалуйста; скажи на милость; что за диво?; ну и ну; ничего себе; надо же; ёлки-палки; ёклми [здесь не приводятся просторечные дисфемизмы в функции выражения удивления – М.К.] и др.;

– вьет. *ôi Trời ơi* (букв. ‘ой Бог ой’); *Trời Đất ơi* (букв. ‘Небо Земля ой’), *ôi mẹ ơi* (букв. ‘ой мать ой’); *ôi lạy Trời (Chúa)* (букв. ‘ой кланяться Богу’); *cái gì thế này?* (букв. ‘что это такое?’); *có thật thế không?* (букв. ‘это правда?’) и др.

Фразеологизмы-реактивы воспроизводят универсальный психический сценарий «стимул – реакция»; они содержат описание лишь произвольной реакции на происходящее, и потому вербальными означающими в данной группе являются почти «фразеологические звуки». Фазе аффекта абсолютно адекватен дружно выбранный русским и вьетнамским языками способ «схватывания» чего-то необычного и неожиданного – эмоционально-экспрессивные частицы и междометия в плане выражения и эмотивная семантика в плане содержания фразеологизмов.

У некоторых русских и вьетнамских единиц данной группы сходными оказываются не только денотативный аспект (обобщенное, типовое представление о фрагменте действительности) и сигнификативный аспект (избранная конфигурация типового представления). Мотивационный аспект – образ; внутренняя форма фразеологизмов, а также культурологический аспект – исходные смысловые оппозиции, «следы» древнейших представлений о мире, явленные в образах фразеологизмов, также оказываются сходными; ср.: *русс. бог мой; боже мой; господи боже мой; силы небесные* – *вьет. ôi Trời ơi* (букв. ‘ой Бог ой’); *Trời Đất ơi* (букв. ‘Небо Земля ой’), *ôi lạy Trời (Chúa)* (букв. ‘ой кланяться Богу’). Русско-вьетнамские параллели в образах адресации свидетельствуют о, возможно, универсальных путях формирования концепта «удивление» еще на древнейшем этапе развития человечества. Ср. также обращение к образам старших как олицетворенной силе, способной защитить, уберечь от всего внезапного и могущего быть опасным: *русс. мамочки мои; мама дорогая; мать моя; мать честная; батюшки [мои]; батюшки-светы; батюшки святы* – и *вьет. ôi mẹ ơi* (букв. ‘ой мать ой’). Образы адресации концептуализируют общее в русской и вьетнамском ментальности представление об инактивности субъекта эмоции «удивление».

Удивление-ощущение может тяготеть к следующей фазе; это отражает образно мотивированная форма отдельных фразеологизмов, с помощью которой описывается не только непосредственная реакция на необычное и неожиданное, но и выражается отношение; оно проявляется в негативной оценочной коннотации, в шутовском или ироничном тоне высказывания; ср.: *русс. ну и ну; вот так пироги [с котятами]; мать моя женщина [отец мой мужчина]* и *вьет. cái gì thế này?* (букв. 'что это такое?'); *có thật thế không?* (букв. 'это правда?') – произносятся с добавочной семантикой сомнения.

Однако много в этой первой группе не только сходного, но и специфического. Так, о большей сдержанности вьетнамцев по отношению к чему-то внезапному и необычному говорит немногочисленность единиц, а значит меньшая языковая разработанность этой фазы удивления. Сдержанность подтверждается вопросительностью синтаксических конструкций, по сравнению с большим количеством русских реактивов, употребляемых обычно в восклицательных конструкциях.

Специфична в русских реактивах вещная метафора уподобления удивительного события – «получению» чего-л. При этом субъект эмоции трансформируется в наблюдателя и описывает ситуацию «получения» удивительного как бы со стороны; ср.: *вот тебе на; вот тебе раз <вот тебе два>; вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и др. Образы восходят к идее дара, свойственной русской ментальности и ценностной для русской культуры. С помощью метафоры осуществляется концептуализация инактивности субъекта удивления и каузированной эмоции.

Многие эталоны в данной группе русских реактивов, такие, на первый взгляд, специфичные, как *пироги, клюква, фунт, номер* и др., являются в действительности квазиэталонами, поскольку предлагают в качестве измерения дива самые обыденные вещи или неопределенный, «размытый» референт, указание на который поддерживается частицами. Ср.: *вот так пироги [с котятами]; вон [оно] как; вон [оно] что; вот так [вот]; вот [так] история; вот так номер; вот так предмет; вот так фунт!; вот тебе <те> [и] на!; вот тебе и раз!; вот так клюква!; вот так вот; вот так штука* и др. Это отвечает объективной ситуации: уподобить дивное чему-либо известному невозможно, и место эталона занимает квазиэталон.

Вторую группу – «удивление-состояние» – составляют фразеологизмы-идиомы, адвербиальные и глагольные. Их можно назвать *симптомативами*, поскольку они описывают чувство-состояние, данное в проявлении (ср. симптоматические выражения в: [Апресян, Апресян 1995: 459]). Образы этих кинетических, мимических, окулесических и др. симптомов удивления и в русском и во вьетнамском материале отличаются резкостью. В резких образах симптомативов концептуализируются

основная черта удивления – неконтролируемость эмоции и ее каузированность. Ср.:

– русс. *разинуть рот; вылупить глаза; выпучить глаза; глаза на лоб полезли; брови на лоб полезли; поднять брови; всплеснуть руками; до сих пор в себя не мочь прийти; как обухом [ударило] по голове; как громом пораженный* и др.;

– вьет. *há hốc mồm* (букв. ‘открыть рот’), *mắt chữ A miệng chữ 0* (букв. ‘глаза – буква А, рот – буква О’), *trợn tròn mắt* (букв. ‘круглые-круглые глаза’), *mắt tròn mắt dẹt* (букв. ‘один глаз круглый, один глаз приплюснутый/сплюснутый’), *ngã ngửa* (букв. ‘упасть навзничь’), *sét đánh ngang tai* (букв. ‘молния ударит через ухо’), *dội gáo nước lạnh* (букв. ‘окачивать черпаком с холодной водой’).

Резкость симптомов удивления имеет объективное обоснование, описанное физиологами и психологами: «Причина сильного раскрытия (выпучивания) глаз при изумлении заключается в естественном побуждении увеличить скорее свое поле зрения, чтобы рассмотреть новый предмет нас поразивший неожиданно. Причина раскрытия рта заключается не в стремлении лучше слышать <...> Изумившись, мы приводим непроизвольно почти все мышцы нашего тела в сильную деятельность (идея обережения себя от могущей быть опасности со стороны нового, неизвестного предмета). Всякое приготовление к усилию сопровождается полным вдоханием, для чего раскрываем рот» [Сведенцов 2012: 72].

Особенностью фразеологизмов второй группы является то, что описание чувства-состояния происходит через модальную рамку «наблюдения». В этой модальной рамке концептуализируется связь субъекта эмоции с участниками ситуации, воспринимающими эмоцию по ее внешним признакам.

Следует также отметить присущие и русской, и вьетнамской культуре общие исходные образы для обозначения внезапного, резкого, неожиданного. Это метафора удара; она восходит к универсальным древнейшим представлениям о силе природных явлений, способных поразить человека. Ср. русс. *как громом пораженный, гром и молния!* – и вьет. *sét đánh ngang tai* (букв. ‘молния ударит через ухо’), *sét đánh lưng trời* (букв. ‘молния ударит поперёк неба’). Метафора удара природной стихии, грозы – универсального символа высших сил – свидетельствует о древности выделения данной эмоции; еще раз, уже другим способом, концептуализируется инактивность субъекта эмоции, неконтролируемость эмоции, и субъектом-каузаторм эмоции во фразеологизмах является гроза – символ проявления обожествленной силы.

Специфической будет конфигурация образов – резкое общее изображение в русском материале: *вылупить глаза; выпучить глаза; глаза на лоб полезли* и резкое детализированное – во вьетнамском; ср.: *mắt chữ A miệng chữ O* (букв. ‘глаза – буква А, рот – буква О’), *tròn tròn mắt* (букв. ‘круглые-круглые глаза’), *mắt tròn mắt dẹt* (букв. ‘один глаз круглый, один глаз приплюснутый/сплюснутый’).

Специфическими будут отдельные эталоны, т. е. избранные для измерения сущности в русском и вьетнамском культурном мире.

Так, русский фразеологический компаратив *как обухом по голове [ударить <ударенный>]* развивает метафору «удара» уже не в природной, а в обыденной сфере; эталонизированное значение удара как чего-л. сильного, внезапного, неожиданного, обычно имеющего негативную оценку см. также в значении других русс. единиц: *хватил удар; нанести удар* и др.

Во вьетнамском материале встречаем уникальный эталон во фразеологическом компаративе *Chết đứng như Từ Hải* (букв. ‘стоя умирать как Ты Хай’). К удивлению в этом образе «примешивается» растерянность, поскольку фразеологизм говорит о ситуации, когда все вокруг стали вдруг неприятными, агрессивными, противными. Ты Хай – герой известного стихотворения знаменитого вьетнамского поэта, мандарина Нгуенг Чай. Герой донкихотского склада, Ты Хай – хороший, сильный, но наивный; его удивление простодушное и глубокое. В русском материале для описания такой ситуации ближе всего компаративный фразеологизм *как дитя [малое]*, семантика которого определяется словами-сопроводителями – *радоваться, верить, обижаться; прост, доверчив* и т. п. В русской культуре *дитя* является эталоном наивности и простодушия. Ср.: – *Да? – спросил старик, как дитя, удивленно. Он стал одеваться – так медленно и раздумывая...* (Ю. Петкевич. Явление ангела).

Прицельная предикативность единиц второй группы, симптомов, обеспечивает концептуализацию модели удивления, в которую входят: субъект эмоции, сама эмоция и ее причина (каузатор удивления), которая может быть развернута, например, в «когда»-придаточном предложении: *Вот этот желтый господин в очках, – продолжал Обломов, – пристал ко мне: читал ли я речь какого-то депутата, и глаза вытаращил на меня, когда я сказал, что не читаю газет* (И.А. Гончаров. Обломов).

Третью группу – «удивление-отношение» – составляют грамматические фразеологизмы и идиомы; их можно назвать *интерпретативами*, поскольку они описывают точку зрения говорящего на происходящее, которое вызывает у него удивление. Сходство мышления русских и вьетнамцев проявляется в сходстве когнитивных сценариев ос-

мысления всего того, что вызывает удивление, и в том, что они развиваются, в основном, по негативному пути. Ср.:

– русс. *ушам своим не верю; не может быть; да ладно; вот еще новости; никогда такого не было; кто бы мог подумать; подумать только; ну что ты скажешь; бывает же такое; чего только не бывает; чудеса в решете; чудеса да и только; что за диво!; диво дивное; кино и немцы* и др.;

– вьет. *không tin vào tai mình* (букв. ‘не верить своими ушами’), *không thể tin vào mắt mình* (букв. ‘не верить своими глазами’), *không thể tin được* (букв. ‘нельзя поверить’), *có thật không* (букв. ‘правда же’ – с добавочной семантикой сомнения), *cái gì thế này* (букв. ‘что это такое’ – с добавочной семантикой негодования), *Trái đất tròn* (букв. ‘круглая земля’ – с добавочной семантикой восторга при неожиданной встрече старых знакомых), *tâm ngâm tâm ngâm mà đấm chết voi* (букв. ‘спокойный, тихий, скромный, но губил слона’) и др.

Как в лексике, так и во фразеологии за удивлением может следовать другая, связанная с ней эмоция; ср. *удивился и обрадовался; удивился и рассердился; удивился и восхитился*. Для фразеологии описание последующей эмоции не столько специфицирует эмоцию «удивление», сколько «переводит» ее в завершающую фазу – даже междометные реактивы перемещаются в группу интерпретативов. Приведем в качестве примера грамматический фразеологизм *ничего себе*, значение которого – ‘удивительно, совершенно неожиданно’ и который функционирует как модальный компонент предложения. Ср. отдельные иллюстрации из Национального корпуса русского языка (семантика последующей за удивлением эмоции эксплицируется в семантике предикатов говорения):

А помнишь, в другой раз они говорили: кто-то ими командует – кто-то умный и знающий... – Ничего себе... – пробормотал я. Может, кто и был в курсе, но для меня это была полная неожиданность (Вера Белоусова. Второй выстрел). *Ничего себе, – подумал Скварыш, – учитель, а бегают в КГБ* (Василь Быков. Бедные люди). *У нас нет срочной работы? – едва ли не гневно воскликнул он. – Ничего себе! У нас нет срочной работы!* (Василь Быков. Бедные люди.). *Когда потом увидела Андрея по телевизору, подумала: ничего себе, какой у меня мужчина!* (Интервью с Е. Лобышевой и А. Сильновым для газеты «Советский спорт», 2008.12.29).

Заключение. Изучение эмоций и того, как об этих эмоциях «говорит» язык, выявляет степень языковой разработанности данной области, позволяет обосновать роль языка в концептуализации эмоций. Фразеологический «портрет» обнаруживает общие и специфические черты русского и вьетнамского удивления. Благодаря структурно-семантическому разнообразию, образности, выразительности, «родственной близости» к эмоциям, вершинному компоненту в семантике – эмотивности [Телия 1999], нацеленности на предикативное описание происходящего, фразеологизмы умеют описать удивление полно и глубоко. Благодаря глубинной связи с символами, стереотипами, эталонами, мифологемами культуры, фразеологизмы способствуют концептуализации удивления в разных лингвокультурах.

Литература / References

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. В 2 тт. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 453–466.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
3. *Вольф Е.М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 55–75.
4. *Изард Кэрролл Э.* Теория дифференциальных эмоций // Кэрролл Э. Изард. Эмоции человека. М.: Изд. Мос. Унив., 1980. С. 52–71.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
6. *Сведенцов Н.И.* Руководство к изучению сценического искусства. Теория. 3-е изд. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 208 с.
7. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 208 с.

НЕКОТОРЫЕ БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.Н. ТЕЛИЯ)

В.В. Красных

SOME BASIC CONCEPTS OF PSYCHO-LINGUO-CULTURAL STUDIES (IN THE DEVELOPMENT OF V.N. TELIYA'S IDEAS)

V.V. Krasnykh

ABSTRACT:

Some basic concepts of a new discipline being formed nowadays – psycholinguo-cultural studies (PLCS) – are in focus of the giving article. Interpretation of culture, linguo-culture, culture code, Homo loquens from the standpoint of PLCS is propounded. The concepts in question are represented in correlation with the notions of language picture of the world, language picture of the world and image of the world.

Keywords: psycholinguo-cultural studies, culture, linguo-culture, culture code, Homo loquens

В статье рассматриваются некоторые базовые понятия формирующего направления исследования лингвокультуры – психолингвокультурологии (ПЛК). С позиций ПЛК предлагаются трактовки культуры, лингвокультуры, кода культуры, человека говорящего; последние представляются, в том числе, в соотношении с понятиями языковой картины мира, языкового сознания и образа мира.

Ключевые слова: психолингвокультурология, культура, лингвокультура, код культуры, человек говорящий (Homo loquens)

В последнее время мы все больше наблюдаем сжатие пространства и уплотнение времени. Это проявляется в «сокращении» расстояний (свободное перемещение по миру за весьма обозримое время, непосредственное общение через тысячи километров и проч.) и убыстрении темпа жизни (и отдельного человека, и человеческой цивилизации в целом: вспомните, сколько времени прошло от изобретения телефона до того момента, когда он стал неотъемлемым атрибутом нашей повседневности; а сколько времени прошло от момента появления первых мобильных телефонов и персональных компьютеров до скайпа?). Все это заставляет подчас задумываться о «схлопывании» мира. Но если отвлечься от эсхатологических настроений, то нельзя не заметить, что произошедшие в мире изменения привели к изменению объекта исследований,

как минимум – в гуманитарных науках: с одной стороны, расширение объекта обусловило тот факт, что научные изыскания сегодня все реже и реже замыкаются в жестких рамках какого-либо отдельного направления, с другой стороны, поскольку объект исследования не может быть бесконечно широким, происходит его явное «уплотнение». Естественным результатом, «адекватным ответом», если угодно, «на вызов нашего времени» является интегративность современных подходов. Насущную необходимость разработки новой методологии еще в 80-90-е годы чувствовала, (пред)видела, а в дальнейшем реализовала В.Н. Телия (см., напр., [Телия 1994, 1995, 1996, 1999, 2002, 2006а, 2006б]). Неслучайно во время работы над словарем [БФСРЯ] она постоянно повторяла: «мы строим новый объект», «мы разрабатываем новую методологию». Многие революционные идеи В.Н. Телия нашли продолжение в работах ее учеников, единомышленников, последователей (см., напр., [Ковшова 2012; Зыкова 2011, 2014; Красных 2005, 2008, 2011, 2013; Красных, Бубнова 2013]).

Итак, современная научная парадигма филологических и – шире – общегуманитарных исследований, выкристаллизовавшаяся на рубеже веков и характеризующаяся антропологическим характером и интегративностью, имеет дело со сложным неслияннным единством «*ЯЗЫК – СОЗНАНИЕ – КУЛЬТУРА – ЛИНГВОКУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК – СООБЩЕСТВО – КОММУНИКАЦИЯ*».

Будучи одним из важнейших конституэнтов данной парадигмы, лингвокультурология с самого своего рождения изучает, как говорила В.Н. Телия, «живодейственную связь языка и культуры». И поскольку носителем языка и представителем культуры является человек-личность (человек говорящий), то понятно, что данные феномены рассматриваются как неотъемлемые составляющие указанного единства. А раз так, то представляется вполне правомерным говорить о становлении нового направления исследований, стоящего на плечах целого ряда наук (лингвокультурологии, этнолингвистики, (этно)психолингвистики, культур-антропологии, этнопсихологии и целого ряда других), уходящего в них корнями и опирающегося на достижения указанных дисциплин, а именно: психолингвокультурологии (ПЛК) (см., напр., [Красных 2013]).

К числу базовых понятий ПЛК относятся *КУЛЬТУРА*, *ЛИНГВОКУЛЬТУРА*, *КОД КУЛЬТУРЫ*, базовой категорией является *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ*. В силу ограничений, накладываемых законами жанра, в настоящей статье будут кратко представлены именно данные феномены.

В рамках разрабатываемого подхода (ПЛК) *КУЛЬТУРА* понимается вслед за В.Н. Телия как «особая знаковая система, которая является продуктом многовековой, многослойной, непрестанно развивающейся и

меняющей свою конфигурацию деятельности в зависимости от форм осознания человеком мира» [Телия 2006б: 776]. Она предстает как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т. е. как *мировидение, миропонимание и мироощущение некоторого сообщества*. Иначе говоря, культура рассматривается как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в самом широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокупность обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой – *воспроизводиться и сохраняться*. В любом случае она поддается транслированию как синхронно (между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы; «горизонтальная» трансляция), так и диахронно (не только непосредственно межпоколенно – от одного поколения другому, но и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; «вертикальная» трансляция).

Следовательно, культура может рассматриваться и как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» (выделено мною. – В.К.) и может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [Лотман 1992]. Эти идеи Ю.М. Лотмана определенным образом, на мой взгляд, соотносятся с понятием *ОБРАЗА МИРА*, предложенным и разработанным А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]). Напомню, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и в то же время объективность. Многомерность образа мира обуславливается тем, что «в образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает только рефлексия, и это важно!)» [Указ.соч.]. Ср. с пониманием картины мира у М. Хайдеггера: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом.

Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [Хайдеггер. ЭР]. Образ мира субъективен, поскольку он складывается в процессе накопления прижизненного опыта, а объективен, поскольку соотносимость индивидуальных деятельностей в единой культурной среде обуславливает появление *общих компонентов сознания*. Кроме того, объективность образа мира достигается тем, что *познание* человеком действительности опосредовано *единой для всех* представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации *системой значений*. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Леонтьев 1975].

В нашей повседневной практике культура скорее «иррациональна», нежели «рациональна». Вместе с тем в случае необходимости мы можем отрефлексировать это «пространство общей памяти», эту совокупность представлений, иначе говоря – культуру. Правда, это всегда требует определенных усилий.

Формируясь в нас в процессе социализации, культура формирует нас как личность. Она пронизывает все наше бытие, но при этом зачастую не замечается нами, как не замечается нами воздух, которым мы дышим. Но как только меняется состав воздуха, мы тут же фокусируем на этом внимание и пытаемся понять причины изменений. Так же и культурой, которая ощутимо проявляется и становится заметной для нас в том случае, когда мы сталкиваемся с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. Думается, что частично это связано с тем, что культура, по Ю.М. Лотману [Лотман. Указ.соч.], имеет, помимо коммуникационной, еще и символическую природу. Последняя же обуславливается тем, что за знаками, которыми обмениваются личности в процессе общения, всегда стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для других (культурноносные смыслы языковых единиц, ритуалов, артефактов и под.).

Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексировуемо, то, что, выполняя определенные функции, лежит в основе культурной идентификации и самоидентификации личности или феномена.

Что касается *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, то она понимается как *культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык*. Лингвокультура является *лингво-когнитивным* феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, предстающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но *образами сознания*, облеченными в *языковые знаки*. Следовательно, изучение лингвокультуры необходимо требует выработки иных, новых методов исследований, методов интегративного характера, соответствующих комплексной (как минимум – лингво-когнитивной) природе анализируемых феноменов. «Семантика» лингвокультуры – это *культураносные смыслы, овнешненные в знаках языка*. Можно ли сказать, что лингвокультура «равна» образу мира или языковому сознанию? (Если так, то нет смысла вводить данный термин и обосновывать данное понятие.) Думается, что нет. И дело здесь в первую очередь в том, что языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, а лингвокультура – *только общие компоненты образа мира*, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность.

Как известно, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция культуры, при этом социализация происходит всегда в коммуникации, а коммуникация осуществляется всегда на некотором языке в условиях некоторой культуры. Основным, хотя и не единственным, каналом социализации по праву считается язык. Не требует доказательств тезис о том, что язык и культура связаны отношениями двунаправленной зависимости. В свете сказанного думается, что есть некое «пространство общей памяти», закрепленной именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где *культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают*, как писала В.Н. Телия [Телия 1996, 2006], *только как тела для знаков языка культуры*. Это «пространство» и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой).

Исходя из только что сказанного о лингвокультуре, представляется возможным утверждать, что в сфере культуры и лингвокультуры *ЯЗЫК* выполняет *ФУНКЦИЮ ОЗНАЧАЮЩЕГО*, а в роли *означаемого* выступают *культуросносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура* как таковая в представленном ранее понимании.

Понятие *КОДА КУЛЬТУРЫ* также относится к числу базовых понятий психолингвокультурологии. Не имея возможности подробно рассмотреть историю его становления, позволю себе кратко представить его понимание в рамках предлагаемого подхода. Следует подчеркнуть, что в данном случае ПЛК также во многом опирается на идеи В.Н. Телия (см., напр., [Телия 2006а, 2006б]).

Код культуры может трактоваться – как минимум – двояко, в зависимости от того, на чем в большей степени фокусируется внимание. Если делать акцент в первую очередь на культуре, то код культуры может рассматриваться как своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир и благодаря которой представители данной культуры этот мир членят, категоризируют, оценивают и под. Если отталкиваться от языковой составляющей, то код культуры предстает как совокупность имен или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культуросносными смыслами. С позиций ПЛК, стремящейся объединить данные подходы, код культуры может быть определен следующим образом: это формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именованных феноменов, функционально значимые для культуры смыслы [Телия. Указ. соч.], что обуславливает их (ментефактов) функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры.

Отталкиваясь от многократно высказывавшейся В.Н. Телия идеи, что базовой категорией культуры является человек-личность (что предопределяет и базовую оппозицию культуры – «достойно / недостойно»), следует, вероятно, признать базовой категорией лингвокультуры *ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО – НОМО LOQUENS*.

НОМО LOQUENS может быть определен как носитель сознания, полноправный член сообщества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в широком смысле данного термина: говорение – слушание – чтение – письмо, а также осмысление,

необходимо требующее участия языка). Как известно, чтобы стать личностью, необходимо пройти процесс социализации, т. е. освоить, усвоить и присвоить (интериоризовать) достижения культуры, созданные предшествующими поколениями. Таким образом, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция *КУЛЬТУРЫ* (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и под.). Основным (но не единственным) каналом, посредством которого это происходит, и основным (опять же не единственным) инструментом формирования личности как члена сообщества является *ЯЗЫК*, выступающий (в том числе) в роли означающего для культурно-носных смыслов. Соответственно, в процессе социализации происходит интериоризация *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*. Происходить социализация может только в *КОММУНИКАЦИИ*, ибо коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ «жития» и трансляции самой культуры и лингвокультуры. Без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность. Помимо этого, коммуникация – это канал и способ, посредством которого *СООБЩЕСТВО* себя являет, транслирует и трансформирует. Результатом социализации является личность, человек говорящий, носитель сознания. *СОЗНАНИЕ* (при этом, по А.Н. Леонтьеву, «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [Леонтьев 1972: 283]) всегда культурно маркировано и культурозависимо, ибо формируется в процессе социализации, в условиях определенной культуры, в пределах определенных сообществ (от семейного до национально-лингво-культурного). Иначе говоря, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ формируется как личность, как носитель СОЗНАНИЯ, как полноправный член некоторого СООБЩЕСТВА* (некоторых сообществ) *именно в КОММУНИКАЦИИ, впитывая в себя КУЛЬТУРУ данного сообщества с помощью* (в том числе) *ЯЗЫКА и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ именно с помощью ЯЗЫКА данного сообщества*. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. Однако социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социо-культурного контекста.

Далее, человек не только «сплетает язык внутри себя» [Гумбольдт 2000. ЭР] в процессе (в первую очередь) социализации, но и «вплетает себя в язык» [Там же] на протяжении всей своей жизни. Как уже неоднократно говорилось разными исследователями, язык связан с культурой отношениями двунаправленной зависимости, которая предполагает

взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность языка и культуры: как культура не может существовать без языка, так и язык немислим вне культуры. Так, например, Э. Сепир, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой (которая понимается им как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта», что соотносимо с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману и Я. Ассману [Лотман 1992; Ассман 2004]). И если язык, как писал Э. Сепир, «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает» [Сепир 1993: 42, 185, 193-194, 226]. Это утверждение вполне распространимо и на человека – члена сообщества. И поскольку человек говорящий в процессе своей жизни постоянно осуществляет какую-либо деятельность, т. е. все время что-то «думает», «делает» и «говорит» (даже если внешне кажется, что он ничего не делает), то мы можем смело утверждать, что *язык, культура и, соответственно, лингвокультура тесно сплетены в самом человеке и всегда стоят за любым проявлением его жизнедеятельности*. Кроме того, деятельность человека (и, соответственно, сама личность) всегда включена в общение, даже тогда, когда внешне человек остается один [Леонтьев 1961: 14]. Это значит, что жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык, культура и лингвокультура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется. Таким образом, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ*, будучи носителем *СОЗНАНИЯ* и находящийся в непрерывном процессе *КОММУНИКАЦИИ в рамках некоторого СООБЩЕСТВА*, «сплетающий внутри себя» *ЯЗЫК, КУЛЬТУРУ и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ* и «вплетающий себя» в *ЯЗЫК, КУЛЬТУРУ и ЛИНГВОКУЛЬТУРУ*, оказывается не только объектом, но и субъектом (творцом) языка, культуры, коммуникации.

В заключение следует отметить, что ПЛК – направление, которое во многом продолжает и развивает фундаментальные идеи В.Н. Телия, лежащие в основе современной лингвокультурологии. Это направление только-только начало заявлять о себе. Будет ли у него будущее, покажет время.

Литература / References

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

2. *Гумбольдт В. фон.* Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послел. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. URL: www.lib.rus.ec/b/325096/read
3. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М., 2011.
4. *Зыкова И.В.* О типах культурной информации во фразеологическом знаке // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 50. М., 2014. (см. наст. сборник)
5. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М., 2012.
6. *Красных В.В.* Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011, № 3, 3 (33). С. 106–110.
7. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб., 2008. С. 333–344.
8. *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12) С. 10–24.
9. *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.
10. *Красных В.В., Бубнова И.А.* Человек говорящий в свете психолингвокультурологического подхода // 10th International Congress Of the International Society of Applied Psycholinguistics. М., 2013. С. 55–56.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. URL: www.biblion.mobi/archive/genres/psychology/a.n.leontyev01.html
12. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. С. 251–261. URL: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html
13. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
14. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
15. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. URL: www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm
16. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
17. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006а. С. 6–14.
18. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. – Минск: «Універсітэцкае», 1994.
19. *Телия В.Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. – М.-Обнинск, 1995.
20. *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002.
21. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999.
22. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776–782.
23. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006б. С. 776–782.
24. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
25. *Хайдеггер М.* Время картины мира. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Vr_KartMi.php

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ГРАММАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Е.М. Лазуткина

INDICATIVE PARAMETERS AND THE GRAMMAR OF IDIOMS

E.M. Lazoutkina

ABSTRACT:

The article deals with the semantic and syntactic structure of idioms, that depends on the pragmatic characters of discourse and on indices of the speech. The author puts forward his own term – “discourse’s norm of idioms”. The syntactic schemes carry the linguoculturological information too.

Keywords: syntactic structure of idioms, indices of the speech, norm in discourse, linguoculturological information

Синтаксические модели фразеологизмов, морфологические характеристики их компонентов, дейктические параметры высказывания позволяют сделать вывод об уровне сложности их семиотической природы. Вводится понятие дискурсной нормы фразеологизмов. Отмечается, что данные модели несут также лингвокультурологическую информацию.

Ключевые слова: синтаксические модели фразеологизмов, дейктические параметры, дискурсная норма фразеологизма, лингвокультурологическая информация

1. Родина фразеологизмов и устойчивых выражений, как правило, живая разговорная речь. Синтаксические стереотипы яркого, образного описания событий и выражения интеллектуальных и эмотивных оценок закрепляются в коллективном сознании носителей языка как образцы широкой ассоциативной палитры речи-мысли. Они несут на себе отпечаток данного типа дискурса, в них отражается культурная атмосфера и особенности народного менталитета. Модусные оценки проявляются в прагматических параметрах высказываний, в семантико-синтаксической организации предложений, в разноуровневой палитре коннотативных элементов. Именно поэтому, вне зависимости от степени связанности и устойчивости компонентов, фразеологизмы составляют золотой фонд языковой системы как средства «с приращенным смыслом», универсальные по своей природе.

При фразеологизации образуется новый семиотический комплекс – форма, состоящая из форм, представляющая собой абстрактное осмысление типизированной ситуации. Исследование языка сквозь призму

речевых ситуаций – методологическая доминанта в разных направлениях современной лингвистики – берет свое начало в традиционном языкознании, философии, культурологии и психолингвистике. Ср. высказывание А.В. Добиаша: «Слово оказывается выпавшим из целого строения мусором» [Добиаш 1898]. Исследователи часто иллюстрируют языковую картину мира единицами лексического уровня, не упоминая значимости линейной организации высказываний. Но синтаксические структуры создают смысловую канву речи семантикой своих схем. Как номинативные сущности, модели создаются в процессе речи неосознанно и, следовательно, они также имеют специфическую «национальную окраску» отражения реальности.

Облигаторные морфологические характеристики компонентов фразеологических единиц, сложившиеся в той или иной тональности общения, позволяют сделать вывод о прагматических параметрах дискурса. В их грамматических характеристиках запечатлены отличительные особенности содержательной канвы того или иного типа текста – с параметрами речевого общения «я – ты – здесь – сейчас» или с координатами мысленного дейксиса, третьеличного нарратива. Ср. высказывание М.М. Бахтина об анализе речи: «Значимо всё сплошь» [Бахтин 1993: 22]. Ю.С. Степанов писал, что «нет абсолютных границ и между планами выражения и содержания: промежуточным слоем является *грамматика*, которая есть не что иное, как часть плана содержания, служащая оформлению всей остальной части содержания» [Степанов 1998: 54].

Устойчивые выражения мы представляем как линейные блоки информационных структур в аспекте их организации с определенными целями. Таким образом, дейктические координаты высказывания (временные, пространственные, социальные) для ориентации адресата могут быть разделены по принципу «дейктическое пространство субъекта речи» на тексты текущего фокуса сознания и отстраненного. Это дает возможность наблюдать способы представления знаний, способы включения информации в сложных по структуре высказываниях. Когнитивная доминанта в исследовании во главу угла ставит субъект: нюансы интерпретации связаны с манифестацией в высказывании субъектов речи и/или субъектов восприятия [Степанов 1980].

2. Среди устойчивых выражений выделяется особый класс предложений, которые обычно являются инструментом повествования. Тема «ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» обнаруживает существование в языке исторически сложившихся выражений, которые описывают жесты, мимику, позы, телодвижения как сигналы, симптомы внутренних ощущений, переживаний, эмоций; например: *Он поджал губы и вышел; Что,*

Иванушка, не весел? Что ты голову повесил? (П. Ершов). Это соматические речения.

Термин «соматические речения» принадлежит Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову [Верещагин, Костомаров 1990]. Соматические речения (далее – СР) – благодатная почва для исследования лингвистический онтологии; они иллюстрируют определение языка В. Гумбольдтом: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». И по использованию этих речений можно судить о языковой картине мира – о коллективном представлении о функциях частей тела, о формировании идеологием *голова, руки, глаза* и т. д. и о связи с концептами эмоциональной и интеллектуальной сфер человека – *РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТЫД, ГНЕВ, СТРАХ* и другими.

Скрытые, ненаблюдаемые состояния героев узнаются только по таким выражениям, следовательно, эти выражения – семиотические образования; например: *Отец увлекался, глаза его начинали косить, у рта подергивалась жилка – верный признак того, что он волнуется* (Б. Костюковский). Об этих знаках писал М.М. Бахтин: «Действительность внутренней психики – действительность знака... Внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак» [Бахтин 1993: 239; Алпатов 2005: 129]. М.М. Бахтин относил подобные выражения к эстетическим компонентам, считал их «объектным, изображенным словом»: слово «в сущности, показывается как **вещь**, оно не лежит **в одной** плоскости с действительным языком произведения: это – изображенный жест персонажа...» [Бахтин 1975].

К высказываниям с соматическими речениями следует применить понятие *дискурсной нормы*. Дискурсная норма СР имеет в своей основе существование грамматических предписаний способов выражения, идущих от моделей представления событий в речи [Пешковский 2001; Слобин 1984]. Исследование соматических речений в дискурсе является новым аспектом их исследования. Грамматические характеристики этих выражений, синтаксические образцы, в которых они появлялись, прежде не были предметом изучения. Показатели шифтерных категорий глаголов не рассматривались как коммуникативные стереотипы выражения смысла. Таким образом, соматические речения не рассматривались как единицы, включенные в ткань разговорной речи или повествования.

Этот тип выражений нельзя отнести к свободно конструируемым фразам, несмотря на большой спектр языковых возможностей при соотнесении нюансов внешних характеристик человека и его внутреннего мира. Это предложения с дейктическими координатами конкретных

речевых ситуаций, «привычных» для СР: большинство СР предполагает фигуру наблюдателя (здесь важно противопоставление плана речи и плана повествования, введенное Э. Бенвенистом), – а следовательно, предопределяет обязательность оценочного компонента. Оценка присутствует не только в лексемах, но и в семантике схемы предложения. Это сложные знаки с определенным морфосинтаксисом, которые формируют дискурс [Лазуткина 2005]. Становление подобных структур – семиозис: «от биологической ритуализации – к культурной». Знаки такого типа, по мнению Ю.С. Степанова, «характеризует каждую национальную культуру в ее противопоставлении другим национальным культурам той же цивилизации» [Степанов 1998: 135–136]. С этим связано и приращение культурного смысла выражений – самого важного для процесса фразеологизации явления [Телия 1996].

Дейктические функции выполняют указательные, личные местоимения, термины родства, местоименные прилагательные и наречия, предлоги, частицы, средства категории вежливости, а также формы шифтерных категорий глагола-предиката – вида, времени, лица. А.М. Пешковский впервые обратил внимание на особую роль этих средств и отнес их к субъективно-объективным категориям [Пешковский 2001]. См., например, СР первичного дейксиса *Руки не слушаются; Дух захватывает от восторга*, где оценка физического восприятия принадлежит говорящему: лексическая семантика глагола-предиката, форма наст. времени глагола несов. вида. Такие высказывания предполагают пресуппозиционный фон «Я чувствую, что...». Впрочем, видовая характеристика глагола не всеми исследователями включается в перечень «шифтерных значений» (термин О. Есперсена и Р. Якобсона). Е.В. Падучева считает шифтерной только категорию времени [Падучева 1996].

Вне ситуации речи роль говорящего выполняет наблюдатель; см., например, описание озабоченности и замешательства в третьеличном нарративе: *Он озабоченно сдвинул брови и закусил губу, затем устался глазами в землю и, почесывая затылок < ... >, проговорил...* (В. Богомолов).

При дейктических координатах мысленного дейксиса возможны как Я-предложения, например: *Я махнул рукой и вышел в гостиную* (А. Чехов); *Мы все и замерли, разинув рты.... Мы все стояли как громом пораженные* (Е. Попов), – так и Он-предложения, например: *...поднимется сейчас из-за стола, топнет ногой, колыхнет звездочкой да и выпроводит восвояси* (И. Евсеенко). В нарративе нередко эти координаты используются автором для описания сенсорно воспринимаемых динамичных процессов и для описания состояний и ощущений персонажей. Модус рассказчика сливается с модусом персонажа; например:

От дневной жары не осталось и следа, холодная мглистая сырость плотно охватывала тело (В. Богомолов).

3. Инструменты синтаксического анализа СР – понятия «модель предложения» и «синтаксическая позиция». Модели предложений (СР) своим составом и структурной значимостью синтаксических позиций представляют особый механизм интерпретации в системе языка. Названия частей человеческого тела предстают в СР как идеологемы – слова, наделенные особым смыслом, которые несут особую лингвокультурологическую информацию, формируют культурные концепты.

Слово *голова* в СР встречается часто. Жесты, которые человек производит головой, всегда характеризуют весь спектр человеческих эмоций, имеют особую значимость для адресата, например: *Сосед, как узнал, схватился за голову* (жест, говорящий об отчаянии, неожиданном расстройстве). Резкое движение головой является сигналом сомнения, несогласия, раздражения, обиды, недоумения; например: «– *Эти плашки-то хорошо колются, с ними я и сама справлюсь.*» *Сын дернул головой, как конь при звуке боевой трубы, посмотрел на нее: «сама справлюсь» – это как понимать?* (Ю. Красавин).

Помимо описаний жестов, т. е. собственно семантики соматических речений, несомненный интерес представляет определение семиотического статуса той или иной лексемы, называющей части тела, при построении высказываний. Так, например *голова* в русском языковом сознании ассоциируется с главными достоинствами человека, с его способностью осмыслять окружающий мир, руководить собой и другими. Тот факт, что это слово осознается носителями языка как идеологема, культурный концепт, демонстрирует семантико-синтаксическая организация предложений.

Главная функция головы – мысль, поэтому выражения *Парень с головой; У него голова на плечах* обозначают такое качество, как ум. Голова – вместилище ума, разума, смекалки, сообразительности. Так следует из выражений, построенных на метонимических переносах; например: *Бриан – это голова* (И. Ильф и Е. Петров). Язык показывает, что «часть тела человека замещает самого человека в осуществлении им интеллектуальной деятельности и символизирует интеллектуальное пространство сознания» [Гудков, Ковшова 2007: 163]. Соответственно, и в коррелятивных предложениях с негативной оценкой: *Безголовый; Свою голову не пришьешь; У него с головой не все в порядке; Крышу снесло; Без царя в голове; Он от любви голову потерял; Все неприятности на его голову; Где была твоя голова, когда ты это делал?*

Слово *голова*, чаще с определениями-прилагательными, занимает в предложениях мысленного дейксиса синтаксическую позицию предиката, что свидетельствует о фокусном положении этого слова в предложе-

нии; например: *Ты светлая голова, далеко пойдешь; Он всему делу голова; Бедовая головушка, сам себя наказывает*. Таким образом, в синтаксисе показывается смысловое развитие слова и его вхождение в зону *признаковых слов*, что, безусловно, свидетельствует не только о наличии в языке культурного концепта, но и об образовании символа «ГОЛОВА». Ср. определение символа М.Л. Ковшовой: «Символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [Ковшова 2013: 211].

Голова человека может быть в том или ином не зависящем от воли человека положении и состоянии. Постоянные свойства и временные состояния головы, как правило, обозначаются в двусоставных предложениях (подлежащее – *голова*). Часто такие предложения содержат имя, называющее субъекта состояния (субъекта речи), в косвенном падеже; например: *У меня голова распухла от этих дум; У меня легкая голова*. Реже встречаются предложения, содержащие словоформу в косвенном падеже, называющую субъекта состояния, не являющегося субъектом речи. Обычно они содержат отрицательную оценку поведения или состояния человека говорящим-наблюдателем; например: *У старика плохо с головой*.

Голова предстает как вместилище неожиданных и неконтролируемых процессов, связанных с содержанием мыслительной деятельности человека. Структура предложений, обозначающих спонтанные процессы, следующая: позицию субъекта субъекта-подлежащего занимают имена, которые в системе языка получили пропозициональное осмысление, – названия мыслей, чувств, психологических состояний, содержащие в своем значении архисему базового концепта (когнитивной категории) – «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». В сложных предложениях содержание мыслительных процессов может обозначаться придаточным изъяснительным; например: *Ему втемяшилось в голову, что он сможет поступить в институт; Ему ударило в голову, что выход найден*. Спонтанность действий подчеркивается особым порядком слов, свойственным предложениям рематического строения, результативным конструкциям: глагольное сказуемое предшествует подлежащему, а также структурой безличных предложений, которые своей синтаксической семантикой предназначены для обозначения неконтролируемых, стихийных процессов, например: *У меня вертится в голове недавний разговор; Ему стукнуло в голову вынести клетки с птицами во двор; Ему пришло в голову позвонить друзьям; В голову лезет всякая ерунда; В голове мелькнула догадка; Ей, конечно, и в голову не могло прийти такое; Совсем вышло из головы: нас же соседи приглашали*.

Значительно меньше предложений со словом *голова*, обозначающих целенаправленное поведение человека по отношению к ментальным процессам, которые по сути своей представляются как неконтролируемые. Я-предложения редки. В координатах первичного дейксиса встречаются преимущественно высказывания с модальностью долженствования – предложения-рекомендации с глаголами в форме повелительного наклонения, например: *Выбрось из головы; Не бери в голову; Приложи голову, чтобы решить этот вопрос.*

4. Среди соматических речений выделяется большой класс зоологизмов. Эти устойчивые выражения часто имеют дополнительную семиотическую нагрузку: нередко они не только репрезентируют внутреннее состояние животного, но и перекидывают мостик к характеристике человека – к ситуативной характеристике в момент речи или к постоянному свойству человека. Кроме того, эти фразеологизмы нередко проецируются на отображение процессов в социальной, политической сфере.

Мысленный дейксис присутствует в устойчивых выражениях из класса зоологизмов, которые позволяют включить их в типизированный дискурс, сделать прогноз относительно следующих высказываний и сентенций говорящего.

***Вертит хвостом**, воображает. А ведь ничего особенного в ней нет.*

Наша-то перышки чистит, видно, собирается куда-то вечером.

Ее только по шёрстке надо гладить: замечаний не терпит.

***Против шёрстки** – ни-ни!*

Он нос по ветру держит, всё учитывает.

У него рыльце в пушку, поэтому помалкивает.

Везде сует свой нос.

Тянет кола за хвост ('медлит с решением, с действием').

Он сразу наострил уши, стал спрашивать меня (обозначение внимания, настороженности, заинтересованности).

Уши – чуткий орган, по которому можно судить о разных состояниях животных. Ср. высказывание о человеке по аналогии с поведением животного. Возможно, следующие фразеологизмы также имеют в своей основе описание поведения человека по отношению к животному или опыт общения человека с животным: *Этот довод притянут за уши* ('искусственно привязан к чему-н.' [Гудков, Ковшова 2007: 276]); *От этой еды его за уши не оторвешь*; *Его тянут за уши в этой музыкальной школе*; *Давно надо домой идти, а ты развесил уши и сидишь-слушаешь*. Ср. также: *Его надо держать на коротком поводке.*

Таким образом, использование понятия «дейктические координаты» в исследовании устойчивых выражений позволяет выявить грамматические характеристики высказывания в дискурсе, что дает ключ к их правильной интерпретации. Семантико-синтаксический анализ высказываний показывает особенности когнитивной и культурологической оценки соматических процессов. Описание дискурсивной нормы соматических речений может быть использовано для составления грамматических помет в толковых и страноведческих словарях.

Литература / References

1. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
2. *Бахтин М.М.* Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). М., 1993.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975.
4. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Пласт соматических речений в русском языке и его значение для лингвострановедения // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. С. 162–168.
5. *Гудков Д.Б., Ковинова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. 2007.
6. *Грякалов А.А.* Михаил Бахтин и Ян Мукаржовский: знаки пути к человеку // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 79–102.
7. *Добиаш А.В.* Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т. 16. Нежин, 1898.
8. *Ковинова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М., 2013.
9. *Лазуткина Е.М.* Грамматическая обусловленность устойчивых выражений (на материале соматических речений) // Грани слова. Сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М., 2005. С. 104–109.
10. *Падучева Е.В.* Эгоцентрические элементы языка. Режимы интерпретации // Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
11. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
12. *Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития прагматики // Психолингвистика. М.: 1984.
13. *Степанов Ю.С.* Семиотическая природа языка: (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. Сер. Лит и яз. Т. 32. 1980, № 4. С. 340–355.
14. *Степанов Ю.С.* Гетерогенные и гомогенные знаковые системы. Логические парадоксы // Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 133–141.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ КАК МАРКЕРЫ ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А.Э. Левецкий

PRAGMATIC IDIOMS AS COMMUNICATION INDICATORS IN PRESENT-DAY ENGLISH SPEAKING CULTURE

A.E. Levitsky

ABSTRACT:

Pragmatic idioms are language units which function as verbal reactions to interlocutor's remarks or the whole situation of communication. They reveal different aspects of the utterance producer's intention. Those language units represent the background lexis as the national and cultural markers of communication process.

Keywords: pragmatic idioms, speaking culture, interjections, functional re-orientation, focusing, background knowledge

Прагматические идиомы как языковые единицы с функцией реакции на слова собеседника или ситуацию общения указывают на разные аспекты коммуникативного намерения продуцента высказывания. Рассматриваемые единицы относятся к фоновой лексике, являясь национально-культурными маркерами процесса коммуникации.

Ключевые слова: прагматические идиомы, лингвокультура, междоиметия, функциональная переориентация, фокализация, фоновые знания

В современной лингвистике значительное внимание уделяется исследованию языка как маркера культуры [Красных 2012; см. тж. Воробьев 2008; Карасик, Ярмахова 2006; Маслова 2004; Молчанова 2013; Токарев 2009; Тхорик, Фанян 2005; Kramsch 2003]. Номинативный фонд языка привлекает наибольшее внимание языковедов [Телия 1994; см. тж. Телия 1996], а в его изучении значимое место занимают работы, ставящие своей целью раскрытие важности лингвокультурной информации, закодированной в идиоматике [Ковшова 2009; см. тж. Алефиренко, Аглеев 2013].

ФЕ представляет собой тип словесного комплекса, в структурном отношении утратившем словесную членимость, претерпевшем дестимологизацию и лишившемся образной мотивированности. При этом значение идиомы выводится на основе логических импликаций, что и обуславливает несоответствие «суммы значений» исходного сочетания слов с метафорически сформированным значением. Слова-компоненты пере-

ориентированного сочетания «отрываются» от своей области референции и переключаются на новую референтную отнесенность не за счет суммы значений слов, а отталкиваясь от того значения, которое, включаясь путем выводного знания в новый фрейм, не имеет со своим источником ничего общего, кроме мотивации [Телия 1996: 142–143].

Идиомообразование в его типовом проявлении представляет такой процесс метафоризации, который синтезирует в себе выводное знание о денотате, никогда не вытекающее из значения компонентов ФЕ, а из знаний о свойстве обозначаемого; ценностной квалификации единиц номинации; восприятия образной гештальт-структуры; учета социально значимых условий речи для употребления ФЕ [Там же: 150]. Полимотивационность образной гештальт-структуры – скорее норма, чем исключение. Для ее обеспечения действует не только психологическая поддержка, но и поддержка кодовая, апеллирующая к языковой компетенции носителей языка [Там же: 198]. Тем самым, образная гештальт-структура представляет собой, во-первых, редуцированный образ, существующий в языковом сознании параллельно с образом прототипическим; во-вторых, квазиденотат, соотносимый не с обозначаемым идиомой, а с его подобием; в-третьих, воздействует на психоэмоциональную сферу коммуникантов [Там же: 201–202], а также является неким маркером культуры. Таким образом, налицо лингвокультурная функция идиом.

В ходе коммуникативной деятельности человек, выбирает из языка объективные факторы, которые регламентируют процесс порождения высказывания и придают ей социально-облигаторный характер. При этом понижается «вес» субъекта коммуникативной деятельности [Телия 1991: 39]. Вводя элементы картины мира, относящиеся к узусу, в свою коммуникативную деятельность, продуцент, использует объективные факты языка, субъективируя их в зависимости от своей интенции и ситуации общения. При том, как в процессе коммуникации, так и в языке фиксируются прагматические оттенки значения. Но если в языке они находятся в латентном состоянии, то в коммуникативной деятельности они актуализируются.

Коммуникативный статус прагматических данных выражается либо через эмоции коммуникантов, либо носит характер фонового знания. Апеллирование к коммуникативному статусу прагматического компонента объясняет, на наш взгляд, общие особенности функционирования единиц с прагматической окраской. Поэтому не даром в ходе своего функционирования номинативные единицы проявляют свои прагматические значения в тесной связи с их коммуникативными задачами и фиксируются на уровне коннотаций, ассоциаций и лексического фона. Однако целый ряд частиц и отдельных морфологических и лексических

элементов, а также синтаксических структур имеют четко выраженную прагматическую ориентацию (фокализацию), сильный эмоционально-оценочный заряд [Levitsky 2012].

Процесс фокализации номинативной единицы в дискурсе может быть обусловлен различными причинами – совпадением либо сходством объектов, свойств, состояний, признаков и т. д., их контрастом, ассоциативными связями, совпадением/контрастом фоновых знаний и т. д. Таким образом, фокализация, вслед за Т.А. ван Дейком, трактуется нами как функция выбора, имеющая своими аргументами реальное состояние восприятия, знания, желания, интересы и т. п., причем как эти аргументы, так и их конкретные реализации принимают значение из всей области воспринимаемых (мыслимых) фактов [ван Дейк 2013]. В результате этого подхода под прагматическим фокусом может быть понят акт выбора (передаваемой информации), критерием для которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия её участников. В прагматический фокус попадает множество фактов и суждений, релевантных непосредственно для контекста данной коммуникации.

Действующий субъект в ходе коммуникации делает соответствующий выбор в области прагматической маркированности ради нахождения способа номинации, употребления языкового знака и воздействия на смысловое поле собеседника. Соответствующие действия, составляющие сущность прагматической фокусировки и маркированности языковых единиц, тесно взаимосвязаны и протекают в речевой деятельности одновременно. Их разделение носит условный характер, поскольку возможно только при рассмотрении коммуникативного акта с разных сторон.

Достаточно сильным прагматическим зарядом характеризуются прагматические идиомы, в семантике которых представлены фоновые знания как особый вид значения единицы номинации. Фоновые знания носителей языка, как правило, ассоциируются с языковыми единицами, являющимися хранилищем коллективного опыта народа-носителя [Томахин 1988: 82]. С их помощью данный опыт передается от поколения к поколению. Фоновые знания – явление культурно-языковое, лежащее на пересечении этнопсихологии, культурологии, истории народа и языкознания, в частности, прагмалингвистики и смыкается с понятием пресуппозиции. Как и пресуппозиция, фоновые знания определяют активность экономии языковых усилий. В процессе коммуникации, однако, пресуппозиция включает в себя весь объем экстралингвистических знаний, основывающихся на личном и общественном предшествующем опыте, логических умозаключениях и, наконец, фоновых знаниях как культурном достоянии всей нации. В этом смысле, фоновые

знания облегчают процесс общения и являются базой адекватного взаимопонимания коммуникантов.

Национально-культурное своеобразие особенно наглядно проявляется в функции прагматических идиом: *Boo!* (англ.) = *о це так!* (укр.) = *вот это да* (русс.); *rabbit!* (англ.) = *дзуськи!* (укр.) = *дудки!* (русс.); *go fly a kite!* (англ.) = *провалюй!* (укр.) = *пошел вон!* (русс.).

Подобные единицы могут указывать на разные аспекты коммуникативного намерения продуцента высказывания. Неслучайно их называют прагматическими идиомами (прагмемами), или синтаксическими фразеологизмами, поскольку они выступают готовыми формулами речевого этикета, например, *Keep your shirt on; It's so generous of you!* Особо следует отметить важность данных языковых единиц в выражении вежливости, имеющей значительную прагматическую ценность для акта коммуникации: *It's (very) good/kind of you!*

К прагматическим идиомам относятся языковые единицы со значением реакции на слова собеседника или ситуацию общения. Будучи вовлеченными в коммуникативную деятельность в качестве ее активного компонента, они приобретают некоторые качества, характерные знаменательным знаковым единицам: 1) данные единицы как звуковые сигналы эмоций могут приобретать самый существенный лексический признак – становиться номинативной единицей; 2) активно проявляют коммуникативную функцию; 3) служат базой функциональной переориентации, а также возникают в ее результате, т. е. участвуют в преобразовании одних языковых знаков в другие.

Процесс декодирования сообщения, состоящего из прагматических идиом, может быть адекватен только с учетом всего речевого контекста, а также социальных и лингвокультурных особенностей носителей языка. Несмотря на примерное соответствие концептуальных картин мира у людей, разговаривающих на разных языках, значительные отличия в языковых картинах мира фиксируются в полном объеме на примере коммуникативов: ср. русс. *Открыл Америку!* и англ. *Queen Ann is dead!*, русс. *Дудки!* и англ. *Rabbit!* Способность языковых знаков передавать разнообразную гамму эмоций, чувств, переживаний приводит к функциональной омонимии, которая может послужить причиной нарушения акта коммуникации. К примеру, ср.: – *Whose hat is this? – This is my hat.* и *My hat, I can't believe you.*

На примере данных языковых единиц особенно наглядно прослеживается синонимия простых и сложных языковых знаков типа *Go fly a kite!* и *Away!*; *Really?* и *Is it?*

В качестве прагматических идиом выступают традиционные междометия (*Oh!*, *Alas!* и др.). Вместе с тем, ярким маркером современной английской лингвокультуры является то, что в результате функцио-

нальной переориентации [Левицкий 2001] подобные семантические, а также прагматические функции начинают выполнять и другие языковые единицы: 1) относящиеся к тому же языковому уровню, т. е. лексическому: *Indeed?, Come!, Say!, Fancy!*; 2) генетически связанные с языковыми единицами других уровней: а) морфологического (*Super!*); б) синтаксического: словосочетаний (*My foot!, Far from!*), предложений (*I'm from Missouri!, Queen Ann is dead!*).

Прагматическая функция данных переориентированных образований состоит в том, чтобы не только представлять коммуникативное намерение говорящего, нести определенную иллокутивную силу высказывания, но и в модификации иллокутивной силы речевых актов. Среди коммуникативов выделяются единицы, выступающие как безличный комментарий по поводу вероятности утвердительной пропозиции содержания высказывания (*Have it coming!, Hear! Hear!* и т. д.), а также одновременно усиливающие иллокутивную силу речевого акта.

Новообразованные прагматические идиомы, используемые для установления, завершения или поддержания акта коммуникации, способны выражать главные и второстепенные прагматические значения в высказывании. Отметим также важность данных языковых единиц в выражении вежливости, имеющей значительную прагматическую ценность для акта коммуникации, а также национально-культурную маркировку. В английском языке этой цели служат: *It's (very) good/kind of you!, How are things (with you)?, How are you keeping?*

Специфика коммуникативной семантики данных единиц, которые присутствуют в вербальной памяти коммуникантов как одно целое и часто используются в соответствующих ситуациях общения автоматически [Медведева, Медведева 1992: 18], их существенная роль в вербальном общении и его организации доказывают взаимосвязь между языковой и коммуникативной компетенцией. Функционируя в качестве метатекстовых средств, организующих пропозициональную информацию, они выступают прагматическими маркерами высказывания.

Особенностью функционирования эмоциональных переориентированных единиц служит их возможное употребление в тех случаях, когда отсутствует адресат информации [Алефиренко 1996: 17]. Несмотря на то, что их использование не производит прагматического эффекта на слушателя/слушателей ввиду их отсутствия, говорящий все же отражает свое отношение к предметам или явлениям окружающего мира, превращаясь одновременно в адресата, т. е. использование прагматической идиомы все же функционально обусловлено, поскольку служит цели снятия напряжения (*Oh, God!, Dear me!, Nuts!* и т. д.). Подобный «выплеск», как правило, негативных эмоций позволяет достичь желаемого

эффекта облегчения психического состояния индивида. О возможности «нулевого диалога» писал еще С. Карцевский [1984: 131-135].

Современный английский язык изобилует подобными образованиями. Поскольку прагматические идиомы выступают маркерами лингвокультуры, они используются в целом ряде речевых ситуаций, выражая: а) согласие/несогласие (*Yes!, Agreed!, Shake!, No!, Put it there!, No deal!*); б) побуждение, команду, призыв (*Stop it!, Come!*); в) различные оценки сказанного собеседником: неодобрение (*Stuff and nonsense!*), предостережение (*Fair and softly!*), отсутствие интереса (*I don't care!, Big deal!, Break my heart!, I should care!, What's the percentage?, What do I do now, cry?*), удовлетворение (*Everything's cool, OK, Poger, Righto, We have lift-off*), обеспокоенность (*Buggeration!, Come off it!, Don't get funny!, Don't mind me I only live/work here!, Forget it!*), насмешку (*Been and gone and done it*), презрение (*Be hanged!, Nuts to you!, Phooey!, Pooh!, The hell with it!*) и др.

Количество же значений полифункциональных прагматических идиом зависит от числа их функций, например: *My stars and garters!, Bless my stars and garters!, Tonight's the night!* в зависимости ситуации общения могут передавать удивление, восхищение, негодование или разочарование.

Особый функционально-лингвистический статус подобных образований объясняется не столько их идиоматическим характером, сколько их использованием в конкретных ситуациях общения. Их стереотипность для конкретных коммуникативных ситуаций вместе с тем допускает и некоторую окказиональность в выражении тех или иных эмоций и чувств: *Cliff: She can't think. Jimmy: Can't think! She hasn't had a thought for years!* (J. Osborne).

Рассматриваемые единицы относятся к фоновой лексике, являясь национально-культурными маркерами процесса коммуникации. Культурно релевантными выступают как их значение, так и форма. Мотивация данных идиом основывается на особенностях восприятия мира носителями языка, базируясь на этноспецифических показателях их материальной и духовной культур. Так, в современной английской лингвокультуре широко используются единицы эвфемистического плана для имени Бога (*Chist!, Lord!, Father!, Gosh!, Goodness!, Dear!, My!* и др.). Это же касается употребления единиц с негативным культовым компонентом (*hell, helluva, devil, damn, dammit, damnable, fucking* и т. д.). Свидетельством повышенной частотности употребления данных идиоматических образований является и возможность повторной модификации их структур: *That's a boy! > Attaboy! – Молодец!*; *For God's sake! > Godssakes! – Раду Бога!*; *For Christ's sake! > Chrissakes! – Раду Бога!*; *By Jesus! > Bejabbers (Bejabers, Bejesus)! – Боже мой!*; *By our Lady! >*

Byrlady! – *Матерь Божья!*; *God's wounds!* > *Zounds!* – *Боже избави!* и др.

Функционально переориентированные единицы, которые приобрели новые прагматические функции, несут на себе черты окказиональности, являясь продуктом индивидуального речетворчества. Подобные инновации не имеют широкого употребления в высказываниях на современном этапе развития языка, ограничиваясь определенными контекстами, они основаны на индивидуальности когнитивного процесса «высвечивания» и требования ситуации общения, а следовательно, имеют ограниченную сферу своего употребления. Их прагматическая маркированность носит ингерентный характер и проявляется в любом акте их словоупотребления. Прагматический заряд обычно соотносят с коннотативным – оценочным и эмоциональным. Однако в последнее время трактовка прагматической маркировки единицы номинации существенно расширилась за счет включения в него экспрессивных характеристик, столь характерных для окказионализмов. В конкретных ситуациях коммуникации они могут служить стимулом, побуждающим реципиента к участию в общении. При опосредованном общении окказионализмы имеют аналогичную прагматическую направленность, выступая, прежде всего, средством привлечения внимания.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Алефиренко Н.Ф., Аглеев И.А.* Когнитивная метафора и фраземосемиозис // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород, 2013. С. 29–32.
2. *Алференко Е.В.* Прагматическая значимость междометий и междометных высказываний в современном немецком языке // Современные прагмалингвистические исследования романских, германских и русского языков. Воронеж, 1996. С. 16–19.
3. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М., 2008.
4. *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
5. *Карасик В.И., Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чужак». М., 2006.
6. *Карцевский С.* Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984, № 6. С. 127–137.
7. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
8. *Красных В.В.* Конструирование культурной и лингвокультурной идентичности // Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Тезисы докладов VII междунар. научно-практ. конф. М., 2012. С. 10–11.
9. *Левицкий А.Э.* Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. Житомир, 2001.
10. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2004.
11. *Медведсва Л.М., Медведсва Н.Ю.* Англо-українсько-російський словник усталених виразів. Київ, 1992.

12. *Молчанова Г.Г.* Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013, № 2. С. 20–26.
13. *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке и речи. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36–66.
14. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. в 2 ч. Ч. 1. Минск, 1994. С. 14–15.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
16. *Токарев Г.В.* Лингвокультурология. Тула, 2009.
17. *Томахин Г.Д.* Прагматический аспект лексического фона слова // Филол. науки. 1988, № 5. С. 82–86.
18. *Тхорик В.И., Фанян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М., 2005.
19. *Kramsch C.* Language and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2003.
20. *Levitsky A.* Focusing as a Discourse Strategy of Information Presentation // Discourse Interpretation: Approaches and Applications. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 131–148.

ВРЕМЕННАЯ ОСЛОЖНЁННОСТЬ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.М. Масленникова

TEMPORARY COMPLICATIONS OF CULTURALLY MARKED IDIOMS IN FICTION

Е.М. Maslennikova

ABSTRACT:

This paper discusses the peculiarities of culturally marked idioms used in literary texts and the specification of their translation. The existing system of society norms and values is reflected in such idioms that are actively involved in the formation of specific codes.

Keywords: culturally marked idioms translation, interpretation

В работе обсуждаются особенности функционирования культурно-маркированных фразеологизмов в художественном тексте и сложности их передачи при переводе.

Ключевые слова: фразеологизмы культурной семантики, перевод, интерпретация

Исследование фразеологического состава языка в контексте культуры предполагает «описание механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие фразеологизмов <...> с культурной семантикой “языка” культуры» [Телия 1999: 23] и последующее развитие рефлексивной способности к культурной референции, так как невозможно восстановить область соответствующих эмотивных коннотаций, стоящих за подобными фразеологизмами, без знания предыстории их появления и закрепления в языке и в культуре. Художественные тексты выполняют функцию передачи социально-культурного, практического и чувственного опыта. Кроме этого, в них поддерживаются и реализуются скрытые манипулятивные интенции, сложившиеся в социуме и, как правило, распознаваемые массовым реципиентом, возможно (не)разделяющим их в силу отдельных причин.

Как часть символика культуры (термин В.Н. Телия), фразеологизмы требуют культурной интерпретации: они приобретают дополнительные коннотативные смыслы, позволяющие, например, начать процедуры идентификации и дистанцирования в рамках оппозиции МЫ ↔ ОНИ как СВОЕ ↔ ЧУЖОЕ. Исторически англичане относились с предубеж-

дением к представителям других наций (*double Dutch* ‘тарабарщина’, *Spanish money* ‘одни только слова’ и др.). Медсестра-англичанка объясняет причину неприязни к женщине, используя выражение *tar-brush* (буквально ‘кисть для нанесения дёгтя’), которое подчёркивает «небелое» происхождение человека и наличие у него примеси индейской или негритянской крови:

She was ... and sort of dark and slinky-looking, if you know what I mean. Quite nice-looking in a kind of way, but rather as though she might have what my mother used to call “a touch of the tar-brush” (A. Christie. *Murder in Mesopotamia*). = Она была ... смуглая, изящная, если вы понимаете, что я имею в виду. До некоторой степени привлекательная, но с довольно сильным влиянием того, что моя мама называла «примесью негритянской крови» (А. Кристи. Убийство в Месопотамии; перевод Л. Девель).

Камуфлирующая функция фразеологизма *touch of the old tar* служит для сокрытия негативного отношения к «чужим»: скорее всего, русскоязычный читатель не сможет понять, что именно руки выдают неанглийское происхождение местного богатого владельца скаковых лошадей.

It was his hand, darkly tanned, with the faint bluish tint under the finger-nails, that I knew... “You know why Mr. Clifford bloody Tudor lives at Brighton? It gives him an excuse to be sunburnt all the year round. Touch of the old tar, really” (D. Francis. *Dead Cert*). = Я узнал именно его руку, Загорелую, с синеватым отливом под ногтями... – Ты знаешь, почему мистер Клиффорд – этот сволочной Тюдор – живет в Брайтоне? Это дает ему возможность не объяснять всем и каждому, почему он ходит загорелым круглый год. Будто его просмолили, правда? (Д. Френсис. Фаворит; перевод С. Болотнова и Т. Сикорской).

Поскольку в художественном тексте используемые средства находятся в прямой зависимости от программируемых ими смыслов, а также опираются на имеющиеся у читателя представления о корреляции средств и смыслов в привычной для него их коррелятивности, то возникает проблема интерпретации фразеологизмов культурной семантики. Этимологически *a daughter of the horse-leech* ‘ненасытная вымогательница, кровопийца’ восходит к строке из главы «Книги притчей Соломоновых» (*Proverbs XXX: 15*), где обличается безграничная алчность. Переводчики обращают внимание на признаки объекта *horse leech* ‘конская пиявка, паук’, поэтому невозможно понять, у кого в детективе А. Кристи украли кольцо: у чьей-то дочери? или герой пытается усилить своё негативное отношение к ограбленной вульгарной богачке?

The blood-red ruby of the horse leech’s daughter? (A. Christie. *Death on the Nile*). = Кроваво-красный рубин, надетый на лошадиное

копыто миссис Линч? (А. Кристи. Смерть на Ниле; перевод Е. Васильевой) = Кроваво-красный рубин ее дочери пиявки? (А. Кристи. Смерть на Ниле; перевод С.Н. Павловой).

Считается, что «идиоматическая метафора часто строится на психологическом символизме», когда «сама метафора передает предсознательную и сознательную коммуникации в языке и искусстве» [Блум 2004: 2004]. В понятийном аппарате деловой англоязычной коммуникации есть традиция использовать выражения со словами, обозначающими реалии быта, при описании ситуаций, связанных с потерей работы (типа *be in the cart* 'иметь серьезные, в том числе финансовые, проблемы', *tie a can on* 'уволить' и т. д.). В таких случаях передача оценочности осуществляется имплицитно, но, тем не менее, они являются своего рода способом кодирования национально-специфических ценностей. Влиятельный адвокат угрожает директору школы увольнением, обещая, что тот, потеряв в жизни всё, станет самым презируемым членом общества – бродячим торговцем. В переводе срабатывает принцип влияния и слияния возникающих смыслов.

And when I'm done with you, you'll be lucky to get a job selling encyclopedias door to door (S. King. *Carrie*). = А когда я с вами покончу, то вам сильно повезет, если удастся получить работу швейцара (С. Кинг. Кэрри; переводчик не указан).

Существование подобных культурно-маркированных фразеологизмов обусловлено сложившимися внутрисоциумными установками.

Осложнённые временные показатели препятствуют читательскому предвосхищению направления дальнейшего развёртывания художественного текста, особенно если тот обладает как языковой, так и культурной спецификацией: «воздействие <...> фразеологического знака осуществляется одновременно в разных областях – в пространстве языковой семантики и в пространстве культурного знания» [Ковшова 2007: 162]. Использование слова *French* в составе свободных и связанных словосочетаниях типа *French ache / disease / fever / gout / measles / pox* и т. д. предполагает негативную оценочность, когда с одновременной подсознательной установкой на негативное восприятие ЧУЖИХ реализуется максима такта по отношению к СВОИМ. Подобные случаи предполагают активизацию сформировавшихся лингвокультурных установок. За шекспировским выражением *a French velvet* стоят культурные смыслы, при этом отмечаемое усиление имплицитных интенций сопровождается особой экспрессивностью получаемых образов: в основе каламбура – слова *kersey* 'грубое домотканое сукно', *piled velvet* 'ворсовый бархат', *list* 'край, обрезок (сукна)' и *tainted* 'загнивающий, нечистый':

FIRST GENTLEMAN. *Well, there went but a pair of shears between us.*

LUCIO. *I grant; as there may between the lists and the velvet. Thou art the list.*

1. GENT. *And thou the velvet - thou art good velvet; thou'rt a three-pil'd piece, I warrant thee. I had as lief be a list of an English kersey as be pil'd, as thou art pil'd, for a French velvet. Do I speak feelingly now?*

LUCIO. *I think thou dost; and indeed with most painful feeling of thy speech. I will, out of thine own confession, learn to begin thy health; but, whilst I live, forget to drink after thee.*

1. GENT. *I think I have done myself wrong, have I not?*

2. GENT. *Yes, that thou hast; whether thou art tainted or free.*

(W. Shakespeare. Measure for Measure)

Культура аккумулирует в себе социальную память, поэтому переводчику надлежит определить синхронно-диахронную нагрузку словосочетания *the French velvet* относительно того, имеет ли оно отношение к текстильной промышленности Франции или становится переосмысленным.

Первый дворянин
*Мы оба с тобой из одного куска
выкроены.*

Люцио
*Согласен. Как кромка и бархат.
Ты – кромка.*

Первый дворянин
*А ты бархат, штука дорогого
бархата с самым тонким ворсом. Но
я предпочту быть кромкой англий-
ской карзеи, чем быть таким облез-
лым – под французский бархат, как
ты. Я-то уж знаю, о чем говорю.*

Люцио
*Еще бы не знать. И, видно, не
дешево далось тебе это знание.
После того как ты сам сознался,
мне остается пить за твое здоро-
вье, но только не из твоего стакана.*

Первый дворянин
Кажется, я дал маху?

Второй дворянин
*Да, дал; все равно, заразился ты
или здоров.*

У. Шекспир. Мера за меру

Первый дворянин
Мы с тобою одним миром мазаны.
Люцио
*Пусть так; но чем тебя ни мажь,
сути твоей не замажешь.*

Первый дворянин
*Зато ты свою замазал притирань-
ями да мазями. Уж лучше быть та-
ким-сяким намазанным, чем француз-
ской мазью мазаться. Ну что, чувст-
вуешь, как тебя смазал?*

Люцио
*Чувствую мазилу, опытного в ма-
зях. Чувствую, и поздравляю, и пью за
твое здравие, но только не после тебя,
не из твоего кубка.*

Первый дворянин
Я что ж, выходит, зараженный?

Второй дворянин
*Заражен ты или нет, а поражен
метко.*

У. Шекспир. Мера за меру
(перевод О. Сороки, 1990 г.)

(перевод М.А. Зенкевича, 1949
г.)

Приведём пример употребления словосочетания в его прямом значении:

... *and the French velvet that went with my lord your father – (be gracious to him!) – my lord your father's auld wardrobe to the puir friends of the family...* (W. Scott. The Bride of Lammermoore).

Если перевод – это одно из проявлений межкультурного общения, то одной из предпосылок успешности данного вида двуязычной коммуникации становится не только общность собственно языкового кода, но и общность культурного кода. Современники В. Шекспира расшифровывали причину, по которой Полоний назван во втором акте трагедии «Гамлет» (1603) *a fishmonger*, поскольку существовало выражение *a fishmonger's daughter* ‘проститутка’ (буквально: ‘дочь рыбака’), но современных читателей столь «затемнённая» сторона выражения сбивает с толку, поэтому в русских переводах XIX века он оказывается *рыбаком* (А. Кроненберг), *торговцем живностью* или *торговцем мясом* (П.П. Гнедич). Когда в четвёртом акте Офелия говорит о том, что «дочь пекаря стала совой», то выражение *a baker's daughter* косвенно указывает на её свершившееся падение: по каким-то причинам дочери пекаря считались легкомысленными девицами.

Прочтение фразеологизма вне контекста культуры не позволит выйти на определенный фрагмент образа мира, стоящего за ним. Межкультурная (или этнопсихолингвистическая) составляющая переводческой деятельности играет особую роль в случаях, касающихся разрешения неоднозначности и преодоления коммуникативных затруднений. Варьирование эмоционально-смысловой доминанты отражает сложившиеся различия в отдельных аспектах картин мира, например, если передача оценочности осуществляется имплицитно. Когда герой В. Шекспира упоминает *French crowns*, он имеет в виду последствия венерической болезни (*French disease*) как причину облысения собеседника:

Some of your French crowns have no hair at all; and then you will play barefac'd (W. Shakespeare. A Midsummer Night's Dream);

Но: *Good Master Corporate Bardolph, stand my friend, and here's four Harry ten shillings in French crowns for you* (W. Shakespeare. The Second Part of Henry the Fourth); ... *and we will hab a snab at the wein-kellar, and at the mouldy French crowns...* (W. Scott. Quentin Durward).

Издание перевода М.М. Тумповской (1937) сопровождается объяс-

нением, что «диалог построен на перекрестной игре словами: ‘французская корона’ (монета) гола, на ней не может быть волос; но ‘французская корона’, согопа *Veneris* (мед.), является последствием “французской болезни”, часто приводящей к выпадению волос». М.Л. Лозинский (1954) даёт читателю шанс самостоятельно восстановить авторский каламбур:

У некоторых французских крон нет вовсе волос, и придется вам играть с голым лицом (У. Шекспир. Сон в Иванову ночь; перевод М.М. Тумповской). ↔ *Французский чекан – это когда все волосы повылезут; тебе пришлось бы играть голощеки* (У. Шекспир. Сон в летнюю ночь; перевод М. Лозинского).

Н.М. Сатин (1851) снимает двусмысленность каламбура, а в переводе комедии Шекспира, выполненном О. Сорокой (2001), объяснение непосредственно введено в текст:

У некоторых французских голов совершенно нет волос, а потому вам пришлось бы играть без бороды (В. Шекспир. Сон в летнюю ночь; перевод Н.М. Сатина). ↔ *От французской пробы – от дурной болезни – волос вылезает, и как бы тебе не пришлось безбородым играть* (У. Шекспир. Сон в шалую ночь; перевод О. Сороки).

Культурно-маркируемые фразеологизмы являются средством хранения социальной памяти, так как они связаны с культурным контекстом и культурно-значимой ситуацией. По закону от 1753 года венчание лиц моложе двадцати одного года допускалось только с согласия родителей или опекунов. Если влюблённые не получали родительского благословения на брак, то они бежали в деревню под названием *Gretna Green*, расположенную на границе с Шотландией, где можно было обвенчаться без предоставления необходимых по английским законам документов. Из-за неосмотрительного побега героини Дж. Остен из романа «Гордость и предубеждение» (1813) её сестры теряли возможность удачно выйти замуж. Несмотря на то, что скоропалительные браки не получали одобрения общества и рассматривались как необдуманый поступок, топоним вошёл в состав фразеологизмов *to run away with sb to Gretna Green* и *a Gretna Green marriage* (‘брак между убежавшими влюблёнными’).

В составе культурно-маркируемых фразеологизмов координаты пространства реального мира (типа *Fleet Street*, *Wall Street* и т. д.) указывают на образ жизни, манеры поведения и тип деятельности, проживающих или находящихся в данном месте людей. Например, в XVII–XIX веках считалось, что ругань (*Billingsgate*) торговков лондонского рыбного рынка *Billingsgate*, закрытого только в 1982 году, приводила в сму-

щение даже матросов:

... so that I gave a loose to my passion, returned his Billingsgate, and challenged him to follow me down to the piazzas (T. Smollett. The Adventures of Roderick Random); *... Tabby's eloquence, which would have shamed the first-rate oratress of Billingsgate* (T. Smollett. The Expedition of Humphry Clinker).

Социально-значимые смыслы являются по своему характеру конвенциональными: публичные казни преступников происходили перед Ньюгейтской тюрьмой, поэтому актуальными оставались фразеологизмы типа *the Tyburn tree* 'виселица', *the Tyburn dance / hornpipe / jig* 'повешение', *Tyburn tippet* 'петля', *the King of Tyburn* 'палач', *a Tyburn blossom* 'приговорённый к смерти молодой преступник', ставшие реминисцентными ассоциациями:

... I was become a meer Newgate-Bird... (D. Defoe. The Fortunes and Misfortunes of the famous Moll Flanders); *... whose neck is beyond the compass of a Tyburn tippet?* (W. Scott. Kenilworth); *... you shall hear of him at Tyburn Tree...* (Ch. Dickens. Barnaby Rudge).

Культурно-маркированные фразеологизмы могут содержать ироническую оценку реальных событий, задавать, например, параметры интерпретации поведения человека:

... and remembering the captain's roaring life, great appearance, vast success, and strong advantages, I feel assured that nobody having a bent that way will take any warning from him, or will see anything in the play but a flowery and pleasant road, conducting an honourable ambition – in course of time – to Tyburn Tree (Ch. Dickens. Oliver Twist. Preface).

В художественном тексте культурно-маркированные фразеологизмы получают определённые стилистические коннотации и эмоционально-эстетические коннотации. Английские писатели XVII–XVIII веков обозначали разбогатевшего торговца как *a gentleman of fortune*, но в приключенческой литературе это *nuram*.

Leonora was the Daughter of a Gentleman of Fortune... (H. Fielding. The History of the Adventures of Joseph Andrews). ↔ *By a 'gentleman of fortune' they plainly meant neither more nor less than a common pirate...* (R.L. Stevenson. Treasure Island).

Существующая в социуме система норм и оценок в той или иной степени находит отражение во фразеологизмах культурной семантики, которые активно включаются в образование системы отличительных и характерных для конкретной лингвокультуры кодов. Переосмысление

отдельных фразеологизмов связано с усиливающейся тенденцией к эвфемизации, т. е. к использованию не прямых, смягченных выражений вместо резких или нарушающих нормы приличия.

Социальная память хранит сведения об истоках подобных культурно-маркированных фразеологизмах и о связанных с ними культурном контексте и культурно-значимых ситуациях. В целом, за ними стоят национальный менталитет и культура.

Литература / References

1. *Блюм Х.П.* Символические процессы и формирование символов // *Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры.* М., 2004. С. 183–224.
2. *Ковинова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. М., 2007.
3. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999. С. 13–24.

КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В.Н. ТЕЛИЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

V.A. Maslova

V.N. TELIYA'S CONCEPTION OF EXPRESSIVENESS: WAYS OF DEVELOPMENT

V.A. Maslova

ABSTRACT:

This article deals with the conception of expressiveness elaborated by V.N. Teliya. As the development and continuation of Teliya's theory, the author's conception is proposed from the standpoint of communicative activity approach.

Keywords: expressiveness, the multi-component phenomenon, affectivity, intensity, activity approach

В статье анализируется Телиевская концепция экспрессивности и излагаются ее пути развития с позиций коммуникативно-деятельностного подхода.

Ключевые слова: экспрессивность, многокомпонентный феномен, аффективность, интенсивность, деятельностный подход

В богатом творческом наследии В.Н. Телия заложены целые пласты теоретически обоснованных, оригинальных, научно перспективных концепций, ориентированных на решение центральных проблем не только фразеологии, но когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, философии языка. Одной из таких проблем является проблема экспрессивности, понимаемая сегодня весьма противоречиво.

Интерес к проблеме экспрессивности связан с особым вниманием к проблеме языковой личности, а точнее, к описанию языка как средства воздействия на языковую личность, на ее поведение и внутреннюю духовную деятельность. Основной функцией экспрессивности как раз и является усиление воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферы языковой личности. Экспрессивность изменяет эмоциональное состояние носителя языка, влияя на его целенаправленную деятельность.

В основе почти всех концепций экспрессивности лежит «аффективная» теория стилистики, разработанная Ш. Балли во «Французской стилистике» еще в 1909 году. Он описал возможность двоякого изучения экспрессивности: 1) от языковой сущности к ее реализации в тексте и 2) от текста к выделению экспрессивно окрашенных средств в их кон-

текстуальных связях. Ш. Балли разделил все факты языка на факты с логической доминантой и факты с эмоциональной доминантой. В основу собственно стилистики он положил понятие эмоциональной окраски экспрессивных факторов, которая базируется на качественных и количественных различиях. Для качественных различий важно понятие субъективной оценки, оно связано с такими категориями, как величина, ценность, сила и т. д. Количественные различия основаны на понятии интенсивности.

Теория Ш. Балли породила множество разноречивых концепций и взглядов на экспрессивность. Давнюю традицию имеет рассмотрение экспрессивности как стилистического феномена (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев и др.). Как семантический феномен рассматривают экспрессивность В.Г. Гак, Н.А. Лукьянова, И.А. Стернин, А. Вежицкая и др.

Довольно широко распространен подход к экспрессивности как к функциональному феномену. Как функцию языка рассматривают экспрессивность А.А. Реформатский, Р.О. Якобсон, В.А. Аврорин и др. Со стилистической функцией связывает ее Ю.М. Скребнев. Как прагматическое воздействие представлена экспрессивность в работах А.А. Мецлер, Р.О. Пиотровского, Дж. Остина и других ученых.

В.Н. Телия было предложено понимание экспрессивности как функционально-семантической категории. Эмоционально окрашенное значение, по словам исследователя, отображает «прорыв эмоционального, субъективного, личностно заинтересованного отношения в семантику слова», что и составляет «экспрессивный эффект его значения и его целесообразность в языке» [Телия 1986: 72]. Экспрессивность определяется как некоторый совокупный продукт, выражение некоторого итога, создаваемого целым рядом субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначаемому.

Но ни одним из названных направлений не исследуются собственно семантические механизмы создания экспрессивных эффектов. В.Н. Телия предлагает рассматривать экспрессивность «как эффект, создаваемый в речевой деятельности выражением эмотивного отношения говорящего к обозначаемому высказыванию» [Телия 1986: 85], т. е. видеть экспрессивность как *функцию*, устанавливающую отношение между интенцией говорящего (автора) и теми средствами языка, которые материализуют эту интенцию.

Задачей исследователя, по В.Н. Телия, является анализ того, как способ, используемый говорящим, порождает экспрессивный эффект (значение) его речи. Экспрессивная функция определяется В.Н. Телия как функция, составляющая определенную коммуникативную интенцию – воздействие на эмоциональную сферу адресата (аргумент) и средства,

обеспечивающие такое воздействие (значение функции). Экспрессивная функция становится тем способом, каким устанавливается отношение между интенциями субъекта речи, отражающими формы оценочной, мотивационной и эмотивной деятельности сознания, и знанием субъекта речи о действительном положении дел в мире, о правилах языкового кодирования и о стилистическом узусе употребляемых слов. Иными словами, экспрессивная функция – это способ, получающий конкретную характеристику в зависимости от того, какие интенции были заданы в данном отношении и какие языковые механизмы «задаются» для их воплощения в тексте.

В большинстве работ экспрессивность рассматривается как синтез сущностей, создающий экспрессивный эффект. Но только В.Н. Телия включает в число известных слагаемых (эмотивность, образность и др.) еще и стилистическую маркированность [Телия 1986: 124].

Сказанное позволяет утверждать возможность развития данной концепции в коммуникативно-деятельностном направлении, ибо «говорить на языке – компонент деятельности и форма жизни» [Литвиновский 1995: 155]. Определяющую роль в речевой деятельности играет компонент «цель»; это заставляет лингвистов искать ответ на вопрос о том, каков механизм использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей. Сторонники прагматического направления (Дж. Остин и др.) рассматривают говорение как действие и исследуют возможность творить реальность словом (см. работы авторов: [НЗЛ 1986]). Таким образом, изучение экспрессивности необходимо связывать с созданием адекватной теории речевой деятельности.

Категория экспрессивности должна изучаться в связи с включением в описание языковых механизмов не только субъекта речи, но и ее реципиента (антропоцентрический принцип исследования), соотносимых с потребностями коммуникативной деятельности. Т.М. Дридзе справедливо замечает, что, возникая из потребностей общественной деятельности и функционируя в социальной коммуникации, тексты как бы обретают новую жизнь, трансформируясь в бесчисленное множество интерпретаций [Дридзе 1984: 54]. Это и есть коммуникативно-деятельностный подход к самому тексту и его категориям, в данном случае – экспрессивности. Здесь важна следующая мысль: ввиду того, что экспрессивная функция определяется коммуникативной природой и прагматическим назначением текста, она реализуется лишь при включении текста в процесс общения, т. к. концепция экспрессивности должна базироваться на ее прагматическом назначении и на коммуникативной природе самого текста.

При таком подходе экспрессивность текста предстает в качестве сущностной характеристики, обязательной категории любого текста. Это энергическая база, обязательное условие для достижения прагматической функции текста. Экспрессивность – это не только продукт интерпретации обозначаемого субъектом речи, но и репродукт адресата. Она обладает иллюкутивной силой, т. е. способностью воздействовать, вызывать определенный, в случае коммуникативной удачи, перлокутивный эффект. Данная категория является основной составляющей содержания воздействия на адресата, она по своей природе коммуникативна, значит, прагматична.

В.Н. Телия абсолютна права в том, что экспрессивность – это система используемых в тексте языковых средств, которая позволяет наиболее выразительно представить содержание текста и отношение к нему автора. Экспрессивность может рассматриваться как свойство языковых единиц, потенция языка, которая обнаруживает себя в тексте (см., например, [Шаховский 2009]).

Однако это лишь одна сторона экспрессивности. Экспрессивная функция текста реализуется лишь при включении его в процесс общения, т. е. при наличии реципиента, способного воспринять текст. Следовательно, нужно учитывать связь текста с внешними явлениями, психологической и социальной реальностью, с функционированием текста в этой реальности. Текст вступает, по меньшей мере, в четыре вида отношений: текст – действительность, текст – автор, текст – реципиент и текст – язык. Эта схема также весьма условно и довольно грубо описывает реальную «жизнь» текста, в которой возникает много других видов отношений, например, текст – другие тексты и т. д.

В своей концепции экспрессивности мы учитывали эти четыре главных вида отношений текста, в соответствии с которыми было выделено *четыре вида экспрессивности*.

Экспрессивность I возникает в результате взаимоотношения *текст – объективная действительность* (мир). Это фактологическая экспрессивность, экспрессивный эффект здесь вызывают сами факты реального мира, которые отображены в тексте, например, сенсации, природные катаклизмы и т. п. Этот вид экспрессивности почти не зависит от формы реализации, от качества языковых единиц, составляющих этот текст, здесь важна лишь содержательная сторона. Такой взгляд на экспрессивность вызывает многочисленные возражения лингвистов. Однако существует достаточно обширная зарубежная научная литература, в которой психологи, социологи, психолингвисты предупреждают о неоправданном преувеличении роли средств языка в рече-

вом воздействии и игнорировании роли экстралингвистической реальности.

Экспрессивность 2 создается в результате взаимодействия *текст – автор*. Фактически автор не только выбирает конкретный вариант содержания из множества возможных, но прогнозирует при этом ожидание реципиентов (читателей). Предпочтение, которое оказывает автор тем или иным языковым средствам, фрагментам мира, приемам организации текста, не всегда можно объяснить. Часто выбор происходит подсознательно. Причем, чем менее предсказуемы для реципиента повороты сюжета, нюансы содержания и используемые автором языковые средства, тем более экспрессивен текст. Здесь можно провести параллель с известной теорией К.Э. Шеннона о возможности исчислить информацию об объекте, где предсказуемость также является важнейшим фактором.

Представленный в тексте мир дан как бы через призму авторского опыта. Даже в самом «сухом» и «формальном» описании объекта, в деловом или научном тексте, присутствует точка зрения автора либо объект представлен в том или ином ракурсе, сквозь который просматривается личность автора. Отсюда следует, что текстов абсолютно нейтральных, не содержащих экспрессивности 2 не существует. Этот вид экспрессивности реализуется в тексте через коммуникативную организацию текста, его композицию, модальность, прагматическую направленность. Экспрессивность 2 связана с социальным статусом автора, его коммуникативными намерениями, коммуникативной стратегией. Например, текст строится так, чтобы вызвать определенное отношение читателя к событию, описываемому в тексте. Иногда свое отношение автор высказывает с высокой степенью убежденности, заражая ею реципиента. Для возникновения этого вида экспрессивности чрезвычайно важен авторитет автора.

Важным видом экспрессивности текста является *экспрессивность 3*. Это такая характеристика текста, в основе которой лежит отношение *текст – реципиент* (адресат). Исследовать данный вид экспрессивности лучше всего в эксперименте, ибо каждый реципиент смотрит на один и тот же текст сквозь призму своих представлений и понятий, интересов и потребностей, сквозь призму своего индивидуального сознания. При восприятии текста происходит сложное взаимодействие сознания реципиента, его личностных качеств, его знания с информацией, поступающей из разных уровней языковой базы текста и подтекстовых структур.

Сила экспрессивности 3 зависит от следующих факторов: 1) гармонии или дисгармонии целей автора и реципиента; 2) важности для реципиента сообщаемой информации, его заинтересованности в ней; 3) ценностных ориентаций реципиента, его мировоззрения, нравственных установок; 4) знания реципиентом положения дел в мире, его прошлого опыта, который способствует формированию его ожиданий относительно содержания текста.

С одной стороны, чем более неожиданным будет тот или иной фрагмент текста для реципиента, тем сильнее окажется воздействие на него, тем экспрессивнее данный текст; с другой стороны, экспрессивным будет и эффект «подтвержденного ожидания», при котором реципиент легко прогнозирует следующие фрагменты текста, его события. Следовательно, здесь важно соблюдать пропорции нового и известного для реципиента содержания. Эти пропорции могут быть различными для разных типов текста, для разных реципиентов.

Таким образом, текстов, не содержащих экспрессивность 3, не существует, потому что всегда найдется некоторое множество реципиентов, для которых то или иное содержание окажется экспрессивным, независимо от наличия или отсутствия в нем специальных экспрессивных языковых средств. Несомненно, с помощью таких средств языка и специальных приемов их организации общая экспрессивность текста может быть усилена, однако *прямой зависимости между количеством экспрессивных языковых средств и силой экспрессивного эффекта не существует*, ибо восприятие текста реципиентом всегда избирательно и зависит от его психического и интеллектуального состояния в момент восприятия, при котором форма выражения информации в тексте, специальные языковые средства могут быть не замечены, например, в ситуации чрезвычайной важности для реципиента текстовой информации и т. д.

Отсюда следует, что экспрессивность 3 характеризует не сам текст как некоторую данность, не его общую насыщенность экспрессивными средствами и приемами, а лишь ту часть экспрессивности, которая становится достоянием конкретного реципиента, группы реципиентов.

Экспрессивность 4 – это такая характеристика текста, в основе которой лежит связь *текст – язык*. Это сравнительно неплохо исследованная в отечественной науке область, хотя и здесь существует много вопросов, на которые пока нет ответов. Мы знаем только, что во всяком тексте (и особенно в художественном) сосуществуют самые разнообразные языковые средства, единицы всех уровней языка, которые порождают экспрессивное многоголосие, сливающееся в хорошем тексте в

своеобразную «мелодию», потому что совокупность языковых средств, функционируя в тексте, не является хаотичной, беспорядочной. Напротив, это строгая система, цементирующей силой которой является авторская концепция, авторский замысел, которые не просто скрепляют языковые средства, но и определяют их иерархию в тексте, их статус в общем наборе средств языка.

Мы абсолютно уверены, что с позиций современной лингвистики нельзя рассматривать экспрессивность как имманентное (формальное, внутренне присущее языковым знакам) свойство языковых единиц. Нельзя также ставить экспрессивность текста в прямую зависимость от количества экспрессивных единиц в тексте, как это делается в традиционных работах.

Отсюда вытекает, что экспрессивность – динамическое свойство, потому что текст, которому оно присуще, представляет собой некоторую совокупность отобранных автором предметных ситуаций, облеченных в форму языка и пропущенных сквозь призму авторского сознания, его личность, намерения, которые непременно взаимодействуют с сознанием и личностью реципиента.

В ы в о д ы . Таким образом, экспрессивность – это явление многоликое и сложное, составляющими которого становятся отдельные виды экспрессивности: *экспрессивность 1*, возникающая в результате взаимоотношения текст – объективная действительность (мы назовем ее денотативной экспрессивностью); *экспрессивность 2*, создающаяся в результате взаимодействия текст – автор (это авторская экспрессивность, ибо она сознательно закладывается автором); *экспрессивность 3*, в основе которой лежит отношение текст – реципиент (т. е. интерпретационная, проективная экспрессивность) и *экспрессивность 4*, в основе которой лежит связь текст – язык (рече-языковая, функциональная экспрессивность). Все эти виды соединяются в тексте и составляют его общую экспрессивность.

С категорией экспрессивности тесно связаны проблемы прогнозирования речевого общения и его эффективности, экспрессивность направлена на то, чтобы обеспечить успешность коммуникации в области культуры, науки и искусства, в социальном регулировании поведения языковой личности.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семисоциопсихологии. Монография. М.: Наука, 1984. – 232 с.
2. Литвиновский В.М. Л. Витгенштейн. Философские работы. Текст // Вопросы философии.

- фии. 1995, № 11. С. 154–158.
3. НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
  4. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 141 с.
  5. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009. – 208 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Е.П. Маюк

FUNCTIONAL SEMANTIC FEATURES OF INDEFINETELY GREAT QUANTITY IN BELARUSIAN AND ENGLISH PROVERBS

Е.Р. Маюк

ABSTRACT:

The article analyses how the lexical denominations of indefinitely large quantities in Belarusian and English proverbs are matched with reality. Special emphasis is placed on the functional-semantic characteristics of primary denominative constituents of indefinitely large quantities constituting the sector of the lexical-semantic field of quantity in the two structurally different languages. The author identifies typologically common/universal features of quantity perception, and against that background – nationally specific peculiarities that highlight the uniqueness of quantitative mental representations of each ethnic group.

Keywords: quantity, indefinitely great quantity, quantifier, quantitative word, linguoculture, proverb, contrastive analysis, Belarusian language, English language

В статье анализируются лексические средства объективации неопределенно большого количества в белорусских и английских паремиологических текстах. Особое внимание уделяется функционально-семантическим характеристикам конstituентов первичной номинации неопределенно большого количества, составляющих сектор лексико-семантического поля квантитативности в двух структурно разнотипных языках. Автором выявляются типологически общие черты восприятия количества, а на их фоне – национально-специфические особенности, которые подчеркивают уникальность количественных представлений каждого этноса.

Ключевые слова: квантитативность, неопределенно большое количество, квантификатор, кванторное слово, лингвокультура, паремия, контрастивный анализ, белорусский язык, английский язык

Все виды и формы материи характеризуются количественной определённостью. Познание количественного аспекта предмета своеобразно отображается в категориях и понятиях. Понятийная категория квантитативности получает выражение в семантике языка, объективируясь сред-

ствами различных уровней языка. Языковые средства вербализации количественных представлений демонстрируют особенности восприятия количества определенным этносом под влиянием экстра- и внутрилингвистических факторов. В белорусской лингвистике и литературоведении языковые средства выражения категории количественности анализируются в работах А.Е. Супруна, П.В. Верховя, М.А. Жидовича, А.И. Наркевича, А.И. Чабярук [Супрун 1996; Вярхоў 1961; Жыдовіч 1969; Наркевіч 1976; Чабярук 1977]. Однако категория количественности в белорусском языке в сопоставлении с неблизкородственными языками пока не стала отдельным предметом исследования ученых.

Настоящая статья посвящена контрастивному исследованию белорусских и английских количественных единиц, реализующих значение неопределенно большого количества в паремиях разнотипных языков. Оценка неопределенно большого количества предметов и явлений действительности представлена лексическими средствами первичной номинации. Семантический анализ паремиологических текстов (136 белорусских и 299 английских пословиц) выделил 6 белорусских и 9 английских количественных единиц, реализующих эксплицитное значение неопределенно большого количества. Результаты исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Белорусские и английские компоненты со смысловой нагрузкой неопределенно большого количества

Номинация	Группы компонентов	Белорусские компоненты, частотность	Английские компоненты, частотность
Первичная номинация	квантификаторы	<i>многа</i> (99), <i>шмат</i> (16), <i>багата</i> (12)	<i>many</i> 'многие, многочисленные; много' (140), <i>much</i> 'много' (113), <i>mickle</i> 'большое количество' (18), <i>plenty</i> 'изобилие; достаток; большое количество, много' (12), <i>great</i> 'большой, значительный, многочисленный' (11), <i>a (great) deal of</i> 'большое количество, масса, куча, ворох' (2)
	лексемы и фразы с семой 'число', не осложненной коннотациями	<i>не адзін</i> (5), <i>не раз</i> (3), <i>ліку не мае</i> (1)	<i>multitude</i> 'множество, большое число; масса' (1), <i>number</i> 'число, количество' (1), <i>myriad</i> 'несметное число, мириады' (1)

Лексические средства первичной номинации неопределенно большого количества в белорусских и английских паремиях представлены: 1) квантификаторами (3 белорусских и 6 английских); 2) лексемами и фразами, содержащими сему 'число', не осложненную коннотациями (3 белорусских и 3 английских).

Под квантификаторами, или кванторными словами, или кванторами мы понимаем слова и фразы, используемые для передачи количественного значения чего-либо. Языковые единицы *белорус. болей, больши* и *англ. more* 'более многочисленный, значительный', *most* 'наибольшее количество; большая часть' рассматриваются нами как варианты лексем *белорус. многа* и *англ. many* 'многие, многочисленные; много' / *much* 'много'. Анализ фактического материала (127 белорусских и 296 английских паремий) выявил следующие характеристики квантификаторов, реализующих неопределенно большое количество:

а) положительная оценка неопределенно большого количества в случаях, когда определяемое ими количество приносит пользу, является выгодным: *Шмат снегу – шмат хлеба* (Прыказкі і прымаўкі 1976: 55); *На дзяды многа яды* (Там же 1976: 170); *Не саромся пытаць: болей спытаеш – болей спазнаеш* (Там же 1976: 532); *Багата вясна кветкамі, а восень палеткамі* (Там же 1976: 77); *Many hands make light work* – *букв.*: 'Много рук делают работу легкой' – 'о важности оказания помощи' [The Oxford Dictionary of Proverbs 2008: 204]; *Much travel is needed to ripen a man's rawness* – *букв.*: 'Большое количество путешествий делает человека зрелым, опытным' – 'путешествия расширяют кругозор человека' [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 265]; *The more the merrier* – *букв.*: 'Чем больше людей, тем веселее' [The Oxford dictionary of English proverbs 1992: 216]; *Busiest men find the most leisure time* – *букв.*: 'Самые занятые люди находят больше всего свободного времени' – 'о результатах усердия человека' [Ibid: 69]; *Moeyen does mickle, but money does more* – *букв.*: 'Интерес делает много, а деньги – больше' – 'о могуществе денег' [Ibid: 549]; *Great gain makes work easy* – *букв.*: 'Большой доход делает работу легкой' – 'о ценности прибили, дохода' [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 109]; *If you rock the cradle empty then you shall have babies plenty* – *букв.*: 'Если качаешь пустую колыбель, то будешь иметь много детей' – 'народная примета; заговор' [Ibid: 255].

б) отрицательная оценка неопределенно большого количества, когда наличие или проявление неопределенно большого количества чего-либо рассматривается как нежелательное явление: *Хто языком штурмуе, не шмат наваюе* (Лепешаў 2011: 568); *Лети крыху (крышку) зрабіць, чым багата нагаварыць* (Там же 2011: 299); *Хто многа гаворыць, той прагаворыцца да ліхога канца* (Прыказкі і прымаўкі 1976: 386); *Больши*

немачы, як помачы (Там же 1976: 372); *Many frosts and many thowes make many rotten yowes* – букв.: ‘Большое количество морозов и оттепели приведут к большому количеству испорченных овец’ – ‘народная приметы о погоде’ [The Oxford dictionary of English proverbs 1992: 509]; *Much meat, much malady (many maladies)* – букв.: ‘Много мяса, много болезни (болезней)’ – ‘о привычках здорового питания’ [Ibid: 549]; *Who more than he is worth does spend, he makes a rope his life to end* – букв.: ‘Кто тратит больше, чем он сам стоит, укорачивает веревку своей жизни’ – ‘о вреде непомерных трат’ [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 249]; *He that does most at once, does least* – букв.: ‘Тот, кто делает большое количество работы за один раз, выполняет меньше всего работы’ – ‘о вреде слишком большого усердия в работе’ [Ibid: 70]; *Mickle ado, and little help* – букв.: ‘Много суеты и мало помощи’ [The Oxford dictionary of English proverbs 1992:530]; *There’s no great loss without some gain* – букв.: ‘Не бывает большой потери без какой-либо прибыли’ – ‘из неудачной ситуации человек может извлечь пользу’ [The Oxford Dictionary of Proverbs 2008: 195]; *Plenty breeds pride* – букв.: ‘Изобилие порождает надменность’ – ‘о причине возникновения гордыни’ [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 214]; *A little fire burns up a great deal of corn* – букв.: ‘Маленькой огонь сжигает большое количество зерна’ – ‘о возможной опасности незначительных вещей’ [The Oxford dictionary of English proverbs 1992: 469].

Семантический анализ показал, что в белорусских пословицах, в отличие от английских, неопределенно большое количество, реализуемое квантификаторами, чаще оценивается отрицательно, нежели положительно. Результаты исследования представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Употребимость квантификаторов неопределенно большого количества с положительной и отрицательной коннотациями в белорусских и английских паремиях

коннотация	квантификаторы	
	Белорусский язык (частотность)	Английский язык (частотность)
положительная	47 37,3%	166 56,1%
отрицательная	79 62,4%	130 43,9%

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что специфическим для белорусов является неодобрительное отношение к большому количеству чего-либо: человек должен довольствоваться малым и знать меру в реализации своих желаний. В английских же паремиях, наоборот, наблюдается преобладание положительной оценки кванторных слов неопределенно большого количества над негативной их оценкой. Следовательно, для англичан – чем больше, тем лучше.

Значение, реализуемое белорус. *шмат* и англ. *many* ‘много’ (с исчисляемыми существительными) и *much* ‘много’ (с неисчисляемыми существительными) усиливается словом *вельмі* и *too* ‘слишком’, несущим отрицательную оценку названного количества, поскольку подразумевается чрезмерное превышение некоторого принятого эталона количества для данного объекта. Выход же за рамки нормы, как правило, воспринимается негативно: *Не думай вельмі шмат* (Прыказкі і прымаўкі 1976: 234); *Too many cooks spoil the broth* – букв.: ‘Слишком много поваров портят бульон’ – ‘говорится о несогласованности действий людей или тогда, когда, надеясь друг на друга, каждый относится безответственно к чему-либо’ [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 133]; *Too much knowledge makes the head bald* – букв.: ‘От чрезмерного количества знаний голова лысеет’ – ‘много будешь знать – скоро состаришься’ [Кусковская 1987: 9].

Компоненты белорус. *болей* (*больши*) и англ. *more* ‘более многочисленный, значительный’ предполагают некоторое сравнение в сторону увеличения с уже названным или подразумеваемым количеством: *Чым далей у лес, тым болей (больши) дроў* (Лепешаў 2011: 591); *There are more men threatened than stricken* – букв.: ‘Больше людей, которым угрожают, чем которых избивают’ – ‘о пустых угрозах’ [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 257]. Обращают на себя внимание конструкции, описывающие параллельное изменение количества двух сравниваемых объектов (9 белорусских и 12 английских паремий): *Дзе большы прыходу, там большы расходу* (Прыказкі і прымаўкі 1976: 478); *The more you get, the more you want* – букв.: ‘Чем больше имеешь, тем больше хочется’ – ‘о жадности людей’ [The Oxford Dictionary of Proverbs 2008: 216].

Английская лексема *many* сочетается с именами, называющими некоторые дискретные сущности. Характерное для пословиц сочетание типа *many a man (one)*: *Many a man sings that a wife home brings; wist he want be brought, weep he might* – букв.: ‘Многие поют о том, какую жену в дом привели; если бы они знали, что в дом принесли, заплакали бы’ – ‘о нежелательности брака’ [The Oxford dictionary of English proverbs 1992: 508]; *Many a one says well that thinks ill* – букв.: ‘Многие говорят хорошо о чем-либо, хотя думают плохо’ – ‘о лицемерных людях’ [Ibid: 508], где

many согласуется с существительным в единственном числе, подчеркивает идею множественности единичных объектов, каждый из которых в отдельности обладает определенным свойством, указанным в поговорке.

Выражая, в основном, понятие неопределенно большого количества, компонент *many* 'много' в поговорках может дополнительно передавать значение обобщения, приближаясь по смыслу к таким словам, как *all* 'все', *every* 'каждый', и им подобным. Это особенно заметно, когда *many* 'много' расположено в начале высказывания и не является членом оппозиции, определяющей основной смысл поговорки, как, например, в поговорках *Many a man serves a thankless master* – 'Много людей служат неблагодарному хозяину' – 'про плохих хозяев' [Ibid: 508]; *Many a good cow has a bad calf* – 'У многих коров есть плохой теленок' – 'о наследственных чертах человека' [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 27].

Параллельно с *many* 'много' в английских поговорках широко употребляется компонент *much*, также соотносящийся с понятием неопределенно большого количества и определяющий незначительные сущности: *A little labour, much health* – букв.: 'Немного труда, много здоровья' – 'о важности такого качества, как усердие' [Ibid: 68].

Употребление *англ. most* 'наибольшее количество; большая часть' указывает на максимальное проявление количества или качества описываемых объектов: *The busiest man finds the most leisure* – 'Самый занятой человек находит больше всего свободного времени' – 'кто хорошо работает, у того и досуг приятнее' [1000 English Proverbs and Sayings 2008: 47].

Первичную номинативную функцию, значение 'неопределенно большое количество', в 9 белорусских и 3 английских поговорках несут также лексические средства, в которых эксплицитно или имплицитно присутствует сема 'число', не осложненная коннотациями (белорус. *не адзін, не раз, ліку не мае*; *англ. multitude* 'множество, большое число; масса', *number* 'число, количество', *myriad* 'несметное число, мириады'): *Гулі не аднаго ў лаці абулі* (Лепешаў 2011: 147); *З вялікай любасці не раз кій паламаець косці* (Прыказкі і прымаўкі 1976: 51); *Багаты абы-што хапае, бо свайго ліку не мае* (Там же 1976: 423); *Charity covers a multitude of sins* – букв.: 'Подаяние скрывает многие грехи' – 'о способе заглядывать свои грехи' [The Oxford Dictionary of Proverbs 2008: 50]; *There is safety in numbers* – 'Безопасность в количестве' – 'безопаснее действовать сообща' [The Oxford dictionary of English proverbs 1992: 276]; *Of the myriad vices lust is the worst* – букв.: 'Из несметного количества пороков, вожделение – самый худший' – 'о вреде похоти' [The Penguin Dictionary of Proverbs 2000: 167].

Сопоставительное исследование лексических способов эксплицитной репрезентации неопределенно большого количества в паремиологических текстах двух структурно разнотипных языков выявило наличие типологически общих и национально-специфических черт. Общим для белорусских и английских пословиц является положительная оценка неопределенно большого количества в случаях, когда определяемое ими количество приносит пользу. Как в белорусских, так и в английских паремиях неопределенно большое количество может рассматриваться как нежелательное явление и в этом случае получает отрицательную оценку со стороны говорящего. Значение, реализуемое белорус. *шмат* и англ. *many* 'много' (с исчисляемыми существительными) и *much* 'много' (с неисчисляемыми существительными), усиливается словом *вельмі* и *too* 'слишком', несущим отрицательную оценку названного количества, поскольку подразумевается чрезмерное превышение некоторого принятого эталона количества для данного объекта. Кроме того, компоненты белорус. *болей (больш)* и англ. *more* 'более многочисленный, значительный' предполагают некоторое сравнение в сторону увеличения с уже названным или подразумеваемым количеством. Первичную номинативную функцию, значение 'неопределенно большое количество', в белорусских и английских паремиях несут также лексические средства, в которых эксплицитно или имплицитно присутствует сема 'число', не осложненная коннотациями.

Национально-специфическим для белорусских паремий является неодобрительное отношение к большому количеству чего-либо: человек должен довольствоваться малым и знать меру в реализации своих желаний.

Особенностью для английского языка является преобладание положительной оценки кванторных слов неопределенно большого количества над негативной их оценкой. Помимо этого, английская лексема *many*, согласуясь с существительным в единственном числе, подчеркивает идею множественности единичных объектов, каждый из которых в отдельности обладает определенным свойством, указанным в паремии.

В перспективе результаты компаративного исследования лексических средств объективации неопределенно большого количества на материале белорусских и английских паремий предоставят важный материал для выявления механизмов образного освоения количества в наивной картине мира белорусов и англичан.

Литература / References

1. *Вярхоў П.В.* Лічэбнік у беларускай мове: Параўнальна з рус. і укр. мовамі. Мінск: Выд-ва БДУ, 1961. – 36 с.

2. *Галич Г.Г.* Семантика и прагматика количественной оценки (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Г.Г. Галич. СПб-Омск, 1999. – 340 л.
3. *Жыдовіч М.А.* Назоўнік у беларускай мове: [у 2 ч.]. Мінск: Выд-ва БДУ, 1969. Ч. 1: Адзіночны лік. – 229 с.
4. *Кусковская С.Ф.* Сборник английских пословиц и поговорок. Мінск: Выш. шк., 1987. – 253 с.
5. *Лепешаў І.Я.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.
6. *Наркевіч А.І.* Назоўнік: Граматычныя катэгорыі і формы. Мінск: Выд-ва БДУ ім.У. І. Леніна, 1976. – 248с.
7. Прыказкі і прымаўкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. – 560 с. ; Кн. 2. – 616 с.
8. *Супрун А.Е.* Общая характеристика семантики количества // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. – С. 162–170.
9. *Чабярук А.І.* Лічэбнік у беларускіх гаворках. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 104 с.
10. The Oxford dictionary of English proverbs. 3rd edition. Oxford: The Clarendon Press, 1992. – 950 p.
11. The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 388 p.
12. The Penguin Dictionary of Proverbs. 2nd ed. London: Penguin Books Ltd, 2000. – 365 p.
13. 1000 English Proverbs and Sayings [Electronic resource]. UL.to, 2008. URL: <http://ebookbrowse.com/1000-english-proverbs-and-sayings-tmp4e87b130-pdf-d168698681>. – Date of access: 7.06.2013.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГАСТРОНОМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

H.G. Med

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS OF SPANISH PHRASE- OLOGICAL UNITS WITH A GASTRONOMIC COMPONENT

N.G. Med

ABSTRACT:

Spanish phraseologisms with the gastronomic component including the units which have no equivalents (such as the names of traditional dishes and beverages of Iberian cuisine) are studied in the present paper. The research has shown that the interpretation of figurative conceptions connected with the national gastronomic objects is orientated towards the evaluation of a human being, his appearance, his inner qualities, and towards the characterization of his actions and states.

Keywords: phraseology, gastronomic metaphor, national-cultural connotation, types of evaluation meanings

В статье рассматриваются испанские фразеологизмы с гастрономическим компонентом, включающим безэквивалентные лексические единицы – наименования традиционных национальных блюд и напитков иберийской кухни. Исследование показало, что интерпретация образных представлений, связанных с национальными гастрономическими реалиями, направлена прежде всего на оценку человека, его внешности, внутренних качеств, характеристику его действий и состояний.

Ключевые слова: фразеология, гастрономическая метафора, национально-культурная коннотация, виды оценочных значений

Как отмечала В.Н. Телия, основным способом воплощения национально-культурной специфики фразеологизмов является образное основание, которое может включать культурно маркированные реалии, а основным способом указания на данную специфику – «интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества. Такого рода интерпретация и составляет содержание культурно-национальной коннотации» [Телия 1996: 215]. Фразеологизмы с гастрономическим компонентом являются одним из важных фрагментов испанской языковой картины мира, характеризующая человека и окружающий его мир с позиции национального мировидения.

Еда является жизненной необходимостью, источником гедонистического удовольствия, она обусловлена культурными традициями, и поэтому гастрономический код представляет собой один из базовых кодов культуры, исследуемый в самых разных областях научного знания (см. подробнее [Ковшова 2012: 230–253]).

Изученный нами языковой материал показал, что испанское языковое сознание активно использует в процессах метафоризации и фразеологизации кулинарную лексику, задействуя разнообразные смыслы, извлекаемые из тех или иных образных представлений, связанных с нею [Мед 2007]. Так, например, образ *хлеба* как символа материальной и духовной пищи в христианской культуре, служит форматорм общей положительной оценки «хороший человек» в компаративных фразеологизмах испанского и других романских языков: *исп. más bueno que el pan*; *франц. bon comme le /du pain*, *итал. buono come il pane* (букв. ‘быть хорошим как хлеб, быть лучше хлеба’). *Корица*, важный ингредиент испанской кухни, со Средних веков считалась очень дорогой и ценной специей, и в испанском национальном мировидении она также стала эталоном положительных качеств: *ser canela / canela fina / canela en rama* (букв. ‘быть корицей / корицей мелкого помола / палочкой корицы’): *Esta chica es canela en rama. Vale su peso en oro* (Sanmartín Sáez, 182). = *Эта девушка очень хорошая* (букв. ‘палочка корицы’). *Просто золото; Fue un gran orador y sus discursos parlamentarios eran canela en rama* (Varela, 42). = *Он был замечательным оратором, и его выступления в парламенте были великолепны* (букв. ‘палочка корицы’).

Представления о сыре, неотъемлемой составляющей национальной испанской кухни, получили свое отражение в нескольких испанских фразеологизмах. С одной стороны, сыр является деликатесом и, следовательно, способствует формированию положительной гедонистической и эмоциональной оценок, которые в свою очередь становятся основанием сублимированной эстетической оценки: *estar como un queso* (букв. ‘быть как сыр’, перен. ‘быть красивым’): *Es una yanqui y se llama Joli. ¿A que está como un queso? – ¿Estoy como qué? – pregunta ella con acento guiri muy marcado. – Que estás muy buena, muy guapa – dice Manolo* (Stonen, 114). = *Она американка и ее зовут Джули. Правда, она обьединие?* (букв. ‘как сыр’) – *Кто я? – спросила она с ярко выраженным акцентом. – Ты очень симпатичная, красавица – сказал Маноло.* С другой стороны, резкий и подчас неприятный запах некоторых сортов сыра порождает отрицательные ассоциации, как, например, во фразеологизме «*oler a queso*» (букв. ‘пахнуть сыром’; перен. ‘дело нечисто’).

Звук шкворчащей на сковородке *яичницы* получил метафорическое наименование шума, производимого заезженным диском *huevo frito* (букв. ‘яичница’) [Calles Vales, 163]. *Петрушка*, незаменимый ингредиент

многих блюд, используется для наименования надоедливого, вездесущего человека, формируя отрицательную этическую оценку – *ser el perejil de todas las salsas: Está en todas partes, en el teatro, en inauguraciones, en todas las fiestas...Este tío es el perejil de todas las salsas* (Vuitrago, 670). = *Он появляется всюду, в театрах, на всяких презентациях, на всех праздниках... Наш пострел везде поспел* (букв. ‘петрушка во всех соусах’).

Выше мы привели некоторые примеры национально-культурной специфики испанских фразеологизмов, включающих общеупотребительную кулинарную лексику. Далее мы рассмотрим безэквивалентные лексические единицы, наименования традиционных национальных блюд и напитков иберийской кухни, входящие в качестве гастрономического компонента в испанские фразеологизмы.

Среди закусок национальной испанской кухни главным деликатесом считается *хамон* (сыровяленый свиной окорок), представленный в зависимости от способа приготовления и породы свиней двумя разновидностями: *jamón serrano* (хамон серрано, букв. ‘горный хамон’) и *jamón ibérico/pata negra* (букв. ‘иберийский хамон/черная нога’). Испанское языковое сознание выделяет в данном гастрономическом образе как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, превосходные вкусовые качества хамона, создающие положительную гедонистическую оценку, стимулируют появление общей положительной оценки во фразеологизме *pasarlo jamón* (букв. ‘провести время подобно хамону’, перен. ‘отлично провести время’): *Hoу estuvimos toda la tarde en la cervecería bailando y lo pasamos jamón* (Varela, 140). = *Сегодня мы весь вечер танцевали в пивном баре и отлично провели время.*

Фразеологизмы *estar jamón* (букв. ‘быть хамоном’) и *jamón serrano* (букв. ‘горный хамон’) формируют положительную эстетическую оценку: *¡Rebonita, jamón serrano!* (López García, 162) = *Красавица, настоящая красавица!* (букв. ‘горный хамон’).

Ассоциации с внешним видом свисающего с потолка окорока во фразеологизме *estar más colgado que un jamón* (букв. ‘быть более подвешенным, чем хамон’) приводят к формированию отрицательной эмоциональной оценки «вялый, рассеянный, понурый, бессильный».

Восклицательный фразеологизм *¡Y un jamón! (con chorreras)!* (букв. ‘И хамон! / с жабо!’, перен. ‘Дудки! Еще чего!’) обычно используется в диалогических единствах для выражения иронического отрицания, а также по отношению к чрезмерным просьбам собеседника, приблизительно как в русском «А может, еще шнурки погладить?!» Использование в подобных контекстах лексемы «хамон» представляется вполне оправданным, поскольку он является достаточно дорогим деликатесным продуктом, а его дополнительное украшение в виде кружевного жабо

усиливает абсурдность и неуместность просьбы: *¿Que fue Carlos el que lo dijo?! Y un jamón! Fue Javier, que estaba yo delante* (Buitrago,823). = *Что, разве это сказал Карлос?! Еще чего!* (букв. 'И хамон!') *Это сказал Хавьер, я же сидел впереди; ¿Que te preste el coche para el fin de semana? ... Sí, hombre...! Y un jamón!* (Buitrago,823). = *Ты хочешь, чтобы я одолжил тебе машину на выходные? ... Ну да, дружище...! Может, еще шнурки погладить?!* (букв. 'И хамон!').

Испанская тортилья (разновидность омлета с картофелем, похожая на запеканку) также относится к наиболее распространенным национальным испанским закускам, хотя может также подаваться и в качестве основного блюда. Во фразеологизмах с данной лексической единицей испанское языковое сознание вычленяет прежде всего внешний вид данного блюда и особенности его приготовления. Так, например, в основе фразеологизма *hacer(se) una tortilla* (букв. 'сделаться тортильей', перен. 'расшибиться, разбиться') заложено сходство с разваливающейся на куски тортильей из-за неумелых действий хозяйки: *Ten cuidado, porque si resbalas y te caes al abismo, te haces tortilla* (Varela,274). = *Будь осторожен, если поскользнешься и упадешь в пропасть, разобьешься* (букв. 'сделаешься тортильей'). Резкая перемена мнения или изменение положения дел ассоциируются с процессом переворачивания тортильи на сковороде с тем, чтобы она пропеклась с обеих сторон, что находит свое отражение во фразеологизме *dar(le) la vuelta a la tortilla* (букв. 'перевернуть тортилью', перен. 'полностью изменить мнение, ситуацию'): *Tú has dicho que nos invitabas a cenar a todos, no quieras ahora dar la vuelta a la tortilla diciendo que lo has dicho de broma...* (Buitrago,174). = *Ты говорил, что приглашаешь всех нас на ужин, не означает ли это, что ты дал задний ход* (букв. 'перевернул тортилью') *и просто пошутил?*

Одним из самых знаменитых традиционных блюд иберийской кухни является *паэлья*, основное блюдо из риса с добавлением рыбы (мяса, курицы), морепродуктов, зелени и различных специй. Во фразеологии испанского языка это вкусное блюдо служит источником формирования отрицательной эстетической оценки «прыщавый человек» и представлено фразеологизмом *tener más granos que una paella* (букв. 'иметь зерен больше, чем в паэлье'), *ser una paella de granos* (букв. 'быть паэльей с зернами'): *¡Hola a todos! Este viernes 16 hago un mes sin fumar y a parte de las mejorías evidentes que todos hablamos noto, que tengo que carraspear la voz para hablar como si tuviera una constante flema dura en la garganta y eso que bebo cantidades industriales de agua y lo más importante para mí... soy una auténtica paella de granos ... y la piel muy grasa... sobre todo en la zona de la frente y la nariz...* (www.miluchacontraeltabaco.com/node/9929 13 Mar 2012...). = *Привет всем! В эту пятницу 16-го будет месяц, как я*

бросила курить, и помимо явных улучшений, о которых все говорят, я заметила, что мне все время приходится откашливаться, как будто у меня постоянная мокрота в горле, и это притом, что я пью литрами воду, а самое ужасное для меня – это то, что я **настоящая пазля с прыщами**. И кожа очень жирная, особенно в области лба и носа ... Данный фразеологизм можно отнести к фразеологическим каламбурам, широко представленным в испанской разговорной речи. Он построен на эффекте полисемии, поскольку лексема *grano* имеет несколько лексико-семантических вариантов, среди которых инвариантным значением является ‘зерно, семя’ и одним из ЛСВ по сходству внешнего вида – ‘прыщ’.

Среди традиционных испанских видов выпечки особо выделяются *чуррос*, похожие на наши пышки, только в виде колбасок. Они подаются на завтрак, обычно с кофе с молоком или с горячим шоколадом. Лексема «чурро» является форматом различных оценочных значений во фразеологизмах испанского языка. Сама по себе метафора *churro* служит для создания общей отрицательной оценки по схожести с неказистым внешним видом и незатейливым способом приготовления, означая что-то некрасивое, не отличающееся изяществом форм, не требующее усилий в приготовлении и сделанное наспех: *No puedes presentarle al profesor ese dibujo lleno de manchas de tinta. Eso es un churro, hombre* (Vuitrago, 202). = Ты не можешь представить преподавателю этот рисунок в пятнах от краски. **Это халтура, приятель** (букв. ‘чурро’).

Фразеологизм *de churro* (букв. ‘как чурро’) используется в испанском языке для выражения случайного везения в каком-либо предприятии, что также связано с легкостью приготовления чуррос: *No creas que ha aprobado por haber estudiado. Fue de churro porque le tocaron las preguntas más fáciles* (Varela, 79). = Не думай, что он сдал экзамен потому что все выучил. **Это была случайность** (букв. ‘чурро’), поскольку ему достались легкие вопросы.

Популярность чуррос в Испании привела к созданию еще одного фразеологизма с этой лексической единицей – *venderse algo como churros* (букв. ‘продаваться как чуррос’, перен. ‘быстро продаваться, расходиться как горячие пирожки’): *Este libro se va a vender como churros* (Simeonova, 47). = Эта книга **разойдется быстро, как горячие пирожки**.

Смоченная в кофе пышка своим сморщенным видом в испанском языковом сознании напоминает старика и стимулирует отрицательную эстетическую оценку в компаративном фразеологизме *ser más arrugado que un churro mojado en café* (букв. ‘быть более морщинистым, чем чурро, смоченный в кофе’).

Одним из излюбленных испанских десертов является *флан* (флан, испанский пудинг, десерт из взбитых яиц, молока и сахара). В составе фразеологизмов *estar /más nervioso que/ como/ un flan* (букв. 'нервничать, как флан') и *temblar como un flan* (букв. 'дрожать, как флан') он задействуется в этической оценке «нервничающий, трусливый», где дрожащий от страха, нервничающий человек уподобляется студенистой поверхности этого подобия пудинга: *Antes del examen estaba como un flan* (Simeonova, 34). = *Перед экзаменом он трясся от страха* (букв. 'был, как флан').

Еще одним традиционным испанским лакомством является *туррон* (разновидность нуги с орехами). Раньше туррон продавался только в рождественские праздники, сейчас же в связи с постоянным туристическим спросом, он продается в любое время года. Однако именно ассоциации с Рождеством стали основой для фразеологизма *no comer el turrón* (букв. 'не есть туррон'), означающего, что тот или иной человек не удержится на своем посту до Рождества. Как правило, он используется в подъязыке спорта для характеристики эффективности спортивных тренеров (Calles Vales, 137).

Популярный испанский напиток *орчата* (*horchata*) (оршад, прохладительный напиток на основе чужфы, то есть земляного миндаля) является составной частью фразеологизма *tener la sangre de horchata* (букв. 'иметь кровь оршада'), характеризующего спокойного, бесстрастного человека по семантическому компоненту 'холодный': *Ni aunque le insultes vas a conseguir que acelere su ritmo de trabajo; tiene sangre de horchata* (Varela, 42). = *Даже если ты будешь его оскорблять, он не поторопится с выполнением работы; у него рыба кровь в жилах.*

Как можно заметить, гастрономическая метафора, лежащая в основе фразеологизмов, базируется на разнообразных ассоциациях, вызываемых внешним видом того или иного блюда, его запахом, вкусом, способом приготовления, традициями употребления, его символикой. Н.Д. Арутюнова писала, что метафора – «этот постоянный рассадник алогичного в языке позволяет сравнивать несопоставимое» [Арутюнова 1998: 367].

Интерпретация образных представлений, связанных с гастрономическими реалиями, направлена прежде всего на человека, оценку его внешности, внутренних качеств, характеристику его действий и состояний, отражая знаковым способом одновременно общее и сугубо национальное.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

2. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
3. *Мед Н.Г.* Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 235 с.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Условные сокращения

1. Buitrago – *Buitrago Jiménez A.* Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2004. – 1038 p.
2. Calles Vales – *Calles Vales J., Bermejo Meléndez B.* Jergas, argot y modismos. Madrid: LIBSA, 2001. – 315 p.
3. Cronen – *Mañas J.A.* Historias del Cronen. Barcelona: Ed. Destino Clásicos Contemporáneos Comentados, 1998. – 239 p.
4. López García – *López García A. y Morant R.* Gramática femenina. Madrid: Cátedra, 1995. – 263 p.
5. Sanmartín Saez – *Sanmartín Saez J.* Diccionario de argot. Madrid: Espasa, 1998. – 887 p.
6. Simeonova – *Simeonova S.* Vocabulario del español coloquial. Moscú: Editorial URSS, 2001. – 232 p.
7. Varela – *Varela F., Kubarth H.* Diccionario fraseológico del español moderno. Madrid: Gredos, 1994. – 294 p.

О ДИСКУРСИВНЫХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ СВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

О.А. Мещерякова

DISCOURSE FACTORS IN BUILDING CULTURAL SEMANTICS OF LIGHT DENOTATIONS

O.A. Meshcheryakova

ABSTRACT:

Cultural semantics of light denotations depends on discourse type. Ordinary, scientific, religious, artistic forms of human perception influence the variation of semantic content of light words, that's why its semantics may include different types of connotations, what determinates the variety of its explication.

Keywords: light denotation, discourse, cultural semantics, connotation, axiology

Культурная семантика светообозначений зависит от типа дискурса. Обыденная, научная, религиозная, художественная формы человеческого сознания влияют на варьирование смыслового содержания световых слов, поэтому их семантика может включать различные виды коннотаций, что определяет многообразие средств их экспликации.

Ключевые слова: светообозначение, дискурс, культурная семантика, коннотация, аксиология

Согласно определению В.Н. Телия, культура – это «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222]. Язык является одной из самых значимых семиотических систем. Он фиксирует в своей семантике то смысловое содержание, которое обусловлено мировидением и миропониманием языкового коллектива. Однако различные виды деятельности людей внутри нации как самого большого языкового коллектива обуславливают существование и развитие различных типов знания, различных форм сознания и, как следствие этого, формирование различных видов дискурса в речевой коммуникации. Цель наших научных изысканий – показать влияние различных типов дискурса на формирование культурной семантики светообозначений. Исследовательский интерес к данной группе слов связан с тем, что на первый взгляд кажется, будто светообозначения, содержание которых обусловлено представлением о наличии света или о его отсутствии, не могут отражать какую-либо национально-культурную специфику, так как физиология зрения, как и физика света, имеют объектив-

ную природу. Однако на формирование семантики светообозначений влияет не только картина естественной смены дня и ночи, но и характер человеческого (а значит, субъективного) восприятия окружающего мира с помощью органов зрения. Взаимоотношения воспринимающего сознания и воспринимаемого объекта находят отражение в языке и составляют особенности модусов перцепции [Рузин 1994: 79], семантическое содержание которых обусловлено отношением говорящего к «положению» дел в объективном мире.

Зрение является одним из тех органов чувств, которые обеспечивают ориентацию человека в мире. Свет «даёт способ видеть» [Даль 2002: 579], что весьма значимо для любого человека, для его жизни. Поэтому единицы лексико-семантической группы светообозначений важны для речевого общения и активно используются в речи. Не случайно лексема *свет* входит в число слов, составляющих ядро языкового сознания русских [Уфимцева 2000: 218].

Модусная природа семантики световых слов определяет возможности выррирования смыслового содержания этих единиц в зависимости от типа дискурса, который в свою очередь зависит от актуализированной формы человеческого сознания.

В обыденном дискурсе, опосредованном обыденным типом сознания, семантика светообозначений имеет антропоцентрическую природу и отражает восприятие человеком освещения, характер которого меняется в течение суток. «Свет – состоянье противное тьме, темноте, мраку, потемкам» [Даль 2002: 579]. Так как в русской когнитивной и языковой картинах мира время исчисляется в его соотносительности с трудовой деятельностью человека [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], то светообозначения, активно включаясь в языковую фиксацию «светового» режима людей, приобретают различные культурные коннотации.

Фразеологические единицы *чуть свет*, *ни свет ни заря* в денотативном значении содержат указание на время раннего рассвета, а в коннотативном – отражают отклонение от нормы – ‘очень рано’: *Утром, ни свет ни заря, явился сияющий Федя* (В. Некрасов. Мамаев курган на бульваре Сен-Жермен); *Тебе завтра вставать чуть свет*, – *уклонилась Анна Фёдоровна* (Л. Улицкая. Пиковая дама). Это экспрессивная коннотация, которая в свою очередь ведет к формированию оценочной коннотации, а именно к выражению одобрения или неодобрения поступкам человека в соответствии с тем, что совершает он в это ранний час. Если поступок соответствует аксиологической, этической норме, то светообозначение выражает коннотативную семантику одобрения, похвалы, и наоборот: несоответствие поступка времени его совершения порождает коннотативные смыслы со знаком «минус»: *В своём кооперативе. Ушёл чуть свет. Он ведь там счетовод* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); *Поблажек он себе не давал, садился за труд ни свет ни заря* (Л. Чуковская. Процесс исключения (Очерк литературных нра-

вов)); Там будет нас исповедовать и причащать – для того и плывём **ни свет, ни заря** (Б. Зайцев. Валаам). В этих примерах оценочная коннотация выражает одобрение, так как денотативное обозначение начала рассвета коррелирует с представлением о значимости деятельности человека в эти часы, отсюда контекстное употребление лексем, обозначающих профессию (*счетовод*) или вид деятельности (*исповедовать и причащать*), стилистически окрашенной лексемы *труд*. Другие поступки, связанные с праздностью, нарушением «гостевого» этикета и т. п., посредством этих же фразеологических единиц получают неодобрительную оценку: *Утром, **чуть свет ещё**, – от начальника вышли, – гляжу: Иванов мой уж выпить где-то успел* (В. Короленко. Чудная); *Стало покойно и не тянет больше вставать до свету и куда-то бежать **ни свет ни заря*** (М. Пришвин. Дневники (1927)); *Чума-Аннушка вставала почему-то чрезвычайно рано, а сегодня что-то подняло её совсем **ни свет ни заря**, в начале первого* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Час был ранний, и всякий более привычный к культурному обществу человек посидел бы спокойно на вокзале час-два, вместо того чтобы **ни свет ни заря** стучаться в чужие двери* (Л. Троцкий. Моя жизнь); *В воскресное утро, когда можно поспать подольше, она вскакивает **чуть свет** и бежит к нам в комнату, залезает в постель и садится ему верхом на грудь, пальцами открывает веки* (М. Шишкин. Письмовник). Употребление световых фразеологизмов для выражения семантики неодобрения коррелирует с использованием неопределённых местоимений и наречий (*что-то; куда-то, почему-то*), глаголов (*бежать, стучаться, вскакивать* и др.), которые тоже имплицитно выражают негативную оценку.

Совмещение противоположных оценочных со-значений в одних и тех же языковых единицах свидетельствует о том, что в основе коннотаций светообозначений лежит не физиологический акт созерцания при помощи зрения, а предписываемые обществом правила поведения человека. В наблюдаемой нами энантиосемии коннотаций отражаются черты национальной аксиологии, в силу которой оценивается не характер освещенности и даже не время совершения действия, а сам человек, его совершивший при такой освещенности в такое время. Причем культурная семантика, порожденная морально-этическими ценностями «культурного общежития», настолько сильна, что по сути подавляет или заглушает образный компонент, который априори существует у любого светообозначения. Приведенные выше наблюдения над культурной семантикой светообозначений доказывают, что в обыденном дискурсе световые слова отражают отношение говорящего к не-световым фактам действительности. Они могут быть приравнены к речевому поступку, так как употребляются с целью вызвать у слушающих «то или иное чувство-отношение к тому или иному факту, чтобы изменить мнение или поведение адресата» [Телия 1996: 213].

В научном дискурсе какие-либо коннотативные со-значения, в том числе и культурные, отсутствуют в семантике светообозначений. Так, при изложении двух теорий света в учебнике по физике говорится: *Ньютон придерживался так называемой корпускулярной теории света, согласно которой свет – это поток частиц, идущих от источника во все стороны (перенос вещества). Согласно же представлениям Гюйгенса свет – это волны, распространяющиеся в особой, гипотетической среде – эфире, заполняющем все пространство и проникающем внутрь всех тел* (Г.Я. Мякишев, Б.Б. Буховцев. Физика). Речевая ситуация сравнения двух теорий предполагает возможность оценки. Однако особенности научного дискурса заключаются в выражении абстрактных знаний. Ориентация на абстрактное знание лишает светообозначения дополнительных смыслов при употреблении этих лексем в научном дискурсе: *тень – это та область пространства, в которую не попадает свет от источника; полутень – это та область, в которую попадает свет от части источника света* (А. Перышкин. Физика). Однако как мы говорим о нулевой флексии, так, вероятно, мы должны говорить о «нулевой коннотации». Она определяется закономерностями данного типа дискурса, в основе которого – игнорирование взаимоотношений воспринимающего сознания и воспринимаемого объекта в рамках «культуры науки». В других типах дискурса эти же лексемные способны проявлять экспрессивную семантику. «Нулевая коннотация» светообозначений в научном дискурсе, на наш взгляд, есть также производное от развития науки как особого направления культуры и характеризует научный дискурс на современном этапе развития науки в целом.

В рамках религиозного дискурса светообозначения играют огромную роль. Религиозное познание Бога дает несколько иное, чем обыденное или научное, знание о свете. Согласно ему, Бог является источником любого света – он создал свет дня (Быт. 1: 3–5). Солнце соподчинено Ему: оно было создано на четвертый день в дополнение к свету дня (Быт. 1: 14–19). Кроме особых знаний о физическом свете, в религиозном дискурсе актуализируется знание о «нетварном свете», который является «формой» обнаружения Бога или Божественных сил: *«И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому»* (Откр. 14: 14). *Свет / свет, Светлый / светлый* и др. подобные светообозначения выступают репрезентантами культурного концепта *БОГ*, в содержании которого можно увидеть «итог идиотнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [Телия 1994: 14–15]. Кроме того, в религиозном дискурсе культурная семантика проявляется посредством формирования многочисленных коннотативных со-значений, связанных с интерпретацией денотативного. Так, денотативные значения светообозначений, выражая идею Божественного света, дополняются культурными коннотациями, главная из которых несет идею величия Бога: *«И когда молился, вид лица Его изменился, и*

одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк. 9: 29). Такая коннотация выражает экспрессию. Когда световые лексемы употребляются для обозначения не Бога, а человека, то световые слова приобретают значения оценки и выражают отношение говорящего к описываемым им людям. Светообозначения с признаком 'наличие света' несут положительную оценку: *«Тогда праведники воссияют, как солнце»* (Мф. 13: 43); *«и разумные будут сиять, как светила на тверди»* (Дан. 12: 3). Светообозначения с признаком 'отсутствие света' несут отрицательную оценку: *«В тот же день... нечестивые облекутся в одежду всякой скверны, покроются всякою нечистотой и сами источат из себя тьму»* (Преподобный Ефрем Сирий). Подобные культурные коннотации, сформированные в рамках религиозного дискурса, стали основой для развития символического значения. Уже в Новом Завете присутствует противопоставление *света* и *тьмы* как символов добра и зла, например, об учениках Христа говорится, как о «свете мира» (Мф. 5:140). В современном языке коннотативное значение светообозначений выражает семантические признаки, относящиеся к морально-этическим сущностям, например: свет – 'то, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь' [Словарь русского языка 1984: 44–45]. Несомненно, что данный лексико-семантический вариант лексемы *свет* сформировался на основе культурных коннотаций, существовавших в религиозном дискурсе много веков.

Религиозный дискурс, в рамках которого употребление светообозначений существенно обогатилось разветвленной системой культурных коннотаций, оказал глубокое воздействие на формирование семантики светообозначений в художественном дискурсе. Автор как субъект художественной речи не может не обращаться к разностороннему культурному опыту своего народа. Но особое значение приобретает религиозный опыт, концентрирующий в себе и общечеловеческий, и конфессиональный, что и обуславливает развитие эстетического значения отдельной единицы в художественном тексте – ее смысловой объем существенно обогащается культурной семантикой.

Экспликация культурной семантики, обусловленной религиозным кодом культуры, осуществляется в художественном тексте по-разному.

При употреблении светообозначений «культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения» [Телия 1994: 14–15], могут обнаружить себя только при цитировании текстов Старого и Нового Заветов и других канонических текстов.

Никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья <...> слушая <...> сладостно-медлительное «Свете тихий – святая славы бессмертного – отца небесного – святого, блаженного – Иисусе Христе...» (И. Бунин. Жизнь Арсеньева). При сохраненном своеобразии синтаксической конструкции обращения, формы звательного падежа, графического написания с прописной буквы лексема *Свет*

выступает как номинация Бога и соотносится с представлением о *Свете* как о Божественном величии. Кавычки, а также устаревшие грамматические и синтаксические формы не только указывают на цитату, но и являются средством маркирования смысла, сообразного религиозной культуре.

В коннотациях, как известно, лексемы выражают несущественные признаки выражаемого ею понятия, но при этом они воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [Апресян 1995: 159]. Например, в лексическом значении светообозначения признак 'несущий радость' в обыденном дискурсе не востребован, в религиозном дискурсе он относится к числу периферийных. В художественном дискурсе обыденное представление о свете как излучаемой энергии и религиозное представление о свете как проявлении Божественного объединяются на основе логики «умозрения»: лучистая энергия, даруемая Богом, несет радость. *Я люблю крутые косогоры // В чашечках раскрывшихся цветов, // Свет их цвета, голубые взоры, // Мед их пить душой всегда готов* (К. Бальмонт. Задымленные дали). Признак 'несущий радость' реализуется в соответствии с авторским знанием о мире, в частности – в соответствии с его христианскими представлениями о мироустройстве, об отношении человека и Бога.

В художественном дискурсе культурная семантика светообозначений часто формирует «культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации» [Телия 1994: 14–15]. Языковым средством экспликации такого фона выступает аллюзия, указывающая на взаимодействие художественного и религиозного дискурса: *Слагать стихи и верить смело // Тому, Кто мне дарует свет, // И разве есть иное дело, // Иная цель, иной завет?* (Ф. Сологуб. На что мне пышные палаты...); *В двери приоткрытые небес // вижу свет потерянного сада* (С. Кирсанов. Не за жизнь цепляюсь – за тебя...); *Над стеклянющею поволокой // Вновь подтверждающая: – Свет с Востока!* (М. Цветаева. Чем заслужить тебе и чем воздать...). Прописная буква в синтаксической конструкции обозначения лица, перифраза, словосочетание-реминисценция и т. п. способствуют экспликации ассоциаций, связанных с представлением о свете как воплощении гармонии, счастья, обновления.

Влияние одного типа дискурса на другой в рамках употребления светообозначений постоянно эволюционирует. Так, лексикографическая практика XIX века в описании светообозначений испытывала влияние религиозного дискурса, а в XX веке ощущается влияние «культуры науки». Поэтому в современных лексикографических источниках дефиниция лексемы *свет* опирается на научное познание, и в определении используются слова-термины из области естественнонаучных дисциплин: «лучистая энергия», «электромагнитные колебания» [Большой тол-

ковый словарь 2004: 1157], «электромагнитные волны» [Ожегов, Шведова 1994: 690], «электромагнитное излучение» [Словарь русского языка 1984: 44–45]. В XIX веке характер примеров и дефиниций в словаре В.И. Даля («Ангел света – добрый и злой», «Преставление света – страшный суд и конец миру», «Отец светов – всех миров, Бог» [Даль 2002: 579]) свидетельствует, что на составление словарной статьи и выявление сущностных признаков понятия *свет* влияла религиозная картина мира.

Как видим, сущностные признаки понятий о *свете* и *темноте* в различных типах дискурса различаются. Обыденное, научное, религиозное, художественное представления о наличии / отсутствии света обусловлены различными видами человеческой деятельности, но при этом каждый из них влияет на формирование культурной семантики светообозначений. Культурная семантика, обусловленная различными формами сознания, взаимодействует в границах смыслового содержания языкового знака и реализуется через различные типы дискурса.

Литература / References

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. редактор С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2004. – 1536 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 736 с.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «АЗЪ», 1994. – 908 с.
6. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994, № 6. С. 79–96.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. М.: «Русский язык», 1984. Т. 4. С–Я. – 794 с.
8. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 14–15.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: РАН, Институт языкознания, 2000. С. 207–219.

**«ВЕРА И ПРАВДА», «ГРОЗА»:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

*Т.В. Михайлова
А.В. Михайлов*

**«FAITH AND TRUTH», «GROZA»: CULTURAL AND HISTORICAL
SENSES OF POLITICAL TEXTS OF ANCIENT RUSSIA**

*T.V. Mikhaylova
A.V. Mikhaylov*

ABSTRACT:

Cultural and historical meanings of words and combinations of «faith and truth», «Tsar's groza (storm)» in the XVI century are different, and in some cases directly opposed to the modern meanings of these words and combinations. Analysis of journalistic texts of Ancient Russia shows that the ideal ruler, in the opinion of the scribes, combines the true faith with power. Political symbolism is used in the texts for instruction rulers and warnings to the people.

Keywords: Old Russian texts, the image of the Tsar, political symbols, the Tsar's "groza", "faith and truth"

Культурно-исторические смыслы лексем и сочетаний *вера и правда*, *царская гроза* в XVI веке отличаются, а в ряде случаев и прямо противоположны современным смыслам этих лексем и сочетаний. Анализ публицистических текстов Древней Руси показывает, что идеального правителя, по мнению книжников, отличает сочетание истинной веры с силой власти. Политическая символика используется в текстах для наставления властителям и предостережения народу.

Ключевые слова: древнерусские тексты, образ царя, политические символы, *царская гроза*, *вера и правда*

В древнерусской публицистике настойчиво обсуждаются вопросы, связанные с проблемами управления государством. Одна из самых распространённых тем текстов потестарной семантики Древней Руси – обсуждение добродетелей правителя. Ещё в XI веке митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» говорил об обеспечении интересов всех подданных как о высшей цели управления государством, в связи с чем Иларион обсуждает черты благого правителя Русской земли.

Одним из компонентов образа правителя оказывается семантика силы, угрозы, грозы. Ряд лексем наполняет это поле, и в динамике разви-

тия поля *грозы* в некотором смысле отражаются изменения в представлениях русского общества, вовлеченного в политический дискурс. *Вера* и *правда* необходимым образом дополняют семантический комплекс, характеризующий благого правителя и его правление.

Княжеская *гроза* как необходимый элемент системы государственного управления появляется в тексте «Моления Даниила Заточника» XII века. Даниил говорит о крепкой и сильной княжеской власти, вводит лексику *гроза*, на его основе образует сочетание, на несколько веков ставшее базовым, – *царская гроза*, обращенная, по мнению Даниила, на защиту подданных. Семантика *грозы* актуализируется в текстах XVI века Максима Грека и Ивана Пересветова.

О *грозе* Иван Пересветов рассуждает в двух своих челобитных (Большой и Малой) и в публицистической повести «Сказание о Магмете Салтане».

Смелый и предприимчивый человек Иван Семёнович Пересветов приехал на Русь из Литвы около 1538 года. Он ярко проявляет себя: даёт «государю благо*ВЕР*ному царю» Ивану Васильевичу советы. Через 11 лет после своего приезда в «Московию» Пересветову удалось все же встретиться с Иваном Грозным и передать челобитные с проектами государственных преобразований. В этих текстах на примере турецкого властителя автором эксплицированы уроки, долженствующие наставить русского царя после падения Византии.

Язык И.С. Пересветова представляет собой типичный образец публицистики XVI века во время «постепенного перехода от церковной по характеру публицистики к светской» [Колесов 1989: 101]. Важные общественные вопросы выносятся за рамки церковного послания, эмансипируясь от традиционных формул, меняется семантика и синтагматика текста. Появляется понятие «общей простой беседы», трансформирующее стилистику публицистики. Изменяется адресат текстов: место церковной братии занимают высшие мирские власти, элита.

Понятие *грозы* в текстах писателя глубоко, представляет собой масштабное учение об управлении государством. Писатель понимает *царскую грозу* как предназначение и цели Московского государства, им анализируются отношения царя с советниками, с ближним кругом. Текст указывает, против каких политических групп должна быть направлена царская гроза, а какие она должна защищать.

Для раскрытия понятия *царской грозы* используется сопоставление двух царств. Одно царство побеждённое – греческое, православное. Другое – царство победителей, турецкое, мусульманское. Древнерусский книжник обращается к анализу падения Константинополя с тем, чтобы выяснить причины этого печального для любого православного человека события.

Царь должен быть *грозным* правителем для того, чтобы в царстве была *правда*. Цель государства, по мнению Ивана Пересветова, соблюдение *правды*. *Вера* и *Правда* являются ключевыми наряду с «грозою» в челобитных. Как справедливо считает А.Л. Юрганов, «смысловое содержание *правды* и *веры*», столь волновавшее средневековых людей, не только отличается от современного, но и – парадоксальным образом – семантикой противопоставлено ему. А между тем, *правда* и *вера* в своих символических самоосновах хранят тайну средневекового миропонимания» [Юрганов 1998: 26].

Правда в текстах этого автора – ключевое понятие. Как считает известный исследователь древнерусских политических текстов В. Вальденберг, «правда для Пересветова не есть какое-нибудь отвлечённое нравственное понятие без определённого содержания: под *правдой* он разумеет не что иное, как христианский закон» [Вальденберг 2006: 271]. Скорее, речь идёт о более древнем – дохристианском – понятии (ср. «*Правда Русская*»). Однако в основном, на наш взгляд, исследователь прав: *правда* – это далеко не светское, не мирское понятие, как долгое время его толковали историки [Зимин 1958]. *Правда* и *истина* есть важнейшие мировоззренческие категории средневековой русской культуры. «*Правдой* в Древней Руси определяли едва ли не все деяния человека. “*Правду*” можно было дать, то есть отнестись справедливо, либо принести клятву. “*Правду*” можно было взять (например, в суде)...» (см. об этом подробнее [Юрганов 1998: 33–58]).

Б.А. Успенский считает, что «в основе семантики этого слова лежит представление о божественном миропорядке... Отсюда *правда* может пониматься как договор между Богом и человеком» [Успенский 1994: 191]. Таким образом, И.С. Пересветов в своих текстах выстраивает перспективу государства *правды* как государство *праведных* в духе своего времени: *праведный* царь *праведного* православного государства: «*Без таковые грозы правды* в царство не мочно ввести. ...Как конь под царём без узды, так царство *без грозы*» [Пересветов 1908: 72].

Правда и *гроза* для Ивана Пересветова взаимно обусловлены, и сильное правление создает условия для существования правоверного государства: царь не должен быть кротким со своими вельможами, ибо это плохо сказывается на управлении государством, правителю следует быть грозным со слугами, дабы избежать беззакония с их стороны. «Кроткий» царь не будет думать о своём воинстве и об управлении царством. «Кроткий» правитель позволяет вельможам поработить «лучших» людей.

Правление Константина как неудачный пример правления царством используется писателем для раскрытия описываемого понятия. Константин был кротким со своими вельможами, не гневался на них, давал

им «города и волости держати». И.С. Пересветов цитирует Петра, волошского воеводу, говорившего про греков: «... крестъ целуютъ, да изменяють, то есть велия ересь, за веру христианскую не стоять, а государю верно не служат» [Пересветов 1984а: 608]. Вельможи «от слез и от крови рода христианского богатеют», бесчестными поборами обируют подданных царя, творят всяческие несправедливости. Поэтому автор считает, они «в великую ересь впадают, и на Бога хулу кладут..., темь Бога всемь гневят» [Пересветов 1984а: 610]. Отсутствие *грозы* в управлении земного правителя неизменно ведёт к гневу и *грозе* со стороны небесного правителя, как это и произошло в 1453 году в Константинополе.

Царство, где правит *грозный* царь, будет процветать и устоит во все времена. Турки правят там, где было православное царство. Причину этого прискорбного развития событий писатель видит в слабости правления. И.С. Пересветов наполняет понятие *гроза* следующими представлениями: поддержка служивых людей, «воинников», оппозиция по отношению к боярам, сильный суд, суровое наказание для нечестных судей, отказ от системы кормления.

Турецкий царь султан Магомет «нѣверный царь, да Богу угодно учинил»: по всему царству разослал верных ему судей, от принципа кормления на местах отказался, обеспечив чиновников казённым жалованием. Суд он устроил гласный: «А судъ дал полатный во всем царство свое судити без противня» [Пересветов 1984а: 608]. По мнению И.С. Пересветова, Магомет сделал так, чтобы не вводить вельмож в грех и Бога не прогневать. А сам Магомет, по одобрению публициста, *гроза* для неверных и нечестных слуг: «А просудится судья, ино им пишется такова смерть по уставу Махметееву: возведет его высоко, да бьет его взашей надол, да речет тако: “Не умель еси в доброй славе жити, а верно государю служити”» [Пересветов 1984а: 608]. И сдирание кожи живём с неправедного судьи нисколько не пугает автора. Он подробно описывает и это наказание: «А иных живых одирають, да речет тако: “Обростешь телом, отдасть ти ся вина та”». Вот такая «грозная мудрость» делает царство долгим и благополучным. Турецкое царство стоит на этом принципе: «По уставу Махметееву с великой грозной мудростью а нынешнии цари живут» [Пересветов 1984а: 608].

Истинно православный царь должен быть не кротким, а грозным и воинственным по отношению к явным и скрытым врагам государства. Для доказательства этой мысли писатель обращается к миру Ветхого Завета: «А царю без воинства не мочно быти: ангели Божии, небесныя силы, и те ни на един час пламенного оружия из рукъ своих не выпускают, стерегут рода христианского от Адама и до сего часа, да и те службою своею не скупают» [Там же: 614–616].

Словосочетание *пламенное оружие* актуализирует мысль воеводы Петра о необходимости сжигать в огне «чародеев и еретиков», которые отводят от царя удачу и укрощают его воинский дух, сопоставление же царя с огненным ангелом, охраняющим род человеческий, снижает непривычную для древнерусского читателя категоричность текста.

Провиденциализм Ивана Пересветова проявляется в обосновании взаимообусловленности царского поведения и божественных проявлений. «А виноватому смерти розписаны, а нашедши виноватого не пощадити лутчаго, а казнят ихъ по делу дел ихъ. Да рекут тако: “От Бога написано: комуждо по деломъ его”» [Там же: 608].

Главным оппозиционером царя являются его вельможи. На них и должна быть направлена царская гроза. «Сильные люди» притесняют простых подданных, делая их «нагими, босыми и пешими» [Пересветов 1984б: 598]. Пересветов приводит слова молдавского воеводы Петра про русское царство: «Вельможи русского царя сами богатеют а ленивеют, а царство осужают его. И тем ему слуги называются, что цветно и конно и людно против против недруга смертною игрою не играют, тем Богу лгут и государю» [Там же: 610].

Вельможи опутывают царя ересью, гаданиями, ворожбой и коварством, делают его кротким, что для них, боящихся жизнь свою отдать за царя, хорошо, а для православного царства – небезопасно. Пётр обращается с молитвой к Богу: «Боже, поблюди и буди милостивъ над русским царем..., да не уловили бы его тако же вельможи его вражбою от ереси своей и лукавством своим, да не укротили бы его от воинства, бояйся смерти, чтобы имъ, богатым, не умирати» [Там же: 614]. Ленивым и лукавым боярам противопоставлены служивые люди, которые не боятся умереть за своего царя. И.С. Пересветов с явно выраженной симпатией называет их то «богатырями», то «воинами», то «юнаками», то использует описательные конструкции, например, «которые горазди смертною игрою противу недруга за христианскую веру и за тебя, государя, великого царя» [Пересветов 1984б: 598].

Служивое дворянство – это тот социальный слой, на который царь может опереться, наводя порядок в государстве. У вельмож нет отваги в сердце, а воины обладают верным сердцем, поэтому воинов надо поддерживать «доходами из казны». Этот императив в виде совета молдавского воеводы Петра звучит в тексте несколько раз, при этом всегда присутствует оппозиция «воины – соколы» / «ленивые и трусливые вельможи»: «Воинника держати, как сокола чредити: и всегда сердца имъ веселити, а ни в чем на него кручины не напускати» [Пересветов 1984а: 610], «из казны свояе воинником сердца веселити.... Таковым воинником имяна възвышати и сердца им веселити, и жалованья им из казны из казны свояе государевы прибавливати» [Там же].

Ситуация в русском царстве описывается с помощью тех же выражений, какие были использованы при описании Константинополя накануне падения: *Вельможи русского царя сами богатеют, а ленивеют, а царство осуждают его* [Там же: 612]. Пересветов пересказывает разговор молдавского воеводы Петра с человеком из Московии: *И говорит Петръ...: «Такое сильное, и славное, и всемъ богатое то царьство Московское! Есть ли в том царьстве правда? Ино у него служит московитинъ Васка Мерцалов, и он того спрашивал... И он стал сказывати Петру...: “Вера христианская добра, всем сполна и красота церковная велика, а правды нету”»* [Там же: 611]. *Вера* понимается как нечто внешнее, что можно оценить с эстетической точки зрения (*добра, красота велика*), а *правда* – как внутренняя сторона одного и того же понятия. В текстах И.С. Пересветова наблюдаются характерные для древнерусского языка «удвоение близкозначных слов», которое является признаком «процесса формирования понятия на системном уровне обобщения» [Колесов 2002: 221]. На процесс генерализации семантических признаков в системе слов вследствие использования словесных формул (*стыд-срам, радость-веселье, честь и слава, горе не беда*) обращали внимание А.А. Потеня, Ю.М. Лотман, Б.А. Ларин. Подобные формулы, по мнению В.В. Колесова, «обозначали новое по отношению к исходным словам понятие собирательного значения» [Там же: 222]. Направление в развитии собирательности на основе метонимического уподобления развивалось по различным семантическим моделям, в том числе и по модели соотношения внутреннего и внешнего. *Вера* и *правда* И.С. Пересветова не столько противопоставлены друг другу, как считают многие исследователи (например, А.А. Зимин, А.В. Каравашкин), сколько синтезировали единое понятие, обозначающее православное справедливое государственное управление.

Таким образом, публицистика И.С. Пересветова органически связана с древнерусскими текстами, посвящёнными теме «падения царств». *Правда* в государстве, по мнению И.С. Пересветова, занимает самое важное место. Средневековый писатель чуть ли не противопоставляет *правду* и *веру*, показывая первенствующее место правды. Исследователь А.В. Каравашкин считает, что «у Пересветова главный акцент сделан именно на драматическом расколе между верой и правдой, вступившими в полосу поистине тревожного противостояния» [Каравашкин 2000: 70].

Эта некая антиномичность мышления, однако, не помешала древнерусскому писателю создать проект государства, где возможна симфония истинной *веры* и *правды*. В гармоничном соединении этих двух смыслов в одно ключевое понятие автор, возможно, и видит возможность для государства устоять. Выражение понятия парой слов в древнерус-

ском языке – это обычный способ экспликации синкреты. *Царская гроза* – это база программы управления государством, «свёрнутая» в политический образ. Без выполнения этой программы любое царство долго не устоит. Грозное, сильное царство – благо для подданных, ибо они защищены царскою *грозою* от беззакония «лучших» людей. Семантика лексемы *гроза* разворачивается в целый ряд ассоциаций и словосочетаний: *гроза* – *грозный царь*, *гроза* – *пламенное оружие*, *гроза* (царя) – *Божья кара*, *гроза*, *устрашение врагов* – *устрашение слуг* – *наказание непокорных* – *милость к послушающим*, *гроза* (царя) – *беззаконие* (бояр) и т. д.

Таким образом, развитие семантики лексемы *гроза*, словосочетаний *грозный царь*, *грозное царство* к концу XVI века в ряде публицистических сочинений обуславливает и дальнейшую динамику лексики политического дискурса России. «Смутное Время» конца XVI – начала XVII вв., очевидно, становится следствием ослабления *царской грозы*. Тексты более поздние демонстрируют развитие семантического поля (царской) *грозы*, при этом можно констатировать некоторое ослабление интенсивности *веры* и *правды* и сочетаний на их основе.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Вальденберг В.В.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца 17 в. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 368 с.
2. *Желтов В.В.* Теория власти. М.: Флинта; МПСИ, 2008. – 582 с.
3. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М.: Издательство АН СССР, 1958. – 500 с.
4. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 296 с.
5. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
6. *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. М.: Прометей, 2000. 418 с.
7. *Пересветов И.С.* Большая челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984а. С. 602–625.
8. *Пересветов И.С.* Малая челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984б. С. 596–601.
9. Пересветов И.С. Повесть о Магмете салтане // Ржиги В.Ф. И.С. Пересветов, публицист XVI века (с приложением сборника его сочинений) / Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М.: Синодальная типография, 1908. С. 71–78.
10. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
11. *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. – 448 с.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВЕРЫ, КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

С.Е. Никитина

THE INTERACTION OF FAITH, CULTURE AND LANGUAGE IN RELIGIOUS GROUPS

S.E. Nikitina

ABSTRACT:

The author claims that the faith in religious groups runs through the culture becoming an integral part of it. Keywords and folk etymology are cited as examples to demonstrate their active role in the creation of the religious world view and corresponding behavior.

Keywords: religious groups, faith, culture, language, interaction, folk etymology, world outlook, behavior

Утверждается, что в народных конфессиональных группах религия пронизывает культуру целиком, составляя с ней единое целое. Приводятся примеры ключевых слов и народной этимологии, играющие активную роль в создании конфессионального миропонимания и обусловленного им поведения.

Ключевые слова: конфессиональные группы, религия, культура, язык, взаимодействие, народная этимология, миропонимание, поведение

Под конфессиональными сообществами, или конфессиональными группами, я понимаю общность людей, возникшую в результате некоторых догматических и/или обрядовых расхождений с доминирующим в обществе/государстве вероисповеданием. Так, в католичестве в результате религиозных противоречий возник протестантизм, представленный множеством разных конфессиональных групп. В русском православии одно из конфессиональных сообществ сформировалось в борьбе с религиозными нововведениями XVII в. – это старообрядчество, или *древлеправославие*, разделившееся на множество групп, называемых *согласиями* и *толками*; другие группы, представляющие русский народный протестантизм, возникли в процессе оригинальной переработки протестантских идей, адаптированных русской народной ментальностью; таковы, например, *духоборчество* и *молоканство*.

Что касается отношения между религией и культурой, то здесь существует два принципиально разных взгляда: либо религия рассматривается как часть культуры, либо они предстают как разные сущности,

имеющие самостоятельные статусы. Я принимаю вторую точку зрения, которая в данном случае, на мой взгляд, помогает лучше объяснить тот тип их взаимодействия, который характерен для названных конфессиональных сообществ, а именно: это не стык или пересечение разных частей культуры, не печать религии на некоторых ее элементах (как я сама раньше писала), а слияние культуры с религией/вероисповеданием, когда религиозный дух проникает во все поры культуры как системы смыслов, порождающих и отражающих её материальные и нематериальные воплощения. Степени же соединения и концентрации духовного начала в разных элементах культуры различны.

Так, в традиционной народной конфессиональной культуре вероисповедание, казалось бы, можно рассматривать как одну из традиций, составляющих культуру, наряду с традиционным фольклором, одеждой, пищей и т. п. Каждая из перечисленных традиций достаточно автономна и может быть утрачена, в то время как другая или другие пока продолжают существовать (например, может произойти утрата традиционного костюма или песенной традиции при сохранении традиционной кухни и/или похоронного обряда). Однако только вероисповедание (в данном случае – вероисповедание конфессиональных групп, в течение веков выработавших способность к противостоянию светской и духовной власти и натиску доминирующей в стране культуры) обладает способностью проникать во все остальные элементы конфессиональной культуры, подчиняя себе и так называемую профанную её часть. Конфессия устанавливает, например, правила и запреты в области брачных отношений, в потреблении алкоголя, в функционировании мирского пения, пищевых предпочтений, ношения украшений и применения косметики. Ярким примером слияния конфессионального и бытового может служить одежда духоборцев, детали которой символизируют историю духоборческого движения и элементы учения (описание духоборческой одежды см. [Иникова 1992]). Такова, в частности, женская духоборская шапка, элементы которой имеют семиотическую – космологическую и конкретно-историческую – интерпретации.

Способность создавать защитные барьеры, модифицировать или, наоборот, консервировать самые разные элементы культуры и языка является важнейшим показателем функционирования конфессиональной традиции наряду, например, с такими признаками, как наличие регулярных богослужений, активная деятельность и несомненный авторитет лидеров и интерпретаторов религиозного учения. Конечно, все эти признаки проявляются в разных территориальных вариантах культуры в различной степени, потому что в наши дни в локальных распадающихся конфессиональных сообществах вера скудеет (как сказала одна из молочанок, «ныне вера сокращённая стала»), и конфессиональная традиция

угасает.

Что же касается языка, то и для культуры, и для религии он является условием их существования, орудием действия и инструментом их описания, а также способом производства текстов, воздействующих и на культуру, и на религиозное миропонимание. Это отчетливо видно в функционировании в конфессиональной среде священных текстов. Можно, например, сказать, что все жизненные невзгоды и хитросплетения эти люди рассматривают через призму Библии (молокане), призму устных псалмов «Животной книги» (духоборцы), призму Нового Завета и произведений Отцов церкви (старообрядцы); то есть руководством для повседневной жизни является священный письменный или устный текст, к которому обращаются практически ежедневно. Кроме того, в самом языке, в его лексике и фразеологии хранятся конфессиональные смыслы, регулирующие и направляющие поведение членов конфессиональных сообществ. К конкретному рассмотрению таких элементов языка мы сейчас и обратимся.

Естественно считать, что это ключевые слова, или языковые стереотипы, религии и культуры. За большинством таких ключевых слов стоят культурно-религиозные концепты, то есть те смыслы, без которых конфессиональная культура теряет свою специфику, которые входят в конкретные семиотические системы и могут реализоваться в разных культурных кодах (о природе религиозных концептах и методах их описания см. [Никитина 2009; Постовалова 2012]). Культурно-религиозные концепты, выраженные ключевыми словами, вместе с набором семиотических оппозиций, участвующих в построении концептуальных смыслов, образуют каркас конкретной конфессиональной культурно-языковой картины мира.

В первую очередь в конфессиональной культуре следует выделить собственно конфессиональные термины, прежде всего конфессионимы, которыми обозначают себя члены конфессиональной группы, называя вероисповедание своего сообщества. Так, старообрядцы, по догматике идентичные православию, от которого оказались отлученными, говорят о своей *древлеправославной вере*, главным отличием которой является сохранение старых дониконовских обрядов. Этим они противопоставляют себя *никонианству*, или обычному православию, а разбившись на поповские и беспоповские направления (*согласия* и *толки*), называют себя, чаще всего указывая на происхождение, место образования данного согласия, на первого руководителя или на специфический образ жизни. Именно так возникли названия *поморцы*, или *поморская вера* (согласие возникло в Выговской обители, на реке Выг, недалеко от Белого моря), *белокриницкие* (принятие в 1846 г. священства произошло в г. Белая Криница), *федосеевцы* (первым наставником был Феодосий),

бегуны, или *странники*, принципиально не имеющие паспортов и постоянного места жительства и др.

Молокане предпочитают вместо слова *вера* или *вероисповедание* употреблять слово *упование*. Интересуясь вероисповеданием, к которому может принадлежать какой-либо человек, молоканин не скажет: «Какой Вы веры?», но вежливо спросит: «Какого Вы *упования*?», вкладывая в эту номинацию идеи веры, надежды и преданной любви к Богу. Название своего *упования* – *молоканство* – они связывают с учением Христа и ведут свой конфессионим от слов апостола Петра: «Возлюбите чистое словесное *молоко*, дабы от него возрасти вам во спасение» (1Пет 2: 2). Напомню, что противопоставляя себя русским, духоборцы и молокане – в отличие от старообрядцев – дают основание для отнесения их к этноконфессиональным группам, определяющим себя как этнос через конфессиональную принадлежность.

К конфессиональным терминам, за которыми могут стоять религиозные и культурно-религиозные концепты, относятся обозначения элементов догматики, частей богослужебного обряда, богослужебных ролей; действий и предметов, употребляемых во время службы, а также и необходимых для домашней молитвы. Сложны и до конца не выяснены молоканский и духоборческий концепты Троицы, претерпевшие во времени довольно большие изменения. Здесь отмечу только следующее: три взаимных поклона, которые совершают духоборцы во время моления, взявши друг друга за руки, они объясняют тем, что кланяются Троице, которая живет в человеке как Память (Бог-Отец), Разум (Бог-сын) и Воля (Бог-Святой Дух). Таким образом, одна из интерпретаций Троицы, возникшая в первые века Новой эры, реализуется у духоборцев, кроме вербального, и в акциональном коде культурных смыслов. Религиозными концептами всех христианских конфессиональных культур являются концепты греха и покаяния, ада и рая, и многие другие, однако у каждой конфессии в них есть своя специфика, как есть она, например, в понимании греха у православных и католиков [Панова 2000].

Что касается названий богослужебных ролей, то, например, у поморцев, федосеевцев и некоторых других старообрядческих согласий, которые считают, что благодать во времена патриарха Никона ушла на небо, роль главы общины и священника частично исполняют избранные членами общины *наставник/духовный отец* и *уставщик*; у молокан, где священства нет принципиально, функции главы общины и проповедника выполняют соответственно *пресвитер* и *беседник* (старорусское название проповедника – *С.Н.*).

Неологизм *открышиа* (в богослужении *прыгунов*, или *духовных*, – мистического направления молоканства – произвольное открытие про-

роком священной книги и прочтение указанного пальцем текста как пророчества) вряд ли можно назвать ключевым словом, однако оно входит в семантическое поле безусловно ключевого слова *пророк*, за которым стоит «доминантный» (термин В.И. Карасика) религиозно-культурный концепт, необходимый для существования этого направления в молоканстве. Заметим, что говоря о себе, пророк не может сказать: *вчера я сделал открышу*, но только *вчера (у меня) была открыша*, поскольку *открыша* – это разновидность возвещения, посылаемого Богом – субъектом сообщения – через пророка, который является только посредником. (о действиях молоканского пророка, в частности, речевых, см. [Никитина 2009: 312–329]).

Существенно, что в семантике и/или в употреблении языковых стереотипов религиозные/сакральные и мирские/профанные элементы смысла спаяны, или слиты в разных пропорциях. Так, *лестовка*, аналогом которой являются *чётки* в православии и католичестве, служит у старообрядцев неперенным помощником в молитве и дома, и в церкви. В отличие от *подрушника* – молитвенного коврика, используемого для удобства во время земных поклонов, *лестовка* является ключевым словом старообрядческой культуры: каждый её элемент имеет семиотический смысл и большую профессиональную ценность, обозначая элементы вероучения: это лестница духовного возвышения (отсюда *лестовка*), и замкнутый круг – образ вечной и непрестанной молитвы.

Конфессиональная окраска существует в смысловом пространстве названий многих бытовых вещей – названий, определяющих их употребление. Такой простой предмет, как чашка, в мире некоторых согласий старообрядцев-беспоповцев может быть назван *доброй* (*добрая чашка* – для людей своей веры или уже – для *соборных*, то есть отошедших от мира) или, наоборот, *мирской посудой* (для всех остальных людей), реализуя в своём употреблении – отделение от людей другой веры через отделение в посуде – важнейшую профессиональную оппозицию – «чистота – нечистота» (*чужие по вере – нечистые*); в этой оппозиции участвует и третья составляющая – *поганая посуда* (для домашних животных.). Одновременно предмет, названный *доброй чашкой*, выполняет и вполне профанную функцию гигиены, о чём говорят сегодня сами староверы: «заразы не будет» (правда, приведенное высказывание может говорить о появлении мотивации, вызванной оскудением веры).

То же соединение религиозных и профанных/мирских элементов смысла характерно и для многих ключевых слов, обозначающих культурно-религиозные концепты. Так, молоканский *пророк*, возвещая волю Бога, часто устраняет возникшие или готовые возникнуть вполне *мирские* конфликты внутри общины, исполняя тем самым важную социаль-

ную функцию. С другой стороны, казалось бы, самые обычные слова, вбирая в себя религиозные смыслы, начинают выражать культурно-религиозные концепты. Таково, например, слово *звук*, которое в молоканской культуре несёт в себе много важных конфессиональных функций. Кроме акустических характеристик, *звук* обозначает общую иллюкативную направленность и эмоциональный настрой богослужебных текстов, реализующих данную Богом тему (*смысл*) конкретного богослужения. Молокане-прыгуны говорят: «ведём служение по *звуку* и по *смыслу*».

Итак, одни языковые стереотипы несут в себе религиозную семантику, в других спаян религиозный и профанный смысл, для третьих основным остаётся культурный/бытовой смысл, но конфессионально окрашенный указанием на принадлежность к определенной религиозной группе. Последнее характерно в этих культурах для ономастического и формул этикета (подробнее см. [Никитина 2013: 140–141]).

Конфессиональные культуры, обладая высокой степенью культурного самосознания, несут в себе показатели своей рефлексии над языком, рождая многочисленные метатексты, прежде всего, герменевтические, и формируя элементы метаязыка культуры. К последнему следует отнести рожденные в конфессиональной культуре номинации основных моделирующих оппозиционных пар типа *чистое – нечистое*, *своё – чужое*, *наружное – внутреннее*, *старый – новый* и др., образующих метакоцепты культуры, по словесной форме совпадающие с терминами исследователей. Их описание представляет собой отдельную тему. Здесь мы кратко остановимся на другом свидетельстве рефлексии носителей конфессиональных культур над языком – это обостренное внимание ко внутренней форме слова и явная склонность к народной этимологии. Последнее же может провоцировать определенный тип действий.

Так, название далекой прекрасной страны, где сохранилось истинное правильное священство, где все люди вольно и счастливо живут «по вере, или «по Закону», имеет притягательное название Беловодье, и старообрядцы в течение двух веков стремились туда попасть. Это слово указывало на нечто прекрасное (*бел*), и на *воды*, которые нужно преодолеть, чтобы до этой желанной страны добраться (часто эта земля обетованная представляется как остров или находится на берегу моря), и на *живую воду* Христова учения, которое в Беловодье процветает. Этот смысл объединяет множество текстов (словесный код), разнообразную деятельность по созданию способов достижения далёкой прекрасной страны, огромное число длительных путешествий, для этого предпринимаемых (поведенческий код). Он указывает на мощный, значимый для старообрядческой культуры концепт. Неслучайно книга Е.Е. Дутчак [2007], посвящённая миграционным процессам и адаптации старооб-

рядческой группы на территории томской тайги, называется «Из “Вавилона” в “Беловодье”», где названия обеих территорий проживания – метафоры, первая из которых – метафора грешного, злого, жестокого *мира*. Впервые глубокое и разностороннее описание этой народной утопии дано в работе К.В. Чистова [1967]; см также исследования последнего времени, например, [Савоскул 2010, Чувьюров 2013].

В культуре молокан-прыгунов, которые являются миллениаристами, близким к концепту Беловодья оказывается концепт, объединяющий в себе как образ далекой прекрасной земной страны, спасительной для *страдальцев за веру* (*страдальцы за веру* – общий для всех трех культур концепт) – такой стала для многих молокан-эмигрантов Америка, так и идею тысячелетнего царства на обновлённой Земле после конца света, где соберутся все когда-либо жившие *страдальцы*. Одно из ключевых слов, этот смысл называющее, – *убежище*. Рядом с ним возникает ключевое слово *поход*. Как и *убежище*, оно имеет два типа употребления: это и физическое перемещение *в убежище* – другую страну, и религиозно-нравственное приготовление к *убежищу* – земному царству Христа. Облеченные в *белые ризы*, вооруженные *мечами*, *воины* в молоканских духовных песнях символизируют идею нравственного очищения и борьбу с искушениями *злого мира*, который они покидают в преддверии *нового мира – тысячелетнего царства*, где *страдальцы* станут *царями и царицами* (подробнее см. [Никитина, 2011]).

Ещё пример. У молокан народная этимология ключевого слова *обряд* как «обретенное от предков» (вместо правильного указания на слово «ряд»), даёт основание, с одной стороны, следовать обряду, данного предкам Богом, с другой – возможность не исполнять каждую букву обряда, подверженного изменениям по слабости человеческой памяти (последнее, например, сказывается в расхождении у разных общин количества коленопреклонений во время богослужения). Дискуссии по поводу значимости обряда вообще и некоторых обрядовых элементов в частности, велись у молокан издавна, не утихают и в настоящее время.

Примеры народной этимологии особенно многочисленны в духовно-борческих текстах [Никитина 1996]. Народное толкование смысла слова играет активную роль в создании конфессионального миропонимания, где рожденные таким языковым сознанием смыслы могут стимулировать людей на определенное поведение и объяснять его. Думается, что исследование языковых стереотипов в конфессиональных культурах может дать интересный материал для подтверждения некоторых положений гипотезы лингвистической относительности.

Литература / References

1. *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2007. – 413 с.
2. *Иникова С.А.* Особенности костюма кавказских духоборцев // Духоборцы и молокане в Закавказье. М.: Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1992. С. 89–105.
3. *Никитина С.Е.* Паронимическая аттракция или народная этимология? // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 318–325.
4. *Никитина С.Е.* Земное царство Христа в молоканском фольклоре сквозь призму ключевых слов // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. Сборник статей. СПб: МАЭ РАН, 2011. С. 189–202.
5. *Никитина С.Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Институт языкознания, 2009. – 354 с.
6. *Никитина С.Е.* На скрещении наук: этноконфессиональная лингвистика // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. Москва, Калуга: Институт языкознания РАН, 2013. С. 136–145.
7. *Панова Л.Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167–177.
8. *Постовалова В.И.* Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Теолингвистика. Международный тематический сборник статей. Под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. Београд: университет у Београду, православно богословски факултет, 2012. С. 143–152.
9. *Савоскул С.С.* Аляска – последний рубеж Беловодья // Этнографическое обозрение. М.: 2010. № 6. С. 141–157.
10. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. – 342 с.
11. *Чувьоров А.* Легенда о Беловодье в письменной и устной традиции // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Академическая серия, вып. 44. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер». Институт славяноведения Российской Академии наук. 2013. С. 86–122.

О МЕТОДАХ ДЕКОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОНОСНЫХ СМЫСЛОВ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е.В. Ничипорчик

ABOUT THE METHODS OF DECODING CULTURALLY- SIGNIFICANT SENSES OF PAREMIOLOGICAL UNITS

E.V. Nichyporchyk

ABSTRACT:

Culturally-significant senses of proverbs are implicitly expressed value orientations. Decoding the senses includes consistent movement from analysis of the meanings expressed by the surface structure with its immanent modal framework to the modi of deep structures of sense and establishing correlations between detected modal meanings and functionally-pragmatic modi of proverb.

Keywords: proverb, value orientations, modality, structure, meaning, function, sense

Культурно значимые смыслы паремий заключаются в имплицитно выраженных ценностных ориентациях. Декодирование данных смыслов предполагает последовательное движение от анализа значений, эксплицитированных поверхностной структурой с присущими ей модальными рамками, к модусам глубинных структур смысла и установлению корреляций обнаруженных модальных значений с функционально-прагматическими модусами паремии.

Ключевые слова: паремия, ценностные ориентации, модальность, структура, значение, функция, смысл

Одним из вторичных значений латинского слова «cultura», воспринятого носителями многих других языков в качестве термина, связываемого с понятием «достижение» в разнообразных сферах человеческой деятельности, является «воспитание, образование». В самом имени термина, таким образом, оказалась закодированная информация об одной из важнейших функций культуры. Данная функция предполагает ориентацию и тех, кто создаёт культурные феномены, и тех, кто приближается к культуре посредством постижения смысла этих феноменов, на идеал, образец, норму, то есть на то, что мыслится как нечто оптимальное, имеющее или приобретающее особую значимость. Отражению такого рода ориентаций служат и паремии – продукты речевой деятель-

ности, прецедентность которых обусловлена их культуросносными смыслами.

Задача лингвиста – вскрыть механизмы декодирования культуросносных смыслов, которыми обладают паремиологические единицы. Постановка такого вопроса, равно как и поиск методов для его решения, обусловлена несколькими причинами.

1) Во-первых, ценностные ориентации не элементарны по своей природе, многообразны их функции. По мнению В.Л. Абушенко, в диспозиционной структуре личности ценностные ориентации образуют высший (как правило, осознаваемый – в отличие от социальных установок) уровень иерархии предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности, их оценке, а также к поведению в актуальной и долгосрочной перспективе [Абушенко 2001: 1199]. Ценностные ориентации «задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости (через волевые компоненты) к реализации собственного “проекта” жизни» [Там же]. Смысл паремий, связанный с отражением ценностных ориентаций, в соответствии с этим, тоже не элементарен.

2) Во-вторых, ценностные ориентации не выражены в паремиях непосредственно. Это отмечается многими исследователями¹. Явное назидание (имеющее отношение к направляющей компоненте ценностных ориентаций) может вызвать неприятие навязываемого мнения, создать барьер отчуждения, равно как и прямое выражение оценки (выступающей основанием для осуществления ценностного ориентирования) без апелляции к образу, иносказанию, языковой игре вообще может разрушить гармонию отношений между информатором и реципиентом, лишить высказывание должной воздействующей силы.

3) В-третьих, в сознании человека ценностные ориентации не существуют изолированно, они образуют систему, структурными элементами которой являются три подсистемы: когнитивная – система знаний и убеждений; эмотивная – система чувств и эмоциональных оценок; поведенческая – система определенных действий [Сурина 2005: 163]. Эти подсистемы коррелируют с тремя измерениями в структуре культурного пространства, тремя основными типами смыслов, содержащихся в со-

---

¹ В.И. Карасик, например, считает характерной особенностью пословиц то, что «правила поведения в них выражены не прямо, а опосредованно» [Карасик 2002: 21]. Л.Б. Савенкова также отмечает, что паремии способны именно «указывать» на ценность [Савенкова 2002: 10].

циальной информации, – знаниями, ценностями и регулятивами [Колодин: ЭР]. Данные типы смыслов находятся в тесном взаимодействии в рамках тех коммуникативных единиц, содержание которых они представляют.

При виртуальном рассмотрении семантики пословиц, отмечает А.А. Крикманн, должны учитываться как минимум три функции, которые пословица может одновременно выполнять в повседневной коммуникации: утверждающая, оценочная и прескриптивная [Крикманн 1984: 167]. Данные функции А.А. Крикманн связывает с понятием модальности, подчёркивая при этом, что для выражения утверждающей и прескриптивной модальностей в языках большинства народов существуют эксплицитные грамматические средства в виде «повествовательного» и повелительного наклонения, а оценочная модальность характеризуется имплицитностью. Модальные планы при интерпретации смысла пословичного текста, по мнению А.А. Крикманна, оказываются совмещёнными: «Действительно манифестированные в пословице утверждение или повеление составляют её поверхностную функцию, по отношению к которой остальные могут рассматриваться как глубинные. Восприятие пословицы может рассматриваться как движение информации по этим модальным ступеням: в направлении *утверждение* → *оценка* → *предписание* в случае поверхностного индикатива и в противоположном направлении в случае поверхностного императива» [Там же: 167-168].

Аналогичные идеи о взаимодействии модальностей в оценочных структурах высказывают Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюнова. По мнению Е.М. Вольф, оценочная модальность может накладываться на ассерторическую и другие виды модальности, сочетаясь с ними разными способами [Вольф 1985:122]. К примеру, в оценочных структурах, условно называемых *de re* (*Он хороший студент*), совмещаются утверждение и оценочная модальная рамка, а в «квазиоценочных» высказываниях, которые являются собственно ассерторическими, оценочная модальная рамка может быть постулирована с опорой на знание «картины мира» (*Он провалился на экзамене – «и это плохо»*) [Там же]. Анализируя позиции английских исследователей, дискутирующих о возможности вывода из ассерторических высказываний деонтических, Е.М. Вольф апеллирует к аргументации М. Блэка (он считает, что переход от фактического высказывания к высказыванию долженствования и императиву проходит через промежуточный этап высказывания с оценочным значением) и склоняется к мысли о том, что оценочная модальность является связующим звеном между ассерторической и деонтической модальностями [Там же]. Н.Д. Арутюнова, ссылаясь на Р. Хэра и Р. Карнапа, тоже отмечает связь оценки с прескрипцией [Арутюнова 1988: 46] и вслед за П. Ноуэллом-Смитом связывает все прагматические функции

оценочных высказываний (совет, рекомендацию, запрет, похвалу, одобрение и др.) с понятием выбора, требующего стандартизированного ориентира. Это позволяет исследователю прийти к выводу о том, что все ценностные суждения скрывают за собой, кроме прочих смыслов, общее утверждение, трактуемое как отсылка к некоторому стандарту [Там же: 50, 52].

Вопрос о корреляции модальностей в семантической структуре паремиологических единиц затрагивается в работах Г.Д. Сидорковой [Сидоркова 2003], С.Н. Авериной [Аверина 2005], Е.Н. Ясюкевич, О.Г. Баламута [Ясюкевич, Баламут: ЭР]. Г.Д. Сидоркова устанавливает закономерности соотношения в семантике паремий деонтической и алетической модальностей с аксиологической, а также вскрывает связь этих видов модальностей с прагматическими функциями паремий. С.Н. Аверина развивает идеи Г.Д. Сидорковой и выделяет два уровня модальных планов, свойственных паремиям, определяя закономерности взаимодействия модальностей, представляющих уровень содержания паремии и уровень их прагматической функциональности. Е.Н. Ясюкевич и О.Г. Баламут, анализируя различные виды ирреальной модальности, свойственные паремиологическим единицам, и соответствующие данным видам модальности прагматические функции, так же, как и С.Н. Аверина, обращаются к описанию только двух планов модальных значений.

Семиотическая специфика паремий, имеющих, кроме значения, выражаемого поверхностной структурой, смысл, извлекаемый посредством интерпретации содержания (инвариантное значение, или логему), а также функционально-прагматический смысл, определяемый как цель использования паремиологической единицы в речи (интенциональное значение), позволяет прийти к заключению о правомерности выделения как минимум трёх планов модальных значений, присущих паремиологическим единицам. Это 1) модальность поверхностной структуры – тип отношения содержания паремии к действительности, эксплицированный специальными языковыми средствами (лексическими и/или грамматическими), данный тип отношения отражает оценку продуцентом паремии / говорящим положения дел как реального (связанного с достоверным знанием) или ирреального (возможного, невозможного, желаемого и др.); 2) модальность интерпретационной структуры (интерпретационных структур) – тип отношения содержания паремии к действительности, выявляемый интерпретатором, дешифрующим глубокий, имплицитный смысл; 3) модальность актуализируемой речевой структуры – тип отношения продуцента паремии / говорящего к содержанию паремии, определяющий характер осуществляемого посредством паремии речевого воздействия (для паремии вне контекста модаль-

ные значения данного плана представляют функционально-прагматический потенциал, в значительной степени предопределённый значениями первых двух модальных планов).

Процесс восприятия паремии и извлечения её смысла для реципиента паремии является, по сути, нерасчленённым процессом. Актуализация того или иного смысла из ряда заданных семантикой паремии в каждом конкретном случае детерминируется речевой ситуацией. Определение же того, что обуславливает множественность смыслов паремии вообще и, соответственно, возможность «переключения» с одного смысла на другой, находится в ведении лингвиста.

Декодирование культурноносных смыслов паремий, связываемых с отражением ценностных ориентаций, может быть осуществлено с опорой на метод логического вывода имплицированных значений. Этот метод предполагает последовательное движение от анализа семантики поверхностной структуры с соответствующими ей модальными рамками к вскрытию связей модусов поверхностной структуры с модусами глубинных структур смысла, выявляемых методом перефразирования, и затем к установлению корреляций обнаруженных модальных значений с функционально-прагматическими модусами паремии.

Для проведения такого рода анализа используем две тематически родственные паремии, представляющие разные модальности на «входе», то есть на уровне поверхностной структуры.

Сытое брюхо к учению глухо. Поверхностная структура данной паремиологической единицы имеет грамматические показатели ассерторической модальности (нулевую связку в составе предиката), то есть обозначенное посредством косвенной номинации положение дел (прямое его обозначение может быть примерно таким – *‘человек, который ни в чём не нуждается, не способен / не стремится к постижению чего-то нового’*) представляется как факт. В силу того, что буквальное значение расходится с собственно значением паремии, возникает соблазн уже на уровне поверхностной структуры приписать паремии значение алетической модальности (а именно: значение невозможности). Однако в этом случае необходимо учитывать, что данное значение не находит эксплицитного выражения в формально-грамматической структуре, а значит, должно быть соотнесено с уровнем интерпретативных структур смысла.

А.А. Крикманн предупреждает о недопустимости игнорирования модальных значений поверхностной структуры пословичного текста, мотивируя это следующим образом: «от того, приписываем ли мы тексту констатирующую или прескриптивную поверхностную функцию, кардинально зависит ход его толкования на уровне глубинных функций,

а также более общая мировоззренческая интерпретация, то есть видим ли мы в нем отражение действительности или идеалов» [Крикманн 1978: 97]. И действительно, обращение к вторичным языковым формам выражения мысли, иному модальному оператору, чем тот, который непосредственно связан с мотивирующим содержанием паремии смыслом, делает паремию менее провокативной в плане несогласия с выражаемым мнением, а значит, и более привлекательной для реципиента. Ассерторика виртуальной реальности в нашем случае оказалась предпочтительнее, чем алетика ирреальности.

Ассерторическая модальность соседствует на уровне поверхностной структуры и с другой, эпистемической модальностью – содержание паремии оценивается её продуцентом и соответственно пользователем как достоверное знание, в модальную рамку паремии могут быть включены операторы: *всем известно (= все знают), что...*; *практикой жизни подтверждено (= доказано), что...* Заметим, что именно эпистемический модус, связывающий содержание паремии с коллективным знанием, придаёт паремиям статус авторитетного мнения.

Проявляет себя в поверхностной структуре паремии и аксиологическая модальность – негативное отношение к инертности «сытого» человека. Актуализация оценочного модуса обусловлена тем, что позицию предиката занимает оценочно маркированная лексема *глухо*, а данная позиция с необходимостью детерминирует актуализацию системно заданных оценочных сем.

Расширяется семантика паремиологической единицы и за счёт других модусов, соответствующих глубинным структурам смысла и вскрывающих связь этих структур с поверхностной структурой: алетическая модальная рамка со значением невозможности – *‘не может человек, который ни в чём не нуждается, испытывать стремление к постижению чего-то нового, изменению чего-либо в своей жизни, деятельности’*; *«невозможно подвигнуть человека, который ни в чём не нуждается, к постижению чего-то нового, изменению чего-либо в своей жизни, деятельности»*; деонтическая модальная рамка со значением запрета – *‘не следует ожидать от «сытого» человека изменения его позиций’*; *‘не нужно подвигать «сытого» человека к изменению его позиций’*; аксиологическая модальная рамка со значением негативной телеологической оценки – *‘напрасно ожидать от «сытого» человека изменения его позиций, стремления постичь что-то новое»*, *«бесполезно подвигать «сытого» человека к изменению его позиций, постижению чего-*

либо нового⁷. Наличие комплекса модальных рамок обуславливает и множественность интенциональных значений паремии. Ассерторическая модальность вкупе с эпистемической позволяет использовать паремию в констативном ключе как подтверждение факта наличия в действительности закономерности, отражённой в содержательных аспектах паремии. Наличие аксиологического, алетического и деонтического модусов является основанием для использования паремии в речи с целью выражения неодобрения, осуждения, укора, сговора, совета, предупреждения, отклоняющей рекомендации, а также в качестве аргумента, подкрепляющего оценку, совет, рекомендацию.

Кто хочет много знать, тому надо мало спать. В поверхностной структуре каждой из частей данной паремии использованы средства выражения значений ирреальной модальности: оптимативности и должностности. Однако отражённая в содержательных аспектах паремии причинно-следственная связь между желанием и удовлетворяющим его реализацию условием имеет модус ассерторической модальности, свидетельствующий о том, что обозначенная закономерность существует (*достижение желаемого требует жертв, и это факт*), и модус эпистемической модальности, свидетельствующий о достоверности отражённого в содержательных аспектах паремии знания (*всем известно, что достижение желаемого требует жертв*). Актуализированным является также аксиологический модус с разрешённым конфликтом оценок в пользу позитива: *желание «много знать»* маркируется позитивно, *необходимость «мало спать»* – вообще негативно, но как условие для самосовершенствования вызывает одобрение. Поскольку паремия имеет буквально выраженный смысл, модальные рамки интерпретационных структур совпадают с модальными рамками поверхностной структуры: *«желающему познать многое нужно много трудиться»* (деонтический модус), *«тому, кто не прилагает усилий, невозможно познать многое»* (алетический модус), *«достижение желаемого требует от человека жертв» – плохо*, *«нежелание прилагать усилия для достижения лучшего» – плохо*; *«проявление усердия, являющегося условием достижения лучшего» – хорошо* (аксиологический модус). Отсюда и соответствующий набор интенциональных значений: констатив, рекомендация, совет, предупреждение, осуждение, укор, оправдание. Паремия может быть использована также в качестве аргумента, подкрепляющего рекомендацию либо оценку.

Посредством логического анализа может быть выведен и общий культурноносный смысл рассмотренных паремий, который будет соответствовать отражённой в их содержательных аспектах ценностной

ориентации, – ‘не довольствуйся тем, чего достиг, стремись к духовному совершенству’.

Множественность культурноносных смыслов каждой конкретной паремии задаётся множественностью модальностей, которыми она обладает в силу присущего всем паремиям глобального прагматического значения, обусловленного их вхождением в культурное пространство в качестве единиц, денотация которых квалифицируется не как денотация к миру, а как «повод для отнесения к системе ценностей» [Телия 1996: 74]. Анализ показывает, что ценностные ориентации находят отражение в паремиях благодаря взаимосвязи всех модальных планов и представляют область не выраженных явно, но осознаваемых продуцентами и реципиентами паремий регулятивных образований.

Литература / References

1. Абушенко В.Л. Ценностные ориентации // Всемирная энциклопедия. Философия. Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1199–1200.
2. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. – 159 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. 1988. – 341 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 228 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. – 477 с.
6. Колодин А.В. Культура как явление и понятие [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.religioscivilis.ru> – Дата доступа: 16.09.2013.
7. Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст). М.: Наука, 1978. С. 62–104.
8. Крикманн А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремииологические исследования. Сборник статей. М.: Главн. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. С. 149–178.
9. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 46 с.
10. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2003. – 42 с.
11. Сурина И.А. Ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. 2005, № 4. С. 162–164.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Ясюкевич Е.Н., Баламут О.Г. Модальность ирреальности и её виды (на материале английских паремий) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lib.grsu.by> – Дата доступа: 09.09.2013.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ *НОРМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ* В ПАРЕМИЯХ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

В.В. Пикалова

VERBAL BEHAVIOR NORMS IN ENGLISH AND RUSSIAN PAREMIOLOGICAL UNITS

V.V. Pikalova

ABSTRACT:

Naturally, the verbal behavior of a person in different circumstances is determined by the cultural traditions of the society he was raised in. The article covers the comparison of verbal behavior norms in the paremiological units of two cultures – English and Russian. These studies of communicative paremiological units, which demonstrate verbal behavior norms of Russian and English linguistic cultures, effectively highlight the similarities and dissimilarities between the various stereotypes of these two communities.

Keywords: linguistic culture, paremiological units, concept, verbal behavior norms, images of reality, perception of the world, outlook

В статье поднимается вопрос о концепте «нормы речевого поведения» в паремиях двух культур. Межъязыковое сопоставление данного концепта позволит установить выраженные в паремиях ментальные стереотипы мировосприятия англо-американского и русского социумов, ограниченные данным концептом, и различия в речевом поведении этих народов, обусловленные факторами языка и культуры. Рассматриваемые коммуникативные паремии демонстрируют как наличие определенных сходств, так и различий между ними.

Ключевые слова: лингвокультура, паремиологический фонд языка, концепт, нормы речевого поведения, языковая картина мира, национальная картина мира, наивная картина мира

Пословицы и поговорки представляют человека в языковой картине мира ярко и живо, непосредственно передавая его психологию, ментальность и нравственность, обычаи и привычки. Образно в них отражены самые значимые стороны личной и общественной жизни людей, «прецеденты в культуре» [Ковшова 2012: 40]. По словам В.Н. Телия, «система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения <...> данной

языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215].

В целом фразеологический состав языка, характеризующий быт, явления жизни и историю одной страны, часто не имеет точных эквивалентов в языке других народов. Сепир говорил, что не существует настолько похожих языков, которые бы отражали одну реальность. Более того, реальность у каждого человека своя, поскольку мы живём в пустом и неизвестном нам мире, а только населяем его определёнными образами. Мир, в котором индивиды сосуществуют на протяжении долгого периода времени и объединяются в тот или иной народ, становится отчётливо самобытным, когда явления внешнего мира складываются в определённую картину из-за сходства в мышлении, формируемого, прежде всего, в родной среде обитания. Таким образом, англоязычная и русскоязычная общности отличаются друг от друга во многих отношениях, поскольку они развивались в очень несхожих исторических и географических условиях под прямым и непосредственным воздействием определённых факторов. Неодинаковое общее восприятие мира, которое в значительной степени определяется родным языком, приводит к тому, что за одной и той же фразеологической единицей в каждом языке могут скрываться очень разные концепты, которые образуются в недрах истории культуры социума.

Как в англоязычной, так и в русской культурной традиции много пословиц и поговорок посвящено культуре речевого поведения, что свидетельствует о том, что данное понятие занимает важное место в языковом сознании и русских, и англо-американцев и может претендовать на роль концепта культуры. Несмотря на усилившуюся тенденцию к глобализации, существенным образом определяющей целый ряд преобразований в языке и культуре, всё же остаётся неизменным тот факт, что каждая национальная культура речевого поведения отличается самобытностью. Специфика коммуникативного поведения человека в какой-либо ситуации обусловлена типом культуры и определяется культурными традициями общества, в нашем случае культурой индивидуалистов западного мира и общенародным характером русской культуры. Как известно, ядро любой культуры составляют наследуемые ценности. Правила и нормы речевого поведения для Говорящего и Слушающего, многие из которых зафиксированы в пословицах и поговорках, как раз и являются одними из таких ценностей и передаются от поколения к поколению, поскольку формируют представления о том, что человеку полагается говорить в той или иной ситуации.

Попытка сопоставления пословиц и поговорок, содержащих норму речевого поведения, которая является важнейшим элементом культуры, регулирующим собственно речевую деятельность в английской и рус-

ской лингвокультурах, предоставляет нам возможность лучше понять неписанные законы обеих культур, которые имеют как схожие, основанные на традициях христианства, так и отличительные черты, установленные в них ментальные стереотипы мировосприятия русского и англо-американского социумов, ограниченные данным концептом. Именно с помощью межъязыкового сопоставления фактов возможно установление различий в речевом поведении, обусловленных факторами языка и культуры.

В отличие от английского языка, в котором ключевыми понятиями являются *privacy*, *personal space* и *facework* [Кузьменкова 2005: 195] и на который неизгладимую печать наложило так называемое *positive thinking*, пронизанное жизнерадостно-оптимистическим настроением, русский язык столетиями пропитывался духом социальной системы, где простые люди испытывали чувство обреченности и неуверенности в будущем, что создавало преимущественно пессимистическую атмосферу в обществе. За много веков этот пессимизм стал одной из отличительных черт русского национального характера. Это во многом предопределяет основные правила и нормы речевого поведения, регулирующие собственно речевую деятельность в английской и русской лингвокультурах.

Английский и русский языки настолько далеки друг от друга, что навязывают говорящему и собеседнику два разных образа реальности. Безусловно, в речевом поведении англо-американцев и русских можно выделить общие черты, однако реализуются эти черты в каждой из культур по-своему и усваиваются настолько глубоко, что становятся «наивным» языковым сознанием как часть закономерного поведения людей. На речевое поведение Говорящего всегда оказывает влияние его «наивная картина мира», включающая представления о речевой сфере общения, речевом жанре и о правилах ведения речи, а также «наивная картина мира» Собеседника. Важным нам представляется наличие общей «наивной картины мира», которая определяется существованием у Говорящего и Слушающего общего фонда знаний, позволяющего вступать в общение, избегая коммуникативных провалов. Общение с человеком – носителем другой этнокультуры (в данном случае англо-американской) может быть затруднено тем, что Говорящий, испытывая нехватку знаний о традициях, образе жизни и стиле мышления своего Собеседника, автоматически приписывает ему свое видение мира, в результате чего происходит коммуникативный провал. Чтобы этого не произошло, в фонд знаний Говорящего факультативно должна входить информация о национальной картине мира Собеседника, то есть Говорящий должен хотя бы интуитивно овладеть правилами речевого поведения, изучить реалии жизни носителей английского языка, компоненты

культуры, умонастроения и стиль мышления, которые несут национально-специфическую окраску.

По мнению специалистов, ситуация общения представляет собой сферу реализации присущих людям норм и правил. Ситуация понимается как образец социального взаимодействия, привычный для членов данной культуры. Норма – это принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры. Правила определяются как предписания, говорящие, как следует вести себя в данной ситуации. Правила и нормы рождаются и развиваются на основе целесообразности и служат для согласования деятельности людей, упорядочения их социальной жизни. Итак, рассмотрим нормы речевого поведения англо-американской и русской лингвокультур. В паремиях русской лингвокультуры содержится норма, которую мы определяем как норму «косвенной поучительности и деликатности»: *Кошку ругают – невестке урок*. Данная паремия содержит следующий смысл: свекровь выражает своё недовольство чем-либо в адрес кошки, но невестке следует принять это во внимание и отнести на свой счёт. Можно предположить, за неимением у нас других данных, что рассматриваемая русская пословица отражает быт и историю русского народа и является характерной для его национальной культуры. На Руси несколько поколений семей жили в одном доме. Поэтому, чтобы сохранить добрые отношения, приходилось проявлять максимум деликатности в разговоре с домочадцами и идти на компромиссы. Данная паремия указывает на особенности именно русской культуры, связанные с коллективным ведением хозяйства, а использование в коммуникативном акте речевой нормы «косвенной деликатности» помогает оберегать добрые отношения внутри большой семьи. Данный вывод подтверждает постулат В.Н. Телия о том, что «в план содержания фразеологизмов вплетена культурно значимая информация» [Телия 1996: 253]. Насколько мы имеем возможность об этом судить, аналог данной норме в английской лингвокультуре отсутствует. Таким образом, мы констатируем факт наличия «лакуны» в английской лингвокультуре, то есть отсутствие речевой нормы, существующей в русской лингвокультуре. Причина такого «пробела», или «белого пятна», кроется в различиях соответствующих культур. В данном случае своеобразие затрагивает не семантический уровень языка, а проявляется в своеобразии процесса общения, связанного с условиями проживания в разных этнических группах. Существующие межкультурные различия глубоко заложены в особенностях мировосприятия представителей исследуемых культур и находят своё выражение на вербальном уровне, свидетельствуя о наличии значительных расхождений в коммуникативных ценностях.

Следует отметить, что коммуникативные паремии английской и русской лингвокультур демонстрируют наличие как определенных сходств, так и различий. Если к сходствам относятся, главным образом, явления референциальной близости семантики сравниваемых норм речевого поведения, то к различиям можно отнести отдельные случаи межкультурных лакун, пример которой был приведен выше, а также особенности представления общих норм, таких, как норма обязательности выполнения действия, норма предписательности выполнения действия, норма констатации факта, норма запретности выполнения действия, норма повелительности. Рассмотрев русские и английские паремии, можно утверждать, что для русской лингвокультуры в большей степени, чем для английской, свойственна реализация Говорящим речевой стратегии настаивания, навязывания своего мнения. Норма обязательности выполнения действия прослеживается в таких паремиях, как:

*Не всякую правду вслух произноси;
Не держи посулом, одолжи отказом;
Смени пластинку;
Не лезь в душу;
Шибко слушай, да не шибко говори;
Шутки шути, да людей не муди;
Говори, да зубы не заговаривай;
Мало говори, больше услышишь.*

Представители англоязычных культур используют, напротив, речевую стратегию, для которой характерна высокая степень некатегоричности и имплицитности, когда Говорящий проявляет больше терпимости к мнению Собеседника. Основой этой стратегии служит соблюдение так называемого принципа вежливости, направленного на предотвращение конфликтных ситуаций и сохранение personal space Собеседника. В следующих английских паремиях зафиксирована норма констатации факта:

*All truths are not to be told;
A bad excuse is better than none;
To call off the dogs;
Better lose a jest than a friend;
Ask no questions and you will be told no lies;
A joke never gains an enemy but often loses a friend;
A silent fool is counted wise.*

Данные наблюдения указывают, как нам представляется, на тональность общения, которая, очевидно, зависит как от индивидуальных осо-

бенностей языковых личностей, вступающих в общение, так и от языковой культуры, которую они унаследовали.

Количество пословиц с нормой запретности и повелительности в русском языке в процентном соотношении превышает количество паремий с этой же нормой в английском языке. Американцы и британцы, будучи индивидуалистами, стараются придерживаться принципа невмешательства и необходимости соблюдать *privacy*. Поэтому можно предположить, что в английской лингвокультуре предпочтительнее дать совет, намекнуть в мягкой форме на нежелательность обозначаемого действия:

*A civil denial is better than a rude grant;
In plain English;
He that promises too much means nothing;
A bad compromise is better than a good lawsuit;
It's as broad as it's long.*

Традиционно русскоязычный социум более склонен к критическим высказываниям, поэтому доминантной чертой русскоязычного речевого поведения является категоричность, директивность и эмоциональность, что делает допустимым приказ:

*Я тебе русским языком говорю;
Мели Емеля – твоя неделя;
Не держи посулом – одолжи отказом;
Не лезь в душу;
Нечего зря воздух сотрясать;
Не знаешь, так не говори;
Если сидишь на печи, так побольше молчи;
Что в лоб, что по лбу.*

В традициях русской коммуникативной культуры не принято камуфлировать откровенность волеизъявления и использовать стратегию намёка, а в англо-американской культуре Собеседник пользуется советом, что снижает резкость высказывания и делает его менее прямолинейным. Анализ паремий английской и русской лингвокультур показал, что существующим паремиям с нормой предписательности в русском языке соответствуют английские паремии с нормой констатации факта:

*Молчи – за умного сойдёшь;
Не суй носа в чужое просо;
Не хвали себя сам, пусть тебя народ похвалит;
Не ножа бойся, а языка;
Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала;
Put not your hand between the bark and the tree;*

*No wisdom like silence;
Self-praise is no recommendation;
The tongue is not steel but it cuts;
The pot calls the kettle black.*

Английская речевая норма констатации факта связана, на наш взгляд, с прагматическим значением продемонстрировать Собеседнику свою ненавязчивость, бережно-уважительное отношение к его чувствам. Думается, что русским не столь свойственно заботиться о смягчении производимого эффекта.

Каждое речевое использование поговорки задумано Говорящим как способ оказания определённого воздействия на Собеседника, поскольку паремии изначально ориентированы на речевое воздействие и обладают обобщающим смыслом дидактического характера. Реализуя интенциональный аспект коммуникации, Говорящий в первую очередь, конечно же, исходит из условий общения. Говорящий желает получить определённый результат и, следовательно, он должен побудить Собеседника распознать его намерение получить этот результат. Таким образом, в зависимости от ситуации общения Говорящий выбирает паремию с той нормой, которая наиболее эффективно отразит его коммуникативную интенцию, а Слушающий должен уметь её распознать, воспользовавшись знанием культурной реальности и «наивной картины мира» Говорящего.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Бодрова Ю.Б.* Русские поговорки и их английские аналоги. М.: «Издательство СОВА», 2007. – 159 с.
2. *Васильева Л.* Краткость – душа остроумия. Английские поговорки, крылатые выражения. М.: «Центрполиграф», 2004. – 350 с.
3. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: «Издательство Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
4. *Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: «Издательский дом ГУ ВШЭ», 2005. – 316 с.
5. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: «Издательство Флинта», «Издательство Наука», 2006. – 296 с.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

В.И. Постовалова

THE LINGUISTIC RELATIVITY HYPOTHESIS IN THE MODERN HUMANITIES

V.I. Postovalova

ABSTRACT:

The paper focuses on the source, the content aspect and some interpretations of the hypothesis of linguistic relativity. The topicality of this hypothesis in the modern humanities is discussed and explained.

Keywords: the humanities, linguistic relativity, language impact/influence, explanation, hypothesis

The paper focuses on the source, the content aspect and some interpretations of the hypothesis of linguistic relativity. The topicality of this hypothesis in the modern humanities is discussed and explained.

Ключевые слова: гуманитарное познание, лингвистическая относительность, языковое воздействие, обоснование, гипотеза.

Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов», а также Программы Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (2012–2014) по разделу «Динамика концептуальной парадигмы культуры, слово как языковой элемент формирования культурно-эстетического канона»

Человек преимущественно... живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (herausspinnnt) язык изнутри себя, он вплетает (einspinnnt) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг (Kreis), откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка.

Вильгельм фон Гумбольдт

Настоящая статья посвящена попытке ответа на вопрос Круглого стола о том, актуальна ли сегодня гипотеза лингвистической относительности.

тельности. Приступая к осмыслению данной темы, зададимся первоначально общим вопросом о том, как методологически корректно можно было бы отвечать на подобный вопрос. Для этого обратимся к определению того, что есть гипотеза как эпистемологическая единица.

Гипотеза как форма познания представляет собой предположение, истинностное значение которого неопределенно, сомнительно или остается неизвестным. Как подлинно достоверное знание гипотеза начинает квалифицироваться лишь тогда, когда такая неопределенность снимается. Это осуществляется с помощью обоснований двух типов – эмпирического, опирающегося на эмпирические факты, и концептуального, вписывающего гипотезу в систему соответствующего типа знания. Осуществление такого рода обоснований и позволяет с определенной долей вероятности устанавливать истинность содержащихся в гипотезе предположений.

Исходя из этого методологического принципа, можно утверждать, что вопрос о том, актуальна ли сегодня гипотеза лингвистической относительности, можно понимать в двух смыслах – онтологическом и гносеологическом. Раскрыть актуальность данной гипотезы в онтологическом плане означает показать, что само явление, для осмысления которого данная гипотеза и была выдвинута, живо и в наши дни. Раскрыть актуальность данной гипотезы в гносеологическом плане означает показать, что процесс обоснования и теоретического раскрытия содержания данной гипотезы на пути превращения ее в достоверное знание продолжается и в настоящее время, а не было оставлено.

1. Исторические истоки

Гипотеза лингвистической относительности, известная также под названием «гипотеза Сепира-Уорфа», – базисная теоретическая концепция, согласно которой мировосприятие, мышление, культура и поведение человека находятся под влиянием языка, оказывающего на них свое активное воздействие. Данная концепция была выдвинута в 30-х годах XX в. в США в рамках этнолингвистики (американской ветви неогумбольдтианства) в работах выдающегося лингвиста и антрополога Эдуарда Сепира и его ученика Бенджамена Ли Уорфа.

В основу гипотезы лингвистической относительности были положены следующие теоретические положения Э. Сепира, сложившиеся у него на основе изучения языка и культуры американских индейцев:

1) «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном... в значительной степени они находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе» [Сепир 1993: 261];

2) «Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире... без помощи языка... это всего лишь иллюзия. В действительности же “реальный” мир в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Там же];

3) Несоизмеримость членения опыта в разных языках приводит к выводу о существовании относительности понятий, или иначе относительности форм мышления, которую «не столь трудно усвоить, как физическую относительность Эйнштейна», и которая «не столь тревожна для нашего чувства безопасности, как психологическая относительность Юнга» [Там же: 258];

4) «Быть может, самое существенное следствие признания относительности формы мышления, проистекающее именно из лингвистических исследований, состоит в расширении нашего интеллектуального кругозора» [Там же].

Бенджамен Ли Уорф придал теоретической позиции Сепира об определяющей роли языка в интерпретации мира человеком и о связанном с этим феноменом культурного релятивизма более радикальный вид. В идее зависимости познания мира человеком от используемого языка он стал усматривать новый принцип относительности, действующий в мире гуманитарной реальности, подобно тому, как в мире физической реальности действует принцип относительности А. Эйнштейна. Известно, что Эйнштейн в своей специальной теории относительности отказался от понятия абсолютной одновременности, характерного для классической физики, заложив основы релятивистской космологии.

Основную идею, лежащую в основании этого нового принципа относительности, Уорф сформулировал в виде следующих тезисов:

1) «Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны» [Уорф 1960б: 174];

2) «... мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Там же];

3) «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком... Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и

закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение... никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и, тем не менее, мы – участники этого соглашения» [Там же: 174-175];

4) При этом «наш лингвистический детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но вовлекает даже наши собственно подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типические черты» [Уорф 1960а: 162].

Таким образом, резюмирует Уорф, «мы сталкиваемся... с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [Уорф 1960б: 175]. Другими словами, в мире существует столько картин вселенной, сколько имеется соотносительных языковых систем в качестве особых призм мировосприятия.

Принцип лингвистической относительности Уорф раскрывает и обосновывает на материале сопоставительного анализа языка и культуры американских индейцев (хопи) и культурно-языкового ареала «средне-европейского стандарта» (Standard Average European). И в результате приходит к выводу о том, что «между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия» [Уорф 1960а: 168].

2. Содержательный смысл гипотезы и варианты ее истолкования

В науке не существует какой-либо единой общепризнанной, ясной и четкой «канонической» формулировки гипотезы лингвистической относительности, однозначно раскрывающей ее содержание [Фрумкина 1980: 198]. Изначальная выраженность данной гипотезы в виде неких общих («размытых») понятий приводила к необходимости поиска все новых, более конкретных вариантов ее истолкования для достижения подтверждения или же опровержения истинности содержащихся в ней утверждений.

Исследователи истории становления гипотезы Сепира–Уорфа в лингвофилософской и научной мысли нашего времени обращают внимание на тот парадоксальный факт, что именно не очень строгая формулировка данной гипотезы, касающейся осмысления одного из глубинных пластов человеческого бытия, позволила стать ей «сверхпродуктивной» исследовательской парадигмой в самых разных областях мировой культуры [Бурас, Кронгауз: ЭР]. Гипотеза лингвистической относительности широко обсуждается в наши дни в онтологической герменевтике (М. Хайдеггер), лингвистической герменевтике (Х.-Г. Гадамер,

П. Рикер), философской антропологии, эпистемологии, философии языка, психологии, культурологии и других гуманитарных дисциплинах.

Некоторые исследователи связывают отсутствие единой канонической формулировки гипотезы лингвистической относительности с тем, что под данной гипотезой скрывается несколько различных гипотез [Мацумото: ЭР]. Действительно, в различных концепциях лингвистической относительности речь идет, по крайней мере, о двух типах закономерностей: лингвистическом детерминизме и собственно лингвистической относительности. Первая закономерность касается предположения о том, что язык оказывает свое воздействие на человека. Вторая закономерность, касается предположения о бытии человека в разных культурно-языковых мирах.

В различных школах и направлениях гипотеза лингвистической относительности в зависимости от специфики истолкования ее отдельных положений трактуется как особая концепция (теория, доктрина, тезис):

1) о коррелятивной связи структуры языка и системной семантики его единиц со структурой мышления и способом познания мира у того или иного народа,

2) о зависимости типа (структуры) мышления, а также способа познания внешнего мира и поведения членов языкового коллектива от типа (структуры) используемого ими естественного языка,

3) об обусловленности процессов восприятия, стиля мышления и фундаментальных мировоззренческих парадигм коллективного носителя языка этноспецифическими особенностями используемого языка,

4) об определяющем влиянии структуры языка на особенность мышления, концептосферу и способы познания реальности (внешнего мира) носителем языка.

В современных версиях гипотезы Сепира–Уорфа, адаптировавшей основные представления европейского неогумбольдтианства, говорится о влиянии на мышление, культуру и поведение человека уже не типа или же структуры языка, но языкового мировидения или языковой картины мира.

С учетом разных версий интерпретации содержательное ядро гипотезы о воздействии языка на человека и его мир в логически очищенном и обобщенном виде можно свести к следующим развернутым тезисам, конкретизирующим идеи лингвистического детерминизма и лингвистической относительности:

1. а) *язык* (язык в целом, тип языка, структура языка, модели языка, лингвистические категории, языковое мировидение или языковая картина мира)

б) *оказывает свое воздействие* – детерминирующее («сильный вариант» гипотезы) или лишь вероятностное («слабый вариант» гипотезы)

в) на человека (его мышление, мировосприятие, миропознание, память, поведение, культуру, культурные нормы и жизнедеятельность в целом).

2. Из этого следует, что *люди*, воспринимающие и интерпретирующие действительность через посредство различных языков, *живут фактически в разных культурных мирах*. И *эти миры* по разным версиям гипотезы – «сильной» или же «слабой» – *считаются* принципиально *несоизмеримыми* или же в разной мере *соизмеримыми* друг с другом.

3. Предметная область гипотезы и сферы осмысления ее действительности

Вернемся к первому – онтологическому – плану рассмотрения вопроса об актуальности гипотезы лингвистической относительности в наше время. А именно: к тому, живо ли в наше время само явление, для осмысления которого и выдвигалась сама гипотеза лингвистической относительности, ощущают ли люди в своей жизнедеятельности «власть языка» и, если это так, то каково будет их отношение к данному явлению.

Феномен воздействия языка на различные планы человеческой жизнедеятельности в силу своего бессознательного характера остается, как правило, закрытым для обыденного сознания человека и лишь иногда приоткрывается в определенных жизненных ситуациях: при столкновении различных культурных миров, в опытах поэтической и философской рефлексии над внутренней формой слов в поисках первоначала реальности. Живым проявлениям действенности принципа лингвистического детерминизма в культуре являются образы и идеи в искусстве, науке, философии и даже в народных суевериях, возникшие под влиянием родного языка и распрямления его логики.

Известно, что искусство усиливает часто лишь то, что хранится в языковом сознании рядовых носителей языка. Наиболее живой и выведенной в сознание *homo loquens* грамматической категорией является категория рода. Для поэтического сознания немецкого поэта Германа Гессе, где в его родном языке слово *смерть* (*der Tod*) мужского рода, а слово *мир* (*die Welt*) женского рода, *смерть* – это брат, а *мир* – госпожа [Гессе 1981: 115, 157]. Для русского поэтического сознания подобные образы были бы маловероятны. В русском переводе название стихотворения Гессе *Bruder Tod*¹ передается как *Сестра Смерть*². А встречаю-

---

¹ Приведем это стихотворение Германа Гессе (Hermann Hesse «Bruder Tod»):
Auch zu mir kommst du einmal,
Du vergißt mich nicht,
Und zu Ende ist die Qual,
Und die Kette bricht.

щеся в этом стихотворении именование смерти *Lieber Bruder*» и *Geliebter* передается как *милая сестра*. В поэтическом мире Бориса Пастернака *Сестрой* называется *Жизнь*.

Философы и ученые обращают внимание на связь исходных интуиций философских и научных концепций с языком. По словам А.Ф. Лосева, философия рождается из «интуитивных глубин языковой стихии» и есть «не больше, как раскрытие глубинных интуиций и мыслей, заложенных в языке» [Лосев 1993: 286, 90]. А философская теория, в его видении, есть «не что иное, как осознанный и проанализированный язык» [Там же: 90]. Как утверждает Ю.К. Лекомцев, «все математические языки (а также иные семиотические системы) представляют собой некоторые специализированные ответвления естественного языка» [Лекомцев 1980: 142]. Он полагает, что «естественный язык способен служить источником новых логик и математик» [Там же: 143]. В частности, что «изучение лингвистических модальностей и времен быстро приводит к проблемам деонтических и временных логик» [Там же].

Не останавливаясь специально на креативных моментах языкового воздействия на культуру, отметим, что в некоторых случаях возникает специальная задача «борьбы» философского и научного мышления с «околдовыванием» нашего разума при помощи языка (Л. Витгенштейн). В философии сформировалось даже особое направление – «критика языка», установкой которого является освобождение философского мышления от языкового «плена».

Воздействие языкового мировидения и необходимость освобождения от ассоциаций, навеваемых ее образами, испытывают не только современная философия и наука. По утверждению Ю.М. Эдельштейна, в средневековых трактатах борьбе с языковыми ассоциациями посвящались специальные комментарии. Так, блаженный Иероним Стридонский в комментариях к своему переводу Библии с еврейского языка на латинский, отмечая, что в переводах Св. Писания Ветхого Завета на греческий язык некоторые переводчики переводят слово *серафим* средним

Noch erscheinst du fremd und fern,
Lieber Bruder Tod,
Stehst als ein kühler Stern
Über meiner Not.
Aber einmal wirst du nah
Und voll Flammen sein,
Komm, Geliebter, ich bin da,
Nimm mich, ich bin dein.
(31.7. 1918 г.).

² Вот как звучит это стихотворение Гессе в переводе Олега Комкова: «Знаю, ты за мной придёшь, Руша жизни крепь, И уймётся в сердце дрожь, И порвётся цепь. Реешь, блёкла и чужда, Ты за далью дней, Как холодная звезда, Над нуждой моей. Но грядёт твоя пора Сенью огневой – Здравствуй, милая сестра, Обними: я твой!»

родом, а другие – мужским, утверждал: «Есть еще различие в роде... Не должно думать, что есть пол у ангелов, потому что даже сам Дух Святой, по свойствам языка, на еврейском ставится в женском роде: “Ruha”, на греческом – в среднем: “πνεῦμα”, на латинском – в мужском: “Spiritus”. Из этого должно понять, что когда относительно серафимов ставится мужское или женское окончание, то этим обозначается не пол, а звуковая особенность языка» (цит. по [Эдельштейн 1985: 206]).

Одним из новейших осмыслений идеи лингвистического детерминизма в наше время является «феминистская критика языка» с ее требованием реформирования языка (например, замены в английском языке словообразовательного элемента *-man* на *-person*) для преодоления наличествующей в нем «гендерной асимметрии», навязывающей говорящим андроцентрическую картину мира³.

4. Эпистемологический статус гипотезы и пути ее дальнейшего обоснования

Остановимся на втором плане – гносеологическом – рассмотрения вопроса об актуальности гипотезы лингвистической относительности в наше время. Историки науки отмечают, что период активного поиска эмпирического обоснования данной гипотезы прошел и что все большую значимость приобретает необходимость концептуального обоснования – вписывания данной гипотезы в существующую систему знания.

Многочисленные экспериментальные данные, полученные в ходе эмпирического обоснования гипотезы Сепира–Уорфа в современной науке, ставят под сомнение сильную версию данной гипотезы. По словам В.А. Звегинцева, «всякие попытки установить прямой параллелизм между явлениями языка и культуры оказались малоубедительными» [Звегинцев 1960: 132]. В настоящее время наиболее обоснованным считается слабый вариант гипотезы лингвистической относительности, по которому язык предрасполагает человека к выбору определенного способа мышления или поведения, но этот детерминизм не является жест-

---

³ В иронической форме эта идея реформирования языка обыгрывается в романе Бориса Акунина «Черный город», где один из персонажей романа Кара-Гасым (или Чёрный Гасым), сообщая что-то по-русски о вещи, которую считает плохой, говорит о ней в женском роде, поскольку все «женское» для него предстает как более низкое. Вот характерный диалог из этого романа:

– Слушай, ты по-русски говоришь хорошо, только мужской и женский род все время путаешь. Это что, самое трудное?

– Зачем трудное? Хорошее слово всегда «он», плохое слово – «она». Я женщины не уважаю. Вся зло от них.

Интересная идея. Не про женщин – про отношение к словам. Сразу видно, что человеку нравится, а что нет. Например, говоришь: «Милостивая государь, могу ли я доверять ваша честная слово?» – и собеседник сразу понимает, что надуть тебя не удастся... » [Акунин 2012].

ким. В соответствии с таким толкованием, хотя языки и членят мир по-разному, но такие «различия в “категоризации мира”... никогда не достигают критической точки, препятствующей переводу с языка на язык и общению людей, говорящих на разных языках» [Солнцев 1978: 127]. А это означает, что взаимопонимание между людьми достижимо.

Гипотеза лингвистической относительности, касающаяся таких кардинальных проблем гуманитарного познания как связь языка, действительности и духовной активности человека, вопросы антропо- и глоттогенеза, релятивизма и универсализма в познании, а также возможности взаимопонимания в условиях многообразия культурно-языковых миров, относится к числу гипотез-теорий высшего ранга универсальности. В силу фундаментального характера данных проблем обоснование достоверности гипотезы лингвистической относительности не могло быть осуществлено в рамках одной только этнолингвистики, где она была изначально выдвинута. Для своего наиболее полного обоснования она требует выхода не только в другие эмпирические дисциплины (психология, социология, лингвокультурология и др.), но также в такие области познания, как гносеология, философская антропология и даже богословие, выступающие по отношению к концепции лингвистической относительности в качестве ее концептуальных оснований.

Так, в лингвобогословском осмыслении В.Н. Топорова мистико-мифологическим обоснованием постулата о возможности достижения взаимопонимания в условиях многоязычия и тем самым обоснованием соизмеримости культурно-языковых миров людей, говорящих на разных языках, выступает событие Пятидесятницы, или сошествия Святого Духа на Апостолов (Деян 2. 2–8, 13–17). По православно-христианскому вероучению, данное мистическое событие открывает возможность преодоления непонимания между людьми, возникшего в результате Вавилонского смещения (Быт 10. 32–11, 1–9).

В своем фундаментальном исследовании, посвященном феномену святости в отечественной духовной культуре, Топоров так пишет об этом «вавилонском разъединении языков-смыслов» и их «пятидесятичном соединении»: «Чудо распада единого языка на множество разных языков, утративших общие смыслы, и возможность пробиться к пониманию их и пониманию друг друга, было не только покрыто в день Пятидесятницы чудом соединения в смысле и обретения утраченных смыслов, но и превзойдено» [Топоров 1995: 138]. В итоге произошедшего мистического события «при сохранении всей языковой множественности и всего языкового разнообразия общий смысл стал доступным для каждого языка и каждого народа» [Там же]. Оказалось при этом, что «каждый язык, как в зеркале, отражал этот общий смысл, углубляя и дифференцируя его», и что «каждый язык-народ нес свой образ этого

смысла, и все эти образы, равноценные друг другу, на должной глубине восстанавливали новый единый язык» [Там же].

В своих философских истоках принцип лингвистической относительности Сепира–Уорфа восходит к позиции гносеологического релятивизма (от лат. *relativus* – относительный), заключающейся в абсолютизации момента относительности, условности и субъективности познания. Наряду с концепцией онтологической относительности У. Куайна и тезисами Т. Куна и П. Фейерабенда о несоизмеримости парадигм в познании, сформировавшимися в значительной мере под влиянием гипотезы Сепира–Уорфа, принцип лингвистической относительности рассматривается в наше время в качестве одного из фундаментальных источников гносеологического (эпистемологического) релятивизма. Это, в свою очередь, означает, что данный принцип может быть адекватно понят только в свете диалектики абсолютного и относительного в познании. В соответствии с такой диалектикой крайние формы лингвистической относительности и детерминизма должны быть отвергнуты на том основании, что они «наглухо закрывают путь к объективному знанию» [Коул, Скрибнер 1977: 56].

Рефлексия над гипотезой лингвистической относительности в плане поиска ее теоретико-методологических оснований установила несомненную связь ее основных положений с гумбольдтовской антропологической программой понимания языка, по которой язык воздействует на человека, а человек оказывает свое воздействие на язык⁴.

В последующем с позицией гумбольдтианства стали связывать только идею «власти языка над человеком», игнорируя момент «власти человека над языком», хотя для Гумбольдта-диалектика эти планы неразделимы. Как поясняет этот тезис В.В. Бибихин: «... у Гумбольдта прежде, чем язык влияет на дух, дух “влияет” на язык, создавая его. Влияние языка на дух – уже обратное воздействие, *Rückwirkung*... Языки – “порождение” духа. Гумбольдт хочет говорить о том, как порождения духа, разные, по-разному начинают обратно влиять на дух» [Бибихин 2008: 260-261]. Очевидно, что с позиции гумбольдтовской философской антропологии гипотеза лингвистической относительности в плане разрешения вопроса о возможности взаимопонимания в условиях многообразия культурно-языковых миров должна рассматриваться в единстве с концепцией языкового универсализма.

В рамках гумбольдтовской программы изучения языка возможна постановка вопроса о типах взаимосвязи языка, миропонимания, мышления и человеческой жизнедеятельности не только в плане детерминации, но и – корреляции. В этом плане несомненный интерес представляет опыт изучения логических связей языка, мышления и мировосприя-

---

⁴ Из последних работ на эту тему см. [Лобанова 2013].

тия человека в работах А.Ф. Лосева [Лосев 1982а, 1982б]. Лосев предпринимает здесь попытку произвести реконструкцию систем мышления, соответствующих определенным языковым типам, установить историческую картину смены систем мышления, соответствующих таким языковым типам, и таким образом зафиксировать их взаимоотношения на разных ступенях развития человека.

Возвращаясь к исходному вопросу о том, актуальна ли сегодня гипотеза лингвистической относительности, можно с уверенностью ответить, что жизнь данной базисной гипотезы-теории в гуманитарном познании и самой нашей культуре продолжается как в плане развертывания ее смыслового содержания и обнаружения новых сфер ее проявления, так и в плане уточнения пределов ее действительности.

Литература / References

1. *Акунин Б.* Черный город. М.: Издательство «Захаров», 2012. – 352 с.
2. *Бибихин В.В.* Внутренняя форма языка. СПб.: Издательство «Наука» (Серия «Слово о сущем»), 2008. – 420 с.
3. *Бурас М., Кронгауз М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011, № 8. URL: <http://www.nkj.ru/Архив/articles/19812>.
4. *Гессе Г.* Избранное (на немецком языке) / Составитель С.С. Аверинцев. Издательство «Прогресс», 1981. – 432 с.
5. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Издательство «Прогресс», 1984. С. 34–298.
6. *Звегинцев В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 111–134.
7. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Издательство «Прогресс», 1977. С. 54–81.
8. *Лекомцев Ю.К.* Гипотеза и формальный язык описания // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 142–183.
9. *Лобанова Л.П.* Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта / Серия «Коммуникативные исследования». Выпуск 16. М.: Academia АПК и ППРО, 2013. – 409 с.
10. *Лосев А.Ф.* О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Издательство Московского университета, 1982а. С. 246–279.
11. *Лосев А.Ф.* О типах предложения в связи с историей мышления // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Издательство Московского университета, 1982б. С. 280–407.
12. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Издательство «Мысль», 1993. – 959 с.
13. *Мацумото Д.* Культура и язык // Политическая психология. URL: <http://shulenina.narod.ru/Polit/Macumoto/Psycult/12.html> (сохранено 16 декабря 2003 г.)
14. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1993. – 656 с.
15. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 342 с.

16. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Издательство «Гнозис». Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
17. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960а. С. 135–168.
18. *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960б. С. 169–182.
19. *Фрумкина Р.М.* Лингвистическая гипотеза и эксперимент // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 183–216.
20. *Эдельштейн Ю.М.* Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ленинград: Издательство «Наука», 1985. С. 157–207.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ СИТУАЦИИ

Т.Б. Радбиль

THE NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN COGNITIVE MODEL OF SITUATION

T.B. Radbil

ABSTRACT:

The work examines some national-specific cognitive models of conceptualization of situation in the modern Russian in comparison with the English. The author analyses usage of verbal lexemes *sidet'* and *to sit* in the aspect of semantic derivation.

Keywords: national-cultural component, cognitive model of situation, semantic derivation

В работе рассматриваются некоторые национально-специфичные когнитивные модели концептуализации ситуации в современном русском языке в сравнении с английским. Анализируется использование глагольных лексем *сидеть* и *to sit* в аспекте семантической деривации.

Ключевые слова: национально-культурный компонент, когнитивная модель ситуации, семантическая деривация

Изыскания В.Н. Телия в области культурной семантики языковых единиц находятся, если можно так выразиться, в «мейнстриме» современной лингвистической мысли: речь идет об установке на формализацию обыденных представлений носителя языка, на исследование лингвоспецифичных феноменов с позиции рефлексии носителя языка, как бы «изнутри языка» (см. об этом, напр.: [Маслова 2001]).

В этом плане, безусловно, перспективной выглядит идея В.Н. Телия о четырех типах репрезентации культурно значимой информации в языке, среди которых наше внимание привлекают культурные коннотации – «интерпретации языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры» [Телия 1994: 15].

В настоящей работе мы предположили, что источником указанных культурных коннотаций могут быть некоторые национально-специфичные особенности языковой концептуализации ситуации как особый способ освоения мира в языковом знаке представителями той или иной культуры. Языковым выражением указанных процессов, на

наш взгляд, являются механизмы семантической деривации, описанные в работах [Падучева 2004; Кустова 2004].

Мы будем исходить из принятых в современных когнитивно-ориентированных семантических исследованиях представлений о значении слова или выражения как определенной концептуальной схемы, отражающей опыт восприятия человеком предметов, явлений, состояний, событий окружающего мира. В этом смысле любое значение есть интерпретация некоего внеязыкового содержания, которая задает определенный способ концептуализации, осмысления типовой ситуации, связанной с нашими действиями в реальном мире, т. е. осуществляет моделирование определенного фрагмента реальности в семантической структуре языкового знака.

В концепции Г.И. Кустовой эту более содержательную семантическую структуру следует называть *когнитивная модель ситуации*: 1) когнитивная – потому что это то, что человек знает о данной ситуации и может использовать в других значениях слова, и потому, что эта информация является результатом познания внешнего мира, элементом опыта; 2) модель – потому что это все-таки не сама ситуация, а ее образ, смысловой коррелят (причем такие образы, по-видимому, будут разными для разных языков) [Кустова 2004: 38].

Однако одна и та же внеязыковая реальность может быть интерпретирована по-разному. Ср., например: (1) *Мальчик несет портфель* (задано минимально обусловленное, «прототипическое», исходное представление о способе данного действия); (2) *Мальчик тащит портфель* (в зоне субъекта имплицитировано представление о трудности данного действия); (3) *Мальчик волочит портфель* (в зоне объекта имплицитировано представление о его контакте с поверхностью). Примеры (2) и (3) иллюстрируют важную мысль Г.И. Кустовой о том, что при концептуализации ситуации возможны два типа импликаций – связанных с позицией субъекта (его ощущениями, желаниями, особенностями восприятия) и связанных с наблюдением того, что происходит в объективном мире, с его объектами и субстанциями [Кустова 2004]. Как видим, одной и той же ситуации могут быть приписаны разные модели концептуального представления, что является когнитивной основой языковой синонимии.

С другой стороны, в разных ситуациях язык может увидеть нечто общее и «подогнать» их под единое языковое обозначение. Ср., например: (1) *Мальчик лежит на земле* (активный субъект занимает горизонтальное положение на поверхности); (2) *Снег лежит на земле* (вещество занимает к.-л. пространство на поверхности). Иными словами, во втором случае снег просто находится, существует на данной поверхности, и глагол *лежать* здесь – не глагол положения в пространстве, а

глагол существования. Одним и тем же словом обозначены две совершенно разные ситуации, что является когнитивной основой языковой полисемии.

Согласно концепции Е.В. Падучевой, здесь мы имеем дело с механизмом семантической деривации [Падучева 2004], основанным на мена двух параметров: мена тематического класса глагола – глагол физического состояния становится глаголом существования, и мена таксономического класса участника события – вместо активного субъекта-агенса выступает инактивная субстанция – вещество.

Дело в том, что смысловая общность в данных моделях концептуализации ситуации ('занимать к.-л. пространство на поверхности ч.-л.') все же позволила осуществить этот перенос без ущерба для адекватного понимания, при этом первую ситуацию следует признать исходной («прототипической») по отношению ко второй. В настоящей работе, с опорой на исследование Г.И. Кустовой, принято следующее понимание *прототипической ситуации*: «Прототипической ситуацией можно назвать наиболее типичный для данного этноса способ представления той или иной ситуации в его языковой картине мира. Это такая модель ситуации, которая распознается как эталонная и служит тем самым основой для сравнения, сопоставления с ней других ситуаций, возникающих в опыте. Именно прототипическая ситуация лежит в основе возможности переноса наименования с одной сферы опыта на другую: *писать* → *писать письмо* → *писать стихи* → *писать картину* → *писать музыку* [Радбиль 2010: 213].

Суть дела в том, что прототипические ситуации как определенного рода когнитивные модели представления ситуации существенно различаются в разных языках именно способом представления одной и той же «объективной», реальной ситуации. Тем более различаются и их семантические дериваты, т. е. вторичные модели представления ситуации на базе прототипических. Отсюда вытекает национальная и культурная обусловленность наших концептуальных систем.

В центре нашего внимания – национально-культурный компонент в русской когнитивной модели ситуации *сидеть*, представленной разнообразными семантическими дериватами данного глагола. Так, мы уже указывали на то, как по-разному в русском языке и западных языках передается идея нахождения на поверхности. В русском языке в семантику глагола включается указание на форму объекта: *стакан на столе стоит*, а *книга на столе лежит*. В английском языке в этих случаях снова будет выбрана обобщенная бытийная конструкция *there is* – 'есть, имеется, находится' [Радбиль 2010: 124].

Уже на этом, предварительном уровне анализа можно видеть определенные национально-культурные расхождения между концептуализа-

цией этих ситуаций в русском и английском языках. Дело в том, что в английском языке, помимо общего бытийного *to be*, в ряде случаев возможен выбор глагола *to sit* 'сидеть' там, где по-русски, скорее, надо бы сказать – *стоит*. Ср., например: *The car sits in the garage.* = *Машина стоит в гараже*. Аналогично: *The church sits back from the main street.* = *Церковь находится (стоит) в стороне от главной улицы*.

Очевидно, что в русском и английском языках в указанных случаях по-разному акцентируются разные компоненты исходной прототипической ситуации. В русском языке акцент делается на образ предмета, возможность его вертикального измерения, по тем или иным причинам значимая для носителя языка. В английском языке акцентируется сам факт расположения в каком-либо месте неопределенно долгое время – имплицитруется идея неподвижности, статичности, по образу и подобию соответствующего человеческого физического состояния.

Идея некоторой неподвижности, статичности, связанная с семантическими дериватами глагола *сидеть* просматривается и в русских когнитивных моделях ситуации – ср., например: *Птица сидит на ветке*. Здесь *сидеть* означает 'находиться в одном месте неподвижно какое-то время, не передвигаясь, не перемещаясь'.

Отправной точкой наших рассуждений являются наблюдения над «поведением» глагола *сидеть* во вторичных употреблениях. Например, глагол *сидеть* в финальном фрагменте «Пиковой дамы» А.С. Пушкина: *Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17 номере....* – вполне ожидаемо передается в английском переводе этого произведения глаголом *to be*: *Hermann has gone mad. He is in ward #17 of the Obukhov Hospital...*

Дело в том, что в русских когнитивных моделях концептуализации ситуации нахождения субъекта в каком-л. вместилище, видимо, обычно («прототипически») имплицитруется способ основного действия после проникновения: ср. *сидеть в тюрьме*. В английском в этой позиции идиоматично избирается глагол *to be*, содержащий общую идею нахождения где-л. – *to be in prison*.

Однако возникает вопрос, почему же Герман все-таки *сидит* в больнице, тогда как идиоматично эта когнитивная модель передается глаголом *лежать* (в больнице)? Дело в том, что эта больница – психическая, куда попадают не по своей воле, как в тюрьму, и язык тонко реагирует на эти различия. Ср. современную модель – *Он сидит в сумасшедшем доме*. С этим, кстати, связана и возможность двоякой концептуализации ситуации с психической больницей, для которой имеется две разные модели. Так, можно сказать *сидит в психушке*, если подчеркивается принудительный характер местонахождения, но можно сказать и *лежит в психической больнице*, если акцентируется связь с обычной

больницей, с идеей лечения. Любопытно, что и в случае с больницей, так же, как и с тюрьмой, английский язык избирает тот же практически десемантизованный глагол *to be*, выражающий обобщенную идею нахождения где-либо: *лежат в больнице – to be in hospital*.

Данные параллели прослеживаются и в других моделях концептуализации ситуаций. Например, по-русски *сидеть на диете*, а по-английски снова – *to be on a diet*. В данном примере, видимо, с помощью выбора данной лексемы в русском языке вводится, имплицитно идея дискомфорта от длительного нахождения в этом состоянии (по аналогии с *сидеть в тюрьме*). Кстати, и русский видовой коррелят *сесть на диету* – по-английски снова передается глаголом с обобщенной семантикой движения, т. е. активного действия субъекта – *to go: to go on a diet*.

Можно предположить, что во всех рассмотренных случаях в русском языке при концептуализации ситуации выбирается представление о наиболее вероятном способе действия / состоянии субъекта после помещения в данное вместилище, наиболее характерном, повторяющемся для него. Кроме того, в идее сидения есть, по-видимому, также импликация несвободы и некоторого связанного с этим дискомфорта, если данное состояние длится неопределенно долгое время – ср., например: *Мальчик весь день сидит дома; Зверь сидит в клетке*. В лежании же в течение длительного времени, напротив, просматривается представление о более удобном и естественном положении тела, чем в стоянии или сидении. В свою очередь, наличие потенциально негативных импликаций для ситуации *сидеть* порождают в зоне субъекта такие концептуализации, как *Он сидит на пособии / стипендии*, когда в модели концептуализации ситуации акцентируется идея переживания субъектом нехватки, недостаточности чего-л., т. е. опять же некоторого дискомфорта.

Именно поэтому по-русски – *в больницах лежат, в тюрьмах сидят, а в очередях стоят* (даже если это очередь на квартиру, длящаяся четверть века). Кстати, *на учете* мы тоже *стоим*, тогда как по-английски – здесь снова *to be* ('быть'): *to be on the books*. Возможна даже определенная градация по «степени дискомфорта»: *лежать* – минимум дискомфорта, *сидеть* – ее максимум, а *стоять* – дискомфортность, так сказать, в средней степени. С одной стороны, ситуацию *стоять* объединяет с ситуацией *сидеть* некое представление о дискомфорте данного состояния, имплицитно связанной идеей долгого и упорного пребывания в этой ситуации, но в *стоять* нет идеи несвободы и определенной принудительности, как в *сидеть*. Зато для *стоять* имеется потенциально позитивная коннотация (в отличие от негативной для *сидеть*), связанная с семантическим компонентом 'занимать к.-н. значимое положе-

ние, выполнять к.-н. важные обязанности⁷: *стоять у власти; стоять во главе учреждения; стоять на страже нравственности.*

Нетрудно видеть, что в русских вариантах имеется уже упомянутый ранее механизм семантической деривации за счет смены тематического класса глагола – глаголы физического состояния переходят в глаголы существования. Действительно, и в тюрьме, и в больнице, и в очереди все мы – *находимся, существуем*, и только иногда – *сидим, лежим, стоим.*

В целом можно утверждать, что для русского языка, по нашим наблюдениям, вообще довольно распространенным и вполне идиоматичным и нейтральным способом представления идеи *существования* или *нахождения где-либо* является ее представление через модель концептуализации самого элементарного физического состояния человека – *лежать, сидеть, стоять* и пр. То же, по-видимому, справедливо и для неодушевленных объектов / субстанций (веществ). Причем некоторые параллели для указанной семантической деривации имеются и в английском языке: *The dress sits ill on her. – Платье сидит на ней плохо.* Но в основном для концептуализации этой ситуации в разных языках или избираются разные глаголы физического состояния – ср. пример выше с *to sit* и *стоять*, или какой-либо язык может вообще не реализовать для концептуализации этой ситуации выбор глагола физического состояния – см. пример выше с *стоять / сидеть / лежать* и *to be*.

В целом естественноязыковые модели представления указанных ситуаций в разных языках вполне коррелируют с описанными в работах Дж. Лакоффа и других когнитивистов эффектами *концептуальной метафоризации* ориентационного типа, которая имеет своим источником особенности устройства и функционирования человеческого тела, особенности человеческого опыта взаимодействия с миром. Базовые концептуальные представления о теле формируют систему отвлеченных понятий нашего внутреннего мира, они в конечном счете структурируют наше обыденное мышление, отношение к миру и поведение, откладываясь в выражениях нашего языка [Лакофф 2011]. В когнитивистике указанную «телесность» моделей языковой концептуализации мира иногда называют *conceptual embodiment* (концептуальная «воплощенность» в этимологическом смысле слова – от «плоть / тело»).

Распространенность данной национально-специфичной модели концептуализации ситуации для русского языка доказывается наличием целого класса семантических дериватов на базе смены таксономического класса участника события – одушевленный субъект меняется на неодушевленный объект или субстанцию (вещество), в результате чего меняется и тематический класс глагола *сидеть*: глагол физического состоя-

ния переосмысливается в качестве глагола существования или нахождения где-либо.

Так, для глагола *сидеть* семантические дериваты со значением 'быть' или 'находиться где-л.' для неодушевленных актантов порождаются в таких моделях концептуализации:

(1) 'быть, находиться в к.-н. месте, внутри чего-н.; быть помещенным куда-н.': *Гвоздь сидит в стене*;

(2) 'быть, находиться в к.-н. месте' + добавочная импликация 'производить определенное впечатление' (здесь имеется включенная в концептуализацию ситуации позиция внешнего наблюдателя): *Костюм (хорошо / плохо) сидит*;

(3) 'быть помещенным, погруженным куда-н.' (с добавочным компонентом помещения *внутри*) + та же добавочная импликация 'производить определенное впечатление': *Корабль глубоко сидит*.

Далее, по традиционной для многих языков мира модели концептуальной метафоризации 'физическое' → 'психическое', возможна семантическая деривация 'быть, находиться какое-то время без движения в физическом пространстве' → 'быть, находиться какое-то время без движения в ментальном (концептуальном) пространстве':

(4) для абстрактного объекта, явления, состояния – 'находиться в концептуальной сфере в качестве психического, эмоционального, оценочного, модального и пр. атрибута к.-л. / ч.-л.': *Одна мысль сидит в голове*.

Ср. в английском эта же идея передается за счет глаголов с семантикой 'лежать' – *to lie deep (in)* или даже 'торчать (← стоять)' – *to be stuck (in)*: *В голове у него сидела мысль.* = *The idea was stuck in his mind.*

Отметим, что здесь приведены далеко не все возможные модели концептуализации ситуации посредством семантической деривации глагола *сидеть*, а только наиболее, на наш взгляд, показательные.

Разумеется, для полного ответа на вопрос о национально-культурной специфике концептуализации *сидеть* в русском языке, помимо системно-языковых значений этого глагола в сопоставляемых языках, надо исследовать и особенности дискурсной реализации, предпочтительного выбора номинации в текстах. Однако предварительные наблюдения показали, что для неодушевленных существностей в западных языках все же идиоматично предпочитается глагол общебытийного характера – *to be* и др. В русском же языке абстрактная идея 'быть' идиоматично интерпретируется посредством конкретных прототипических физических состояний человека 'сидеть, лежать, стоять', чувственно-воспринимаемых и наблюдаемых. Этот образный, в чем-то избыточный с точки зрения строго логической схемы данной ситуации и явно мифологизированный способ представления ситуации существования или пребывания

где-либо во многом противопоставлен рациональному способу представления данной ситуации через обобщенную и десемантизованную идею бытия, реализованную в современных западных языках.

Видимо, диахронически подобные модели концептуализации были естественным образом присущи всем без исключения языковым сообществам на ранних этапах их развития. И только в процессе развития цивилизации и культуры семантические сферы многих языков эволюционировали и далеко прошли по пути схематизации и рационализации моделей языкового освоения мира (в частности, современные западные языки). Русский же язык во многом сохраняет именно архаичные, телесно-чувственные способы языковой концептуализации действительности по образу и подобию человека.

Литература / References

1. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
2. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
5. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. – 328 с.
6. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 14–15.

**ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМА МЕСТА НЕ СТОЛЬ
ОТДАЛЕННЫЕ)**

Л.Н. Саакян

**EUPHEMISTIC POTENTIAL OF PHRASEMES' AND IDIOMS
(ANALYSIS OF THE PHRASEME “NOT SO FAR AWAY” – “UP
THE RIVER”)**

L.N. Saakian

ABSTRACT:

The paper discusses the euphemistic meaning of the phraseme “not so distant places” (equal English “up the river”), demonstrating a new approach to the interpretation of the whole euphemistic mechanism. The dominant “distance” seme is marked out and the 200 years evolution of this expression is studied.

Keywords: euphemism, dominant seme “not so distant places”, diachrony, semantics and pragmatics, semantic contour

В статье анализируется эвфемистическое словосочетание «места не столь отдаленные» с доминирующей семой «расстояния», предлагается оригинальная интерпретация механизма эвфемизации, исследуется историческая (200 лет) эволюция этого выражения.

Ключевые слова: эвфемия, доминирующая сема «несвобода», места не столь отдаленные, диахрония, семантический контур

Не только сослать в места не столь отдалённые, но в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено...

Л.Н. Толстой. Воскресение.

Стоит услышать: «места не столь отдалённые» – и встает пред глазами таёжная глушь, где тюремщик – мороз, а решётки – пространства, и печная труба-перископ из сугроба с наветренной стороны, а с подветренной – в лучшем случае крест, что изнутри – окно, а в худшем – занесённый по крышу барак...

Эвфемистичное¹ фразеологическое сочетание (далее – ЭС) *места не столь отдалённые*, реализующее значение ‘несвободы’ (заключение, арест, исполнение приговора), далеко не единственное в русском языке: к этому же семантическому полю относятся *исправительное учреждение, казённая квартира, казённые хлеба, небо в клетку* и др. Однако у ЭС *места не столь отдалённые* судьба особая, отличная от других единиц этого поля.

Описательное выражение, ставшее со временем юридическим термином, а уж затем эвфемизмом, начало свою экспансию² в языке с «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года России, в котором наказание ссылкой по строгости было двух (по убывающей) степеней: в места Сибири «отдалённые с каторжными работами» и «не столь отдалённые на поселение»³; эти два вида наказаний располагались между «мягкой» ссылкой на Кавказ и «высшей мерой» – смертной казнью.

Анализ текста «Уложения» выявляет вариативность формы этого описательного выражения: *ссылка на поселение в Сибирь в места более или менее отдаленные* (статья 22); *Степень 1. Ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири* (там же); *Степень 2. Ссылка на поселение в местах Сибири не столь отдаленных* (там же); *... на житье в другие, кроме Сибирских, отдалённые губернии* (статья 36); *...а по Сибири – в отдалённые оной места* (статья 207). При такой вариативности формы это, смеем утверждать, тем не менее, юридический термин, т. е. «места не столь отдаленные Сибири», как указывается в «Уложении», – это Томская и Тобольская губернии, и никакие иные. «Отдаленными» же местами определялись в «Уложении» губернии Иркутская и Енисейская. В соответствии с проступком наказания делились на 5 степеней не только по месту, но и по времени отбывания: от

---

¹ В силу возможности вариативной интерпретации действительности [Баранов 2007: 176] эвфемия – это другой взгляд на описываемую действительность, способ вторичной номинации. Как и всякая вторичная номинация, эвфемия мотивирована значением первичного знака. При этом эвфемия (в отличие от эвфемизмов – фактов языка) – это явление не столько языка, сколько речи, т. е. дискурсивный феномен.

² Под экспансией мы понимаем перенесение доминирующей семы эвфемизма или эвфемистического сочетания на другие языковые явления.

³ По сути, *места не столь отдалённые* – это чисто российское выражение: Россия, по выражению Гоголя, – это страна «бесконечного простора», и в извечной связке «пространство-время» для русского сердца важнее пространство, а *разлука* (как одна из сопутствующих сем наказания ссылкой) коррелирует, соответственно, не со временем, а с пространством. Таким образом, можно утверждать, что доминирующей семой понятия «ссылка» и, тем более, выражения «места не столь отдаленные» является *расстояние*.

10–12 лет в местах отдаленных Сибири – степень первая, до одного года в местах не столь отдаленных Сибири – степень пятая⁴.

Поначалу выражение употреблялось без какого бы то ни было эвфемистического смягчения. Эвфемизмом оно становится уже при советской власти во времена ГУЛАГа.

Необходимо несколько слов сказать о том, почему вообще язык не отторг это описательное выражение – ведь столь многословное именование «ссылки» нарушает, как может показаться, один из принципов человеческого языка – стремление к экономии средств.

Надо отметить, что язык российского делопроизводства исторически несколько отличается от англо- и немецкоязычной юриспруденции с её лаконичными литыми формулами, зиждящимися на Римском праве и латыни. Вероятно, здесь сказываются, с одной стороны, церковнославянские корни и изначальная соотнесенность русской культуры с греко-византийской, а не римской, культурной и языковой традицией, а с другой – влияние такого важного источника новой лексики, как канцелярский язык делопроизводства России XVI–XVIII веков. Вектор развития официально-делового стиля, безусловно, был направлен в сторону терминологичности. Однако, несмотря на то, что язык делопроизводства развивался в русле стандартизации, общем для данного стиля, в русской письменной традиции собственно деловое письмо было тесно переплетено с литературным текстом (ср.: «Домострой», «Повесть о Ерше Ершовиче» и др.) и церковнославянской книжностью.

Кроме того, закон экономии средств действует только в естественных условиях развития языка. Язык чиновников и военных подчиняется иным законам⁵: в нем «расщепляется» сказуемое, т. е. действие выража-

---

⁴ Таким образом, приговор суда в романе «Воскресение» Л.Н. Толстого: «сим объявляется мешанке Екатерине Масловой, что Её Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу Ему, снисходя к просьбе Масловой, высочайше повелеть соизволил заменить ей каторжные работы поселением в *местах не столь отдаленных Сибири*», иллюстрирует терминологическое употребление выражения – имеется в виду одна из двух означенных губерний.

⁵ В этой связи на ум приходит одно словосочетание из военной области – *ракеты средней и меньшей дальности*. И хотя ясно, что такова военная терминология, тем не менее «меньшая дальность» режет ухо. Сравнительная степень признака нетерминологична хотя бы потому, что она не фиксирована, т. е. является «плавающей». Градуальность такого типа может быть отнесена к лингвистическим парадоксам, поскольку граданты (термин для обозначения градуируемых лексем предложен О.Д. Митрофановой) как минимум должны относиться к одной классификационной шкале. Нам привычны *поезда дальнего следования*, на другом конце шкалы находятся электропоезда пригородного сообщения, т. е. *электрички*, длина маршрута которых не превышает 150 км. Поездов *средней* и тем более *меньшей* дальности следования нет. В спорте различаются *легкий, полусредний, средний, тяжелый веса*, но никому в голову не приходит назвать боксера полусреднего веса спортсменом «*меньшей тяжести*». В географии есть понятия *Дальний Север* и *Ближний Север* с отсутствующим промежуточным членом парадигмы и др. Мож-

ется не простым глаголом, а громоздким сочетанием имени с сопутствующими словами (*находился в состоянии усталости* вместо *устал*), затемняется реальный субъект действия (*было принято решение* вместо *X решил*), глаголы и даже целые словосочетания заменяются корявыми существительными (*крысонепроницаемость зданий*) и т. п.

И последнее замечание по поводу того, почему язык сохранил многословное выражение как термин для обозначения ссылки: в такой форме в языке воплощается принцип избыточности, когда особо важные для носителей языка семантические поля маркируются различными способами. Поле «несвободы», как видим, одно из таких.

В настоящее время в значении ‘места лишения свободы’ словосочетание обрело все обязательные признаки эвфемизма, а именно: 1) обозначение денотата, соотносимого с явлением или предметом, которые в данном обществе оцениваются отрицательно (тюрьма – в современном значении, ссылка или каторга – в историческом) и, следовательно, упоминание о которых нежелательно или не уместно и нуждается в смягчении; 2) формальный характер смягчения или «улучшения» значения денотата (всем ясно, о чем идет речь, в противном случае недопонимание приводит к коммуникативной неудаче или классифицируется как обман); 3) размытость семантического контура денотата, которая возникает в результате (а) сокращения числа дифференциальных признаков последнего и/или (б) подмены доминирующей семы на сопутствующую, что, в свою очередь, позволяет уменьшить негативную оценку денотата. Так, среди дифференциальных признаков понятия *ссылка* сема ‘расстояние’ – сопутствующая, она лишь одна из многих, среди которых: ‘несвобода’ (доминирующая сема) или ‘ограничение/лишение свободы передвижения’, ‘лишение в гражданских правах’, ‘наказание’, ‘общественное порицание’ и т. п. В выражении *места не столь отдаленные* появляется эвфемистическое переосмысление доминирующей и сопутствующих сем: ‘несвобода’ подменяется ‘расстоянием’, благодаря чему семантический контур понятия размывается, эксплицируется только один дифференциальный признак, в результате чего уменьшается и негативная составляющая понятия.

но предположить, что для классификации ракет была изначально выбрана шкала, на которой имелись такие граданты, как ракеты *малой дальности*, *средней дальности* и межконтинентальные, т. е. *сверхдальние*. (Заметим, что были еще орбитальные ракеты с *неограниченной* дальностью действия, снятые недавно с вооружения.) Однако с изменением военной доктрины появляется необходимость в оружии промежуточного радиуса действия – не 1000–5000 км, как «Сатана» в западной терминологии, а меньшего 500–1000 км. И поскольку классификационная шкала уже избрана, на помощь приходит градант в виде эвфемизированного выражения с размытым смысловым контуром «ракета меньшей дальности», который и назначается служить в военном канцелярите термином.

Рассмотрим изменение семантики выражения *места не столь отдаленные* и его денотата в диахроническом плане.

Вплоть до 1918 года понятия *тюрьма* и *места не столь отдаленные* (ссылка и каторга) никак не смешивались: *Когда кругом беспощадно проливается кровь твоих близких <...>, когда тюрьмы и «места не столь отдаленные» переполнены так называемыми политическими «преступниками» <...> – тогда, говорю я, прямо нечестно, более того, преступно, подло распевать о розах, зорях и великолепных соловьиных трелях...* (К. Чуковский. «Искусство и революция», 1906).

Выражение начинает утрачивать семантическую определенность и эвфемизироваться, когда царская *ссылка* заменяется сталинскими *трудовыми лагерями*. В следующем примере сохранено разделение и еще нет эвфемизации, хотя значение здесь несколько иное: *«Он хотел облегчить мое положение, и потому мое дело оформлялось не на Колыму – места весьма отдаленные, а на Восточную Сибирь – места не столь отдаленные, материк все-таки»*, – пишет Е.С. Гинзбург в «Крутом маршруте». Гинзбург разделяет два понятия чисто географически: лагерь дальние и не столь дальние, с более суровыми климатическими условиями существования и чуть менее суровыми, соответственно. По сути же денотат здесь один – *трудоваго лагерь*, а не два (*поселение* и *каторга*), как в царской пенитенциарной системе, иначе – налицо частичная детерминологизация. Однако даже в художественном тексте доминирующая сема '*расстояние*' исследуемого ЭС довольно сильно проявляет себя и вынуждает писательницу работать именно с «расстоянием». Что касается денотата, то де-юре он меняется, де-факто же для русского человека остается неизменным.

В настоящее время за выражением *места не столь отдаленные* скрываются тюрьма и шире – места лишения свободы. Что до «скрывается», правильнее было бы сказать, что эвфемизм по сути ничего никогда окончательно не скрывает, а только деформирует семантический контур понятия, указывая на один отличительный признак и ретушируя другие. Эвфемизм лишь улучшает «образ денотата», точнее, его сигнификат – комплекс постоянных или временных признаков денотата, но ни в коем случае не заменяет сам денотат: эвфемия как коммуникативная стратегия имеет целью не допустить коммуникативной неудачи, смягчая и приукрашивая известное обоим участникам коммуникативного акта явление или предмет, обходя языковые табу, помогая говорящим соблюдать принцип уместности речи.

В 1950–70-е гг. в СССР действовал закон «О тунеядстве», согласно которому не трудоустроенного в течение трех месяцев человека арестовывали и отправляли в *места не столь отдаленные*: уже не в сталинские трудовые лагеря, а на *поселения*. Так оказался в ссылке в деревне

Норенская Коношского района Архангельской области будущий лауреат Нобелевской премии в области литературы И. Бродский.

А вот один известный политический деятель XXI века советует возить в *места не столь отдаленные* молодежь на экскурсии – в воспитательных целях. В этом контексте доминирующая сема отнюдь не ‘расстояние’, а ‘наказание, несвобода’, так как подобную «воспитательную экскурсию» можно провести и в близлежащее «учреждение». Здесь мы имеем эвфемизм чистой воды.

Приведем еще два примера: *«Да, поиски нравственного идеала в России конца прошлого века многих уводили за океан и очень многих – в места, не столь отдаленные»*, – пишет Б. Васильев («Оглянись на середине» // Октябрь», 2003); *«Новый директор <...> некогда возглавлял всю финансовую деятельность АХРРа (за что и съездил на два года в «места, не столь отдаленные» отнюдь не по политическим мотивам)»* – находим у М. Чегодаевой (Соцреализм: Мифы и реальность. 2003). Оба автора выделяют слово «места» запятой, а один даже берет выражение в кавычки, чтобы, вероятно, не оставить у читателя ни капли сомнений в эвфемистическом употреблении.

В следующих контекстах обнаруживается двойственное (синкретичное) значение словосочетания: *Вятских бобров посадили в клетки и увезли в места не столь отдаленные*, – речь здесь о переселении бобров из Котельничского района в соседнюю Республику Коми, и, с одной стороны, переселение пушных грызунов с насиженных мест в *близлежащий* район актуализирует прямое значение выражения «не столь отдаленные места», но с другой – переселение, отнюдь не добровольное, на север, под конвоем и в особых клетках, – настоящая ссылка; *Егор Строев поставил местных чиновников перед выбором: либо вступить в «Единую Россию», либо – в места не столь отдаленные*, – губернатор грозит непокорным, обещая кучу неприятностей, вплоть до заведения уголовного дела либо перевод на службу в отдаленные районы губернии.

Еще одно значение имеет выражение в статье из газеты «Коммерсант» (29.01.2004) под названием *«Места не столь отдаленные»*. Кажется, что речь пойдет опять о «зоне», но этому противоречат подзаголовок: «Международная интеграция», и преамбула: «Спрос на зарубежную недвижимость, пик которого в России пришелся на начало 90-х годов, оставил заметный след в русскоязычной части интернета. В сети можно найти предложения о покупке недвижимости практически в любой части света, предназначенные именно для российских покупателей. Виртуальный тур по иностранным риэлтерским агентствам совершила наш корреспондент». Иными словами, речь о недвижимости в так называемом «дальнем зарубежье» – виллах и замках. Но «дальность» –

для недвижимости не лучшая реклама, а термин «ближнее зарубежье» уже закрепился за странами СНГ, самое точное определение «близко находящееся дальше зарубежье» – оксюморон, поэтому автор предпочитает каламбур «места не столь отдаленные».

В 2007 г. в Нижнем Новгороде был проведен выборочный телефонный опрос населения о месте проведения летнего отдыха: список возглавили деревня (30,7% опрошенных), город (30% горожан), дача (20,5%), а отдых на зарубежных курортах был менее популярен. Аналитическая статья с результатами опроса называлась «Отдых в местах не столь отдаленных». Невозможность выехать на пределы «зоны обитания» из-за отсутствия денежных средств придает в этом контексте выражению сильную коннотацию несвободы.

Доминирующая сема этого выражения позволяет играть со значением. Так появляется иронический языковой эвфемизм туалета: «Ну, девочки, я отойду пока в места не столь отдаленные!» – комический эффект здесь создается при помощи приёма, названного В.З. Санниковым вторичной эвфемизацией [Санников 2002: 462–464] (узувальный, «первичный» эвфемизм применяется в описании другой ситуации). В понятии «туалета» есть также некое слабое свечение идеи несвободы, пусть не физической, а физиологической: *нужда принуждает* нас идти туда, в «*нужник*», и мы выходим оттуда «освобожденными». Таким образом, к длинному ряду стертых эвфемизмов – синонимов «нужного места»: *уборная, туалет* (от фр. “toilette” – ‘приводить себя в порядок’), *ватерклозет* (от англ. “watercloset” – ‘водяной чулан’), *клозет, сортир* (от фр. глагола “sortir” – ‘выходить’), *отхожее, ОО, М/Ж, ИС, удобства, «за нуждой идти»* и т. п., а также таких оригинальных выражений, как «*место, где можно обнять белого друга*», «*нужный чулан*», «*место, где можно освежиться*», прибавился еще один – *места не столь отдаленные* с семантикой ‘расстояния–уединения–освобождения’.

Если рассматривать это ЭС в плане семантической сочетаемости, можно заметить, что с субъектом (ссылка, тюрьма) первой группы контекстов сочетаются как переходные, так и непереходные глаголы: переходные глаголы *выслать, упечь, увести, упрячь, отправить, водворить*; непереходные глаголы *попасть, угодить, прокатиться, съездить, засесть, посетить, оказаться, загреметь*. Четвертая группа субъектов (виллы) предпочитает глагол *отдыхать*. В то время как с субъектом пятой группы контекстов (туалетом) сочетаются только производные от глагола «идти»: *отойти, зйти* и т. п.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о, как минимум, пяти различных контекстных значениях ЭС *места не столь отдаленные*: 1) ‘тюрьма’; 2) синкретичное значение, т. е. сочетающее одно-

временно два значения: к первому значению 'тюрьма' прибавляется прямое («по соседству») значение расстояния – 'не далеко находящаяся тюрьма'; 3) относительно близко расположенная зарубежная недвижимость, предлагаемая российскому покупателю; 4) привычный ареал обитания с коннотацией несвободы, 5) и, наконец, новый иронический языковой эвфемизм «туалета» с коннотацией освобождения от диктата физиологии – значение, появившееся в речи горожан в начале XXI в. и зафиксированное в словаре.

Как следует из проведенного нами анализа, в случае с данным эвфемизмом можно говорить об экспансии *мест не столь отдаленных*. Контуры семантического древа за время существования данного ЭС непрерывно изменялись, от основного ствола отпочковались новые значения, что говорит об определенном динамизме процессов износа формы и подтверждает тезис об «исторической изменчивости» эвфемизмов; тем не менее, надо признать, что основной смысловой плющ *мест не столь отдаленных* дотянулся через почти два столетия до наших дней. Можно утверждать, что потребность в эвфемизации семантического поля «*несвободы*» сохраняется на протяжении относительно большого промежутка времени. Более того, в начале XXI века эвфемизм захватил и удерживает за собой новый для себя денотат, что доказывает особую способность к экспансии эвфемистичного фразеологизма *места не столь отдаленные*.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов. М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ)

О.И. Северская

POETIC TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS (NATIONAL AND INTERNATIONAL)

O.I. Severskaya

ABSTRACT:

Transformations of phraseological units are used in modern poetry in language game with a support on the general fund of knowledge of the author and the reader. Revival of an internal form, poetic etymology, implementation of the phraseological unit, creation of phraseological implication make repertoire of used transformations and promote identification of semantic support which are used at interpretation. Thus national cultural stereotypes, as whose signs serve phraseological units, compete in the text with mythemes, archetypes, concepts of poetic language as that.

Keywords: phraseology, transformation, language game, poetry, national stereotypes, interpretation

Трансформации фразеологизмов используются в современной поэзии в языковой игре с апелляцией к общему фонду знаний автора и читателя. Оживление внутренней формы, поэтическая этимология, реализация фразеологизма, создание фразеологического подтекста составляют репертуар используемых трансформаций и способствуют выявлению семантических опор, которые используются при интерпретации. При этом национальные культурные стереотипы, чьими знаками служат фразеологизмы, конкурируют в тексте с мифологемами, архетипами, концептами поэтического языка как такового.

Ключевые слова: фразеология, трансформации фразеологизмов, языковая игра, поэзия, национальные стереотипы, интерпретация

Особенностью коммуникации рубежа XX–XXI вв. является участвовавшее обращение к готовым языковым средствам, хранящимся в языковой памяти и относящимся к общему культурному фонду говорящего и слушающего – языковым прецедентам, в том числе и фразеоло-

гизмам. Языковая игра, основанная на их трансформациях¹, характерна для всех стилей речи, от разговорно-интеллигентского до публицистического², и поэтического языка.

Одним из самых распространенных приемов трансформации фразеологизмов является двойная актуализация, т. е. употребление соответствующего оборота как фразеологического и свободного сочетания слов (с буквализацией значений образующих их компонентов) одновременно, с совмещением фразеологического значения и его образной и/или внутренней формы [Мелерович, Мокиенко 1987]. Это становится возможным потому, что фразеологизмы являются сложными знаками, которые состоят из компонентов, обладающих самостоятельными ассоциативными потенциями в лексиконе каждой языковой личности³. Реализуясь в контексте, такие ассоциации приводят к образованию компонентами фразеологических единиц и их актуализаторов структурно-семантических единств, которые И.Н. Куклина [2006] предлагает называть фразеологическими конфигурациями.

Подобные конфигурации могут образовываться в результате оживления внутренней формы фразеологизма, например, за счет поэтической этимологии: *Когда тебя загонят в угол, / вообрази – бильярдный шар, / короткий, резанный удар* (В. Салимон).

Фразеологизм *загнать в угол* (ср. *завести в тупик, припереть к стенке*) имеет значение 'поставить кого-либо в безвыходное положение, вынуждая субъекта признать какие-либо неприятные для него факты или совершить какие-либо нежелательные действия / создать неблагоприятные условия для функционирования и развития чего-либо' и внутреннюю форму «лишение физической возможности покинуть некоторую

---

¹ Трансформациями, вслед за Н.В. Малышевой, будем называть «ненормативные изменения во внешней и / или внутренней сторонах фразеологического знака, способствующие повышению экспрессивности, в некоторых случаях изменению коннотативной окраски» [Малышева 2008: 150].

² В качестве примера языковой игры в речи интеллигентов Л.П. Крысин приводит шутки, основанные на искажении или распространении известных фразеологизмов и литературных цитат: *работать не прикладая рук* (вместо: *не покладая*), *знать каленой метлой* (из: *каленным железом и новая метла*); *В этом деле он съел не одну собаку*; *Что-то я не в шутку занемог* и т. п. [Крысин 2001]; а И.Н. Куклина дает любопытные иллюстрации из современной прессы: *Джон Мейджер решил перенести штаб разведки в центр столицы, посчитав, что после окончания «холодной войны» спецслужбы должны быть на виду у общества – в прямом и переносном смысле* (Изв.); *В переплет она не попадет* (*О волевой, умной девушке, которая работает в фирме по изготовлению переплетов*) (КП) [Куклина 2006].

³ Отмечая это, Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов [1993] подчеркивают, что фразеологизмы хранятся в индивидуальном лексиконе «скорее покомпонентно, чем холистически»; опорные же компоненты могут быть осмыслены как языковые (квази)символы, а значит, стать носителями дополнительной и совершенно новой информации, которая должна быть адекватно понята и интерпретирована.

замкнутое пространство» [ФОСРЯ 2009: 553-554]. Эта форма видна в ранних примерах нефразеологизированного употребления словосочетания *загнать в угол*, которые можно найти в Национальном корпусе русского языка⁴: *Плохо пришлось осинкам, когда их загнали в самый угол поруби, с одной стороны на них наступал молодой березняк, а с другой – молодая еловая поросль* (Мамин-Сибиряк. Лесная сказка. 1910 – НКО); *Он уже прошел два переулка и проходил мимо бедноватой Зачатьевской церквушки, загнанной в самый угол Китай-городской стены* (Леонов. Барсуки. 1924 – НКО). В переносном значении фразеологизм передает усвоенное из архаичной славянской культуры представление об угле как о «чужом пространстве», *том свете*, из которого нет выхода, а также ассоциацию с наказанием, когда ребенка ставят в угол, из которого он «не может выйти» без разрешения взрослого [БФСРЯ 2006: 94]; ср.: *А теперь <...> я вдруг заметался под негрозющим взглядом смерти, как загнанная в угол собачонка* (Вересаев. К жизни. 1908 – НКО); *Ведь я же самого себя загнал в угол!* (Рязанов. Подведенные итоги. 2000 – НКО).

В приведенном отрывке из поэтического текста реализуется ассоциация как с «печальным детским опытом» (оказавшись в углу, ребенок, как правило, спасается в *воображаемом* мире), так и с «неудачей» и «безвыходными ситуациями», которых, как известно «не бывает», что позволяет автору «обратить» описываемое положение дел в его противоположность: в *воображаемом* мире бильярда удар в угол – один из самых легких и эффективных, а попадание шара в угловую лузу – одна из больших удач игрока.

Другой прием образования значимой фразеологической конфигурации – это расширение состава исходного фразеологизма, в некоторых случаях – с одновременной актуализацией отдельных его компонентов: *Пахнет дело мое керосином, Керосинкой, сторонкой родной* (Т. Кибиров).

У фразеологизированного «крылатого выражения» *Дело пахнет керосином!* (означающего ‘приближение чего-то угрожающе-неприятного’) есть своя история: оно восходит к опубликованному в 1924 г. в газете «Правда» фельетону М. Кольцова о крупной афере, раскрытой при передаче концессии на эксплуатацию нефти в Калифорнии, в ней были замешаны самые высокопоставленные чиновники США, получившие «взятку» выше средних размеров, *убедительно пахнущую керосином*» [Бирх и др. 2005: 180]⁵. Развитие переносного значения у

⁴ Здесь и далее приводятся примеры из основного корпуса (НКО), а также газетного (НКГ) и поэтического (НКП) подкорпусов (www.ruscorpora.ru).

⁵ Однако еще в XIX в. встречались переносные, почти фразеологизированные употребления словосочетания *пахнуть керосином*, ср.: *От их постно-масленного бодочества пахнет нигилистическим керосином.* (Ключевский. Записные книжки. 1893-

этого словосочетания было обусловлено сохранявшимся до XIX в. у глагола *пахнуть* значения ‘обнаруживать присутствие, наличие, возможность чего-либо’ и ‘свидетельствовать о возможной угрозе, вызывать предчувствие чего-либо неприятного’ и наличием устойчивой фразеологической модели, ср.: *тут пахнет кражей, подлогом, жареным* [Там же].

В поэтическом тексте можно наблюдать двойную актуализацию глагола *пахнуть* и существительного *керосин*: в роли актуализатора выступает расширитель *керосинка*, а реализации значений компонентов фразеологизма способствует лексико-семантический повтор, отсылающий к определенному денотативному пространству. Актуализатором во времени становится словосочетание *сторонка родная*, характерное для советской песенной фразеологии, ср., например: *Мы плыли по течению Сторонкою родной* («Лодочка»), а в тексте известной песни «Сторонка родная» – тот же стихотворный размер, что и в приведенном выше отрывке.

Интересно, что участники интернет-дискуссии об этих строках Т. Кибирова⁶ единодушны в воспоминаниях о керосинке как атрибуте советского времени, а точнее – совпавшего с детством автора и его читателей исторического периода (1960-х годов), но «запах керосина» отнюдь не все воспринимают буквально. Одни вспоминают о том, что он говорит о чем-то «подозрительном», тем самым обращаясь к общеязыковому значению оборота. Другие пытаются эксплицировать его переносный смысл: «“Дело пахнет керосином” потому что, поднесешь спичку, и загорится. Все может сгореть в один миг. Таким образом, имплицитно ставится вопрос о “тленке” и “нетленке”. Память поэта – словно ветошь, пропитанная керосином, которая может в любой момент сгореть дотла. Стоит поднести спичку. Этого прямо в тексте нет, но при желании можно вывести». Выводится – с помощью этимологической реконструкции – из родового определения *керосина* ‘горючее’ и представление о *горечи* и *горе*.

Обращает на себя внимание еще одна импликация, которую предлагают читатели Т. Кибирова, – строчка из О.Э. Мандельштама: *Мы с тобой на кухне посидим / Сладко пахнет белый керосин...* Энциклопед-

---

пахнет нигилистическим *керосином*. (Ключевский. Записные книжки. 1893-99 – НКО), при подавляющем большинстве буквальных, например: *В комнате на станции тускло горит лампочка. Пахнет керосином, луком и чесноком.* (Чехов. Из Сибири. 1890 – НКО). Ср. с использованием фразеологизма в привычном значении: *Если же Кочетков ошибался, то Боб Пирс зажимал теми же двумя пальцами нос и кривил лицо, как от дурного запаха. Это означало: «Дело пахнет керосином».* (С. Вишенков. Испытатели. 1947 – НКО).

⁶С ней можно познакомиться в Живом Журнале, режим доступа: <http://alikmanov.livejournal.com/9141.html>.

дическое знание о судьбе Мандельштама заставляет пересмотреть смысл существительного *дело* (если во фразеологизме *дело* это 'общее положение вещей, обстановка', то в этом контексте существительному приписывается значение 'собрание документов, относящихся к какому-либо лицу, событию, досье') и обнаружить в подтексте еще один фразеологизм (*шить дело* 'безосновательно обвинять в преступлении'⁷).

С одной стороны, автор вызывает в воображении читателя «картинку» конкретной ситуации: некое *дело* изучается при свете *керосинки*, его страницы впитывают *керосиновый запах*. С другой стороны, оценивает эту ситуацию, используя общеязыковое значение фразеологизма, как «угрожающе-неприятную». Использование притяжательного местоименного прилагательного 1-го лица ед. числа *мое* позволяет не только акцентировать и другие компоненты значения существительного *дело* 'работа, занятие, деятельность' и 'практическая деятельность, действия (в противоположность мыслям и словам)' (и по цепочке – вызвать представление о *слове и деле*, фразеологическом обороте, обозначающем донос о преступлении, но в данном случае двойко актуализированном), а также 'то, что непосредственно, близко касается кого-л.', но и имплицировать актуализацию таких «антонимичных» фразеологических единиц, как *мое дело* 'касается только меня' и *мое дело сторона* 'меня это не касается, я к этому не причастен'.

Как можно заметить, в поэтическом тексте ключевые компоненты исходного общеязыкового фразеологизма осознаются как «семантические опоры»⁸, позволяющие ассоциативно связывать даже далеко отстоящие друг от друга (в синтаксически не связанные элементы (в нашем примере – *дело* и *сторон(к)у*), что очень важно для читательского восприятия. Это объясняется самой природой фразеологических единиц: по справедливому замечанию Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова [1993], фразеологизмы изначально создаются не для того, чтобы описывать мир, а для того, чтобы его интерпретировать,

---

⁷ Этот фразеологизм с прозрачной внутренней формой (*дела* перед передачей в суд действительно *шьются*, т. е. прошиваются суровыми нитками), как показывает Национальный корпус, – порождение советского времени, ранее оба компонента употреблялись независимо и в буквальном значении: *За письменным столом кабинета стояло многовековое, грузное и громоздкое величие повелительницы морей Наутилии, грозное, как ее колоссальные корабли, гневное и уничтожающее, затянутое в генеральский мундир, сверкающий шитыми лаврами победных дел и непревзойденных подвигов ее истории.* (Б. Лавренев, 1925 – НКО); *Так вот, слушай, сапоги шить – дело нужное, хорошее дело.* (А. Макаренко, 1934 – НКО).

⁸ Термин А.С. Степановой: «Семантические опоры – это редуцированные ядерные структуры, в виде которых в языковом сознании носителей языка хранятся ФЕ и которые актуализируют образы языкового сознания носителей языка. Семантической опоры достаточно для того, чтобы носители русского языка воспринимали ту или иную ассоциативную пару как «свертку» соответствующей ФЕ» [Степанова 2010: 4].

выражать субъективное и, как правило, эмоционально окрашенное отношение говорящего к миру.

Фразеологизм – бесконтекстная, безличная цитата, которая принадлежит не кому-то конкретно, а языку; он позволяет «войти в текст», стать его персонажем, любому: по мнению С.Т. Золяна, «это как раз та тривиальная и потому неопровержимая истина, с которой согласится каждый и которая говорит о каждом» [2013: 213]; посредством фразеологизма «в текст вводится безличный носитель языка, человек вообще, чье высказывание присваивает говорящий текста и с кем в данной строке он идентифицирует себя» [Там же], т. е. любой потенциальный читатель.

В самом простом случае фразеологизм становится внутренней формой поэтического образа: *Лишь круги на воде, где – как войско Мамая – дождь прошел...* (С.Соловьев), – здесь метафорическое сравнение «реализуется», будучи помещено в исторический контекст опустошительных набегов на Русь татарского хана Мамая, прецедентной ситуации, которая и породила еще в XIV в. соответствующих фразеологический оборот. Но фразеология определяет и более сложные интерпретационные стратегии.

Например, С. Соловьев, обыгрывая пословицу: *Благими намерениями вымощена дорога/вымощен путь в ад*⁹, пишет: *Путь намерений вымощен благими.* Ритм строки выявляет смещение акцента: *путь*

---

⁹ Примеры из Национального корпуса в большинстве своем демонстрируют осознание этого фразеологизма как общеизвестного, о чем свидетельствуют соответствующие вводные слова: *Но ведь давно известно, что добрыми намерениями вымощен ад.* (И. Ходоровский, 1923-25 – НКО); *А благими намерениями, по слухам, вымощена дорога в ад...* (Н. Дубов, 1966 – НКО); *Вот что может порадовать в областном бюджете 2004 года, так это увеличение расходов на образование – на 50, на здравоохранение – на 32, на культуру – на 34 и на социальную сферу – на 34 процента. Однако тут же в памяти всплывает страшное слово секвестр. Ноет сердце и вецует, что благими намерениями вымощена дорога... В общем, знаете куда.* (В. Степанычев, 2003 – НКГ); *Как известно, добрыми намерениями вымощена дорога в ад.* (В. Путин, 2004 – НКГ). На факт «первосказания» указывают кавычки: *Но ведь «добрыми намерениями вымощен весь ад», как говорит пословица, – заметил Привалов.* (Мамин-Сибиряк, 1883 – НКО); *Человеку вовсе не присуще выбирать между добром и злом, ему присуще превращать добро в зло: «благими намерениями вымощена дорога в ад».* (С. Яржембовский, 2001 – НКГ). Вместе с тем, в Корпусе обнаруживается довольно много трансформаций этого фразеологизма: *Добрые намерения вымостили путь для «театра Корша», а безалаберность погубила блестящее дело «пушкинского» театра.* (Н. Ракшанин, 1896 – НКО); *Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления»...* (В. Ленин, 1902 – НКО); *Добрых намерений на всех наших литературных совещаниях высказано было много, добрыми намерениями вымощен ад и наша литература.* (Бабель, 1920-28 – НКО); *Благие намерения, однако, вымостили совершенно другую дорогу. Неутешительным получалось «итого».* (Д. Симонова, 2002 – НКО); *В общем, с партией, ребята, лучше не связываться, ибо благими намерениями вымощена дорога в ЦК КПСС...* (В. Аксенов, 2007 – НКО);

намерений – это, с одной стороны, рефлекс южнорусского наречия (усвоенного поэтом-киевлянином с рождения), с другой – имплицитное указание на «просторечие», носителем которого является «простой человек»¹⁰, в соответствии со словарными определениями – заурядный, недалекий по уму, глуповатый, воспринимающий и продуцирующий «простую», т. е. ничем не осложненную, понимаемую в прямом, узком смысле, речь (в отличие от упомянутого в тексте *гения*).

Кроме того, поэт прибегает к семантико-синтаксической трансформации, меняя структуру фразеологизма¹¹: словосочетание *путь намерений* (с родительным принадлежностью) акцентирует внимание на направлении развития намерений (за счет выделения соответствующего значения лексемы *путь*), его определение *вымощен благими* – на субстантивации прилагательного, превращающегося в обозначение как действующих лиц (агенса), так и используемого средства мощения пути (ср. *путь вымощен камнями*). Такая синтаксическая выделенность субстантивированного прилагательного способствует и его смысловому выделению, заставляя читателя – носителя языка – вспомнить, что в русском языке прилагательное *благой* было энантиосемичным, означая как ‘хороший, счастливый, полезный, доблестный’, так и ‘плохой, дурной, вздорный, упрямый, своенравный’, так же как и прилагательное *блаженный* – ‘в высшей степени счастливый’, ‘святой’ и ‘не совсем нормальный, юродивый’ (в тексте упоминается *блаженный дух изгнанья, то есть / дух странствий / на легкой колеснице*, и эта номинация служит реализацией обоих значений, кроме того, появляется прилагательное *божий*).

Употребленный в тексте фразеологизм *промысел божий* (в трансформированном варианте: *что промысел тебе, тем паче божий?*), с одной стороны, актуализирует ассоциацию *блаженный – божий (человек)*, с другой – активизирует в языковом сознании читателя еще одну фразеологическую единицу, цитату из Грибоедова: *Блажен, кто верует, тепло ему на свете!* – с импликацией «горе от ума». Кроме того, противопоставляются *промысел (божье намерение)* и *вымысел*, которые объединяются в перифразе «крылатой» строки Пушкина: *Над вымыслом слезами обольюсь* (ср. у С. Соловьева: *Все сущее на вымысел по-*

¹⁰ В акцентологическом подкорпусе Национального корпуса русского языка пример такого ударения присутствует: [Владислав Борисович, муж, 64] *Ну́ мы с-с-с чистой совестью вообще / благие намерения...*

¹¹ Для сравнения приведем пример использования словосочетания *благие намерения* в поэзии: *А всех бы преблагих намерений конец Не исполнял тем, кой положил Творец.* (Тредиаковский, 1750-54 – НКП), а также в поэтической прозе: *Наперекор благим намерениям Северного аквилона, но благодаря, однако, его же содействию, длинная веревка взвивается также очень высоко и... зацепляется за высочайшую и длиннейшую ветвь дуба.* (Жемчужников, 1883 – НКП).

множлив, <...> над промыслом слезами обольешься). Этот «расклад» дублируется гамлетовским вопросом (ср. у Пушкина: *Но не хочу, о други, умирать. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать*): и движется за строчкой строчка, / меж быть иль не быть выбирая или. В этой концовке стихотворения используется тот же прием смещения акцента, что и в начале, благодаря чему противопоставляются *быть* ‘сущее’ (ср. *быль*) и *небыть* ‘то, чего не было, сказка, вымысел’ (оба существительных в указанных значениях присутствуют в словаре Даля). Таким образом, трансформация фразеологизма становится ключом к выделению семантических опор, благодаря которым выстраивается фразеологическая конфигурация, которая и предопределяет направление интерпретации.

Заметим также, что для интерпретации оказывается существенной и исходная форма общеязыкового фразеологизма: *Благими намерениями вымощен путь в ад*. С. Соловьев часто противопоставляет *рай* языка *аду* речи.

Использование фразеологии как «ключа» к тексту основывается на том, что «фразеологизмы, отображающие типичные представления, могут выполнять роль <...> стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступать как языковые экспоненты культурных знаков» [Телия 1996: 249–250]. Однако не всегда национальные коды «прочитываются». Особенно трудно их определить, если в произведении ощутим лишь фразеологический подтекст, то есть авторское осмысление оборота, обусловленное замыслом текста.

Например, в «Когда ты снимаешь перчатку...» французского поэта Д. Фуркада появляются строки: *tu t'es désabillée pour Pierre <...> tu t'es habillée pour Paul* ‘ты разделась для Пьера <...> Ты оделась для Поля’, велико искушение трактовать это сообщение как рассказ о «любви втроем» с изощренным стриптизом или о «любовном треугольнике». Однако в данном случае мы имеем дело с семантическим расширением фразеологизма *déshabiller Pierre pour habiller Paul* ‘решать одну проблему за счет другой’ (ср. *переливать из пустого в порожнее, латать Тришкин кафтан*). Это – французское переосмысление английского выражения *to rob Peter to pay Paul* ‘огрбить Петра, чтобы заплатить Павлу’, связанного с конкретными историческими событиями: деньги, предназначенные для Аббатства Святого Петра, были переданы собору Святого Павла¹². Во Франции *Пьера раздевают*, чтобы *одеть Поля*,

---

¹² Этот фразеологизм употребляется в исходной форме и в русском языке, ср.: *Деньги новых членов используются для выплат тем счастливицам, которые оказались первыми участниками пирамиды... В основе схемы ... лежит простой принцип: «Ограбь Петра, чтобы заплатить Павлу»; Чтобы сделать уверенный шаг в будущее, вам нужен приток*

когда речь идет о перераспределении средств и благ. Этот «экономический» подтекст легко восстанавливается в тексте Д. Фуркада по признакам семантической реализации фразеологизма: *что за расточительность... любой ценой... актив не противоположен пассиву / меняясь количественно звуки плывут и перетекают из одной группы в другую* и т. п. И все же актуализация прямого значения слов-компонентов оказывается более значимой, поскольку соответствует стереотипному представлению о французах как людях, искусных и искусенных, прежде всего, в любви. Хотя русский читатель и не опознает соответствующий фразеологизм (в отличие от француза, ощущающего языковую игру), он, скорее всего, предположит наличие поэтической фразеологии, соотносимой с мифологемами, архетипами, культурно-значимыми концептами поэтического языка как такового.

Литература / References

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. / Под ред. В.М. Мокиенко. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Астрель, АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
2. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-пресс книга, 2006. – 784 с.
3. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993, № 2. С. 5–15.
4. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – 220 с.
5. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001, № 1. С. 90–106.
6. Куклина И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы. Дис. канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2006. – 251 с. / Режим доступа: http://albooking.net/book_175.html
7. Малышева Н.В. Специфика перевода трансформированных фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова и их переводов на английский язык) // Филология и человек. 2008, № 2. С. 149–156.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Проблемы фразеологической семантизации преобразованных фразеологизмов // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск: Наука и техника, 1987. С. 36–40.
9. Степанова А.С. Фразеологические единицы: их редукции и трансформации (на материале Русского ассоциативного словаря). Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. – 22 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
11. ФОСРЯ – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: ЭКСМО, 2009. – 704 с.

свежей воды, которая избавит организм от стресса, вызванного необходимостью «ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу» (примеры из Интернета).

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

С.Ю. Семенова

SOME TRENDS OF THE LAST YEARS RUSSIAN LINGUISTIC GAME

S.Ju. Semenova

ABSTRACT:

A number of Russian spoken language game examples of the recent years (approximately from the year 2000) obtained through the field study are considered. Contamination of idioms and set expressions, paronymic attraction, metaphor, using of occasional phrases make the most noticeable tools of the modern language game in Russia. The significant difference in cultural prototypes perception by the young (post-soviet) and the elder generation takes place.

Keywords: Russian spoken language game, jocular phrase, contamination, paronymic attraction, perception of cultural prototypes

Рассматривается ряд примеров русской разговорной языковой игры новейшего периода (после 2000 года), собранных в процессе полевой работы. Среди приемов языковой игры значимое место занимают контаминация прецедентных текстовых фрагментов, паронимическая аттракция, метафора, употребление окказионализмов. Отмечается существенная разница в восприятии игровых единиц молодым поколением (не заставшим советского периода) и поколениями старшими.

Ключевые слова: русская разговорная языковая игра, фразеологические игровые единицы, контаминация, паронимическая аттракция, восприятие культурных прототипов

Интерес к текущему состоянию русской устной языковой игры возник у автора благодаря мемориальной работе, заключающейся в восстановлении по памяти наиболее ярких высказываний, которые звучали в семье автора в 1980–1990 гг. Была собрана коллекция домашних высказываний (более 9 тыс. единиц), в которой существенное место заняли игровые эпизоды (фонетические, просодические, морфологические игры; пародии; каламбуры и другие жанры), входившие в семейный дискурс [Семенова 2012].

Возникло желание сопоставить засвидетельствованные таким образом игровые единицы с «внешней» устной языковой игрой, характерной

при этом уже для XXI столетия. Определенный корпус (более 200 единиц) был собран выпускницей РГГУ 2013 года Д.Н. Ваулиной и представлен в ее дипломном исследовании, проведенном под руководством автора. Основными путями поиска материала были опрос информантов в социальных сетях и наблюдение за речью собеседников; некоторую роль также сыграла рефлексия [Ваулина 2013].

Фиксация ранее не встречавшихся игровых высказываний продолжается автором и после завершения руководства названной дипломной работой.

О датировке эпизодов языковой игры. При всем стремлении разделять примеры игр на относящиеся к последним годам предыдущего столетия и на рожденные в столетии текущем, это удается не во всех случаях. Датировка очевидна, например, когда экспромт только что возник у говорящего (при этом не исключена ситуация «переоткрытия» говорящим уже укорененной, но незнакомой ему единицы) или когда известно время появления (или вхождения в широкий обиход) обозначаемой реалии; так, слово *блогиня* (девушка, активно пишущая в блогах) могло появиться только в текущем веке. При хронологическом разграничении существенна опора на интуицию исследователя; отсеивать «бородатые» примеры помогают и поисковые системы Интернета. При этом язык языковой игры, восходящее к идеям Л. Витгенштейна, является одним из трудноопределяемых в лингвистической теории. Не случайно В.З. Санников в книге, посвященной языковой игре, переходит от этого понятия к понятию языковой шутки, представляющемуся более обозримым [Санников 2002]. Мы же ограничимся рабочим определением языковой игры. Под этим термином будем понимать намеренное нарушение говорящим узуса на всех уровнях языковой системы (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом), а также в сфере стилистики и прагматики с целью достижения каких-либо специфических эффектов, прежде всего комического.

При номинации и характеристике приемов языковой игры будем опираться на классическую статью [Земская и др. 1983]. Среди собранных современных единиц имеются иллюстрации практически для всех приемов, выделенных и описанных в указанной статье.

Сосредоточимся далее на неоднословных единицах: словосочетаниях, фразеологизмах, целостных высказываниях, хотя собранный материал включает немало однословных примеров – результатов морфологических и семантических игр; ср., *виэвость* (принадлежность к ВШЭ), *грубенфюрер* (грубая женщина-чиновник), *деформатор* (горе-реформатор), *долгоиграющий* (о молочных продуктах с консервантами),

запчасти (мясные субпродукты), *катапультироваться / эвакуироваться / эмигрировать* (уйти с работы раньше времени, тайком от руководства), *консерватория* (предприятие по изготовлению консервов), *Мышак* (артист в костюме мыши в городе Мышкин), *реформировать* (ликвидировать), *сонить* (вызывать снотворный эффект, о лекарствах), *сюрприз* (неприятная новость).

При образовании неоднословных единиц можно отметить тенденцию к контаминации, к склейке прецедентных элементов: *волосы дыбом шевелятся*, *большая и волосатая рука берущего* (о взяточнике; склейка из *большая и волосатая* и контрагента к *дающий*), *желаю тебе счастья личного, наличного и безналичного* (прецедентный ассоциативный ряд: *желаю счастья в личной жизни, культ личности и культ наличности; нал и безнал*), *своими руками (ушами) видеть, своими глазами (руками) слышать*, *русским по белому, не сыпь мне соль на сахар, сапоги-внедорожники* (склейка из сочетаний *сапоги-сороходы* и *автомобиль-внедорожник*) и др.; ср. также более ранние примеры из коллекции домашних высказываний *болят* (а не *бегут*) *ножки по дорожке, болят* (а не форма от *держат*) *ушки на макушке*. Среди стыкуемых элементов встречаются профессиональные клише: *зарплата меньше любого наперед заданного числа; зарплата, несовместимая с жизнью*. Для достижения иронического эффекта склеиваются идеологически разнородные единицы: *Санкт-Ленинград* (ср. семейное, 1990-х гг., *Храм «Дворец Советов»*). К контаминации близка игровая модификация единиц паремии: *на вкус и цвет все фломастеры разные, филькина справка (филькин диплом, паспорт, диагноз)*.

Контаминация такого рода, связанная с «жонглированием штампами», представляется одним из основных механизмов развития языковой игры в текущий период. С одной стороны, она свидетельствует о стремлении создателей речевых произведений к преодолению штампов. С другой стороны, на наш взгляд, она подчас указывает и на некую неодолимую стандартизованность вербального мышления, которое фактически продолжает оставаться в среде клишированных формулировок.

В современной игре любопытны примеры, представляющие собой «римейки» более старых прецедентных фраз: *амазонско-языческая страна* (ср. цитату из песенного текста А. Вертинского *бананово-лимонный Сингапур*), *Дюка не увидит* (ср. фольклорное *Видел мошек, таракашек, а слона-то я и не приметил*) и другие фрагменты, в которых на похожем или новом тематическом материале воспроизводятся традиционные идеи.

Современная игра предоставляет новые иллюстрации и для традиционных приемов.

Так, весомое место по-прежнему занимает метафора: *таблица Менделеева* (еда, содержащая слишком много ингредиентов), *минеральные удобрения* (поливитамины), *печенье на шоколадной подметке, при смерти* (о продуктах, которые вот-вот испортятся), *произведение искусства* (красивый природный объект, например цветок), *дворник-теоретик* или *плотник-теоретик* (т. е. плохой, ленивый практик), *филиал Хабаровского края* (по поводу луж в Москве дождливым летом 2013 года).

Используются и речевые маски, например, простолюдина или носителя диалекта: *нам дорют* (о библиотечных дарах), *хвинские (сапоги), хранцузские (духи)* – или малообразованного наивного покупателя, незнакомого с английским языком: *маде ин Чина* (made in China).

Как показало полевое исследование, в современной игре значительное место занимают окказионализмы, представляющие собой цитацию, которая понятна лишь узкому кругу общающихся: *Это Спарта!* (цитата из к/ф «Спарта» – констатация равенства членов сообщества); *Пятьсот долларов!* (ответ на вопрос, который отвечающий считает бессмысленным) и т. п. Окказионализмы такого рода особенно характерны для молодежной среды, хотя тексты, предназначенные для фатического общения, имеются не только в молодежных коллективах. Особенностью окказионализмов является форма, лишенная связи с референтом, что обуславливает и утрату комического эффекта для непосвященного слушателя.

Характерной чертой современной игры видится и значительная распространенность шуточного общения с домашними животными, особенно с кошками. Оригинальными примерами пестрят разнообразные надписи к «котофото» и «котоматрицам» в Интернете. Среди примеров, собранных в полевом исследовании, встречаются человекоподобные номинации – результаты присваивания животным фамилий и отчеств; модели бывают либо «животного происхождения», либо связанными с семьей хозяев: *Тихон Котовский*, [клик] *Барсиковна*, [клик] *Антоновна* (тут фигурирует имя хозяина) и т. п. Реплики, обращенные к животному, подчас носят восторженный и при этом пародийный характер: *Моя принцессина!*; *Спортсменка, комсомолка!*; *Чемпионка мира по художественному мурлыканью!*; *Выдающийся зверь!*; *Лучший зверь на планете!* и т. п. Общение с братьями меньшими стало сферой, где человек (по-видимому, внутренне одинокий, недобирающий в социуме душевного тепла и ощущения уверенности) чувствует себя полностью

раскрепощенным, проявляет себя как добродушный, но полновластный хозяин.

Встречаются и примеры остроловия, хотя их количество незначительно; в целом собранный материал можно оценить как более плоский, нежели иллюстрации в [Земская и др. 1983; Санников 2002] и в некоторых других работах, отражающих игру XX века (правда, в монографии В.З. Санникова довлеют литературные примеры, априори отличающиеся профессионализмом и большей изысканностью, нежели повседневный дискурс). Примеры современных реплик, представляющихся небезынтересными с точки зрения интеллектуальной эстетики: *подрязг в делах*, *ископаемый возраст* (пожилой человек о своем возрасте), *кладут специфику* (добавляют консерванты в колбасные изделия), *дреминг и зевотинг* (высмеивается засилье американизмов в языке), *освоить бюджет* (украсть денежные средства), *увеличить себе индекс цитирования* (стать объектом громкого скандала). Как видно из этих примеров, роль в них играет прием паронимической аттракции, а также прием пародирования; комизм возникает и благодаря отклику на злобу дня, легко узнаваемым аллюзиям. Языковое творчество проявляется в сфере пародийного словообразования и в синтаксической игре: *мне индифферентно*; *сделать выборы*; *не фонтанисто* (о неприятной ситуации); *Торгово-развлекательный центр* (может быть построен на месте академического института)! *Пуцай народ торгово развлекается!*

Существенным моментом представляется затрудненность распознавания молодежной аудиторией исторических и культурных реалий, традиционных сюжетов и клише, в том числе относящихся к советскому периоду. Так, автор столкнулся с незнанием молодыми информантами происхождения таких примеров, как *голодное Потемзье*; *грубенфюрер*; *до основанья, а затем* (последнее клише используется в языковой игре как синоним наречия *полностью*). С другой стороны, для среднего и старшего поколений затруднено восприятие окказионализмов, связанных с современной массовой культурой. Эти обстоятельства свидетельствуют о непростой ситуации с сохранением преемственности в культурной традиции.

Литература / References

1. Семенова С.Ю. Коллекция семейных высказываний // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. Т.С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. О.В. Васильева: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26-30 марта 2012 г., С.-Петербург. СПб., 2012. – 160 с.

2. *Ваулина Д.Н.* Лингвистические особенности языковой игры в современной русской разговорной речи. Дипломная работа студентки 5-го курса очной формы обучения. М.: РГГУ, 2013. – 122 с.
3. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 552 с. (Язык. Семиотика. Культура).
4. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. ред. Е.А. Земская. Глава IV. С. 172-214. М.: «Наука», 1983. – 239 с.

СЕРДЦЕ КАК ОРГАН ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА *СЕРДЦЕ* В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Г.Н. Скляревская

HEART AS THE ORGAN OF COGNITIVE AND INTELLECTIVE ABILITY OF MAN: ON THE QUESTION OF SEMANTIC STRUC- TURE OF THE WORD *HEART* IN THE HOLY SCRIPTURE

G.N. Sklyarevskaya

ABSTRACT:

The Article is dedicated to the semantic analysis of the word *heart* in the texts of the Holy Scripture (The New Testament and the Psalter in the Synodal translation), which allowed to reveal deep semantic divergence between modern lexicographic understanding of this word and its semantic contents in biblical texts. In these texts the semantic structure of the word is comprised of such components as “immaterial, divine element of man”, “the seat of emotions”, “the organ of love”, “the organ of the knowledge of God”, etc. The main focus is on the following component, a quite unexpected and paradoxical one for modern outlook: “mental activity: consciousness, mind, intellect” and the way it is realized in the word *heart* as well as the phrases and idioms containing this word.

Keywords: semasiology, lexicography, concept *HEART*, mental activity semantics, phraseology, psycholinguistics, Bible

Первоначальный вариант статьи был опубликован в: Русистика на рубеже XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научн. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 292–296.

Статья посвящена семантическому анализу слова *сердце* в текстах Священного Писания (Новый Завет и Псалтирь в Синодальном переводе), который позволил выявить глубокие смысловые расхождения между современным лексикографическим представлением этого слова и его семантическим наполнением в библейских текстах, где в его семантическую структуру входят такие компоненты, как «нематериальное, божественное начало в человеке», «вместилище эмоций», «орган любви», «орган познания Бога» и т. п. Основное внимание направлено на неожиданный и парадоксальный для современного языкового сознания семантический компонент ‘мыслительная деятельность: сознание, ум, разум’.

реализуемый в слове *сердце* и в устойчивых словосочетаниях и идиомах с этим словом.

Ключевые слова: семасиология, лексикография, концепт *СЕРДЦЕ*, семантика мыслительной деятельности, фразеология, психолингвистика, Библия

Не прошло и двух лет, как не стало Вероники Николаевны, а уже стараниями ее прекрасных учеников выходит второй сборник статей, посвященный ее памяти. Это – живое продолжение нашего разговора с ней. Я воспринимаю нашу дружбу как важное и радостное обстоятельство своей жизни. Мы познакомились в 1987 году и сразу же, почти с первых фраз, стали говорить о Боге, о вере, и наше неопитство придавало тогда этим разговорам особую горячность. В наши не такие уж частые встречи и в письмах мы, конечно, рассуждали и о семантическом моделировании, и о метафоре, и о прагматическом компоненте, и о языковых механизмах экспрессивности. Но больше мы говорили о жизни, о Боге, о силе молитвы, о наших дочерях, о наших внуках. Все знают меру ее ума и таланта и ее место в науке. Я думаю, многие знают и ее научную щедрость, ее великодушие и умение сострадать. О ней трудно говорить и думать в прошедшем времени. Дорогая Вероника, *сердце* и *ум* – это про Вас.

* * *

Слово *сердце* упоминается в Священном Писании около 750 раз [Симфония: 314–321] и стоит в одном ряду с такими ключевыми библейскими концептами, как *Бог, ангел, апостол, пророк, покаяние, жертва, святой, церковь* и т. п. [Ключевые понятия]. Это слово предстает перед исследователем как невероятно сложный семантический комплекс, с трудом поддающийся дифференциации: сердце в Священном Писании – это некий центр, сокровенная глубина человеческой личности, определяющая весь психический и психологический склад человека целиком, его мыслительные способности, чувства, намерения, желания, волю, совесть.

Эту идею сердца как центра убедительно представил Б.П. Вышеславцев: «Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести; больше того, сердце является центром жизни вообще – физической, духовной, душевной. Оно есть центр прежде всего, центр во всех смыслах» [Вышеславцев 1925:65].

Современное семантическое наполнение не содержит даже намека на такое истолкование этого слова. Ср. [МАС]: 1. Центральный орган

кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. // Место на левой стороне груди, где находится этот орган. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. // Этот орган как символ отзывчивости, доброты. // Этот орган как символ любовных чувств, любовной привязанности, склонности. 3. Перен. Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. // с определением. Душевные качества, характер человека.

Семантические расхождения между современным лексикографическим представлением слова *сердце* и его семантическим наполнением в текстах Священного Писания глубоки и непреодолимы. В библейских текстах, во-первых, слово *сердце* практически не употребляется в значении «орган кровообращения». Во-вторых, нет и намёка на восприятие слова *сердце* как *символа* (чувств, переживаний и т.д.) – это не символ, не знак, не «условное обозначение», а реальный и определенный орган и реальная способность человека. В-третьих, в значении сердца как душевного мира человека нет ничего переносного, метафорического – оно отражает не фигуральное, а реальное, непосредственное знание о мире.

Попытка лексикографического анализа слова *сердце* на материале Нового Завета и Псалтири (в Синодальном переводе) позволила выделить в его семантической структуре семантические компоненты, формирующие лексико-семантические варианты (значения), в целом не соотносимые или соотносимые лишь косвенно, опосредованно с современными:

1. Скрытая середина. Центр, ядро чего-либо. 2. Глубинная, сокровенная сущность человека; нематериальное божественное начало в человеке; душа как противоположность плоти. 3. Внутренний мир человека («внутренний человек»); сам человек как носитель определенных психических и психологических свойств. 4. Орган религиозных чувств; орган познания Бога. 5. Орган чувств, вместилище эмоций; центр и средоточие любви в человеке. 6. Орган желаний, воли. 7. Орган познавательной и мыслительной способности человека: сознание, ум, разум. 8. Организм человека, его физические и физиологические свойства [Скляревская 2005].

Седьмое значение – ‘орган познавательной и мыслительной способности: сознание, ум, разум’, неожиданное и парадоксальное для современного языкового сознания, никак не соотносится с современными значениями слова *сердце* и противоречит им.

Мы в своей речевой практике привычно противопоставляем понятия ума и сердца, что соответствует нашему повседневному языковому опыту и поддерживается разного рода языковыми клише, отражающими

расхожие, общепризнанные представления, называемые обычно «народной мудростью». Это поговорки (*ни уму ни сердцу*), крылатые выражения (*ум с сердцем не в ладу*) и т. п. Уже Даль определенно формулирует это противопоставление в дефиниции слова *сердце*: «представитель любви, воли, страсти, нравственного духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу».

Однако в Священном Писании другое – более глубокое, тонкое, сложное – представление о соотношении ума и сердца.

Б.П. Вышеславцев отмечает, что в Библии «сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные виды деятельности сознания. Так, прежде всего, сердце мыслит. “Говорить в сердце” – значит на библейском языке думать» [Вышеславцев 1994: 271]. Эта семантика восходит к античным временам: в Илиаде глупый человек называется человеком с «неумным сердцем», и по латыни “*cordatus homo*” означает не «сердечного человека», а разумного человека [Там же].

Святитель Лука, в прошлом профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий, известный хирург и ученый, с естественнонаучной точки зрения анализирует тексты Священного Писания, отражающие способность сердца к мыслительной деятельности, и приходит к выводу, что мышление, хотя и осуществляется в коре головного мозга, но не ограничивается ее деятельностью и в ней не заканчивается: «Мысли, выхваченные из мозга, оказались бы только незаконченным, сырым материалом, подлежащим глубиной и окончательной обработке в сердце – в горниле чувств и воли» [свт. Лука: 47–48].

Эту мысль подтверждает и лексикографический анализ евангельских текстов. Контексты, которые формируют это значение ‘орган познавательной и мыслительной способности человека: сознание, ум, разум’, выделить довольно легко по формальному признаку, поскольку в них слово *сердце* сочетается со словами, означающими мыслительную деятельность: *разуметь, уразуметь, мыслить, мысль, помышление*.

Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем. *Ин. 12:40*; Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено. *Мк. 6:52*; Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? *Лк. 24:38*; Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли не окаменено у вас сердце? *Мк. 8:17*.

Семантика мыслительной деятельности широко представлена в устойчивых словосочетаниях и в идиомах со словом *сердце*:

В сердце своем – ‘мысленно, в воображении’.

А Я говорю вам, что всякий кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Мф. 5:28.

Мыслить, помышлять в сердцах (своих) – ‘думать, размышлять’.

Народ был в ожидании и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он. Лк. 3:15; *Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что Он так богохульствует?* Мк. 2:6–7; *Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?* Мф. 9:4.

Помышления сердца – ‘мысли’.

Пришла же им мысль: кто из них был больше? Иисус же, видя помышления сердца их, взяв дитя, поставил его пред Собою... Лк. 9:46–47; *Рассеял надменных помышлениями сердца их.* Лк. 1:51.

Говорить в (своем) сердце – ‘думать’.

Ибо она говорит в сердце своем: сижу царицею, я не вдова и не увижу горести. Откр. 18:7; *Раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: «не скоро придет господин мой».* Мф. 24:48.

Положить на сердце своем, (себе) на сердце – ‘понять что-л.; запомнить’.

Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать. Лк. 21:14; *И рассказывали об этом по всей нагорной стране Иудейской. Все слышавшие положили это на сердце своем.* Лк. 1:65–66.

Положить в сердце (твоем, своем) – ‘задумать, замыслить’.

Чем ты владел не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человеку, но Богу. Деян. 5:4.

Слагать в сердце своем – ‘сохранять в памяти, запоминать’.

И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем. Лк. 2:18:19.

Приходить на сердце кому-л. – ‘возникать, появляться в сознании; доходить до сознания’.

Но как написано: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». 1 Кор. 2:9.

Таким образом, в Священном Писании именно сердце является органом мышления и именно в сердце реализуется способность мыслить, понимать и познавать мир.

Вместе с тем в Новом Завете уже происходит семантическая дифференциация и очень сложная корреляция слов *сердце* и *ум*, и их соотношение отражает глубокие семантические противоречия.

Слово *ум* в Священном Писании не так частотно, как *сердце* – оно употреблено всего 41 раз [Симфония: 552, 560, 562].

В современном русском языке оно представлено значениями:

1. Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить. // Здравый смысл, способность оценивать обстановку, взвешивать обстоятельства и руководствоваться этим в своем поведении. 2. Сознание, рассудок (приведен фрагмент словарной статьи [МАС]).

Слова *ум* и *сердце* в библейских текстах соотносятся как непосредственно, так и опосредованно, одно через другое.

Для библейских текстов в целом характерно противопоставление плоти сердцу:

Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек. Пс. 72:26; Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому. Пс. 83:3.

Однако в Новом Завете встречаются контексты, в которых плоть противопоставляется не сердцу, но уму:

Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Рим. 7:22:23; Итак, тот же самый я умом (моим) служу закону Божию, а плотию закону греха. Рим. 7:25.

В Ветхом Завете только сердце предстает как орган познания Бога, как орган религиозных чувств:

Закон Бога его в сердце у него (праведника). Пс. 36:31; Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце. Пс. 39:9.

Такое понимание функции сердца широко представлено и в Новом Завете. Ср.:

Иисус отвечая говорит им: Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей» поднимись и ввергнись в

море» и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. *Мк.11:22–23*;

Да даст вам, по богатству славы своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши. *Еф. 3:16*.

В то же время в Новом Завете функция познания Бога принадлежит уже не только сердцу, но и уму, и не только сердце, но одновременно с ним и ум является органом религиозных чувств:

Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. Лк.24:45; И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная. Рим. 12:2.

В новозаветных текстах намечается соотношение мыслительной и языковой способности, представленное в естественной слитности; появляется ситуация незнакомого языка, препятствующая пониманию, то есть не дающая возможности уму осуществлять свою деятельность (важно и знаменательно, что реализуется это соотношение обычно в молитве):

Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке. 1Кор. 14:19–20;

Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. 1 Кор. 14:14.

Некоторые значения слова ум близки современным или соотносимы с ними.

Иногда ум соотносится с мудростью – свойством зрелого ума, обычно характерного для немолодого, много жившего, много думавшего человека (ср.: *умирают, не достигши мудрости. Иов. 4:21*):

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть. Откр. 13:18; Здесь ум, имеющий мудрость. Откр. 17:9.

При этом в некоторых других контекстах понятие мудрости представлено имплицитно, скрыто в семантике высказывания:

Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетние. 1 Кор. 14:19–20.

В других случаях контекст дает основание говорить об уме как о здоровом смысле, об умении оценивать обстановку взвешивать обстоятельства и руководствоваться этим в своем поведении:

Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. Рим. 14:5.

В Библии между словами *сердце* и *ум* устанавливается тончайшая глубинная связь, в которой уже угадывается их последующая непримиримая чуждость. В Новом Завете эти слова уже сталкиваются в пределах одного контекста, что свидетельствует об их противоположении: *...один есть Бог и нет иного, кроме Его; И любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостию...* Мк. 12:32–33. Любить и умом, и сердцем – в этой формуле в зародыше как будто бы уже представлено наше современное противопоставление ума как органа мысли, способности мыслить и сердца как органа чувств и способности чувствовать. Однако это противопоставление, очевидное и привычное для современного языкового сознания, в библейском тексте, по-видимому, отражает более глубокие и непривычные для нас связи: поскольку сердце является органом религиозных чувств и органом познания Бога (см. выше – третье значение в семантической структуре слова *сердце*), можно представить, что *любить Бога всем сердцем* означает по существу ‘испытывать любовь, данную непосредственно Богом, внушенную Богом’, а *любить Бога всем умом* – ‘испытывать любовь, исходящую от самого человека’.

В других случаях противоположение *сердца*, через которое Бог открывает человеку пути познания Себя, мира, и истины, и *ума*, посредством которого человек, часто безуспешно, пытается действовать и мыслить самостоятельно, всякий раз уклоняясь и отклоняясь от Бога, представлено более определенно и непримиримо: *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом.* Кол. 2:18. В этом контексте познание умственное (*ум надмевающийся, ум плотский*) противопоставляется познанию подлинному, сердечному, познанию через сердце, то есть такому, которое дается непосредственно от Бога.

Иными словами, здесь представлено противопоставление гордого ума, то есть такого, который полагается на человеческие возможности, и сердца, ожидающего от Бога открытия истины, открытия путей познания.

Именно об этом говорит преподобный Серафим Саровский в известной беседе с Мотовиловым о цели христианской жизни: «... не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущим и жаждущим правды Божией» [прп. Серафим: 354].

Наше обобщенное лингвистическое исследование текста, ни с каким другим не сопоставимого по сложности, многослойности, всеохватности, а по существу и не постижимого для ума, пока остается незавершенным, предполагает его дальнейший анализ и осмысление.

Предстоит еще исследовать в единстве и противоположении такие слова Священного Писания, как *ум, умный, умствования; разум, разуметь, разумный, уразуметь; рассудок* (последнее в ВЗ встретилось всего в одном употреблении); *рассудить, рассудительно, рассудительный, рассуждение; мудрый, мудрость*. Предстоит еще осознать и исследовать то понимание ума, которое сложилось в святоотеческой литературе (ср. наставление преподобного старца Силуана «*Держи ум во аде и не отчаивайся*»; ср. также святоотеческие понятия *умная молитва, умное делание* и т. д.).

Пока этот лексический пласт не изучен, можно лишь высказать догадки, касающиеся того, что именно в Библии было брошено семантическое зерно, из которого проросли современные термины познания: *рассудок* как способность познания всего относительного, земного, конечного (выросло из библейского понятия *ума*), *разум* как способность открытия абсолютного, божественного, бесконечного (выросло из библейского понятия *сердца* как органа мыслительной деятельности) и *интуиция* как способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства (выросло из библейского понятия *сердца* как органа познания Бога).

Литература / References

1. Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // «Путь» орган русской религиозной мысли. 1925, № 1. М.: Изд. «Информ-Прогресс», 1992. С. 59–73.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.: «Республика», 1994. – 356 с.
3. Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета. Словарь-справочник. Авторы-составители: К. Барнуэлл, П. Дэнси, Т. Поп. Пер. с английского. СПб.: «Герменевт», 1996. – 495 с.
4. МАС – Словарь русского языка РАН в 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М.: «Русский язык», 1999. Т. 4. – 795 с.
5. Свт. Лука – Лука (*Войно-Ясенецкий*), святитель. Дух, душа и тело. М., «Русское зеркало», 1999. 174 с.
6. Прп. Серафим – Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М., «Новая книга», 1998. 416 с.
7. Симфония на Ветхий и Новый Завет. СПб., Типография А.П. Лопухина, 1900, т. 2. – 806 с.
8. Спяревская Г.Н. Сердце в Священном Писании. СПб: Филологический фак. СПбГУ, 2005. – 43 с.

Сокращения

ВЗ   Ветхий Завет

Деян.	Деяния апостолов
Ин.	Евангелие от Иоанна
Кол.	Послание к Колоссянам
1 Кор.	Первое послание к Коринфянам
Лк.	Евангелие от Луки
Мк.	Евангелие от Марка
Мф.	Евангелие от Матфея
НЗ	Новый Завет
Откр.	Откровение св. Иоанна Богослова
прп.	преподобный
пс.	псалом
Рим.	Послание к Римлянам
св.	святой
свт.	святитель
1 Тим.	Первое послание к Тимофею

ПРИРОДА МЕТАФОРЫ А. ПЛАТОНОВА

В.Г. Смирнова

THE NATURE OF A. PLATONOV'S METAPHOR

V.G. Smirnova

ABSTRACT:

The nature of A. Platonov's metaphor is described in the article. The basis of this language phenomenon is context actualization due to subject-logical connections of direct nominative meaning of words in their usage in a figurative meaning. The analysis of the material made it possible to make the following conclusion: Platonov's metaphor finds the possibilities in the language itself for successive "translations" of language conventionalities into the language of concrete and logical thinking based on initial nomination. Thus Platonov's metaphor is directed to embodiment and combining real and sensational things with abstract ones. A. Platonov's artistic world picture touches upon "producing secondary nomination" that already exists in the language.

Keywords: metaphor, actualization, direct nominative meaning and figurative meaning, subject-logical connections, artistic world picture

В статье исследуется природа метафоры А. Платонова. Основой этого языкового феномена является контекстная актуализация, благодаря предметно-логическим связям, прямого номинативного значения слов при их употреблении в переносном значении. Анализ материала позволил сделать следующий вывод: платоновская метафора в самом языке находит возможности для последовательного «перевода» языковых условностей на язык конкретно-логического мышления, основанного на первичной номинации, таким образом метафора А. Платонова направлена на воплощение и совмещение в языке реального и данного в ощущениях с отвлеченно-абстрактным. Художественная картина мира А. Платонова затрагивает уже существующую в языке «продукцию вторичной номинации».

Ключевые слова: метафора; актуализация; прямое и переносное значение; конкретно-логическое мышление; художественная картина мира

Область интересов В.Н. Телия лежала в сфере прежде всего фразеологии и вторичной номинации, в последние годы жизни – в сфере лингвокультурологии, в частности ее занимала проблема отражения языковой картины мира в русской фразеологии. В современной лингвистике

понятие «языковая картина мира» – одно из самых частотных и определяется обычно как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Именно слово фиксирует любой человеческий опыт, и даже самое отвлеченное мышление осуществляется при ближайшем участии языка. Признано, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира, сложившаяся в прошлые периоды развития языка. В.Н. Телия склонна была считать, что языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. В известной работе «Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира» ею было отмечено, что «языковая картина мира создается красками так называемой *конкретной лексики и опредмечиванием* процессуальных значений, а также использованием синтаксических конструкций, изначально отображавших отношения между элементами *предметно воспринимаемой действительности*, в том числе и лицами как производителями физических действий». Ссылаясь на сравнение картины мира с призмой (картина мира «не есть зеркальное отображение мира и не открытое “окно” в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение»), В.Н. Телия считала возможным такой призмой назвать метафору [Телия 1988: 178, 179].

Изучение метафоры, начало которому было положено Аристотелем, имеет многовековую традицию. Что касается собственно лингвистической теории метафоры, то в ней разрабатывается и парадигматический, и лексико-семантический, и функционально-синтаксический подход [Арутюнова 1978]. Таким образом, в круг исследования входит ряд важных вопросов: важно и что с чем сопоставляется, и по какому признаку, и то, вписывается метафора в распространенные виды переноса или она вводит другие индивидуальные универсалии. В.Н. Телия предлагала рассматривать метафору как модель смыслопреобразования, так как метафора – «это всегда употребление уже готового языкового средства наименования как способа создания нового его значения» [Телия 1988: 185]. В метафорическом переносе, в изложении В.Н. Телия, участвуют по крайней мере три комплекса. Первый комплекс – это основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т. п.). Второй комплекс – это некое образное представление о вспомогательной

сущности, которое актуализируется в метафоре только применительно к формирующейся мысли о мире. Третий комплекс – это само значение переосмысливаемого при посредстве метафоризации имени. Нам представляется интересным предположение В.Н. Телия о том, что метафоризация в языке – «это процесс..., который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания» [Телия 1988: 185, 186]. Механизм метафоризации ею описывался как вкрапление в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь «вплетается» в языковую картину мира. Важно при этом, что «используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску (различного рода более или менее устойчивые коннотации)» [Телия 1988: 179].

Особенности метафоризации признаются фактором первостепенной важности при исследовании индивидуального стиля. Очень ёмко о причинах, обуславливающих стилистический статус метафоры, сказано С. Ульманом: «Во-первых, вследствие объединения двух элементов – «смысла» и «средства» – метафора порождает своего рода двойственное видение, при этом оба слова взаимно озаряют друг друга... Во-вторых, запоминающийся образ выделяет скрытые аналогии между двумя на первый взгляд различными явлениями... Третье обстоятельство... – это свобода выбора» [Ульман 1980: 231–233]. Причины, названные Ульманом, неоднородны: если первая и вторая демонстрируют образные свойства самой метафоры, то последняя особенно значима как указание на то, что метафорический перенос является показателем стилистической доминанты, то есть указывает на направленность работы над словом. Зарождение смысла посредством метафоризации происходит внутри неясных, интуитивных представлений, создаваемых непосредственным восприятием мира. В этом и заключается обоснование того факта, что для описания индивидуального стиля писателя так важно осознать природу, семантическую основу его метафоры. Однако художественную картину мира невозможно рассматривать в отрыве от общенародного языка. Индивидуальная художественная картина может значительно отличаться от коллективно-языковой, однако её моделирование предполагает обращение к языковой системе как к первооснове, на базе которой возможно изучение художественного аспекта речевой деятельности. При этом в задачу лингвиста входит изучение и той области значения метафоризирующегося слова, которую покрывает понятие «коннотация».

Если языковая метафора «создается на основе коннотаций, сопровождающих слово в его “обычном” употреблении» [Телия 1977: 193–194], то индивидуальная метафора, о которой пойдет речь в этой статье, может пойти по обратному пути.

Следует признать, что в гораздо меньшей степени, чем переосмысление прямого номинативного значения (собственно метафорический перенос), описано переосмысление фразеологически связанного значения. А между тем, «преодоление» языковой метафоры представляет собой другой источник образности художественного текста и, может быть, в большей степени указывает на направленность работы с языком. Общеизвестно, что при частом употреблении образные средства языка стираются. Ш. Балли [Балли 1961: 226] отметил три ступени на пути стирания образов. Вначале переносное выражение сохраняет свою образность. Это конкретный, чувственный образ. Далее следует эмоциональный образ, в котором конкретное содержание стёрлось и осталась лишь эмоциональная окраска. И наконец, возникают «мёртвые», стершиеся образы, в них перенос значения обнаруживается лишь этимологически. Такова динамика появления в языке переносных, фразеологически связанных значений (наше понимание фразеологических сочетаний восходит к концепции В.В. Виноградова, который определяет их как «тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов» [Виноградов 1977: 137]). Естественно, можно предположить, что чем определеннее стремление художника к необычным, неавтоматизированным формам выражения, тем в большей степени будет затронута именно эта область языковой семантики, так как фразеологические сочетания, реализующие фразеологически связанные значения, – относительно условный и консервативный пласт в системе номинации. В языковой картине мира они обладают известной устойчивостью, не так вариативны, как свободные словосочетания, и отражают национальный подход к предмету, явлению. Фразеологические сочетания, в которых они реализуются, – особый тип фразеологизмов. «Для фразеологического сочетания характерно, что его лексические компоненты, хотя и плотно пригнаны один к другому, все же ощущаются как отдельные, имеющие свое особое значение слова... Таким образом, во фразеологическом сочетании лексическое значение каждого из компонентов легко определимо. Это – пусть и несвободные, устойчивые, но сочетания слов, подвергающиеся разложению, семантически делимые» [Виноградов 1977: 137–138]. Так, В.В. Виноградовым был описан этот особый тип словосочетаний, которые, с одной стороны примыкают к фразеологическим единицам, но, с другой стороны, реализуют значения составляющих

словосочетание слов посредством «живой» синтаксической связи и, следовательно, сохраняют возможность контекстуального переосмысления обоих компонентов, как стержневого – фразеологически связанного, так и переменных частей. Особенностью фразеологически связанных значений, к которым В.В. Виноградов относил в основном переносные значения, является отсутствие денотативной соотнесенности и в силу этого «рассеянный характер предметно-логического ядра, оно «склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» [Виноградов 1977: 177].

Моделируя художественную картину мира такого уникального писателя, как А. Платонов, мы обратились к реализации в его творчестве именно фразеологически связанных значений. Анализ материала позволил сделать следующий вывод: платоновское слово тяготеет к обнажению глубокого и устойчивого понятийного ядра. Используя слова с фразеологически связанными, переносными значениями, на основе которых в языке образуются устойчивые фразеологические сочетания, А. Платонов средствами контекста актуализирует прямые номинативные значения этих слов, обычно конкретно-физического характера. В основу этих значений легли вполне определенные, хорошо знакомые каждому представления и ощущения, поэтому семантически они гораздо объемнее и богаче остальных. Писателя упрекали в коверкании языка, но зрелый А. Платонов скорее не экспериментатор в языке, а художник-мыслитель, которому доступно воплощение и совмещение в языке реального и данного в ощущениях с отвлеченно-абстрактным. Он интуитивно открыл и эксплицирует интересную особенность мышления: к новым знаниям, которые получают наименования, примешиваются различные фрагменты наглядных образов пережитого. Это свойство речевого мышления обуславливает важность внеязыкового опыта для обогащения языковых представлений. Человек находит значительно более богатые представления в словах, объекты обозначения которых он сам видел, осязал, переживал. Как известно, языковые представления не исключительно индивидуальные явления, а в значительной степени нечто коллективное, социальное. Эта общность представлений обеспечивается единством мира ощущений, единством социальной среды и генетическим единством физиологии человека. Метафора позднего А. Платонова, «работает» в области недифференцированного значения слова. Основой этого языкового феномена является следующее: реализуя фразеологически связанное значение слова, А. Платонов делает возможным, благодаря предметно-логическим связям контекста, «восстановление» прямого номинативного значения этого слова. Актуализа-

ция прямого номинативного значения каждый раз определяется вполне индивидуальными семантико-синтаксическими факторами. Рассмотрим несколько примеров.

*Вечные звезды сияли на небе, подобно недостижимому утешению, но если это утешение для нас недоступно, тем более, следовательно, земля под небом должна быть для человека прекрасной и согретой нашим дыханием, потому что люди на ней обречены **жить безвыходно** («По небу полуночи»).*

В.В. Виноградов значение прилагательного «безвыходный» (в нашем случае наречия, образованного от прилагательного) трактует как фактически в языке существующее во фразеологически связанном виде. А. Платонов в контексте актуализирует его прямое номинативное значение, лишая привычной синтагматической обусловленности. В словаре Д.Н. Ушакова оно толкуется посредством синонимов: ‘неотлучный, непрерывный’ [15], у С.И. Ожегова: ‘непрерывный, без отлучек куда-нибудь’ [13], в академическом «Словаре современного русского литературного языка»: ‘безотлучный, постоянный’ [14]. Однако то значение, которое, будучи переносным, требует от контекста поддержки для своей реализации, – ‘такой, из которого нельзя найти выход, исход; безрадостный (безвыходное положение)’ – не исчезает. И дело не только в стойкости традиции употребления, но и в том, что речь идет об утешении, всегда связанном в нашем сознании с безрадостной участью, горем, безвыходным положением. Таким образом, наблюдается нечто вроде неустойчивого равновесия: в нашем сознании всплывает то одно, то другое значение, но ни одно из них не зачеркивается контекстом полностью. Сказанное в значительной степени относится и к употреблению таких слов, как «недостижимый» в словосочетании *недостижимое утешение* и «недоступно» – в *утешение для нас недоступно*.

Эта двусмысленность, связанная с нерасчлененностью, синкретизмом значений при восприятии образа, при тяготении к конкретно-физической мотивации передает особое видение мира: «...отвлеченное и конкретное взаимопереводимо, что служит проверке общих понятий, уточняет возможности их существования в сознании людей и реальность их жизненного обоснования» [Свительский 1970: 10]. Совмещение реального и данного в ощущениях с отвлеченно-абстрактным прослеживается в подчас неуловимых приметах. Так, в предложении *Вечные звезды сияли на небе, подобно недостижимому утешению* дано сравнение физического объекта с его психическим восприятием, тогда как в следующем предложении представление о первом и втором остается неразделенным.

Другие примеры употребления слова «безвыходный /безвыходно» подтверждают наши выводы:

*В тоске своей Зуммер видел, как этот ребёнок, живой и дышащий, все более удалялся от него в свое безумие, навсегда скрываясь туда, умирая для всех и уже не чувствуя ничего живого вне себя, вне своего маленького сердца и сознания, съедающего самого себя в непрерывной работе воображения. Зуммер понимал, что безумие мальчика было печальнее смерти: оно обрекало его на невозвратное, **безвыходное одиночество** («По небу полуночи»).*

Если исходить из сочетаемостных возможностей прилагательного «безвыходный», то его фразеологически связанное значение реализуется только в сочетаниях «безвыходное положение/ситуация», а прямое номинативное значение [15] в сочетании с отвлеченными существительными данной семантики вообще в современном литературном языке не зарегистрировано. Однако контекстное окружение в нашем случае свидетельствуют об актуализации на периферии сознания именно прямого номинативного значения: буквально нельзя выйти из состояния, на которое обрекает безумие. Подтверждением возможности такого понимания является и семантическое поле прилагательного «невозвратный». Его внутренняя форма (нельзя возвратить, вернуть) вызывает в нас понимание глаголов «удаляться» и «скрываться» как глаголов движения. На это указывает также фиксация начальной (удаляться *от него*) и конечной (скрываться *туда*) точки, понятие о которых выводится из понятия места, неразрывно связанного с представлением о движении. [Апрелян 1974: 127].

Следствием недифференцированного представления значений многозначного слова у А. Платонова является семантическая перегруппировка в контексте сочетаемостных свойств каждого из них. Причем чем большей устойчивостью и семантической неразложимостью обладает фразеологическое сочетание, тем больший стилистический эффект имеет перераспределение значений одного из компонентов словосочетания:

*Корова теперь ничего не ела; она молча и редко дышала, и тяжкое, трудное **горе** томилось в ней, которое **было безвыходным** и могло только увеличиваться, потому что свое горе она не умела в себе утешить ни словом, ни сознанием, ни другом, ни развлечением... («Корова»)*

Все это было мне приблизительно известно; в желаниях своих фашисты были отважны, но в бою их тело покрывалось гуси-

ной кожей, и, умирая, они припадали устами к лужам, утоляя сердце, засыхающее от страха... Это я видел сам не однажды («Неодушевленный враг»).

В словаре Ушакова выделено два значения у глагола «утолить» (утолять): «1. Удовлестворить (сильное желание, потребность)», например, жажду, голод и «2. перен. Успокоить, ослабить, умерить что-нибудь», например, боль, печаль, т. е. какие-то чувства [15]. В сочетании *утоляя сердце* происходит взаимопроникновение двух семантических рядов: один из них реализует переносное значение глагола «утолять»: *в желаньях ... отважны, тело покрывалось гусиной кожей, сердце ... от страха*; другой актуализирует прямое номинативное значение: *припадая устами к лужам, засыхающее*. В результате происходит слияние этих рядов и объединение смысловых ассоциаций, что проявляется в смешанной сочетаемости, которая ведет к недифференцированному восприятию значений глаголов: *умирая, они припадали устами к лужам* (сема 'вода-пить'), *утоляя* (сема 'вода-пить') *сердце, засыхающее* (сема 'вода-пить') *от страха*. Семантический анализ двух совпадающих рядов показывает, как актуализация прямого номинативного значения конкретизирует отвлеченно-переносное значение глагола. Исходя из признания единой природы ощущений, выражение которых в языке семантически разведено, А. Платонов метафорой сводит эти ощущения: *... утоляя сердце, засыхающее от страха*. Вполне возможно, что за этой фразой стоит знакомое всем ощущение: от страха сердце сжимается, как будто становится меньше – усыхает. Правда, как в своих «Опытах» заметил Л.В. Щерба, всякая конкретизация образа бывает «неприятной, пошлой, и вся прелесть состоит в неясности, в том, что наше воображение лишь слегка толкается по некоторым ассоциативным путям искусным подбором слов с их более или менее отдаленными ассоциациями» [Щерба 1957: 42].

Процесс актуализации прямого номинативного значения может обернуться и полной утратой словом в контексте фразеологически связанного значения. Однако в сознании читателя оно, несомненно, присутствует:

Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему отцом вместо родных, вместо отца и матери, – всем человеком. Мальчик ответил Володе тоже всем сердцем, оно же у него целое, – куда он успел его истратить? («Маленький солдат»).

Переосмыслению подвергается выражение *всем сердцем*, имеющее значение, близкое значению фразеологизма «от всего сердца», т. е. ‘от всей души, с полной охотой, желанием’. В контексте происходит последовательное «возвращение» слову «весь» его прямого номинативного значения – ‘целый, полный, без изъятия’ [15]. Об этом свидетельствует, помимо *оно же у него целое* – о сердце, мастерское переключение фразеологически связанного значения глагола «тратить» («тратить себя», «тратить свое сердце, чувства») на прямое номинативное: *куда он успел его (сердце) истратить*. В этом же отрывке семантическому переосмыслению подвергается и фразеологизм «стал всем» в выражении *стал...всем человеком*. У А. Платонова появляется избыточное и воспринимаемое как явное отступление от нормы дополнение *человеком*, хотя логически оно вполне допустимо и, можно сказать, выводимо. Корявость *всем человеком* компенсируется точностью соответствия денотату, поскольку майор Савельев действительно стал единственным человеком, который смог заменить мальчику родных – отца и мать.

Приведенные примеры, как нам представляется, выявляют направленность работы А. Платонова над стертой языковой метафорой, исходя из того, что абсолютной ценностью обладают именно основные номинативные значения. Платоновская метафора в самом языке находит возможности для последовательного «перевода» языковых условностей на язык конкретно-логического мышления, основанного на первообразной номинации. При этом затрагиваются уже существующие в языке средства (продукция вторичной номинации), которые, по наблюдению К. Поппера, «принадлежат в своем большинстве не физически воспринимаемому миру, изначальному для деятельности человека и формирования его языкового сознания, а тем областям “действительного”, которые постигаются умозрительно» (цит. по: [Телия 1988]). Значение слова, его коннотативные признаки, системно присущие языку и индивидуальным, становятся у писателя основой различного рода смысловых сдвигов, приращений, что формирует образ уже в его законченном виде. Говорить при этом о разрушении, деформации русской языковой картины вряд ли уместно, так как платоновская метафора просто не существовала бы без нее, без опоры на привычные образы и выражения. Однако платоновская картина мира, безусловно, затрагивает систему представлений о действительности, отраженную в языке

Литература / References

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. – 366 с.

2. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры. //Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37. 1978, № 3. С. 251–262.
3. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37. 1978, № 4. С. 333–343.
4. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд. иностр. литературы, 1961. – 384 с.
5. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: Избр. тр. М.: Наука, 1977. С. 118–139.
6. *Виноградов В.В.* Основные типы лексического значения слова. // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: Избр. тр. М.: Наука, 1977. С.162–189.
7. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
8. *Свительский В.А.* Конкретное и отвлеченное в мышлении А. Платонова-художника //Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1970. С. 7–27.
9. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды //Языковая номинация. Виды номинации. М.: Наука, 1977. С. 129–222.
10. *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203
11. *Ульман С.* Стилистика и семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1980. Вып. 1X. С. 227–253.
12. *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений //Л.В. Щерба Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

Словари / Dictionaries

1. *Ожегов С.И.*Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой.12 стереотипическое изд. М.: Русский язык, 1978.
2. Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М.,Л.: Наука, 1950–1965.
3. Толковый словарь русского языка Т. 1-4 / Под ред.Д.Н. Ушакова. М.: ГИС, 1935-1940.

Источники / Sources

1. *Платонов А.П.* Избранные произведения в 2-х томах. М.: «Художественная литература», 1978.
2. *Платонов А.П.* Собрание сочинений в 8 томах. М.: Время, 2009–2011.

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ С ПРИСТАВКОЙ БЕЗ- В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

О.Д. Сурикова

IDEOGRAPHIC SPECIFICS OF WORDS WITH PREFIX *BEZ-* IN RUSSIAN LINGUISTIC TRADITION

O.D. Surikova

ABSTRACT:

The article presents some results of studying ideographic specifics of the most frequency used roots with the prefix *bez-* (without) functioning in Russian dialects and the core Russian language. The analysis helps to state that adding the prefix *bez-* is axiological and allows to define more exactly lack of what objects is the most significant for the speakers manifesting the naive linguistic world picture.

Keywords: Russian dialect and common words, words with prefix *bez-*, ideographic classification, naive linguistic world picture

В статье представлены результаты исследования идеографической специфики наиболее частотных корней русской диалектной и общенародной лексики с приставкой *без-*. Анализ таксономических классов корней *без-*образований позволяет сделать выводы относительно ценностного характера *без-*префиксации, уточнить представления об отсутствии каких объектов наиболее существенны для носителей наивной языковой картины мира.

Ключевые слова: русская диалектная и общенародная лексика, лексика с приставкой *без-*, идеографическая классификация, наивная языковая картина мира

Носителями культурной семантики могут являться не только слова, фраземы, синтаксические конструкции или средства словообразования (изучение их с этой точки зрения в зарубежной и отечественной науке имеет богатую традицию). Информативны также связи между лексическими единицами, их группировки. Ср. утверждение Е.Л. Березович об этнокультурной «содержательности» организации семантических полей: «Концептуальные смыслы не сконцентрированы в одном языковом «носителе» в составе поля, но рассеяны по всей семантической «территории», включены в саму структуру поля...» [Березович 2007: 22]. Это обуславливается тем, что «между обозначаемыми языком сущностями

из мира “Действительное” и их концептуальными “образами” в мире “Идеальное” должен иметь место изоморфизм, т. е. сущностные свойства внеязыковых реалий должны иметь свое модельное отражение в существенных признаках языковых наименований» [Телия 1996: 154–155]. Продуктивным способом получения выводов этнокультурного характера является анализ одной из разновидностей системных связей языковых единиц – их идеографической классификации. Подобное исследование осуществлено, например, в «Словаре образных выражений русского языка» под ред. В.Н. Телия, где подача русских фразеологизмов согласно их тематической организации призвана «создать представление, хоть и фрагментарное, о культурно-национальной картине мира, запечатленной в идиомах, а также об антропологическом начале в этой языковой картине мира» [СОВРЯ: 6] (о репрезентативности номинативно-идеографической классификации идиом см. также [Телия 1996: 154–176]).

Одной из существенных категорий мышления является категория отрицания, имеющая многообразные языковые воплощения (среди основных в русском языке можно назвать отрицательные конструкции с частицами *не* и *ни*, предикативные местоимения с *не-*, слова *нет*, *нельзя* и другие лексемы с приставками *не-* и *ни-*, лексемы и конструкции с имплицитным отрицанием в составе значения). Наше внимание привлекли особенности выражения негации на словообразовательном уровне, а именно – с помощью приставки *без-*. Для анализа избран лексический материал русской языковой традиции – народных говоров и общенародного языка¹. Большинство анализируемых слов – существительные, прилагательные и наречия: приставка *без-* носит преимущественно именной характер, поэтому глаголы среди изучаемых лексем встречаются редко. Материал извлекался из диалектных словарей русского языка (общим числом 50) и представляет собой свод лексем, имеющих как собственно диалектные, так и общенародные корни.

Данная статья посвящена анализу состава идеографических сфер, которым принадлежат *без-*образования, а точнее – корни *без-*образований. Рассмотрение материала в таком ракурсе, кажется, может

---

¹ Такое ограничение материала объясняется этнолингвистической направленностью нашего исследования (об этом см. ниже), для которого важно избрать целостный – разумеется, до определенной степени – в концептуальном плане материал. Лексику с приставкой *без-* можно изучать и в других языковых пластах, а также на разных временных срезах: в литературном языке (в том числе в научной терминологии), в древнерусском и старорусском языке etc. Отдельная и перспективная область анализа – изучение функционирования *без-*конструкций в тексте (в первую очередь, в некоторых фольклорных жанрах, характеризующихся формульностью и устойчивостью), в ономастике (в частности, в топонимии). Некоторые из названных аспектов уже рассматривались отечественными учеными, другие еще ждут своего исследователя.

дать весьма показательные результаты. Поскольку основная функция префикса *без-* – обозначение отсутствия того, что названо производящей основой, изучение корней, входящих в состав *без-*префиксальных слов (т. е. анализ корней, с которыми приставка *без-* способна сочетаться), может прояснить, какие явления и предметы при их отображении в языке мыслятся как отсутствующие. Исследование объекта *без-*префиксации есть один из способов выявления его аксиологической значимости – сама возможность отрицания явления есть маркирование его как ценности, ср. рассуждения Т.И. Вендиной о манифестации оценки способами словообразования: «Словообразование открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендина 1997: 42]. Таким образом, изучение состава и соотношения тематических классов корней (точней, лексем-базовых носителей корней) *без-*префиксальных образований, функционирующих в диалектах и общенародном языке, способно привести к выводам, которые касаются особенностей отображения культурной специфики в наивной языковой картине мира.

Оговорим методику отбора и обработки материала. Поскольку в центре внимания находится аксиологический аспект *без-*префиксации, в круг наших задач не входит изучение процессов собственно словообразовательной деривации *без-*образований (оно осуществляется, например, в: [Степанова 2008]). Мы не учитываем предшествующий *без-*префиксации словообразовательный шаг (присоединение *без-* к прилагательному или трансформация предложно-падежной конструкции, т. е. приставочный или приставочно-суффиксальный способы образования лексемы), «снимаем» морфемное окружение корня².

Префикс *без-* отличается широкой валентностью и может сочетаться практически с любыми производящими основами (если не реально, то потенциально), не накладывая ограничений на их смысловую специфику, и этим обстоятельством обуславливается большой объем корпуса *без-*образований: нами проанализировано 3300 лексем, которые входят в 499 корневых гнезд, причем встречаются в равной степени корни с конкретными и абстрактными значениями. Однако очевидна принципиаль-

---

² Например, мордов. *безмóчный* ‘беспомощный, слабый’ [СРГМ 1: 34] и перм. *беспомóшный* ‘беспомощный, слабый, бессильный’ [СПГ 1: 36] объединяются в одно гнездо *мог-/моч-/моц-*. Разумеется, это не делается в тех случаях, когда исходный вид и значение корня существенно преобразованы тем словообразовательным шагом, который предшествует *без-*префиксации.

ная разница в объеме корневых гнезд: одни корни при сочетании с приставкой *без-* дают единичные образования, другие – множество дериватов, имеющих разную частеречную принадлежность, разное суффиксальное оформление в рамках одной части речи и расхождения в семантике. Как представляется, различия в объеме гнезд не случайны, но имеют под собой основания когнитивного и аксиологического толка: чем существеннее представления об отсутствии предмета или явления, тем большую проработанность получает их языковое воплощение. Разумеется, подробный анализ всего корпуса гнезд в рамках небольшой публикации непредставим, но исследование наиболее частотных корней *без-*образований вполне осуществимо.

Руководствуясь этими соображениями, мы установили лимит объема корневого гнезда в 10 лексем (чтобы оно было признано достаточно широким), – тем самым из 499 гнезд было отобрано для анализа 77.

Анализ распределения корней по идеографическому принципу показывает, что эти корни входят в состав лексем, репрезентирующих понятия, которые относятся ко всем базовым тематическим сферам: «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА», «ТРУД», «БЫТ», «ЧЕЛОВЕК» и «ПРИРОДА». Представим краткую характеристику этих групп, выделяя внутри них подгруппы (они будут подаваться в порядке убывания количества корней, образующих подгруппу).

Самая обширная группа корней *без-*префиксальной лексики – группа «ЧЕЛОВЕК». В нее входит 31 корень, а сама сфера подразделяется на следующие подгруппы: «Мыслительная деятельность» (например, *ум-*, *толк-/толч-*: *безумный*³, *бестолковый*), «Характер, поведение» (например, *хитр-*, *боя-*: *бесхитростный*, *безбоязненно*), «Физические возможности и способности» (например, *мог-/моч-/моц-*: *беспомощный*), «Физиология» (например, *сон-/сн-*, *уста-*: *бессонный*, свердл. *безустáлый* ‘не знающий усталости, неутомимый’ [СРНГ 2: 203]), «Коммуникация и взаимоотношения людей» (например, *гомон-*, *клик-/клич-*: мордов. *бэзгомонь* ‘беспокойный человек’ [СРГМ 1: 34], арх. *безоклічний* ‘безудержный, безрассудный’ [СГРС 1: 87]), «Анатомия» (например, *голов-*, *рук-/руч-*: *безголове*, *безрукий*), «Перцепция и психика» (например, *стыд-/стыж-*:

---

³ Здесь и далее общенародные лексемы даются без дефиниции и не паспортизируются; для диалектных слов приводятся значения, лингвогеографические пометы и указываются источники. Стоит отметить, что среди наиболее «популярных» корней *без-*образований практически нет корней собственно диалектных, что объясняется как ограниченностью ареалов диалектных слов, так и наличием в ряде случаев общенародных синонимов (например, корень *голов-* дает множество *без-*префиксальных дериватов с разветвленной семантикой – *безголовый*, *безголове* и проч., – а от корня *шабал-* ‘голова’ нам удалось обнаружить единственное производное с приставкой *без-* – костр. *бесшабáльный* ‘легкомысленный’ [Ганцовская]).

бесстыдник), «Обстоятельства жизни» (например, *дол'-, счаст-*: сиб. *бездольный* 'несчастный' [СРГС 1: 57], смол. *бессчастье* 'несчастье, горе' [ССГ 1: 174]).

Прокомментируем подробнее состав одной из подгрупп – «Мыслительная деятельность», в которую входят синонимичные корни *ум-* и *толк-/толч-* 'смысл, прок, польза'. Последний относится к числу наиболее частотных: обнаружено 63 *без-*префиксальных деривата от него (в то время как количество производных с приставкой *без-* от корня *ум-* составляет 46 лексем). Каковы причины количественного преобладания дериватов *толк-*? Семантика корня *ум-* уже и абстрактнее (оно затрагивает только сферу интеллекта и психики человека), корня *толк-* – шире и «практичнее», что позволяет лексемам, образованным по модели *без-* + *толк-*, охватывать гораздо более широкий круг явлений; они относятся не только к человеку, но и к оценке уместности событий и событий вообще. Ср. значения этих корней, реализующиеся в производных *без-*образованиях:

▪ *ум-*: 'способность человека познавать, мыслить' (сиб. *безумье* 'обморок' [СРГС 1: 59]), 'здоровый смысл, память' (влг. *безумоватый* 'малоумный; беспамятный' [СРНГ 2: 202]), 'высокое развитие интеллекта' (без указ. м. *безумник* 'глупый человек' [СРНГ 2: 201]);

▪ *толк-*: 'смысл, прок, польза' (пск. *безутолочь* 'бестолочь, неурядица, бессмыслица' [ПОС 1: 158], арх. *бестолково* 'бесполезно, бессмысленно' [АОС 2: 18] и мн. под.), 'разум, сообразительность' (арх. *бестолковка* 'бестолковый, несообразительный человек' [АОС 2: 18]), 'память' (пск. *бестолкуша* 'несообразительный, забывчивый человек' [ПОС 1: 195]) и др.

В целом превалирование идеографической группы «ЧЕЛОВЕК» связано, с одной стороны, с общим антропоцентризмом языковой картины мира, с другой – с оценочным (потенциально экспрессивным) и во многих случаях пейоративным характером *без-*отрицания (как известно, в сфере характеристик человека преобладают именно лексические единицы с негативной семантикой). Семантика приставки *без-* четко ощущается говорящим, один факт наличия в слове этой приставки (даже если значение корня неясно для носителя языка) может дать ощутимую экспрессию, что особенно востребовано понятийной сеткой идеографической группы «ЧЕЛОВЕК».

Вторая по наполненности идеографическая сфера, которой принадлежат корни *без-*префиксальных лексем, – «БЫТИЕ. ПРИРОДА». В нее входят 27 корней, распределяющихся по следующим подгруппам: «Пространство и время» (например, *врем-, год-*: *безвремяе*, арх. *безгодбой* 'престарелый' [АОС 1: 147]), «Перемещение в пространстве» (*пут-, дорог-/дорож-*: сиб. *беспуток* 'распутица', *бездо-*

рожье), «Вода, почва, недра» (*вод-*: *безводный*), «Рельеф и водоемы» (*дн-/ден-/дон-*: *бездонный*), «Дискретность процесса» (например, *вод-/вед-, переста-*: карел. *безызводно* 'всегда, постоянно' [СРГК 1: 51], арх. *бесперестанки* 'постоянно, непрерывно, не переставая' [АОС 2: 13]), «Интенсивность» (например, *уним-/уём*: барнаул. *безуёмный* 'не унимающийся, не затихающий (преимущественно о боли)' [СРНГ 2: 200]), «Количество» (например, *ворот-/верт-*: перм. *беспроворотно* 'много' [СПГ 1: 37]), «Отношения между предметами» (например, *бор-, ряд-/рях-*: арх. *безрозборица* 'неразбориха, путаница' [АОС 1: 151], ворон. *безрядье* 'беспорядок' [СРНГ 2: 199]).

Значительная наполненность сферы «БЫТИЕ. ПРИРОДА» объясняется в первую очередь естественным вниманием носителя традиционной культуры к окружающему его природному миру. Однако большая доля этих *без-*образований называет не собственно состояния и объекты природы, но их бытийные связи. Так, отдельного внимания заслуживает подгруппа «Дискретность процесса»: в нее входят корни, которые в составе *без-*префиксальных лексем обозначают непрерывность действия или указывают на постоянство в чем-либо как на свойство объекта. Выделение подгруппы «Дискретность процесса» в числе наиболее «освоенных» *без-*префиксацией тематических сфер свидетельствует о значимости категорий прерывности и непрерывности для говорящих. Другая существенная мыслительная категория – упорядоченность, гармоничное соотношение предметов и объектов, мера (нарушения порядка и гармонии обозначаются *без-*образованиями, входящими в подгруппы «Интенсивность», «Количество», «Отношение предметов друг к другу»).

Третья по распространенности тематическая сфера, которой могут принадлежать корни слов с префиксом *без-*, – «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА». Она включает 15 корней и делится на следующие подгруппы: «Семья и воспитание. Общество» (например, *дет-, закон-*: *бездетный, беззаконие*), «Народная религия» (*вер-*: *безверие*), «Язык и информация» (*вест-*: смол. *бэзвесть* 'отсутствие вестей' [СРНГ 2: 182]), «Народная эстетика» (*образ-*: *безобразный*). Наибольший объем имеет подгруппа «Семья и воспитание. Общество» – в первую очередь, за счет корней, называющих семейные роли (*бат'-, дет-, мат'-, муж-, отец-/отеч-/отц-, род-*). Маркированы аномалии в семейной жизни: отсутствие семьи, невозможность иметь детей, сиротство (полное или частичное), вдовство, незамужество; представления о них номинируются посредством присоединения префикса *без-* к корням, обозначающим основных членов семьи (стоит отметить, что существуют также дериваты от менее «популярных» корней *жен-/жён-, внук-, чад-*). Самое широкое гнездо дериватов здесь – от корня *отец-/отеч-*

/отц-, что в очередной раз демонстрирует принципиальную ценностную значимость роли отца в патриархальном обществе (об этом свидетельствует и возможность семантического расширения комплекса *без-* + *отец-*, где *отец* метонимически замещает *семью*: пск. *безо́тчество* 'сиротство' [ПОС 1: 157], арх. *безо́тный* 'не имеющий ни матери, ни отца, круглый сирота' [СРНГ 2: 196], пск., твер., курск., орл., ряз., калуж. *безо́тцѡвщина* 'неповиновение родителям' [Там же: 197]).

Идеографические сферы «Труд» и «Быт» «освоены» *без-*префиксацией в гораздо меньшей степени, что подтверждает статистика: в них входят 6 и 7 корней соответственно. Однако некоторые из этих корней попадают в число «лидеров» (в пределах всей системы *без-*префиксальной лексики), т. е. имеют самые обширные гнезда дериватов с разной частеречной принадлежностью и разветвленной системой значений. Среди них корень *дел-*, дающий, по нашим подсчетам, 120 производных. Одна из причин такой продуктивности модели *без-* + *дел-* (кроме первостепенной и непререкаемой важности для традиционной картины мира категорий труда и целесообразности, представления о которых номинируются лексикой с корнем *дел-*) – многозначность корня: например, арх. *бездѣлка* 'лентяйка' [АОС 1: 147] восходит к слову *дело* в значении 'работа, занятие, деятельность'; смол. *бездѣлок* 'небольшое количество чего-либо' [ССГ 1: 145] – к *дело* 'нечто важное, нужное, существенное'; пск. *бездѣлие* 'преступное дело, злодейство' [ПОС 1: 150] – к *дело* 'нечто правильное, хорошее' и т. д.

В числе особо продуктивных также корень *дом-*, имеющий 79 дериватов с приставкой *без-*. Он тоже многозначен: *дом-* означает собственно постройку (сиб. *бездѣмок* 'человек, не имеющий своего дома, жилища' [СРНГ 2: 189]), ведение хозяйства (твер., перм. *бездомѡвный* 'бесхозяйственный' [Там же]), семью (перм. *бездомѡвый* 'сирота' [СПГ 1: 31]). Весьма продуктивен также близкий по смыслу корень *двор-*: смол. *бездворный* 'не имеющий своего двора; бездомный' [ССГ 1: 145]. Меньшей продуктивностью обладают корни *изб-* и *хат-*: перм. *безы́збный* 'не имеющий избы' [СРНГ 2: 204], смол. *бесхатный* 'бездомный' [ССГ 1: 175]).

К сфере «Быт» относятся подгруппы «Дом и двор», «Пища» (например, *выт*⁴: перм. *безвы́тный* 'ненасытный, прожорливый' [СПГ 1: 31]), «Заботы по хозяйству и дому» (*хоз-*: *бесхозяйственный*). Группа «Труд» включает подгруппы «Деятельность, работа» (например, *раб-/роб-*: *безработный*), «Домашние животные и птица» (*коров-*: арх., пск. *бескоро́вник* 'крестьянин, не имеющий коровы' [СРНГ 2: 268]), «Злаки» (*хлеб-*: карел. *бесхлѣбный* 'бедный, голодный' [СРГК 1: 71]). Лексемы с корнем *коров-* распростране-

⁴ Ср. перм. *выть* 'мера сытости' [СПГ 1: 150].

ны фактически во всех группах русских говоров, – в то время как другие *без-*образования от наименований животных (не попавшие в список частотных) ареально закрепились: слово *бессобачный* ‘о хозяине или хозяйстве, не имеющем ездовых собак’ [Зотов: 68] встречается в говорах крайнего Северо-Востока России, а лексема *бескóнный* ‘о казаке, не имеющем верхового коня’ [Малеча 1: 128] – в среде казачества. Такая картина объясняется особенностями хозяйственного использования животных.

Рамки небольшой публикации не позволяют подробнее остановиться на разборе идеографических классов корней лексики с приставкой *без-* и детально проанализировать их состав и различия в объеме корневых гнезд (часто бывающие репрезентативными), но, как представляется, даже краткий обзор тематических групп и рассмотрение отдельных наиболее показательных случаев демонстрируют возможности этнолингвистической интерпретации той информации, которая может быть извлечена из идеографической классификации определенной лексико-словообразовательной группы. Методика идеографической классификации корней слов (а не собственно лексем) нуждается в дальнейшем развитии.

Литература / References

1. АОС – Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 1.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: «Индрик», 2007. – 600 С.
3. Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4. С. 41–48. – 128 С.
4. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Рукопись.
5. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – 539 С.
6. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003. Т. 1–4.
7. НОС – Новгородский областной словарь. Новгород: Изд-во Новгород. гос. пед. ин-та, 1992–1995. Вып. 1–12.
8. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967. Вып. 1.
9. СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.
10. СОВРЯ – Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.; Под ред. В.Н. Телия. М.: «Отечество», 1995. – 368 С.
11. СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 1999–2002. Вып. 1–2.
12. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

13. СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.
14. СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
15. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965. Вып. 1.
16. ССГ – Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974–2005. Вып. 1–11.
17. *Степанова Т.В.* Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): диссертация ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2008. – 196 С.
18. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 С.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ: БЕЗДЕНОТАТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Г.В. Токарев

LINGUOCULTURAL LEVEL: ENTITIES WITHOUT DENOTATION

G.V. Tokarev

ABSTRACT:

The article considers entities without denotation as elements of the linguocultural level. Their cognitive and semantic peculiarities are examined, as well as their linguocultural potential.

Keywords: language, culture, lexis without denotation, folklore

В статье рассматриваются безденотатные единицы как элементы лингвокультурного уровня. Исследуются их когнитивные и семантические особенности, лингвокультурный потенциал.

Ключевые слова: язык, культура, безденотатные единицы, семантика, фольклор

Особенности вербального кодирования культуры заключаются в том, что естественный язык может репродуктивно отражать культурную информацию либо созидать особые знаки, формирующие отдельную, лингвокультурную систему. К таким знакам относятся базовые метафоры, квазисимволы, квазиэталоны, квазимеры, прецедентные имена, безденотатные единицы. В этой статье мы остановимся на последней из перечисленных единиц лингвокультурного уровня.

Безденотатной лингвокультурологической единицей мы называем знак лингвокультурного уровня, который обозначает не существующие в реальной действительности явления. Если опираться на терминологию фольклора, эти единицы репрезентируют факты волшебного, фантастического мира.

Безденотатные единицы довольно хорошо изучены литературоведением. Попытаемся воссоздать лингвокультурологический портрет данного явления.

Основным источником безденотатной лексики является волшебная сказка. Особенность семиотической природы заключается в том, что сигнификат и денотат в семантике данных единиц совпадают, они не-референтны, репрезентируют представления, основанные на вымысле.

Семантическая специфика данных единиц состоит в том, что в их значении доминирует сема функциональности. Они обозначают объек-

ты, которые наделены способностью оказывать положительное или отрицательное влияние. Отсюда ярко выраженный оценочный компонент их значения, который становится мотивирующей платформой для употребления этих единиц в неосновном, переносном значении, за пределами фольклорного текста. Например, *волшебное кольцо* – предмет, при помощи которого герои вызывают помощников, выполняющих любые задания:

То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на руку – тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им не будет приказано, всё за единою ночь сделают (Волшебное кольцо).

Очевидно, что данный предмет оценивается положительно, что находит прямое отражение в значении единицы. Безденотатные единицы не вступают в отношения тождества или оппозиции, что свойственно другим знакам лингвокультуры.

Когнитивный потенциал данных единиц заключается в том, что на их базе формируются квазисимволы. Например, если в сказке *скатерть-самобранка* обозначает волшебный предмет, расстелив который, герой получает возможность отведать различные яства, то в обычной речи скатертью самобранкой можно назвать мультиварку или обозначить целую ситуацию, связанную с приёмом пищи. Характерно, что, если другие элементы лингвокультурного уровня имеют высокий деривационный потенциал, безденотатные единицы не становятся словообразовательной базой. Исключение составляет тот случай, о котором мы упомянули выше.

Большинство безденотатных явлений представляет собой переосмысление, наделение волшебными функциями обычных явлений действительности. Например, *клубок* или *мячик*, который показывает дорогу:

На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй (Иван-Царевич и Белый Полянин).

Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! (Пёрышко Финиста ясна сокола).

Или *дудочка*, которая вызывает помощников:

Глядь – на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. «Дай, – говорит, – поиграю от скуки». Только свистнул – выскакивают хромой да кривой... (Три царства – медное, серебряное и золотое).

Выбор единицы, на базе которой формируется безденотатное слово, обусловлен обыденными представлениями, закреплёнными за предме-

том. Так, *зеркало* было связано с представлениями о потустороннем мире.

По всей вероятности, данные единицы отражали те чаяния русского народа, многие из которых стали возможными в современной жизни: быстрое передвижение, навигация, удобное и простое совершение различных действий. Безусловно, что число безденотатных единиц отражает креативный потенциал русских. Так, по данным опроса вьетнамских магистрантов, мы выяснили, что число безденотатных единиц во вьетнамской лингвокультуре значительно ниже: *волшебный бамбук, волшебная рисовая меленка*. Как видим, безденотатные единицы отражают, с одной стороны, специфику быта, с другой – являются универсальными. Иные культуры активно заимствуют безденотатные единицы русской лингвокультуры. Так, в современном Ташкенте можно встретить кафе с названием «*Самобранка*».

Безденотатные слова могут быть классифицированы в зависимости от базового образа, положенного в их основу и связанного с тем или иным культурным кодом. Отметим, что преобладают образы фетишного, анимического и биоморфного кода.

Так, одной из популярных безденотатных единиц анимического кода является *живая и мёртвая вода*:

На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мёртвая, и отдал те пузырьки серому волку (Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке).

– Отпустите меня, сильномогучие богатыри. Я вам покажу, где мёртвая и живая вода (Безногий и безрукий богатыри).

Ворон полетел и принёс мёртвой и живой воды (Чудесная рубашка).

Примером безденотатной единицы фетишного кода является *скатерть-самобранка*:

Вдруг развернулась скатерть, и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество (Конь, скатерть и рожок).

Примерами безденотатной лексики биоморфного кода являются *жар-птица, золотая рыбка, сивка-бурка* и многие другие:

– Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригуду стану: что пожелаешь, все сделаю! (Золотая рыбка).

Средством, подчёркивающим волшебную силу предмета, является определение: *шапка-невидимка, сапоги-скороходы, волшебное кольцо*,

золотая рыбка, серебряное веретено и др., которое указывает на необычную функцию предмета или его ценность.

Безденотатные единицы представляют немногочисленную группу явлений лингвокультурного уровня по сравнению с другими классами квазисимволов, казисталонов, квазимер и др. Однако их живая внутренняя форма и функционирование в рамках прецедентных текстов обуславливает высокую значимость в пространстве лингвокультуры.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Ковиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: URSS, 2012. – 456 с.
2. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. М.: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат), 1957–1958.
3. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. С. 13–24.
4. *Токарев Г.В.* Человек: стереотипы русской лингвокультуры / Г.В. Токарев. Тула, 2013. – 92 с.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ КОНЦА XX ВЕКА: ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

С.М. Фалчари

FEATURES CHRISTMAS STORY OF THE LATE 20TH CENTURY: VICTORIA TOKAREVA

S.M. Falchari

ABSTRACT:

The article is dedicated to the study of the peculiarities (conditioned by the chronotopos, i.e. time&space) of the generic origin of Christmas Books which serve as a form&essence pattern for any Christmas story, which were declared in "Christmas Tales" by Charles Dickens and found confirmation in the context of V. Tokareva's narrative genre. The author focuses on the functioning of the concepts that are related to issues of genre Christmas story and set up its permanent features, and concepts allowing designate dynamical processes: the miracle of memory, getting Christmas gifts or donations, the motives of temptation, forgiveness, reconciliation, repentance, return of the prodigal son.

Keywords: Christmas story, genre variety, the miracle of memory, gift, temptation, forgiveness, reconciliation, repentance, the return of the prodigal son

Статья посвящена раскрытию закономерностей, повторяющихся исторически и структурно с точки зрения использования сакрального времени Рождества как одной из основ образования жанровой разновидности, которые декларируются «Рождественскими повестями» Ч. Диккенса и находят подтверждение в жанровом контексте рассказов В. Токаревой. Автор статьи сосредоточивается на сфере функционирования понятий, которые связаны с вопросами жанра рождественского рассказа и составляют комплекс его постоянных характеристик, а также понятий, позволяющих обозначить динамические процессы: чудо-памяти, получения рождественских подарков или дарения, мотивы искушения, всепрощения, примирения, раскаяния и т. п.

Ключевые слова: рождественский рассказ, жанровая разновидность, зеркало памяти, дарение, искушение, всепрощение, примирение, раскаяние, возвращение блудного сына

Рождество всегда было праздником семейного единения, общения за столом или печи, рассказа семейных или мифологических историй,

поэтому современные ученые обращаются к исследованию особенностей жанра святочного рассказа, ведь литературный жанр «живет по законам фольклорной и ритуальной «эстетики тождества», ориентируясь на канон и штамп – устойчивый комплекс стилистических, сюжетных и тематических элементов» [Душечкина 1995: 246] (см. также [Душечкина 1994]).

Традиция рождественского рассказа берет свое начало в средневековых мистериях. Из мистерии в рождественском рассказе, – это общая атмосфера чудесного изменения мира или героя, проходящего в сюжете рассказа. Е.В. Душечкина отмечает, что история святочного рассказа – это в основном история усвоения литературой фольклорных календарных текстов. Литературные обработки этих текстов дополняются произведениями личного творчества, содержательно связанными с семантикой народных святок и христианского праздника Рождества, и образуют тематическую разновидность русского рассказа. Оформление ее в особый литературный жанр происходит в последней трети XIX века, когда святочные произведения выделяются в общей массе рассказов благодаря особенностям своего функционирования.

Святочный, или правильнее – рождественский, рассказ, несмотря на пестроту и многочисленность текстов, принадлежащих разным эпохам и разным выдающимся писателям с мировым именем, тем не менее, весьма легко узнаваем. Святочные произведения заполняют рождественские номера в большом количестве. В форме и содержании рассказов стало традицией использовать семантику Рождества как особого времени, в период которого могут происходить и происходят необычные, яркие, волшебные, мифологические события. Период середины XIX – начала XX века почти во всех национальных литературах прошел под знаком обращения к жанру рождественского рассказа, пестроте его художественно-совершенных образцов, в новой идентичности, использования признаков мифологического текста, при том, что событийность всегда развивается на социально-историческом фоне. «В последние два десятилетия девятнадцатого века “святочная” словесность переживает самый настоящий бум. Почти каждая газета этого времени, столичная и провинциальная, почти каждый журнал не только считали необходимым напечатать на святках приуроченный к ним рассказ (серию рассказов), но и помещали в праздничные номера подборку материалов, связанных с рождественской, святочной и новогодней тематикой – стихотворения, сценки, фельетоны, очерки, исторические заметки...» [Душечкина 1995: 194].

Первые рождественские рассказы в 20-е годы XIX века создавали писатели-романтики, творчество которых пронизано историзмом и мифологизмом.

Самобытные рассказы создавал и Н.С. Лесков Первое произведение с подзаголовком «Рождественский рассказ» – «Запечатленный ангел» – появилось в 1873 году, последний святочный рассказ «Пустоплясы» был создан за два года до смерти, в 1893 году. В декабре 1885 года писатель объединил двенадцать рассказов в специальный святочный сборник «Жемчужное ожерелье» (1885). Классикой жанра стали рассказы Н.С. Лескова «Запечатленный ангел», «Зверь», «Пугало» и другие.

Основателем жанра рождественского рассказа является Чарльз Диккенс, который обосновал постулаты «рождественской философии»: ценность человеческой души, памяти и забвения, любви к «человеку во грехе», детства [Диккенс 1990: 366].

В настоящее время к жанру рассказа писатели обращаются, прежде всего, как к плацдарму творческих экспериментов, новаций, исканий, так как малая проза, мобильная, динамичная, всегда была на переднем фланге отечественной культуры. В конце XX – начале XXI вв., в эпоху постмодерна и эклектики, с приходом новой системы культурных и художественных ценностей, сдвиг в которых обусловлен развитием информационной и техногенной цивилизации, рождественский рассказ остается популярным.

Произведения В. Токаревой основываются на традициях, заложенных в произведениях мировой литературы – рассказах Лескова, Чехова, Бунина, Куприна, О'Генри, Лагерлёф и др., где образ празднования Рождества задает не только тематическую, но и жанровую разновидность рассказов.

Жизненный и творческий путь В. Токаревой с разной степенью полноты освещен в ряде отечественных масс-медиа, интернете, представлен на сайте писательницы. Художественное творчество писательницы рассматривалось в контексте литературного процесса и эпохи, литературно-эстетических взглядов женской прозы.

Первые рассказы Виктории Токаревой (род. 1937) были написаны на излете «хрущевской оттепели» (1964) и сразу объявили о приходе в литературу оригинального талантливого писателя, обратили на себя внимание критики, которая в целом была доброжелательна и обстоятельна в своих суждениях. Произведения писательницы и сегодня являются «зеркалом» вечных проблем повседневной жизни.

В жанровом отношении художественное творчество В. Токаревой, как известно, многообразно: рассказы, книги, сценарии и фильмы.

В своей основе творчество В. Токаревой обращено к жанру святочного рассказа, описанию новогодних событий, повествованию о чудесах, традициях, мифологии в конце XX века. Так, главным предметно-символическим признаком в рассказах «Зигзаг» и «Рождественский рассказ» является традиция получения рождественских подарков, в

основе которой лежит идея дарения. Для значительного количества рождественских рассказов она сюжетно-организующая, благодаря чему коллизии подаются в социально-романтическом ключе *чудо-памяти*.

В рассказе «Зигзаг» события происходят в канун нового года:

Младший научный сотрудник Ирина Дубровская вернулась домой со свидания и, не раздеваясь, как была в шубе и сапогах, прошла в комнату, остановилась возле окна и стала плакать.

Назначенное свидание не состоялось, однако случайно в ее доме появляется незнакомец. Он увозит ее в Ригу к морю, и повторяется сюжет рождественской сказки. Сюжет помещает героев в неизвестную, новую среду и выводит на авансцену Бога-творца. Религиозные символы наполняют происходящее содержанием и смыслом. Ср.:

Хор запел “Лакримоза”. И это уже не шестьдесят разных людей пели по нотам. Это тосковал Моцарт. Его “божественное Я”. Душа взметнулась и задохнулась. Ирина заплакала. Слезы шли по щекам, и вместе с ними как будто уходила боль из сердца. Поэтому слезы становились соленые, а сердце легким.

Символы «божественное Я», «соленые слезы» и др. объясняют мир, его устройство и причинно-следственные связи. Например, образ дерева символизирует мир и три его составные части: Верхний мир, населенный богами и другими священными персонажами; Средний, в котором живут люди и животные; Нижний, место сосредоточения умерших и их душ, а также сил, враждебных человеку. Символ «мирового дерева» не только многозначен, но порой и противоречив: он вбирает в себя архетипические оппозиции и полярные понятия – добро и зло, жизнь и смерть. Человек также является творением Бога и проводником его идей в тот мир, где он существует, что делает человека только инструментом в руках Бога, но никак не конечной целью.

Передача божественности и простоты объективируется на различных уровнях языка: лексическом (*вверх – вниз, любить – ненавидеть, обыденность – чудо*), словообразовательном (*цветок – цветочек*), фразеологическом (например, *выступить в роли волшебника*). Ср.:

– Опять в зигзаг ходил? – спросила жена и устремила на него свои глазки, маленькие и круглые, похожие на шляпки от гвоздей.... Под “опять” жена подразумевала его предыдущий бросок в Сибирь, на Бийский витаминный завод. Кому-то срочно понадобилось облепиховое масло, и Он, естественно, выступил в роли волшебника (Зигзаг).

Ситуация безвыходности, представленная в образе заколдованного круга, очень характерна для модернизма (декаданса) и рождественских рассказов В. Токаревой. Автор моделирует два типа поведения заглав-

ного персонажа как энтропии личного бытия через сопоставление двух временных пластов – реального и ретроспективного. Модус воспоминаний (чуда-памяти) воссоздает активный поведенческий потенциал героини; ср.:

Ирина вскочила с постели, побежала в прихожую, распахнула дверь на лестницу и... Так бывает только в детстве, когда прибежишь домой из школы, войдешь в комнату – а в углу елка. Или бредешь по лесу по утопанной тропинке, и вдруг – белый гриб. Никаких следов не было. Ни следов. Ни известки. Ни ремонта (Зигзаг).

Мотив сломанной, разбитой жизни последовательно проведен через все повествование рассказа «Зигзаг». Ирина снова одна, хотя еще и во власти воспоминаний о прошедшем рождественском дне:

Младший научный сотрудник Ирина Дубровская проснулась в понедельник, в половине восьмого утра, и, глядя в потолок, стала соображать: было “вчера” в ее жизни или не было? С одной стороны, она помнила так явственно и вкус взбитых сливок, и рисунок еловой ветки на сероватом небе, что этого не могло не быть.

У В. Токаревой мотив искушения наказания обидчика и мотив всепрощения равно вовлечены в описание и разгадывание тайны «русской души», национального характера всепрощения, примирения, раскаяния и т. п. Ср. в «Рождественском рассказе» (который так и именуется – по названию жанра):

Все пять лет я мечтала встретить этого человека и сказать ему сильные и жесткие слова упрёка. Я даже приготовила эти слова. Но они предназначались другому Борьке – красивому и наглому, хозяину жизни. А не этому, в казенной шинели.

Символ «казенная шинель» создает сложную логическую связь между неразличимым тождеством общего и особенного, идеального и реального, бесконечного и конечного. По сути, это символ униженности и обезличенности человека – того, кто когда-то убил другой символ – цветок герани. Его простота, но и нежность, поэтичность и красота описаны простым языком и одновременно высокими образами:

Листья были большие, замшевые, а цветочек совсем простой, в четыре лепестка. Как будто ребенок нарисовал. Или сам Господь Бог сотворил этот цветочек утром и в хорошем настроении. Проснулся и со свежей головой придумал такой цветок: ни убавить, ни прибавить (Рождественский рассказ); Земля рассыпалась, а красная головка цветка отлетела смятым сгустком. Я

смотрела на землю и ничего не понимала. ЗАЧЕМ? Чтобы другим было весело? Но никто не рассмеялся ... Я продолжала учиться на крепкое «три», по литературе «пять», продолжала ходить в спорткомплекс, дружить и развлекаться. Ничего не изменилось, но убитый цветок... (Там же).

Описывая причины своей личной драмы в жизни, героиня объясняет ее символически:

Моя теория: в природе существуют пораженцы и везунки. Белый ангел набирает свою команду. А черный ангел – свою. Ангелы – это чиновники в небесной канцелярии. Я подозревала, что моя карьера пораженки началась в то утро возле школы, когда Борька Карпов опустил свой портфель на горшочек с геранью... (Рождественский рассказ).

Символическая деталь (цветок – символ жизни, сломанный цветок – потеря жизни) соотносится с древнейшими образами, мифологемами и поверьями, столь щедро присутствующими в поэтике данного рассказа. Цветовой эквивалент мотива любви, красный, противопоставит цветовым эквивалентам мотива смерти – синему, черному, которые в русской культуре, народной и литературной, символизируют также разлуку, тоску, скорбь. Нужно отметить, что, как и в известных рассказах Чехова, Бунина, Куприна, основные события происходят в саму рождественскую ночь, а функция знаменитой чеховской детали – ружья из первого акта – в «Рождественском рассказе» В. Токаревой передана цветку – герани, розе.

Сюжетные коллизии в «Зигзаге» и «Рождественском рассказе»: несостоявшееся свидание, любовь, отсутствие средств к существованию, убийство герани, – демонстрируют не столько аллюзию автора к З. Фрейду или А. Бергсону, сколько стремление раскрыть противоречивую диалектику вечных отношений в эпоху кризиса старых и зарождения новых ценностей и понятий в конце XX века, показать духовный поиск человека. Здесь уместно вспомнить бахтинский постулат о бесознательном стремлении «подсмотреть свой заочный образ»; это попытка самоопределения «я-для-себя» и «я-для-других» и константа взаимоотношений героев «святочных рассказов» В. Токаревой с миром.

В литературе XX в. исчезает доверие к слову героя как исчерпывающей доминанты внутреннего монолога и диалогического контакта – основных векторов модуса классического психологизма. Большой вес приобретает подтекст, глубинное течение «невидимой жизни», роль подсознания, когда все связи с внешним миром отключены и человек обращен не к действию, а к восприятию себя [Фромм 1992: 193]. Смещение временных пластов повествования дает возможность для сущест-

ования множества интерпретаций, подобно тому, как сама действительность открыта для бесконечных толкований. В рассказах В. Токаревой наследуются психологические традиции русской и мировой литературы; ее рассказы весьма значительны в плане психологического анализа. Основными структурными характеристиками являются архетипические оппозиции, категории в которых переосмысливаются в ценностном духовно-нравственном пространстве культуры и образно-символическом их представлении в языке рассказов. Это верх – низ (небо – земля); свет – тьма (день – ночь, счастье – несчастье, добро – зло); жизнь – смерть (живой цветок – сломанный цветок); правый – левый (правда – ложь).

Но, пожалуй, ключевыми оппозициями для автора рождественских рассказов являются: обыденность – чудо, обычность – необычность, естественность – сверхъестественность. В русском языке лексема «чудо» задает разветвленное деривационное и лексико-семантическое поле, расширяющее свои границы с помощью семантических модификаций. Чудо – необычайная вещь, явление или случай; *диво, диковина, диковинка, невидаль, невидальщина*. Чудо можно исполнять: *творить чудеса* (устар. *чудотворить, чудодейать*). Можно *чудить, чудачествовать, хитрить, мудрить* (устар. или обл. *чудачить, чудесить чудесничать, чудаковать*). У чуда есть исполнитель: *чудотворец, чудодейатель*. Чудом является сам носитель необычных качеств, странный человек: *чудак, чудачина, чудило, чудила, чудесник, чудесница, чудитель, чудительница, чудиха, чудовин, чудовка, чудачка*. Чудо может представляться, мерещиться: *чудить, чудиться*. Чудо – сказочное животное: *чудовище, чудище, чудо-юдо*. В семантику лексемы входит и эстетическая оценка: *чудный, чудесный* [Абышева 2008: 22]. «Слова чудесного» во всем разнообразии и противоречивой оценочности их семантики являются ключевыми для рассказов В. Токаревой; ср. в рассказе «Зигзаг»:

Жена посмотрела на него с сочувствием. – Я ничего не имею против твоих чудес, – сказала она. – Пусть люди с твоей помощью будут здоровы и счастливы. Но почему за мой счет?

В рассказах с помощью ключевой лексемы и ее семантических аналогов утверждается идея о том, что рождественское чудо и память о чуде вовсе не является чем-то сверхъестественным – оно приходит в виде обычной жизненной удачи или просто человеческого счастья – помощи, выздоровления, примирения, возвращения и т. д. Рождественские рассказы начинаются с описания несчастий героев, но чудесным образом счастье, праздник и гармония входят в жизнь этих людей.

В рассказах В. Токаревой, впитавших в себя традиции романтической прозы первой половины XIX века и идеи эпохи постмодерна конца XX – начала XXI вв., содержание наполнено культурной глубиной

семантикой, группирующей вокруг идеи «чуждости». Рождественское чудо в рассказах В. Токаревой – это Божественное деяние, которое всегда имеет множество смыслов; идея рождественского дара позволяет описать обыденность жизни и тоску человека по миру чистых и настоящих чувств, христианской любви и самопожертвования, атмосферы чудес и исполнения желаний.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Абышева Е.М.* Концептуальные инверсии: концепт «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
2. *Диккенс Ч.* Рождественские повести. М., 1990.
3. *Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995.
4. *Душечкина Е.В.* Святочный бум, или праздничная повинность русских беллетристов. // Новое литературное обозрение. № 6, 1994. С. 190–198.
5. *Токарева В.С.* Рождественский рассказ // Повести и рассказы. М., 1995. С. 278–286.
6. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТА И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

О.В. Чалей

REVISITED CORRELATION BETWEEN CONCEPT AND LEXICAL MEANING OF THE WORD

O.V. Chaley

ABSTRACT:

The paper considers the correlation between the concept and the meaning of the word on the examples of the word *potato* in the context of cognitive and its linguoculturological studies. The concept absorbs everything that comes from “the world of mind” and is reflected in the meaning. However, the concept accumulates national, professional, family and personal experience; spiritual and cultural values; emotional pain, associations, abstractions. The meaning of the word is an attempt to generalize contents of the concept, represent its features by the explicit word.

Keywords: concept, lexical meaning, conception, actualization, semantics

В статье рассматривается проблема соотношения концепта и лексического значения на примере слова *картошка* в контексте когнитивных и лингвокультурных исследований. Концепт вбирает в себя национальный, профессиональный, семейный и личный опыт; духовные ценностные ориентации; эмоционального переживания, представления носителей данного языка и конкретной культуры о сущности явления, скрывающегося за словом. Значение слова дает представление о содержании выражаемого концепта, представляет его характеристики конкретным словом.

Ключевые слова: концепт, лексическое значение, смысл, актуализация, семантика

Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова...

М.В. Пименова

Лингвистика в полной мере может воспользоваться философским осмыслением концепта. В философской трактовке концепт выступает как «идея, сгусток смыслов, потенция, из которых сотворятся бытие

всего – человека, мира, культуры – человека в мире культуры» [Неретина 2009: 382]. Философы понимают под концептом идеи, получающие своё бытие в бесконечности актуализаций. Именно уровни актуализации концепта, маршруты движения актуализаций являются традиционным объектом лингвистических исследований. Лингвистов всегда интересовала проблема реализации значения в речи и языке.

Что значит «дать определение» слова? С одной стороны, очень просто ответить на этот вопрос. В качестве примера рассмотрим слово *картошка* (*картофель*). В словарной статье даётся определение 1. **Картофель (картошка)** – многолетние клубненосные виды рода *Solanum* секции *Tuberaium* семейства паслёновых. 2. Растение с растущими в земле и употребляемыми в пищу клубнями (*бот.*) [ТСРЯ 2000: ЭР]. Однако в данных дефинициях доминирует ботаническая составляющая. Обычный носитель русского языка воспринимает это высказывание как научное определение. Какое определение сможет предложить человек, для которого русский язык является родным? Оказывается, что перед ним поставлена достаточно сложная задача. Одно и то же слово два разных человека понимают по-разному (например, в силу принадлежности к разным культурам, к разным религиям, слоям общества, к разным профессиям и т. д.). В такой ситуации можно сказать, что с одним и тем же словом у разных индивидов связаны разные концепты. Через наше сознание проходит огромный поток информации о предмете: запах, вкус, зрительное и тактильное восприятие предмета, информация о его свойствах, связанные с ним ассоциации, воспоминания, опыт и т. д. Так, например, когда говорят «картошка», у меня появляется такое определение этого слова: «Картошка (картофель) – это необыкновенно вкусная еда, приготовленная моей бабушкой в русской печке; хрустящая золотая корочка, манящий запах; беззаботное и бесконечное сладкое время детской радости, ласковой бабушкиной улыбки; встреча большой семьи за одним столом». Становится очевидным, что это определение слова *картошка* очень субъективно и основано на моём индивидуальном опыте, на моих чувствах и ассоциациях, на моём личностном восприятии. Такая дефиниция покажется странной и непонятной для других носителей русского языка. В этом определении будет актуализирована только та часть информации, которая есть в моём сознании, а именно: мои личные воспоминания и ассоциации, связанные с картошкой. Следовательно, это определение будет иметь значение лишь для меня. Поэтому в данном случае речь идёт о концепте слова *картошка*. Происходит осмысление «поступающей информации в человеческое сознание, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде

виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2000: 22].

Для героя кинофильма «Помни имя своё» значение слова *картофель* – единственное воспоминание, связанное с образом родной матери. Он на всю жизнь запомнил мёрзлый картофель в мундирах, который его мама тайком проталкивала под дверь барака, чтобы спасти своего сына от голодной смерти в фашистском концлагере. Для человека, которого война разлучила с матерью, выросшего в приёмной семье на чужбине, понятие картофель наполнено материнской жертвенной любовью, надеждой на спасение. Только два человека во всём мире – герои это фильма: сын и мать – понимают особое значение слова *картошка*.

Ещё одна история повествует о нелёгкой судьбе Инги Васильевны Биатовой, с малых лет испытавшей ужасы войны, голод, предательство отца. Спустя много лет она вспоминает: «*Через незнакомую женщину мама передала мне мытую картофелину в кожуре. Ничего вкуснее той картошки я не припомню! Никакой ананас не сравнится с ней*» (А. Михайловъ. Вкус картошки. Из воспоминаний Инги Васильевны Биатовой). В этой ситуации будет актуализирована только та часть информации, которая есть в сознании этой девочки, а именно необыкновенный вкус, который запечатлелся на всю жизнь.

Примеры с картошкой ясно показывают, что воспоминаний, ассоциаций, переживаний по поводу одного предмета может быть бесконечное множество. Несмотря на интерес индивидуального сознания к каким-то особым свойствам предмета (в данном случае *картошки*), существует большая доля вероятности установить больше общих черт у разных людей одного этноса; ср.: *Небось, картошку все мы уважаем, когда с солью её намять*. (В. Высоцкий. Товарищи ученые!..). Такое понимание отражает национальные и культурные традиции русского народа, но картошка является не только любимым блюдом, но предметом гордости и неким образом-символом в сознании русского народа. Об том свидетельствует и другой пример из статьи, в которой описывается жизнь русских эмигрантов в Париже. *Здесь по праздникам они собирались за скромным столом, главным украшением которого были русские «деликатесы» – варёная картошка и селёдка* (О. Кирьянова. Свидетельство духовной преемственности). В данном контексте за словом *картошка* стоит нечто большее, своего рода образ. Картошка здесь служит наглядным свидетельством верности русской культурной традиции эмигрантов. Она является символом Родины для людей, которые вынужденно покинули нашу страну в лихую годину и свято сохранили в своём сердце любовь к ней на чужбине. За этим словом *картошка* скрывается «живая клеточка образа мира конкретной культуры» [Уфимцева 2007: 117].

Раскрыть суть такой клеточки пытается и иностранец, прекрасно владеющий русским языком, современный польский исследователь де Лазари. Он сопоставляет концепт *КАРТОШКА* в западноевропейских языках и русском языке. А. де Лазари ощущает, что в русском слове таится некий магический и живительный смысл. «Когда я стал писать о России, заметил, что некоторые русские слова, хотя у них и есть польский эквивалент, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше здесь живу, тем лучше чувствую слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы, обозначающие гораздо больше самих слов. Вот картошка... В Польше – это *kartofel* (всё чаще *potato*), один из гарниров, и говорят, что от неё толстеют и едят все меньше. Зато здесь картошка – это основа еды, ритуал и способ жизни. Весной картошку сажают, летом окучивают, осенью копают, а зимой на картошке зимуют. Ополячить картошку и назвать её *kartofel* или *ziemniaki* – это лишить её всего магического и живительного смысла. Даже больше – это переводить саму действительность (в значении латинского слова), значит <...> терять её в процессе перевода» [Лазари 2001: 86]. Польский лингвист сталкивается с трудностями перевода слова *картошка*, хотя для русского слова *картошка* и существует польский эквивалент. Де Лазари обращает внимание на различие столь разных сущностей, которые стоят за этими эквивалентами. Для поляков слово *kartofel* – один из гарниров, от которого толстеют, а для русских *картошка* – основа еды, второй хлеб, ритуал и способ жизни. При переводе на польский язык теряется эта сущность – её живительный смысл. Существуют невидимые нити ассоциаций, которые основаны на общей культурной памяти народа-носителя языкового сознания. Причина переводческой трудности заключается в различии между «культуророобусловленными понятиями как реализациями концептов» [Демьянков 2007: 30]. Исследуя концепты, В.З. Демьянков отмечает, что «Назвать нечто – X – концептом – значит поставить задачу реконструировать смысл этого X для конкретной духовной культуры <...> реконструировать ту сущность, которая в узусе стоит словами» [Демьянков 2007: 28].

Язык предоставляет на выбор говорящего целый арсенал инструментов категоризации, позволяющих представлять один и тот же объект по-разному, в зависимости от выбранной точки зрения. В процессе реализации своего речевого замысла мы всякий раз делаем такой выбор. Прибегая к использованию определённого комплекса языковых средств, реализующих в своей семантике некую когнитивную категорию, мы тем самым акцентируем внимание на какой-то одной, существенной с нашей точки зрения, стороне предмета, и затемняем все прочие аспекты нашего опыта, неактуальные в свете конкретного речевого замысла. Рассмотрим пример: *Картошка и вправду получилась вкусная, поджаристая. Он уплетал её с аппетитом, ощущая, как оттаивает душа и*

отпускают его цепкие, как репей, мысли (В. Громов. Компромат для олигарха). Автор произведения акцентирует внимание на вкусовых ощущениях картошки, которые способны сотворить чудо с его героем: возвращают ему душевное спокойствие и умиротворение, меняют его восприятие окружающего мира, настраивают на положительный лад, буквально преображают этого человека.

Когда же говорящий актуализирует своё внимание на важных и существенных признаках картошки и фиксирует их в определении, он отражает то общее, что улавливается большинством индивидов, что содержит понятие картофеля. В отличие от значения, которое связано с объёмом понятия, смысл располагается в какой-то другой плоскости содержательных характеристик предмета или высказывания о нём. Первыми обратили внимание на странную природу смысла античные стоики. Они ввели понятие «лектон», которое не столько обозначает процесс говорения, сколько то, что подразумевается в процессе разговора.

Слово же как оперативный элемент долговременной памяти через своё лексическое значение находится в системно-ассоциативной связи с другими элементами того же уровня, образуя семантическую сеть индивидуального лексикона. «Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, непосредственно данным словом не названные. <...> Слово можно уподобить включателю – будучи воспринято, оно “включает” концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская” его в процесс мышления» [Попова, Стернин 2002: 39].

Одно из самых существенных различий значения и концепта связано с их внутренним объёмом, содержанием. Соотношение концепта и значения определяется их категориальным статусом. Значение – единица семантического пространства языка. «Лексическое значение складывается из множества представлений о признаках предмета, существенных и случайных, полезных и малозначительных, одинаково красивых или невыразительных» [Колесов 1999: 9], то есть значение языкового знака выводится из наблюдаемых фактов его употребления. Говорящий понимает слово в зависимости от обстоятельств, в которых он использует данное слово. Об этом писал Б. Рассел: «... слово имеет значение (более или менее неопределённое), но это значение можно установить только через наблюдение над его употреблением, употребление дано первым и значение извлекается из него» [Russel 1940: 256].

Концепты – явление мыслительного порядка, которое является основной формой выражения мыслительных процессов, то есть представляют собой тот фонд, из которого выбираются единицы для осуществления речемыслительного процесса. Содержание концепта шире значе-

ния, поскольку «концепты... сохраняют свою структуру, не теряют включенные в эту структуру признаки на всем протяжении истории народа... Структура концептов только пополняется за счёт выделения дополнительных признаков. Такое пополнение зависит от развития материальной и духовной культуры народа. Формы для выражения того или иного признака концепта могут устаревать, сами признаки не устаревают и не исчезают» [Пименова 2003: 14]. Концепт семантически глубже, богаче. Являясь единицей ментального мира человека, концепт расширяет значение слова, поскольку включает в себя ментальные признаки того или иного явления, в том числе и невербальные.

Стоит нам произнести, например, слово *картошка*, как тотчас нам представляются все разнообразные понятия и образы, все ощущения, воспоминания, ассоциации и переживания. Согласно Л. Витгенштейну, «произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений» [Витгенштейн 2003: 226]. Как утверждал В. фон Гумбольдт, произнесение слова способно вызывать «то одни, то другие из связывавшихся с ним некогда ощущений». Это слово «настраивает душу на присущий данному предмету лад, частью самостоятельно, частью через воспоминания о других, ему аналогичных предметах» [Гумбольдт 1984: 303].

В самом слове, «в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума» [Бабушкин 1996: 35]. Таким образом, идеальная сущность концепта находит свое материальное воплощение в конкретных словах языка. Анализируя соотношение концепта и значения слова, академик Д.С. Лихачев считал, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997: 281].

Резюмируя изложенные в данной статье факты и примеры, мы можем сделать вывод о том, что концепт вбирает в себя национальный, профессиональный, семейный и личный опыт; духовные ценностные ориентации; эмоционального переживания, представления носителей данного языка и конкретной культуры о сущности явления, скрывающегося за словом. Значение, по А.Н. Леонтьеву, это «то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами» [Леонтьев 1972: 288–289]. Следовательно, значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, представить его характеристики данным, конкретным словом.

Очевидно, что вопрос о соотношении концепта со значением слова является дискуссионным и требует дальнейшего детального изучения в контексте когнитивных и лингвокультурных исследований.

Литература / References

1. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Николай Николаевич Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. – 123 с.
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Языки как образ мира. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 568 с.
4. *Гумбольдт В. фон.* Лаций и Эллада // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 303–306.
5. *Демьянков В.З.* «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 26–33.
6. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...» СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
7. *Лазари А. де.* Польские исследования об идеях в России // Философский век. Альманах. Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. – 370 с.
8. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Издательство Московского университета, 1972. С. 288–289.
9. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.
10. *Неретина С.С.* Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +; РООН «Реабилитация», 2009. С. 387–389.
11. *Пименова М.В.* Концептуализация и объективация истины и правды // Язык. История. Культура: К50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летию юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ. Кемерово, 2003. С. 25–35.
12. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. С. 8–50.
13. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н. Ушакова // Мир слов Ушакова, 2000. // URL: http://www.mirsluvushakova.ru/index.php?search_text=картофель (дата обращения: 12.09.2013г.).
14. *Уфимцева Н.В.* Слово, значение и языковое сознание // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 109–117.
15. *Russell B.* An Inquiry into Meaning and Truth. London: George Alien & Unwin, LTD, 1940. – 352 p.

Источники / Sources

1. *Высоцкий В.С.* Товарищи ученые!.. Текст, музыка, 1972.//URL: <http://www.songs-text.ru/VysotskijVladimir/TovariSchiUchenye.htm> (дата обращения: 25.08.2013).
2. *Громов В.И.* Компромат для олигарха. М.: Вагриус, 2000. Национальный корпус русского языка//URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.09.2013).

3. *Кирьянова О.Г.* Свидетельство духовной преемственности // Православие.Ru / Интернет – журнал. 2009 г. // URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/30551.htm> (дата обращения: 28.09.2013).
4. *Михайловъ А.* Вкус картошки. Из воспоминаний Инги Васильевны Биатовой. 2009. // URL: <http://www.proza.ru/2009/12/28/368> (дата обращения: 15.09.2013).

ГЕНДЕРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

А.М. Эмирова

THE GENDER OPPOSITION IN THE CRIMEAN-TATAR PHRASEOLOGY

A.M. Emirova

ABSTRACT:

The article introduces the first identification and characterization of the means and ways of expressing gender oppositions in the Crimean-Tatar phraseology. The assumption put forward is that the relative gender harmony expressed in the contents of set phrases of different types is determined by the precepts of Islam according to which honor should be paid to mothers.

Keywords: phraseology, gender opposition, gender determinants, the concept of *MAN*

В статье впервые выявлены и охарактеризованы средства и способы выражения гендерных оппозиций в крымскотатарской фразеологии. Выдвинуто допущение, что относительная гендерная гармония, выражаемая в содержании устойчивых оборотов разного типа, обусловлена постулатами ислама, которые требуют почитания женщины-матери.

Ключевые слова: фразеология, гендерная оппозиция, гендерные детерминанты, концепт *ЧЕЛОВЕК*

«Мужчина – женщина» – онтологическая оппозиция, лежащая в основе естественного языка как базового компонента человеческой культуры. Пристальный интерес к категории гендера, понимаемого как социокультурная ипостась человека, обусловлен сегодня бурным развитием новых направлений в лингвистике, в центре внимания которых находится говорящий, думающий и чувствующий человек. Гендерная оппозиция – это языковая универсалия, обладающая в языках разного типа специфическим набором категорий и способов выражения.

Разные языки и разные уровни языковой системы обладают разной гендерной отмеченностью: наиболее регулярно гендерная оппозиция проявляется в морфологии, словообразовании и лексике, менее отчетливо – в синтаксисе. Фразеология в последние десятилетия стала предметом пристального изучения в гендерном аспекте.

Исследователи уже обратили внимание на гендерную маркированность русской фразеологии в плане содержания и прагматики. Отмеча-

ется способность фразеологических единиц разного типа, преимущественно паремий, рисовать отрицательный аксиологический портрет женщины глазами мужчины (*Курица не птица, женщина не человек; Баба с возу – кобыле легче; У бабы волос долог, да ум короткий; У бабы дорога – от печи до порога* и др.), реже – отрицательный портрет мужчины глазами женщины (*Муж – голова, жена – шея; Седина в волосы – бес в ребро; Сила есть – ума не надо* и др.) [Эмирова 2002; Малишевская 1999; Маслова 2001; Синельникова 2001]. Сегодня, однако, рано говорить о становлении отдельного раздела лингвистической гендерологии, который можно было бы назвать фразеологической гендерологией или гендерной фразеологией.

Впервые на гендерную отмеченность содержания некоторых фразеологических единиц в русском языке обратил внимание самаркандский учёный Л.И. Ройзензон. Разрабатывая проблему фразеологической парадигматичности, т. е. способности фразеологизмов к изменению их грамматической формы, он привел примеры неполной фразеологической парадигмы на «родо-половой основе»: имеются, с одной стороны, такие фразеологизмы, как *гусь лапчатый, шут гороховый, сам с усам* и др., но отсутствуют их «родо-половые» соответствия – **гусыня лапчатая, *шутиха гороховая, *сама с усам* и др. [Ройзензон 1973: 204].

Более значимыми – в гендерном отношении – представляются следующие замечания Л. И. Ройзензона: «...В русской фразеологии имеет место явление феминизации и маскулинизации УСК (устойчивых словесных комплексов – А.Э.), т. е. закрепление за той или иной ФЕ определенного объекта, на который распространяется действие лица того или иного пола» [Ройзензон 1973: 205]; ср.: *будь мужчиной* ‘будь мужественным, сильным’, *волочиться за каждой юбкой* ‘увлекаться женщинами’, но: *вешаться на шею* ‘приставать к мужчине с ласками, нежностями’, *наставлять рога* ‘изменять мужу’ и др.

Крымскотатарская фразеология не была до сих пор объектом анализа в гендерном плане. В настоящей работе впервые сделана попытка выявить способы выражения значений маскулинности и феминности в крымскотатарской фразеологии. Объектом анализа являются разного типа фразеологические единицы, извлечённые из словарей крымскотатарского языка, а также из художественных и публицистических текстов. Небольшое количество таких единиц объясняется следующими факторами: 1. отсутствием необходимых академических словарей крымскотатарского языка – толковых, исторических, этимологических и др.; 2. спецификой системы категорий крымскотатарского языка.

Известно, что в тюркских языках отсутствует категория рода, которая коррелирует с категорией пола во многих языках мира, например – в русском, немецком, французском, арабском и др., и имеет специальные языковые средства её выражения (аффиксальные морфемы, артикли и др.). Значения маскулинности (< лат. masculinas – мужской), принадлежности к мужскому полу, и феминности (< лат. femina – женщина), принадлежности к женскому полу, в крымскотатарском языке выражаются лексическими средствами, в том числе характерными антропонимами, и широким контекстом: *акъай*, *къоджа* ‘муж’, *апай*, *къадын*, *къары* ‘жена’, *огълан* ‘мальчик, юноша’, *къыз* ‘девочка, девушка’ и др. К собственным именам мужчин и женщин часто добавляются детерминанты – нарицательные имёна существительные, которые идентифицируют пол. В постпозиции к крымскотатарским мужским именам находятся детерминанты *ака* ‘брат, дядя’, *акъай* ‘мужчина’, *оджа* ‘учитель’, *агъа*, *эфенди* ‘господин’ (*Айдер ака*, *Ахмет акъай*, *Энвер агъа*, *Нариман оджа*, *Эмир-Али эфенди*); женские имена сопровождаются идентификаторами *ана*, *апте*, *абла* ‘тётя, сестра’ (в качестве обращения), *оджа* (*оджапче*) ‘учительница’ и др. (*Меръем ана*, *Айше апте*, *Медине абла*, *Эмине оджа*). В последние годы, по-видимому, не без влияния турецкого языка, возродились и стали очень употребительными обращения *бей* ‘господин’ и *ханым* ‘госпожа’ (*Мустафа бей*, *Рефат бей*, *Сафинар ханым*, *Меръем ханым*).

Грамматическими средствами гендерные значения в крымскотатарском языке выражаются лишь в заимствованиях из арабского языка: *араб. рефикъ* ‘муж’ – *рефикъа* ‘жена’, *араб. муаллим* ‘учитель’ – *муаллимэ* ‘учительница’, *араб. эдип* ‘писатель’ – *эдибэ* ‘писательница’, *араб. мудир* ‘руководитель’ – *мудирэ* ‘руководительница’, *араб. шаир* ‘поэт’ – *шаирэ* ‘поэтесса’, *перс. оджа* ‘учитель’ – *оджапче* (< *оджа+пче* < *апте* (?)) ‘учительница’ и др.

Фразеологические единицы крымскотатарского языка в основной своей массе гендерно не маркированы – обозначают и характеризуют лиц обоего пола в социально-статусном, психологическом, нравственном и других аспектах: *акъ сюек* (*букв.* ‘белая кость’) = ‘мужчина или женщина знатного происхождения’; *чыплакъ баджакъ* (*букв.* ‘голая нога’) = ‘бедный(-ая), беднота’; *башы кокке тиймек* (*букв.* ‘головой касаться неба’) = ‘быть безгранично счастливым (счастливой)’; *агъзы бар, тили ёкъ* (*букв.* ‘рот есть, языка нет у кого-либо’) = ‘очень скромный (скромная), тихий (тихая)’; *ай-айы кетип, вай-вайы къалмакъ* (*букв.* ‘ай-ай кончился, остался вай-вай у кого-либо’) = ‘кто-либо очень стар(-а), дряхл(-а)’; *сагъыр мелек* (*букв.* ‘глухой ангел’) = ‘с дефектами слуха’ и др.

Как сказано выше, гендерная идентификация языковых единиц осуществляется в рамках широкого контекста: *Къомишу къартнынъ ай-айы кетип, вай-вайы къалды.* = *Старик сосед совсем одряхлел; Анифе аптенинъ ай-айы кетип, вай-вайы къалгъан.* = *Тетя Анифе совсем одряхла.*

Гендерными маркерами могут выступать также некоторые компоненты в составе фразеологических единиц: личные имена, названия предметов, характерных для мужчин и женщин, свойственные им формы поведения, отражённые в буквальном значении словосочетания-прототипа, и т. п. Ср. фразеологические единицы с феминным значением: *аршын тилли Шерифе* (букв. 'Шерифе с аршинным языком') = 'болтливая женщина'; *къаши-козь ойнармакъ* (букв. 'играть бровями и глазами') = 'игриво поглядывать на кого-либо, кокетничать'; *башыны-сачыны юлкъмакъ* (букв. 'рвать волосы на голове') = 'приходить в отчаяние, сильно досадовать, горевать' и др. Ср. также фразеологические единицы с маскулинной семантикой: *башыны къалпакъ сыкъмакъ* (букв. 'голову кого-либо сжимает, сжимал колпак; каракулевый колпак – характерный мужской головной убор') = 'находиться в затруднительном положении'; *атны тувармакъ* (букв. 'распрягать коня') = 'отказываться от своих слов, намерений'; *агъалыкъ (акъайлыкъ) сатмакъ* (букв. 'продавать мужество') = 'зазнаваться, важничать' и др.

Гендерные различия выступают особенно рельефно при наличии лексических оппозиций в составе одноструктурных фразеологических единиц с общим компонентом: *анасынынъ джидджи къызы* (букв. 'мамина прелестная дочка') = 'избалованная, изнеженная девочка, девушка' – *анасынынъ джидджи огълу* (букв. 'мамин прелестный сынок') = 'избалованный, изнеженный мальчик, юноша' и др.

Предварительный анализ семантического пространства фразеологии крымскотатарского языка не обнаружил явного гендерного неравенства: женщины и мужчины характеризуются как равноправные члены социума со свойственными каждому полу формами поведения – положительными и отрицательными. Пословицы и поговорки, хранилища многовековой народной мудрости, передают эту идею образно: *Саргъуш акъай – джан азабы, тенбель апай – юрт харабы.* = *Пьяный муж – душевная пытка, ленивая жена – разрушенный домашний очаг; Яхшы къадын – эвнинъ гулю.* = *Хорошая жена – цветок (украшение) дома; Къадыннынъ онъгъаны хазна, онъмазы – къаза.* = *Хорошая жена – сокровище, плохая – беда; Апайнынъ яман олса, эджелинъ етмей олерсинъ.* = *Если у тебя плохая жена, умрёшь раньше времени; Апайнынъ яманы озю кунь корьмез, акъайына да кунь косьтермез.* = *Плохая жена и сама не живёт, и мужу не даёт; Къадынны яхшы эткен къоджа, къоджасыны да яхшы эткен къадын.* = *Женщину хорошей делает муж, а мужа хорошим – жена* и др. Ср.: *Эвни эв эткен де къадын, эрни эр эткен де къадын.* =

Дом домом делает женщина, и мужчину мужчиной делает тоже женщина.

Думается, такая гендерная гармония, отраженная в содержании устойчивых оборотов разного типа, во многом обусловлена постулатами ислама, изложенными в Коране и хадисах – повествованиях, содержащих сведения о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда: «Будьте нежны к женщинам, (побуждая их) к благому» [200 хадисов 2003: 108]. Один человек сказал Посланнику Аллаха: «Кто из людей более достоин быть моим лучшим другом?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твоя мать». Тот сказал: «А потом кто?» Он сказал: «Твой отец» [200 хадисов 2003: 104]. В комментарии к данному хадису сказано, что ислам высоко ценит женщину-мать и требует её почитания.

Гендерно маркированная фразеология представляет собой значимый фрагмент концептуального поля *ЧЕЛОВЕК*, являющегося базовым компонентом любой национальной концептосферы, и в этом качестве требует дальнейшего углублённого анализа.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Малышевская Д.* Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») // *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999. С. 180–184.
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
3. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд. 1973.
4. *Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю.* Введение в лингвистическую гендерологию. Луганск–Симферополь, 2001.
5. *Эмирова А.М.* Гендер в зеркале русской фразеологии // *Культура народов Причерноморья*. Симферополь, 2002. № 31. С. 210–212.
6. *Эмирова А.М.* Оппозиция «мужчина – женщина» в русской фразеологии // *Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокленко*. М., 2005. С. 165–169.
7. 200 хадисов. Избранные высказывания и поступки пророка Мухаммада. Киев, 2003.

ТРУДЫ ВЕРОНИКИ НИКОЛАЕВНЫ ТЕЛИЯ

Монографии

1. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. – 86 с.
2. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
3. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
4. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Диссертации

1. Кандидатская, защищена в 1968 г.
Типы преобразований лексического состава идиом: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Институт языкознания АН СССР. – М., 1968. – 22 с.
2. Докторская, защищена в 1982 г.
Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Институт языкознания АН СССР. – М., 1982. – 48 с.

Статьи, тезисы

1. Некоторые вопросы фразеологической синонимии: Тезисы // Вопросы изучения русского языка. – Ростов-на-Дону, 1962.
2. О многозначности фразеологических единиц русского языка // Доклады научной конференции аспирантов Ростов-на-Дону пед. института. – Ростов-на-Дону, 1962.
3. Виды преобразований фразем в слова // Вопросы изучения русского языка. – Ростов-на-Дону, 1963.
4. О термине «фразема» // Тезисы научной конференции аспирантов ИЯз АН СССР. – М.: Наука, 1963.
5. О количественных преобразованиях фразеологических единиц // Тексты докладом научной конференции аспирантов. – Ростов-на-Дону, 1964.
6. О фразематике как лингвистической дисциплине: Тезисы // Актуальные проблемы современного языкознания. – Самарканд, 1965.
7. Общее языкознание. Библиографический указатель. – М.: Наука, 1965.

8. Структурная и прикладная лингвистика. Библиографический указатель. – М.: Наука, 1965.
9. О термине «фразема» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов) // Проблемы лингвистического анализа (Фонология, грамматика, лексикология). – М.: Наука, 1966.
10. О лексических компонентах фразем как элементах их структуры. Тезисы // Проблемы фразеологии. – Вологда, 1967.
11. О лексических компонентах фразем как элементах их структуры // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.
12. Исследования по фразеологии // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: Наука, 1968.
13. О вариантности лексического состава идиом (в связи с проблемой соотношения формы и содержания в языке) // Проблемы устойчивости и вариантности лексических единиц. – Тула, 1968.
14. О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка. – М.: Наука, 1969.
15. О вариантности слов и вариантности идиом // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1970.
16. Вариантность идиом // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972.
17. Фразеология // Общее языкознание. – М.: Наука, 1972.
18. Об одном виде фразообразовательных отношений в сфере словообразования // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Новгород, 1972.
19. О типах и способах фразообразования // Проблемы фразообразования. – Тула, 1973.
20. Пять словарных статей // Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. – М., 1973.
21. Семантическая структура группы слов со значением отношения (типа *дружить*). Тезисы // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1974.
22. Коммуникативно-функциональное описание несвободной сочетаемости слов: Тезисы // Всесоюзная научная конференция по теоретическим проблемам языкознания. – М.: Наука, 1974.
23. Семь словарных статей // Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. / Под ред. И.А. Мельчука. – М., 1976.
24. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976.

25. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977.
26. О номинативном аспекте лексической семантики // Проблемы значения в современной лингвистике. – М.: Наука, 1977.
27. Идиома // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
28. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
29. Номинация // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
30. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
31. Фразеология // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
32. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
33. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
34. О регулярности процессов фразообразования: Тезисы // Словообразование и фразообразование. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981.
35. О роли коннотативного компонента в семантике слова // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. – М.: Наука, 1983.
36. О соотношении фразообразования и идиообразования // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. – Махачкала, 1984.
37. Коннотативный аспект семантики языковых сущностей и его роль в формировании семантики предложения // Материалы конф. Коммуникативные единицы. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1984.
38. Семантика экспрессивности: Тезисы // Семантические категории. – Уфа, 1985.
39. Мир психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987.
40. Лексические модусы экспрессивности // Памяти Г.В. Колшанского. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: 1987.
41. Семантическая структура фразеологизмов и принципы их фразеографирования // Материалы заседания Междунар. комиссии по фразеологии. – Минск, 1987.
42. (в соавт. с Д.О. Добровольским) Фразеографические параметры и принципы их описания // Материалы заседания Междунар. комиссии по фразеологии. – Минск, 1987.
43. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.

44. Метафора как проявление принципа антропоцентричности в естественном языке // Материалы Междунар. конгресса по логике и методологии науки. – М.: Наука, 1988.
45. Предисловие // Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988.
46. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988.
47. (в соавт. с А.Н. Барановым, Е.Г. Борисовой, Д.О. Добровольским) Введение // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988.
48. Природа и сущность знаковой функции идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988.
49. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988.
50. Структура и состав словарной статьи для идиом в Автоматизированном словаре // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988.
51. Типология фразеологических словарей (на базе ФПМФ) // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару: Сб. статей / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988.
52. Идиома // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

53. Идиоматичность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
54. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
55. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
56. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
57. Фразеологические сочетания // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
58. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
59. Введение // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1990.
60. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1990.
61. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1990.
62. Динамический потенциал экспрессивно окрашенных наименований // *Dynamické tendencie v jazykovej komunikácii*. – Bratislava, 1990.
63. Lexicographic description of words and collocations. Feature-functional model // *Proceedings of EURALEX*. – Malaga, 1990.
64. Постулаты теоретической и компьютерной фразеологии // Современная русистика. – М.: Наука, 1990.
65. Предисловие // Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991.
66. Категория экспрессивности и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991.
67. Механизмы экспрессивности // Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991.
68. (в соавт. с Д.О. Добровольским) Предварительные замечания // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991.

69. Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): идеология и технология // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991.
70. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993.
71. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Индрик, 1994.
72. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. – Минск: «Універсітэцкае», 1994.
73. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки: Тезисы докладов. – М.–Обнинск, 1995.
74. Предисловие // Словарь образных выражений русского языка. / Авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.
75. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / Авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.
76. (в соавт. с Г.А. Мартыновой) Как пользоваться словарем // Словарь образных выражений русского языка / Авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.
77. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Наука, 1995.
78. Активные зоны в Автоматизированном толково-идеографическом словаре русских идиом (система АТИСИ) // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
79. Идиома // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.

80. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
81. Коннотация // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
82. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
83. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
84. Фразеологические словари // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
85. Фразеология // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
86. Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) // Eurofras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Germanisches Erbe und kulturelle Vielfalt / W. Eismann (Hrsg.). – Bochum: Brockmeyer, 1998.
87. (Bragina N., Oparina E., Sandomirskaja I.) Phraseology as a Language of Culture: It's Role in the Representation of a Cultural Mentality // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / Ed. by A.P. Cowie. – Clarendon Press, Oxford, 1998.
88. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию: Тезисы докладов / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999.
89. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды: Сб. к юбилею С.М. Толстой. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999.
90. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999.
91. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Сб. памяти Г.В. Колшанского. – М.: МГЛУ, 2000.
92. Концептообразующая флуктуация константы культуры *родная земля* в наименовании *родина* // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

93. Эпидигматическое измерение – ключ к культурной интерпретации фразеологических знаков // Шмелевские чтения. – М.: Ин-т русского языка РАН, 2002.
94. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002.
95. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М., 2004.
96. От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
97. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
98. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка» // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24–26 февраля 2004 г. – М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004.
99. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические пере-путья) // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М., 2005.
100. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. – М.: МАКС Пресс, 2005.
101. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
102. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
103. (в соавт. с А.В. Дорошенко) Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008.

104. (в соавт. с А.В. Дорошенко) Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. – Тула, 2010. В 2-х тт. Т. 1.

Словари

1. Словарь образных выражений русского языка / Авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова. / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 366 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авт.-сост. Брилева И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006; 4-е изд. 2009. – 784 с.

Составила М.Л. Ковшова

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Артемова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Баранов Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Берестнев Геннадий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

Величко Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Верецагин Евгений Михайлович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Вознесенская Мария Марковна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Добросклонская Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дорошенко Анна Викторовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка № 1, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Дронов Павел Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Желтухина Марина Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, академик РАЕН,

заведующая научно-исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика», Волгоград, Россия

Жуков Анатолий Власович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Новгород, Россия

Заботкина Вера Ивановна – доктор филологических наук, профессор, проректор по инновационным международным проектам Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), директор Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий РГГУ, Москва, Россия

Зыкова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Института языкознания РАН, Москва, Россия

Калёнова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета, Волгоград, Россия

Карпенко Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Кацюба Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связи с общественностью Московского финансово-юридического университета МФЮА, Москва, Россия

Киосе Мария Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Института языкознания РАН, Москва, Россия

Ковалёва Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия

Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, Москва, Россия

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лазуткина Елена Михайловна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Левицкий Андрей Эдуардович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

Масленникова Евгения Михайловна – кандидат филологических наук доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Витебск, Белоруссия

Маюк Елена Павловна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы Минского государственного лингвистического университета, Минск, Республика Беларусь

Мед Наталья Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Мещеракова Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русского языка, декан филологического факультета Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия

Никитина Серафима Евгеньевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва, Россия

Ничипорчик Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

Пикалова Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Постовалова Валентина Ильинична – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва, Россия

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Саакян Левон Николаевич – кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Семенова Софья Юльевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Скляревская Галина Николаевна – доктор филологических наук, заведующая Лаборатория компьютерной лексикографии, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Смирнова Валентина Григорьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина, Москва, Россия

Сурикова Олеся Дмитриевна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Токарев Григорий Валериевич – доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, Тула, Россия

Фалчари Сюзанна Маисовна – аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Хоанг Тхи Фьонг Ха – аспирант кафедры русского языка Института языкознания РАН, Ханой, Вьетнам

Чалей Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Крым